

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ

КРЕСТОВЫЕ
ПОХОДЫ

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ

Геннадий Прашкевич

ПЁС ГОСПОДЕНЬ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В МЕМУАРАХ И ДОКУМЕНТАХ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

1998

ББК 84Р7
К 80

Составление, предисловие
М. Тимофеева

ISBN 5-7838-0314-6

© Г. Прашкевич, 1998.
© Оформление. "Вече", 1998.

“Вас шлет Господь, чтоб пали в прах...”

Из песни времен крестовых походов

ЭПОХА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

В истории классического западноевропейского средневековья нет, вероятно, эпохи, более захватывающей воображение своей грандиозностью, размахом и величием, чем эпоха крестовых походов, продолжавшаяся с конца XI до самого конца XIII века. Это было время масштабных военных экспедиций западных держав и католической церкви на Ближний Восток, ставивших своей официальной целью освобождение Святой Земли от неверных — мусульман и завладение общехристианскими святынями, отданными якобы на поругание Исламу.

Следует отметить, что, однако, ни сами участники этих походов, ни современные со-бытиям авторы не называли подобные экспедиции “крестовыми походами”. Да, собираясь в Святую Землю, за море они, по терминологии того времени, “принимали крест”. Но совершали они, по их мнению, “хождения”, “паломничества” и т.п. Сам термин “крестовые походы” возник, как

считается, лишь в последней трети XVII века, появившись в названии первого научного труда по этой теме — сочинении придворного историка Людовика XIV Луи Мэмбура под названием “История крестовых походов”.

Итак, что же привело к началу столь масштабных, мировых по меркам того времени, экспедиций европейцев на Ближний Восток? Что заставляло на протяжении почти двухсот лет десятки тысяч людей отправляться, зачастую оставив хозяйство, родину и т.д., в мало известные многим из них, но сильно манящие земли знойной Палестины?

Говоря о крестоносном движении, его характер часто определяют как “военно-колониционный”, и в этом, безусловно, заключается большая доля правды, если речь идет о европейских феодалах, а также отчасти и крестьянах, участвовавших в походах. Однако стойкость этого движения, особенно на первых порах, нельзя объяснить только стремлением приобрести новые земли на Востоке и интересами международной политики. Чтобы понять причины крестовых походов, нужно обратиться ко всем основным моментам переживавшейся в то время Европой и Византией истории.

Жизнь европейцев в конце X — начале XI столетия была связана с большими испытаниями. Рубеж тысячелетий как всякая крупная дата прочно утвердил в настроениях большей части общества мысль о близящемся конце света, пророчества о наступлении которого то и дело будоражили сознание людей. И действительно, казалось, что природа,

словно повинуюсь начертанному свыше плану, являет все признаки этого. На протяжении всего XI века территории Франции, Германии, Англии неоднократно подвергались различным стихийным бедствиям, их население терзали бесконечные эпидемии инфекционных болезней. Подсчитано, что с 970 по 1040 год 48 лет, то есть больше половины, были неурожайными. Практически непосредственно перед началом походов Европу потрясли так называемые “семь тощих лет”, когда на ее территорию обрушились наводнения, заморозки и — как следствие этого — голод. В прирейнских областях Германии и Франции в июне выпадал снег, полностью губя урожаи зерновых. Как свидетельствуют авторы средневековых хроник, среди местных жителей тут и там отмечались случаи людоедства, пойманных на месте преступления власти вешали, но ночью на место казни приходили другие, снимали трупы с виселицы и поедали их. Сокрушимые удары наносили повторявшиеся каждые два-четыре года эпидемии чумы, после которых во многих городах и деревнях Запада оставалось не более трети жителей. Повсеместным явлением стал побег крестьян из пораженных голодовками и эпидемиями районов. Понятно, что среди подвергавшихся таким напастям крестьян и бедных горожан апокалипсические настроения не исчезали и усиливались с каждым годом, а стремление вырваться из этого ада, усугублявшееся к тому же не уменьшавшимся гнетом и произволом со стороны своих сеньоров, пусть даже в неизведанные земли Востока, неизбежно должно было найти себе

выход. Искренность их порыва, звавшего в Святую Землю не только в поисках материального благополучия, но и ради достижения “идеальной” цели — возвращения Гроба Господня христианам, не подлежит сомнению.

Иные цели преследовало шедшее в крестовые походы западноевропейское рыцарство. Можно утверждать, что практически с самого начала в их устремлениях превалировало желание приобрести новые земли, новых подданных, новые богатства, а желание отвоевать христианские святыни, как правило, отходило на второй план, уступая место неприкрытому стремлению к наживе и политической выгоде. Тяга крупных и мелких европейских феодалов к новым землям была вполне понятна. В Европе того времени существовал такой порядок наследования (майорат), при котором вся земля передавалась старшему сыну. Остальные же пополняли ряды безземельного рыцарства, которое, по понятным причинам, не всегда могло найти себе применения на родине. Ситуацию осложняло еще и то, что в самой Европе уже не было возможности для внутренней колонизации, ибо бесхозных земель попросту не было. Окраинные государства типа Германии и испанских королевств еще могли как-то попытаться удовлетворить свои интересы за счет колонизации приграничных регионов (земель славян и прибалтийских народов, арабских территорий на Пиренеях); у остальных такой возможности не было. Кстати говоря, крестовые походы как экспедиции против “неверных” начались несколько раньше и в ином

месте — на Пиренейском полуострове против существовавшего там арабского государства, представляя собой как бы своеобразную репетицию того массового движения на нехристианский Восток, которое мы видим в конце этого столетия.

Помимо расчета на новые земельные приобретения, многих рыцарей манила в Палестину и возможность избавиться от долговых обязательств перед ростовщиками. Привлекали их и рассказы бывавших там паломников о сказочных богатствах, благодатном климате и т.п.

Крупных европейских феодалов — графов, герцогов — вело желание освободиться от сковывающих рамок вассальных отношений, связывавших их в Европе с королями, и стремление основать по европейскому образцу свои собственные государства, где они могли бы стать полноправными властителями (ожидания некоторых из них, особенно после первого и четвертого походов, действительно оправдались).

Однако не одни феодалы и крестьяне стремились на Восток в поисках счастья. Богатые земли привлекали и пристальное внимание крупных торговых городов Средиземноморья, в первую очередь республик Италии, давно установивших достаточно тесные контакты с арабскими купцами и имевших даже торговые привилегии в ряде регионов восточного Средиземноморья. Это были Венеция, Генуя и Пиза. Завоевания турок-сельджуков нанесли серьезный удар по их роли посредников в торговле между Востоком и Западом, поэтому они надеялись

приобрести собственные фактории в этих землях. Купеческие республики Италии стремились ослабить и своего главного реального торгового соперника — Византию, которая хотя и ослабла к концу XI века, но все еще контролировала значительную часть торговли в восточной части Средиземного моря. Вытеснить же империю с рынков можно было только с помощью вооруженной силы, что и показала в дальнейшем история крестоносного движения (особенно в IV походе). Этим и определялся большой интерес, который буквально с самого начала проявляли к этой акции итальянские города. Их правители осознавали, что реально только они (в силу своего финансового могущества) в южной Европе могут сыграть весомую роль в снабжении крестоносного воинства оружием, продовольствием, транспортом, организовав доставку участников походов на Ближний Восток морем, а не сушей. Их расчеты, равно как и затраты, многократно оправдались.

Решающую роль в идеологической подготовке и организации крестовых походов сыграло римское папство. Именно ему принадлежит формулировка официальной идеи “освобождения Гроба Господня” как программного лозунга и знамени этого предприятия. Во многом успех первых походов, активность европейского общества объясняются активной деятельностью римских пап, освободившихся от бремени светской власти, до начала 80-х годов XI века сковывавшей действия епископов Вечного города. Благодаря самостоятельности папского престола,

достигнутой усилиями Григория VII и затем Иннокентия III, росту его влияния на королевские дома Европы, на континенте удалось создать атмосферу единого порыва, объединившего на первых порах различные социальные слои западноевропейского общества, способствовавшего достижению целей, которые преследовали сами папы. А цели эти были явно далеки от христианских добродетелей, представляя собой воплощение той агрессивности папства, которую оно проявляло в это время в отношении не католического мира. Не следует забывать, что прошло всего сорок лет с момента так называемого Великого раскола в христианстве в 1054 году, давшего начало двум большим церквям — римско-католической на Западе и греко-кафолической на Востоке. Римские папы, относясь к восточным христианам как к раскольникам и подчас даже как к еретикам, стремились всеми силами физически подчинить себе восточную церковь и территориально, и организационно, и духовно. Подобная экспансия укладывалась в общую теорию, которой придерживался Рим. Согласно учению о главенстве римских пап, именно они должны были являться высшими руководителями всего христианского мира, включая, разумеется, и византийские земли. Поэтому, говоря о необходимости формального объединения, они всегда лелеяли в душе план подчинения восточной церкви, от которого в принципе не отказались и по сей день. Кроме того, папство стремилось установить господство и над мусульманским миром, создав на Востоке новые христианские вла-

дения, подвластные папскому престолу. Агитируя в пользу крестовых походов, римские епископы стремились решить еще одну, уже чисто внутриевропейскую задачу — освобождение Европы от того социально опасного балласта в лице бродячих рыцарей, маргинальных слоев города, который к тому времени был весьма значителен. Характерно, что проповедники папских идей этого не скрывали. Так, главный идеолог Второго похода, знаменитый деятель монашеского движения, выдающийся богослов Бернард Клервоский открыто писал об этом в своих трактатах. Кроме того, уже в ходе походов выяснилось, что призывы к пожертвованию на походы (их сбором занималась, главным образом, церковь) дают вполне ощутимые материальные плоды — многие участники крестовых походов, уходя на Восток, отписывали церкви свои земли, дарили ценные подарки, принося немалый доход. Характерно, что даже после окончания крестоносного движения церковь продолжала собирать средства на освобождение Святой Земли, используя их на свое усмотрение.

Притягательность богатых восточных земель объяснялась и тем, что в Западной Европе уже давно, с V века, благодаря хождениям в Иерусалим на поклонение пилигримов, среди определенной части общества сложились представления об этих землях как о своеобразном земном рае. И дорога в этот рай, несмотря на всю неразвитость и фантастичность географических представлений того времени, была достаточно хорошо известна. На протяжении

всех этих столетий вереницы паломников ежегодно двигались к христианским святыням Палестины. Среди них были не только преисполненные религиозного рвения люди. Многонациональные скопления паломников включали в себя и купцов, совмещавших душеполезное с практическим, и монахов, оставивших после себя описания Святых мест, и рядовых людей, совершавших паломничества по обету либо просто по зову сердца. К началу крестовых походов в Европе установились накатанные пути, ведущие через Италию или Балканский полуостров по старым, еще римского времени дорогам, к Константинополю, а оттуда, через проливы, дальше на юго-восток, в Палестину. В XI веке туда стали отправляться и знатные европейские рыцари, иногда в сопровождении значительной вооруженной свиты.

Слухи и рассказы людей, посетивших Святую Землю либо наслышанных о ней, часто — помимо повествований о иерусалимских чудесах — сводились к описанию того блистательного богатства, которое они наблюдали в Византии и на Арабском Востоке. Действительно, для среднего европейца того времени уровень тамошней жизни казался сказочной мечтой. Европа кануна крестовых походов может быть (конечно, в первую очередь в “бытовом” смысле) названа варварской по сравнению с этими регионами. Маленькие, тесные и очень грязные европейские города с населением 2-3 тысячи человек, небольшие и не очень в своем большинстве уютные рыцарские замки меркли перед храмами и дворцами византийских и восточных владык, роскошью восто-

чных городов. А привозимые с Востока дорогие ткани, пряности, ювелирные украшения создавали впечатление о необычайном богатстве восточных земель и, вероятно, легкости, с которой все это при определенных условиях может быть обретоно. Этим и объясняется то поистине детское восхищение, с которым крестоносцы говорили о богатствах Константинополя после его захвата в 1204 году (см. приложение).

Как это ни парадоксально, но большую роль в подталкивании Запада к агрессии на Восток сыграла невольню и сама Византия. Дело в том, что к концу XI века эта бывшая некогда могущественной держава оказалась в сложном положении. С востока ее сильно теснили новые захватчики — турки-сельджуки, которые, разгромив Багдадский халифат и отчасти государство Фатимидов, в 1071 году нанесли византийским войскам страшное поражение при Манцикерте, в результате которого в плен попал византийский император Роман Диоген, чего прежде в истории этого государства не бывало, и отняли у Византии большую часть Малой Азии. С запада империю теснили норманны, отвоевавшие у нее владения в южной Италии. Правда, благодаря привлечению на свою сторону в качестве союзника Венеции, Византии удалось приостановить победное шествие северян. За это Венеция получила многочисленные торговые льготы и целый квартал в Константинополе.

После победы при Манцикерте турки-сельджуки, вдохновленные успехом, готовили новое наступ-

ление на Византию. С севера империи угрожали печенеги. В 1091 году они сумели подойти к самым стенам Константинополя, но византийцам удалось отбить этот неожиданный натиск, заключив договор с половцами, которые и разгромили печенегов. Будучи окружена врагами, империя неоднократно обращалась к европейским государствам с просьбами о помощи. Однако за те годы, пока в Европе эти запросы обсуждались, страна сумела найти выход из создавшейся ситуации. Поэтому когда накануне крестовых походов некоторые западноевропейские правители выказали готовность прийти на помощь, Византия в ней уже не нуждалась так остро, как в предшествующее десятилетие. Подобный отказ породил в душах многих правителей Запада негативную реакцию, которая способствовала росту агрессивных настроений в их среде и готовности во что бы то ни было принять участие в походах на Восток даже без учета интересов империи.

К походу против турок и освобождению Гроба Господня призывал еще папа Григорий VII, однако, занятый борьбой с германским императором Генрихом IV, он не успел организовать это движение и возглавить его. Проповедь священной войны против неверных была возобновлена папой Урбаном II. На церковном соборе во французском городе Клермоне в 1095 году он выступил перед огромными толпами людей, призывая их отправиться на освобождение Гроба Господня, стимулируя собравшихся обещанием огромных богатств и покровительства, которая церковь окажет всем участникам этой экспедиции.

Желавшие участвовать в походе тут же принимали крестоносный обет, заявляя о своем желании встать в ряды защитников правой веры. Знаком принятия обета был красный крест, который рыцари нашивали на свои плащи.

Участникам похода предоставлялись большие льготы. Их имущество и семьи на время отсутствия находились под охраной церкви. Принявшие крест освобождались от уплаты долгов на время пребывания в крестовом походе. Последнее особо привлекало множество рыцарей, задолжавших ростовщикам. Крепостные, отправлявшиеся в поход, освобождались от власти своих господ.

По инициативе папы во многие районы Европы были отправлены специальные проповедники, которые, повествуя о бывших им якобы видениях и чудесах, означавших необходимость участия в крестовом походе, подталкивали экзальтированные массы к принятию креста. Среди этих миссионеров особо выделялся Петр Пустынник, будущий духовный глава и активный, хотя и недобросовестный участник Первого похода.

Сам по себе Первый поход, начавшийся весной 1096 года, делится на две части — так называемый “поход бедноты” и собственно рыцарский поход. Прежде всего в поход стихийно ринулись, привлеченные обещаниями безбедной жизни, крестьянская беднота и представители маргинальных городских слоев. Костяк этого похода составили бедняки северной и средней Франции, привлеченные речами Петра Пустынника. К ним примкнули и крестьяне

из ряда районов западной Германии. Собравшиеся толпы пилигримов (как они себя называли) в количестве примерно 30 тысяч человек, практически не вооруженные, двинулись в сторону Константинополя. Душевный порыв этой массы был весьма велик — по свидетельствам современников, многие крестьяне продавали все свое имущество, дома, оставляя себе лишь орудия труда, и в таком виде, с семьями направлялись в неизведанные края. Во главе этого “похода бедноты” стал Петр Пустыжник и неимуший рыцарь Вальтер Голяк. Неорганизованная толпа продвигалась по старому пути паломников — по Рейну и Дунаю, зачастую дотла разоряя местности, через которые она проходила, поскольку о снабжении продовольствием и транспортом этой вольницы никто заблаговременно не позаботился. Грабежи и разбои, совершаемые ими, восстанавливали против крестьян местное население, которое уже с этого времени начало относиться к крестоносцам с опаской. Ситуацию усугубили рыцарские банды, которые порой примыкали к этому воинству по дороге — грабежи и мародерство в их исполнении были особенно жестоки.

Предупрежденные о приближении столь воинственно настроенной массы “крестоносцев”, правители Венгрии и византийские чиновники в Болгарии, а также само местное население были вынуждены организовать вооруженный отпор “паломникам”, которым не давали уклоняться от заданного маршрута и жестко пресекали все попытки грабежа с их стороны. По прибытии заметно поредевшей ар-

мии крестьян в Константинополь византийские власти поспешили во избежание нежелательных эксцессов переправить их через проливы в Малую Азию. Оказавшись на азиатском берегу, без всякого вооруженного прикрытия, не имея четкого руководства и плана действий, отряды бедноты достаточно скоро пали жертвой турок-сельджуков. Двинувшись на юго-восток, они успели достичь лишь небольшого городка Никея, недалеко от которого были почти все перебиты врагом. В этой резне уцелело около 3 тысяч человек, которые сумели добраться до берега моря и переправиться назад в Европу. Среди счастливо спасшихся оказался и Петр Пустынный, который заблаговременно покинул крестьянский лагерь и тем самым спас свою жизнь.

Осенью 1096 года на Восток наконец двинулись вооруженные отряды европейских рыцарей. Они более основательно подготовились к походу, запасшись деньгами, вооружением, продовольствием. Рыцарское ополчение состояло из нескольких частей. Во главе рыцарей из Лотарингии стоял герцог Готфрид Бульонский и его брат Балдуин. Рыцарей северной Франции возглавил нормандский герцог Роберт. Ополчение южной Франции шло под предводительством графа Раймонда Тулузского. Рыцарями из южной Италии руководил Боэмунд Тарентский. Все эти абсолютно самостоятельные ополчения, руководители которых преследовали свои корыстные цели, сопровождали новые толпы крестьян. За войсками тянулись огромные обозы.

В Византию эти отряды двигались разными пу-

тями — одни пошли по той же рейнско-дунайской дороге, другие отправились берегом Адриатического моря, а норманны южной Италии отплыли к Константинополю на кораблях. Весной 1096 года все они наконец соединились у стен столицы империи. Сразу же между командирами крестоносных воинств начались конфликты и склоки за право первыми переправиться на азиатский берег, за право верховного командования. С первого же момента не сложились отношения и с греческими властями. Крестоносцы вели себя вызывающе, грабили жителей окрестностей Константинополя, отбирая у местного населения продукты для своих армий. После длительных переговоров с императором последнему удалось добиться от европейцев вассальной присяги, хотя бы формально подчинявшей все войско интересам империи. Алексей II, как и год назад, поспешил переправить неукротимое воинство на ту сторону Босфора, обязав крестоносцев вернуть все те владения Византии, которые они отвоюют у турок. Однако с самого начала было ясно, что обе стороны вряд ли сдержат свои обещания и не нарушат условия договора.

Переход через гористые районы Малой Азии оказался непредвиденно тяжелым. Рыцари не были готовы ни к климатическим условиям, ни к характеру ведения боевых действий на Востоке. Турки, отступая, опустошали все вокруг, поэтому крестоносцам приходилось терпеть не только жару, но и ужасный голод и жажду. По пути многие из них избавлялись от ненужного груза, бросая на дороге

страшно раскалявшиеся под знойными лучами южного солнца доспехи и оружие.

Передышка наступила, лишь когда войско достигло армянского христианского княжества в Киликии. После этого часть войска отделилась от общей массы и, несмотря на все демарши византийских представителей, захватила армянский же город Эдессу, лежавший на пути из Месопотамии в Сирию. Там было основано первое крестоносное государство на Ближнем Востоке — графство Эдесское, во главе которого стал Балдуин (Бодуэн) Фландрский. После чего большая часть крестоносных сил двинулась на юго-запад к большому и богатому городу Антиохия. На осаду этой хорошо укрепленной крепости было затрачено больше года, и лишь измена начальника гарнизона позволила европейцам в 1098 году захватить его. Взятие Антиохии сопровождалось страшной резней, во время которой погибли не только мусульмане, но даже и часть христиан, проживавших в нем. Здесь было основано второе государство — княжество Антиохийское, во главе которого стал Боэмунд Тарентский.

Своей заветной цели — Иерусалима — крестоносцы достигли лишь весной 1099 года. После непродолжительной осады и яростного штурма Священный город пал. Резня, которую они устроили после взятия города, превзошла по своей жестокости антиохийскую. Даже участники похода и латинские авторы, писавшие об истории этого времени несколько десятилетий спустя и, безусловно, оправдывавшие действия своих соотечественников, не умол-

чали о десятках тысяч мусульман, в том числе женщинах и детях, которые были убиты после завершения штурма, не найдя спасения даже в мечетях. В городе была захвачена огромная добыча. “После великого кровопролития, — писал один из участников похода, — крестоносцы разбрелись по домам горожан, захватывая все, что в них находили. Всякий, кто входил в дом первым... присваивал и самый дом или дворец, и все, что в нем находилось, и владел всем этим как собственным”. Жестокость, которую крестоносцы проявили в Иерусалиме, потрясла и ожесточила весь мусульманский мир.

Окончив с помощью венецианско-генуэзско-пизанского флота завоевание прибрежной полосы, руководители похода начали организовывать жизнь на вновь приобретенных территориях по привычному им европейскому образцу. В Иерусалиме было создано крупнейшее крестоносное государство — Иерусалимское королевство, от которого номинально зависели княжество Антиохийское, графства Триполи и Эдесское. Первым государем Иерусалимского королевства после долгих споров был выбран Готфрид Бульонский. В этих государствах крестоносцы в точности воспроизвели ту феодальную систему, которая господствовала у них на родине, во Франции. Законы нового королевства были сформулированы в специальном своде, который назывался “Иерусалимские ассизы”. В них говорилось о том, когда король имеет право требовать службы от своих вассалов, ограничивались права королевской власти, дабы не ущемлять свободы феодальной

вольницы. Без согласия специального органа — Высокой палаты — король не мог принять ни одного важного решения. В случае нарушения королем прав по отношению к какому-либо феодалу все остальные могли отказаться служить ему, оставляя таким образом своего сюзерена без всякой поддержки. Вся территория королевств была поделена на рыцарские владения, хозяева которых обязывались нести за это военную службу. В силу постоянно грозившей военной опасности, служба эта не ограничивалась сорока днями в году. Король имел право требовать ее в течение всего года. Пришедшие с рыцарями крестьяне в основной своей массе стали своего рода арендаторами у рыцарей, обязуясь платить им за землю часть урожая. Огромные земельные площади отошли к католической церкви, которая к тому же была освобождена от налогов и военной службы.

Проживавшие на завоеванных землях арабы-мусульмане и греческие и сирийские христиане превратились фактически в крепостных. Они были обязаны отдавать своим господам до половины урожая и определенную часть олив, фруктов, винограда. На деле размер этих и других повинностей часто не был фиксированным и зависел от воли хозяина. В связи с этим среди местного населения часто происходили волнения и мятежи.

Большую выгоду от завоеваний крестоносцев на Востоке получили итальянские торговые города. Пизанские, генуэзские, венецианские купцы заняли в портовых городах отдельные кварталы. Они под-

чинялись специальным консулам, которые назначались властями их родных городов. Из Европы сухим и морским путем они везли в государства крестоносцев хлеб, оружие, лошадей, ткани. В обратный путь их корабли и повозки загружались бесценными товарами Востока — пряностями, сахаром, фруктами, вином, хлопком, красками, драгоценными камнями, стеклом, шелком. Многие итальянские купцы подчинили себе даже городских ремесленников, которые специально для них производили изысканные изделия, шедшие исключительно на рынки Европы. Между купцами из разных итальянских республик постоянно шло торговое соперничество, порой перераставшее в вооруженные конфликты.

Между тем положение крестоносцев на Востоке не было достаточно прочным. Территориальные приобретения оказались не беспредельными — с 1130 года границы христианских государств начали постепенно, но неумолимо уменьшаться. Владения крестоносцев находились, главным образом, в прибрежных районах Сирии и Палестины, со стороны же Сирийской пустыни их рубежи постоянно подвергались мусульманским набегам. Отражать их вовремя и повсеместно христиане не могли, поскольку их крепости и города, в которых они в основном и сосредотачивались, находились на достаточно далеком расстоянии друг от друга. Да и желания у многих феодалов помогать друг другу не было. Часть из них, враждуя друг с другом, даже заключила договоры с мусульманскими правителями против своих же единоверцев. Кроме того, многие пи-

лигримы, утомленные тяготами жизни на Ближнем Востоке либо же скопившие достаточное состояние, возвращались в Европу.

Для усиления обороноспособности христианских государств была предпринята попытка создать единые военные организации, которые смогли бы реально осуществлять функции охраны паломников и границ христианских владений. Для этого во втором десятилетии XII века были созданы (или реформированы) особые военно-монашеские ордены — орден тамплиеров и орден госпитальеров (см. Приложение). Однако надежды на их особый вклад в дело борьбы с мусульманами оказались тщетны. Руководство этих орденов больше интересовалось торговыми, политическими и другими делами, причем как на своей новой родине, так и в Европе. Постепенно эти организации превратились в крупнейших ростовщиков и землевладельцев на европейском континенте и оказывали порой решающее влияние на международную и внутреннюю политику многих государств Старого Света.

В результате внутренней слабости крестоносных государств и начавшего сплочения мусульманских княжеств христиане стали терять свои владения одно за другим. В 1144 году эмиром Мосула Зенги (Занги) была взята важнейшая крепость — Эдесса. Эдесское княжество пало. Захват этого города вызвал в Европе бурную реакцию. Печаль по поводу падения первой цитадели крестоносцев на Востоке (“Взята Эдесса силой зла, и христиан кручина ест...” пели в то время трубадуры) перемежалась с

активными призывами к началу Второго крестового похода.

Духовным вождем этого похода выступил знаменитый французский богослов, деятель монашеского движения Бернард Клервоский. В Европе было объявлено о введении особого налога на снаряжение крестоносного воинства. Впервые со времен начала крестовых походов эту экспедицию возглавили коронованные особы — король Франции Людовик VII и правитель Германской империи Конрад III. Помимо рыцарей в этом походе приняли участие и крестьяне из охваченных голодом районов Европы. Однако рыцарское войско уже смотрело на них как на обузу. Когда выяснилось, что сухопутная дорога через Малую Азию слишком трудна и опасна, рыцари сели на корабли, бросив крестьян на произвол судьбы. Почти все они погибли.

Интересно, что в этом походе помимо мужчин приняли участие и многие супруги европейских феодалов. Вместе с Людовиком приняла крест и его жена Элеонора (Альенора) Аквитанская. Для дам французского двора, поехавших с ней на Восток, это предприятие казалось поначалу увеселительной прогулкой. Многие из них взяли с собой лучшие наряды, придворных поэтов и т.д. Но во время перехода через Малую Азию с большей частью груза пришлось расстаться. Огорошенные невиданными трудностями, они остались в Антиохии, а остальное войско двинулось дальше.

Результаты этого похода, предпринятого с огромной затратой сил, были плачевными. Своими

грабежами крестоносцы восстановили против себя Византию. Потеряв по дороге часть ополчения, они пытались взять Дамаск. О походе в южные земли речи не было. Их усилия оказались тщетны. Бароны Иерусалимского королевства, для которых было выгодно жить с правителем Дамаска в мире, не только не помогали им, но всячески расстраивали их планы. Не добившись поставленной цели, Людовик VII и Конрад III бесславно вернулись в Европу.

После завершения Второго похода ситуация на Ближнем Востоке резко изменилась в пользу мусульман. Во второй половине XII века произошло объединение в одно государство Египта, части Сирии и части Месопотамии. Во главе этого государства стал султан Саладин, курд по происхождению.

Разгромив в 1187 году крестоносцев при Тивериадском озере, он в короткое время захватил Акру, Яффу, Сидон, Бейрут, Аскалон и Иерусалим. Эти события дали толчок к началу Третьего крестового похода.

Относительный временный успех Третьего крестового похода явно свидетельствовал о том, что европейские государства не остановятся на достигнутом. Однако к началу XIII века стало ясно, что их правители, да и все феодалы уже не придерживались на деле провозглашенной ими цели — освобождения христианских святынь. Взоры крестоносцев все чаще направлялись в сторону Византии, с самого начала крестоносного движения пребывавшей в постоянном конфликте с западными “единоверцами”. Это государство уже не могло сопротивляться

массированному нашествию всех своих врагов, да и внутренние усобицы, особенно династические перевороты, делали ее весьма привлекательной в качестве объекта нападения. Большую и, увы, весьма неприглядную роль в Четвертом крестовом походе, в частности, в изменении его направления на Константинополь вместо предполагаемого Египта, сыграла извечная торговая противница Византии — Венеция. Именно благодаря ее усилиям войска крестоносцев не пошла дальше Константинополя, а участие европейских держав во внутривосточной борьбе вокруг имперского престола сделали возможным завоевание некогда сильного государства.

Мы не будем освещать все перипетии четвертого похода, об этом говорится в романе и предлагаемых приложениях, в которых словами самих участников и очевидцев событий тех давних лет рассказывается о том, как все это происходило. Заметим только, что после падения Константинополя на большей части бывшей Византийской империи образовалась новая, Латинская империя, а также Фессалоникийское королевство, Ахейское княжество и Афинско-Фиванское герцогство. Венецианцам удалось на некоторое время занять весьма выгодное положение в новых государствах, однако в 1261 году при помощи их соперников, генуэзцев, Михаил Палеолог вновь овладел Константинополем, и Византийская империя была восстановлена.

После окончания Четвертого крестового похода, распада Византийской империи и образования новых крестоносных государств “старые” христиан-

ские владения, расположенные в Сирии, попали в очень трудное положение, оказавшись под угрозой нападения со стороны усилившегося Египта. Между тем религиозный подъем среди определенной части европейского общества в этот момент переживал своего рода ренессанс. Это было связано с непрекращавшейся деятельностью папского престола, подкрепленной активностью новообразованных монашеских орденов францисканцев и доминиканцев. Возникло мнение, что Иерусалим не может быть освобожден усилиями взрослых в силу их непомерной греховности, и святое дело спасут только невинные дети. Подобные во многом искренние экзотические настроения пали на благодатную почву, выразившись в весьма своеобразном явлении, известном под названием “детский крестовый поход 212 года” (иногда его называют Пятым крестовым походом). Долгое время считалось, что это во многом плод выдумки писателей и хронистов, однако этот “поход” действительно почти состоялся, хотя и имел последствия, далекие от желаемых. В июне 1212 года в одной французской деревне близ Вандома явился мальчик — пастух, Стефан, который объявил, что он посланец Бога и призван стать предводителем воинства, которое вновь отвоеует для христиан Святую Землю. По всей Франции появилось множество мальчиков-проповедников, призывавших отправиться за море к Богу. На призыв откликнулось около 30 000 (если верить источникам) человек. Когда об этом стало известно, король Франции, осознавая нежелательность и опасность

подобного мероприятия, приказал собравшимся вернуться домой. Часть пилигримов не прислушалась к его советам и направилась на юг, к Марселю. Согласно преданию, в Марселе двое работорговцев согласились переправить паломников в Сирию. Однако большую часть путешествовавших они отвезли в Египет и продали на местных рынках. Впоследствии часть этих пленников смогла вернуться на родину в 1229 году после подписания мирного договора Фридриха II с египетским султаном, знаменовавшего конец очередного крестового похода. Подобное явление наблюдалось и в Германии, где десятилетний мальчик Николай собрал толпу около 20 000 детей и двинулся на юг через Альпы. Однако и это крестоносное воинство рассеялось по дорогам Италии, большей частью погибнув, отчасти же вернувшись домой.

В принципе после завершения Четвертого крестового похода крестоносное движение пошло на убыль. Несмотря на активность папского престола, его пропаганда за редким исключением уже не находила постоянной и действенной поддержки, привлекавшей различные слои европейского общества к участию в походе за полвека до этого. После военных поражений во Фракии и Малой Азии в начале XIII века многие рыцари уже не видели гарантий безбедного и безопасного существования в этих землях. В связи с ростом городов, окончанием полосы стихийных бедствий и эпидемий внутренняя ситуация в Европе значительно улучшилась. Основная часть буйной феодальной вольницы уже по-

кинула европейские земли и по большей части назад не вернулась, сняв в значительной мере ту напряженность, возникновению которой она так сильно способствовала. Европейские феодалы и католическая церковь вновь открыли для себя сферу применения военно-политических сил на другом направлении — в Прибалтике, действуя огнем и мечом против прибалтийских и славянских народов. Торговые города Италии заключили выгодные договоры с мусульманскими правителями и больше не нуждались в особой военной поддержке.

Тем не менее преемник Иннокентия Гонорий III, не желая отставать от своего предшественника, по-прежнему проповедовал идею похода в Иерусалим. Однако основные участники предыдущих экспедиций — особенно Франция и Англия — не очень охотно откликнулись на эти призывы. Весной 1217 года из Германии, Австрии и Венгрии хорошо вооруженные войска пилигримов, которые на первом этапе возглавил венгерский король Андраш, двинулись в Акру. Простояв некоторое время под городом и не имея достаточного снабжения, войска, поддавшись во многом уговорам сирийских христиан, боявшихся крестоносцев, направились в сторону Египта. На этот раз они хотели взять крепость Дамьетту, располагавшуюся в устье Нила и являвшаяся важным стратегическим пунктом. Осада города продолжалась хотя и долго, но, надо признать, успешно. Постоянно прибывавшие в лагерь крестоносцев пополнения из Европы обеспечили полную изоляцию города, гарнизон которой, утомленный

длительной осадой и невозможностью осуществлять какие-либо действия, 5 ноября 1219 года после короткого, но ожесточенного штурма сдался. После взятия города крестоносцы превратили его в укрепленный форпост христиан в Египте, однако очень скоро выяснилось, что его захват не привел к ожидавшемуся ослаблению державы Айюбидов. Идея объединенного похода на юг, навстречу сильному мусульманскому войску, была обречена на неудачу. В августе 1221 года мусульманские войска вернули Дамиегту, предоставив крестоносцам право беспрепятственного выхода из Нильской долины и заключив с ними перемирие на восемь лет.

В 1228 году начался Шестой крестовый поход. Папа Григорий IX поначалу запретил его, так как во главе похода стал отлученный от церкви император Фридрих II. Германский император давно был заклятым противником Рима, который к тому же действовал на Востоке нежелательными с точки зрения Священного престола методами. Так, он дипломатическим путем, используя противоречия между дамасским эмиром и султаном Египта, добился от последнего уступки Иерусалима и ряда других пунктов в Палестине. Правда, за это он обещал не оказывать никакой помощи сирийским христианам в борьбе против Египта. Однако после возвращения Фридриха в Германию между оставшимися крестоносцами начались раздоры, приведшие в конце концов к тому, что в 1244 году Иерусалим вновь отошел — и на этот раз окончательно — к мусульманам.

В 1248—1254 годах против египетского государства был предпринят очередной поход. На этот раз костяк крестоносного ополчения составляли французские рыцари, возглавляемые королем Франции Людовиком IX Святым. Поход этот был почти сразу же обречен на неудачу. Сам король после одного из сражений попал к мусульманам в плен. Правда, пробыл он там всего месяц, после чего за огромный выкуп в 400 000 был отпущен. Боевые действия вяло продолжались до 1254 года, не принеся христианам никаких результатов. Желая достичь своей цели, Людовик пытался даже вести переговоры о совместных действиях с татаро-монголами, но не преуспел в этом начинании.

Фактически эпоха “настоящих” крестовых походов завершилась в 1270 году. В это время тот же Людовик IX, окончательно забыв о провозглашенных когда-то лозунгах освобождения Святой Земли (ибо об этом речи просто быть не могло), решил направиться в Тунис для ведения боевых действий в этом регионе. Охотников участвовать было так мало, что королю пришлось воспользоваться услугами наемников. Однако поход быстро закончился: в Тунисе в войске началась эпидемия, от которой скончался и сам король. Его войско ни с чем вернулось во Францию.

Несмотря на поражение, папы по-прежнему продолжали призывать европейских государей к новым походам, но хотя некоторые из них и приняли крест, ни один поход в той форме, как раньше, не состоялся.

Последние попытки остававшихся на Ближнем Востоке христиан отражать атаки мусульманского мира были тщетны. Постепенно они теряли жалкие остатки своих владений: в 1268 году была взята Антиохия, в 1289 — Триполи, в 1291 году пала последняя опора крестоносцев на Востоке — Акра. Иногда историки, говоря об этих событиях, называют их Девятым крестовым походом. Вряд ли у нас есть основания так думать: эпоха крестовых походов завершилась для христианского мира тихо и безотрадно.

Результаты этого поистине колоссального движения были, несмотря на потерянные в конце концов земли, весьма значительны и разнообразны. Так, например, крестовые походы познакомили Европу с техникой и культурой арабов. Европейские ученые значительно обогатили свои знания в области математики, геометрии, астрономии, химии, географии. Через арабские переводы в культуру Западной Европы вошли неизвестные до той поры произведения Аристотеля, других выдающихся мыслителей. Европейцы позаимствовали с Востока многие сельскохозяйственные культуры — гречиху, рис, арбузы, абрикосы, лимоны, фисташки, начали употреблять сахар, добывавшийся из сахарного тростника. В быт жителей Европы проникли такие обычаи, как мытье в банях, омовение рук перед едой и т. п. Европейская литература обогатилась новыми сюжетами, заимствованными из прозы и поэзии мусульманского Востока.

Эпохе западноевропейского средневековья (в том числе и крестовым походам) до сих пор не очень везло в отечественной романистике. Исторически сложилось так, что русских писателей больше привлекали сюжеты, связанные либо с Византией, либо с более поздними в хронологическом плане сюжетами (эпоха Возрождения, повести Ал. Алтаева). В представлении подавляющего большинства читателей исторических романов это время (по школьным воспоминаниям) представляет из себя либо нечто “темное” и “зверское”, и ни на какие мысли, кроме инквизиции да разве что готических соборов, не наводит, либо же рисуется как нечто авантюрно-романтическое и вместе с тем натуралистическое (как правило, последнее представление формируется под влиянием голливудских “исторических” костюмных фильмов). Истина, как всегда, находится посередине. Средние века, как и любое другое время, были полны разной, яркой жизни и жестокостью своей не особо отличались от всех остальных (прошлых и будущих) эпох человеческой истории. И будет очень хорошо, если знакомство с этими временами через призму исторической романистики, не подминающей полностью реальность под ту или иную литературную концепцию автора (как, например, в романах В. Скотта), пробудит у читателя интерес к этому своеобразному, но исключительно интересному периоду человеческой истории.

Роман Г. Прашкевича “Пёс Господень” открывает перед читателем широкую панораму событий,

относящихся исторически как раз ко времени Третьего и Четвертого крестовых походов. Обычно исторические романы пишутся, как правило, для того, чтобы в увлекательной форме подумать над вечными вопросами человеческого бытия, ибо писать точный, “документальный” роман, в котором бы автор в точности воссоздал характеры и психологию действующих лиц, вряд ли возможно. Этому мешает не только “современность” его взглядов и мирозерцания. “Документальный” роман может превратиться в вялое и достаточно скучное изложение исторических реалий, которые любознательный читатель легко может отыскать в любой популярной книжке по описываемому периоду. Даже гениальный роман Умберто Эко “Имя розы”, несмотря на всю свою “ученость”, связан с вечными проблемами человеческого бытия и человеческих отношений. Г. Прашкевичу удалось создать произведение, сочетающее в себе и увлекательность повествования, и документальную точность. Очевидно, что автор глубоко изучил литературу времен крестовых походов, особенно произведения Робера де Клари и Жоффруа Виллардуэна, отрывки из которых органично вплетены в ткань повествования, и песни времен крестовых походов, предлагаемые им в качестве дополнения к соответствующим местам романа. Безусловно, на него оказал влияние и вышеупомянутый роман У. Эко, под воздействием которого явно написана сцена допроса Амансульта. Роман вобрал в себя материал всех основных моментов бурной истории Западной Европы конца XII века — и войны с катарами на юге Франции, и сами походы, и поиски в области веры и науки,

предвосхитившие взлет духовной культуры в XIII веке. Есть здесь и нищенствующие, и военно-монашеские ордены, и инквизиция, и т.д. Интересна (хотя и традиционна) и сама форма — связь с якобы найденной рукописью. Конечно, не все образы строго документальны. Так, например, образ главной героини, находящейся в поисках Истины, возможно, сочетает в себе черты дочери остготского короля Теодориха Амаласунты, о чем свидетельствует и ее имя. Вряд ли барон Теодульф мог называть еретиков южной Франции “тряпичниками” (патариями, патаренами), поскольку так звали их в северной Италии, ибо местные катары собирались в квартале ткачей в Милане. Говоря о ведьмах, автор переносит на конец XII века представления о чернокнижии, сформировавшиеся в XV—XVI веках, ибо до Фомы Аквинского общество и государство еще не рассматривало занятия колдовством как религиозное преступление и практически не подвергало ведьм преследованиям; не были бедными в 1202 году и рыцари-тамплиеры, обладавшие значительными богатствами в Европе и носившие, кстати, белые плащи с красным крестом (а не просто белые) и т.д. Однако эти неточности несколько не умаляют всех достоинств романа, доставляющего любознательному читателю неизмеримое наслаждение и погружающего в бурную атмосферу живого, а отнюдь не “мрачного” и непонятного Средневековья, раскрывая перед ним захватывающие, полные поистине титанических страстей страницы истории Европы эпохи крестовых походов.

М. А. Тимофеев

Геннадий ПРАШКЕВИЧ
ПЁС ГОСПОДЕНЬ

Рукопись, найденная
в библиотеке монастыря
Дома бессребреников

*Говорю вам тайну: не все мы умрем,
Но все изменимся.*

1-е послание Коринфянам, 15, 51

часть первая

КЛАД ТОРКВАТА 1192

II—IV

«...**Н**и ветерка.

Сушь.

Ганелон оглянулся.

 Свет небесный, Святая роза, Дева Мария! Матерь Долороса скорбящая, без первородного греха зачатая! Брат Одо отпустил мне грехи, но помоги, помоги, слаб я! Избавь от огня ада, укрой от глаза дурного!

Ганелон издали с ненавистью следил за легкой фигуркой Амансульта, то пропадающей в оврагах, густо заросших ежевикой и бузиной, то вновь возникающей на крутых травяных склонах среди ромашек, почему-то желтоватых здесь, не белых, как всюду. И редкие буки и дубы здесь казались не крупными. До тех пор, пока Амансульта, за кото-

рой тайно следовал Ганелон, не входила в тень, отбрасываемую их громадными кронами.

Ганелон пугливо крестился.

Хильдегунда дура.

Все старые служанки дуры.

Все старые служанки считают, что девица в семнадцать лет все еще должна прислушиваться к многочисленным советам.

Погружаясь в послеобеденный сон, не слыша ни цикад, ни петухов, сходящих с ума от скуки, все старые служанки убеждены: любая семнадцатилетняя девица, даже такая как Амансульта, засыпает быстро и спит сладко. А проснувшись, все такие старые служанки с отчаянием обнаруживают, что в самое душное, в самое мертвое время дня их госпожа, семнадцатилетняя девица Амансульта, успела съездить верхом на лошади в городок Берри, где, как ей сообщили, проповедует на паперти некий пилигрим из Святой Земли, который, возможно, многое знает о благородных рыцарях, пропавших в песках бескрайнего Востока, а потом, вернувшись, раздраженная неверными слухами, надавала пощечин конюшему, не вовремя выбежавшему навстречу, а потом, не пообедав, даже омовения не совершив, убежала в лес, туда, где под буками и дубами, под каштанами, всегда привлекающими диких кабанов, начинается, внезапно теряясь на склоне горы, древняя дорога, вымощенная мраморными плитами, наподобие мозаичного пола, такая древняя, что по ней, говорят, ходили еще пешие варвары короля Теодориха.

Но Амансульту манил не лес. Амансульту манила не дорога.

С упорством, достойным лучшего применения, стремилась семнадцатилетняя хозяйка замка Процинта к искусственным тихим прудам, разбросанным, как дымные венецианские зеркала, по всему течению быстрого ручья Эрр.

Пруды были столь стары, что, несомненно, в свое время в их тусклых и безмятежных зеркалах отражались не только дикие лица упомянутых выше варваров короля Теодориха, но и длинные лица римлян, не боявшихся путей, пролегавших через заснеженные горные перевалы.

Конечно, смотрелся когда-то в зеркала прудов и сам основатель замка Процинта Торкват, полное имя которого тогда звучало так — Аниций Манлий Торкват Северин Боэций. Все предки его со времен императора Диоклетиана неизменно находились на верхних ступенях власти, и были среди них императоры и консулы, священнослужители и даже папа. Словно памятник всем Торкватам до сих пор торчит над верхним прудом, заброшенная и всеми забытая, кроме юной Амансульты, кривая, как колено, каменная башня Гонэ — пустая, пахнущая пыльной травой, сухими лишайниками, мышами, забвением.

К руинам башни Гонэ Амансульты всегда поднималась одна.

Следовать за Амансультой не смел никто, даже старая Хильдегунда.

Ганелон, как и многие, хорошо запомнил, как

жестоко наказали дружинника, однажды нарушившего запрет Амансульта. На глазах юной хозяйки замка Процинта и по ее приказу несчастному дружиннику отсекли левую ступню и отправили в деревню Эрр.

Семнадцатилетнюю хозяйку замка знал весь Лангедок.

Кастеллоза.

Так прозвали Амансульта.

Кастеллоза.

То есть Замковая.

Девушка из замка. Живущая в замке и всегда стремящаяся к другому, старому, уже не существующему замку, к башне Гонэ, наклонившейся над верхним прудом.

Говорили, что поднявшись к верхним прудам, Амансульта нагая носится по полянам, ныряет, как рыба, в темную воду, валяется в траве, а в покосившейся башне у нее устроен очаг. Но Ганелон знал — никакого очага в башне Гонэ нет, внутри башня вся затянута паутиной. Он, Ганелон, бывал в башне Гонэ еще до того, как Амансульта наложила строгий запрет на все прогулки к прудам, еще до того, как его, Ганелона, отправили к Гийомумельнику, и, конечно, задолго до того, как молодая хозяйка замка Процинта приказала своим людям восстановить древние пруды.

Да нет, раньше.

Еще раньше!

Ганелон лазил в башню Гонэ еще в те годы, когда в замке Процинта властвовал сам барон Тео-

дульф, а святое странствие еще не было объявлено. Но башня и тогда была пуста и угрюма, а мерзкий заиленный пруд всегда казался мертвым. Это сейчас пруды ожили, хотя никто не может сказать — зачем они Амансульте?

Кастеллоза.

Замковая.

Вернувшись с горы, Амансульта обычно требовала воды и презрительно приказывала выбросить в ров цветы и подарки, присланные ей графом Матье де Сент-Мени. В свое время граф Матье де Сент-Мени откупился деньгами от святого странствия, не ступил твердо на стезю Святого Гроба, ведущую в Иерусалим, туда, где возвышается гробница Христа. Воевать агарян ушли другие истинные паладины. А позже тот же граф Матье де Сент-Мени не помог Амансульте собрать нужную сумму, необходимую для выкупа барона Теодульфа — ее отца, попавшего на Востоке в руки неверных.

Да, на Востоке.

Там, в жгучих песках, где обитают неверные, кобылы оплодотворяются ветром. Там мясо верблюда, будучи сваренным, продолжает расти. Там из песков, расплавленных полднем жаром, рогатые муравьи, величиной с собаку, выкапывают рогами самородное золото. Там сарацины истязают воинов христовых, попавших в их нечистые руки.

Кто выкупит барона?

Кто поможет девице Амансульте?

Где взять золото, где найти лишние безанты и марки?

Разве каждый сосед в округе, помнящий хозяина замка Процинта, не желает лютой смерти барону?

Выкуп, потребованный сарацинами, огромен. Действительно огромен. Барон томится в неволе уже два года. Вместо льстивых баллад, сочиненных льстивыми трубадурами, вместо богохульного рева всегдашних собутыльников барон слышит только птичью речь неверных, а может, даже и речь не слышит, запертый в глухую каменную клетку, мгла которой застилает его выпуклые неистовые глаза.

Ни один сосед в округе не пожелал помочь Амансульте, прозванной Каstellоза.

Хуже того, маркграф Девер, пользуясь отсутствием барона, попытался отрезать от ее владений изрядный кусок леса и объявил несколько ее деревенок своими, хотя хорошо знал — земли, имущество и люди барона Теодульфа, паладина, ушедшего в святое странствие, истинного воина Христова, отнимающего у неверных Гроб Господень, находятся под покровительством самого папы.

До Рима далеко.

Каstellоза не стала искать правды в Риме, хотя начальник папской канцелярии епископ Данетти приходился ей родственником. Всего лишь за восемь дней крепкие дружинники Амансульты, собравшиеся по первому ее зову, дотла выжгли несколько отдаленных деревенок маркграфа Девера, угнали его многочисленных лошадей, даже пытались штурмовать сам каменный замок маркграфа и, хотя замок не был взят, вернулись в Процинту, победно вздымая боевые значки, укрепленные на поднятых копьях.

Ведьма.

Так говорят об Амансульте.

Истинно ведьма.

В самом верхнем узком окне донжона — башни, выше всех встающей над замком, тревожно теплится по ночам свет.

В тихой зале, украшенной старыми выцветшими гобеленами, при свечах, а иногда и при факелах, грея озябшие руки у огня, пылающего в огромном камине, Викентий из Барре, тщедушный монах с маленькими, всегда воспаленными глазами, тихий, как мышь, но упорный, как старая умная крыса, восстанавливает старые списки. Монах Викентий называет эту залу библиотекой. Именно в этой зале, расположившись с Амансульттой, он подолгу рассуждает о познании вещей божеских и человеческих. Наклонясь к камину, он иногда чертит на остывающей, все еще как бы дышащей золе пути небесных созвездий палочкой для черчения математических фигур, а иногда произносит странные, непонятные Ганелону слова.

“Блаженствовало бы государство, если бы им управляли ученые мудрецы или его правители стремились бы научиться мудрости”.

Ганелон не понимал.

Если бы государством управляли не благородные бароны, а нищие старцы, произносящие всякие мудрые слова, разве стали бы прислушиваться к их пусть и мудрым словам преступники или просто плохие люди? Разве вышли бы на поля крестьяне, если бы знали, что этого требует не благородный

барон, всегда имеющий возможность послать в деревню вооруженных дружинников, а некий нищий, но мудрый старец, у которого не только что нет дружинников, а и сам он и слаб, и сир, и ходит в простых отрепьях, и ест заплесневелый хлеб, выпрошенный на паперти? Разве не расплодилось бы повсюду еретики, если бы благородные бароны не следили строго за тем, чтобы не бродили по их землям странные люди из чужих краев, распространяющие среди простолюдинов еще более странные и даже часто опасные мысли?

Ганелон действительно этого не понимал.

Он сам видел и даже держал в руках тяжелые, влажные на вид старые списки и книги. Переплеты их были тронуты плесенью, будто сами списки и книги долгое время хранились на сыром чердаке или, наоборот, в глухом подвале.

Пергамент, когда-то белый, как гусиное перо, потускнел, потрескался, буквы выцвели, но Викентий из Барре, наверное, обладает тайным зрением: всматриваясь в потрескавшийся пергамент, он вслух зачитывает Амансульте фразы, составленные из почти неразличимых на пергаменте слов.

Там же, в тихой зале, бывают иногда заезжие труверы. Правда, исключительно те, чье пение или трогает Амансульту, или кажется ей уместным.

Там, в тихой зале, в которой юная хозяйка замка Процинта и ее помощник, серый тщедушный монах, часто беседуют о познании вещей человеческих и божественных, бывают и совсем странные люди.

Например, однажды Ганелон сам видел в тихой

зале перед камином согбенного старика в совершенно черном, как ночь, бархатном плаще до самой земли и в красной шапке. Длинные тонкие пальцы старика с сильно распухшими суставами были разъедены кислотами, голос звучал глухо и недовольно. Нелепые гримасы странного старика могли вызвать смех, но у Ганелона вызывали неведомый, самому ему непонятный страх. Говорили, что старик похищает детей и пьет их теплую кровь, но, может, люди лгали. А еще, и гораздо чаще, говорили, что этот нелепый старик умеет делать настоящее золото из самой простой глины и даже из птичьего помета.

Наверное, это так.

Амансульта ведьма.

Говорят, под левой грудью семнадцатилетней хозяйки Проценты есть тайный знак, отметка дьявола, некое темное пятно в виде отпечатка лягушечьей лапки. Говорят, что если ткнуть в это пятно ножом, Амансульта не почувствует боли.

Ганелон быстро перекрестился.

Ходить к башне Гонэ было запрещено.

Ганелон боялся.

Он следовал за хозяйкой тайно — по приказу брата Одо. Он боялся попасться на глаза хозяйке, он прятался в кустах и шептал про себя: “Ведьма”.

Он был уверен — ведьма.

Ведь он сам, ведь он собственными ушами слышал: Викентий из Барре читал Амансульте странные вещи.

“Ведь ты вошел в школы афинян, находясь далеко от них, — читал вслух монах Викентий, — и

таким образом к храмам плащеносцев ты присоединил тогу, чтобы учение греков сделать наукой римской. Ты передал потомкам Ромула все лучшее, что даровали миру наследники Кекропса. Благодаря твоим переводам музыкант Пифагор и астроном Птолемей читаются на языке италийцев, арифметик Никомах и геометр Евклид воспринимаются на авзонийском наречии, теолог Платон и логик Аристотель рассуждают между собой на языке Квирина, да и механика Архимеда ты вернул сицилийцам в латинском обличи...”

В огромном камине полыхали поленья, прыгали отсветы по выцветшим гобеленам. Монах Викентий из Барре, поставив тощие ноги на скамеечку и откинувшись на спинку низкого деревянного кресла, продолжал читать вслух странные слова.

Амансульта внимала.

“Ты спрашиваешь, за какую вину я осужден. Меня обвинили в том, что я хотел спасти сенат. Желаеть узнать, каким образом? Мне поставили в вину то, что я препятствовал клеветнику в представлении документов, которые свидетельствовали бы об оскорблении величества сената. Что теперь, о наставница, думаешь? Но я желал и никогда не откажусь желать здоровья сенату. Повинюсь ли? Но это будет означать отказ от борьбы с клеветником. Могу ли я назвать преступлением желание спасти сенат? А ведь он сделал все, чтобы своими постановлениями, касающимися меня, представить это в качестве преступления. Но часто обманывающее самое себя неблагоприятное не может извра-

тить действительные заслуги, и я полагаю, согласно предписанию Сократа, законом является то, что недостойно скрывать истину или соглашаться с ложью. Но судить, правильны ли были мои поступки, я предоставляю на твое усмотрение и оценке мудрых людей. А чтобы потомки не забыли ход этого дела и знали истинное положение вещей, я запечатлел их с помощью стила. Нужно ли еще говорить о подложных письмах, на основании которых я был обвинен в том, что надеялся на восстановление римской свободы. Явный обман мог бы раскрыться, если бы мне удалось воспользоваться для защиты признанием самих клеветников, что во всяком разбирательстве имеет наибольшую силу. Но на какие остатки свободы можно было еще надеяться? О, если бы хоть какая-нибудь была возможна!”

Слова звучали странно.

Они были как бы обращены к Амансульте.

Но этого не могло быть, хотя бы потому, что старые списки и книги принадлежали дальнему предку Амансульты Торквату.

Именно Торкват построил когда-то верхний, уже не существующий замок, от которого осталась лишь башня Гонэ. Принцепс сената, комит священных щедрот при короле варваров Теодорихе, захватившем Рим, первый министр, иначе магистр официий, последний истинный римлянин и философ, павший жертвой мерзкой клеветы, Торкват, дальний предок Амансульты, из далекого прошлого жаловался:

“На какие остатки свободы можно еще надеяться? О, если бы хоть какая-нибудь была возможна!”

Торкват казнен.

Он был казнен много веков назад.

Не слушай никаких шепотов, будь тверд в вере, Ганелон, повинуйся Богу.

Упорно и осторожно, стараясь не наступить на сухую ветку, не зашуметь травой, не споткнуться о ненадежный камень, Ганелон тайно следовал за хозяйкой.

Кастеллоза.

Замковая.

Девушка Амансульта действительно выросла в замке без матери — стараниями Хильдегунды и других служанок.

Был благородный граф Гийом, рыцарь из графства Руссильон, того самого, что граничит с Каталонией и Нарбонной. Граф был строен и умел обращаться с оружием. Он много путешествовал и любил угождать дамам. А прекрасная дама Соремонда, супруга барона Теодульфа, человека знатного, но грубого и дурного, полюбила его.

Иисусе сладчайший!

Даже по истечении стольких лет старая служанка Хильдегунда рассказывала о прекрасной Соремонде всегда только тайком — вот как барон, томящийся в сарацинском плену, был ей страшен и в отдалении.

Благородный граф Гийом страстно полюбил Соремонду и стал слагать и петь о ней песни.

Соремонда, веселая и прекрасная, полюбила графа Гийома всем сердцем.

О том, конечно, донесли барону Теодульфу, и он,

как человек грубый и гневливый, не стал тянуть. Приказав всячески стеречь собственную супругу, он подкараулил в уединенном месте благородного графа Гийома и убил. А, убив его, приказал вырвать из груди убитого графа сердце и доставить в свой замок.

Сердце графа жестокий барон Теодульф отдал поварам, велев приготовить его с перцем и подать его на обед супруге.

Когда супруга съела поставленное перед нею кушанье, барон Теодульф спросил:

“Знаете ли вы, что вы сейчас съели?”

Супруга ответила, что не знает, но кушанье было очень вкусным.

Тогда барон Теодульф весело объявил супруге, что кушанье, столь понравившееся ей, было приготовлено из сердца графа Гийома, а чтобы убедить в том прекрасную Соремонду, он приказал показать ей отрезанную голову графа.

Увидев голову благородного графа Гийома, прекрасная Соремонда, давшая жизнь Амансульте, тотчас лишилась чувств. А когда пришла в себя, то сказала так:

“Мессир, вы, конечно, дали мне столь прекрасное кушанье только для того, чтобы я никогда больше не ела ничего другого”.

Услышав это, разгневанный барон Теодульф накинулся на супругу с кинжалом, но прекрасная Соремонда подбежала к окну и выбросилась вниз с донжона.

Старая Хильдегунда, рассказывая об этом Аман-

сульте, пугливо оглядывалась на окно, за которым царила ночь...

В свете свечей неясные тени скользили по каменным стенам.

Ганелон, нечаянно оказавшись за чуть приоткрытой дверью, с ужасом прислушивался к словам старой служанки.

Он действительно был в ужасе.

Он по-настоящему боялся.

Но юная Амансульта только кивала. Ее занимало совсем другое. Она думала не о своей несчастной и прекрасной матери Соремонде, которую почти не помнила, она думала о своем ужасном отце.

— Салах-сарацин, — произнесла вдруг она, иногда даже безжалостно перебивая старую Хильдегунду, — говорит, что святые паломники в Палестине, заняв город и убив его жителей, на некоторое время бросают в песках тела убитых неверных. Через месяц или два можно вернуться в те места и без труда собрать в песках между костей скелетов золото и драгоценные камни, которые неверные пытались утаить, проглотив их.

Старая Хильдегунда клала крест на сухую грудь.

Старую Хильдегунду пугало, что семнадцатилетняя девица думает не о несчастной Соремонде, а о своем отце, жестоком бароне.

Ведьма, шептал про себя Ганелон, тайно следуя по узкой тропинке.

Светлые длинные волосы Амансульты нежны и шелковисты, они красиво выются на висках, грудь

высока, но в светлых глазах Амансульты всегда холод и лед, как в темном погребе, а под левой грудью, так говорят, отметка дьявола — темное пятно в виде лягушечьей лапки.

Перивлепт.

Восхитительная!

Но ведьма, ведьма. Истинно ведьма.

Он, Ганелон, по приказу Амансульты обязан посещать ученого клирика. Он обязан учиться тому, чему его может научить ученый клирик, потому что ему, Ганелону, положено помогать монаху Викентию. Но он, Ганелон, презрев желания госпожи, теперь тайно карабкается за нею по горной тропе, потому что так приказал брат Одо.

“Стань тенью своей госпожи, Ганелон, душа твоей госпожи в опасности, — сказал Ганелону брат Одо. — Стань тенью своей госпожи, прозванной Каstellоза, везде следуй за нею, везде приглядывайся к ее поступкам, заглядывай в ее книги. Стань внимательными тайными ушами, слышащими каждое слово нечестивого монаха Викентия из Барре, стань внимательными тайными глазами, замечающими все, что происходит в замке Процинта. Помоги своей юной госпоже, не дай нечестивому дьяволу похитить живую душу. Ведьмы ужасны, Ганелон. Там, где рассеют они порошок из растертых костей мертвеца, замешанный на пене, упавшей с губ белой жабы, там грядет неурожай, там цветущее поле покрывается червями, змеями, сусликами. Не допусти такого торжества злых сил, Ганелон, спаси свою госпожу. Ведь ты призван. И ты предан общему Делу.

Ведь ты Моньо, ты простой монах. Такие, как ты, они и есть спасители мира. Ты — агнец божий, искупающий грехи мира”.

Ганелон упорно карабкался по тропе.

Он знал, ученый клирик ждет его в замке.

На клирике драная ряса, в его руке пучок розог.

Он, Ганелон, научился составлять письма, он знает цифирь и с помощью божьей быстро решает задачи, придуманные ученым клириком. Он может читать то, что видит в латинских книгах, он может разбирать римских и греческих авторов. Старая Хильдегунда уже не раз заставляла Ганелона в верхней зале донжона за странным занятием. Считается, что он просто протирает в библиотеке старые переплеты, но Хильдегунда заметила, что Ганелон гораздо больше интересуется тем, что написано в книгах. Он слишком часто заглядывает под переплет. Его рука с тряпкой как бы ласкает крышку книги, но взгляд его блуждает по буквам, и, кажется, он что-то понимает в тексте.

К счастью, старая Хильдегунда никому никогда не говорит о своих подозрениях.

Она жалеет Ганелона.

В глазах старой служанки жалость.

“Бедный Ганелон, бедный Моньо! — впервые монашкой прозвала Ганелона именно Хильдегунда, за его кротость, внушенную ему многими болезнями и обидами. — Бедный монашек, бедный Моньо. Твоя мать в мучениях умерла, ее убила черная оспа. Твоего отца нет, он жестоко сожжен в собственном доме, а ты сам, бедный Моньо, болен. Закли-

наю тебя, не гневи госпожу, не открывай переплет, не заглядывай в ее книги. Если твоя госпожа увидит это, ей не понравятся твои занятия”.

Вспоминая это, Ганелон упорно полз по тропе.

Так случилось, что когда ему было пять лет, он видел, как барон Теодульф сжег на костре катара.

Катар значит чистый.

Но это не так.

Катарами называют себя отъявленные еретики. Как всякие еретики, они всегда прячутся за ложь. Их слова и их понятия ложны. Барон Теодульф справедливо называл катаров тряпичниками.

Патарии. Иначе — тряпичники.

Именно так.

Они и были тряпичниками.

В лохмотьях, часто босиком, всегда пыльные, истомленные, с длинными отощавшими в скитаниях лицами, катары странствовали по дорогам Лангедока. Граф Тулузский покровительствовал тряпичникам. Может, потому что не хотел платить церковную десятину. Чем сильнее распри церкви с тряпичниками, тем меньше внимания уделяют церковные власти тем, кто укрывается от налогов.

Катаров видели в Альби, они проповедовали в Монпелье, в Ниме, в Безье, они босиком приходили из Милана и из страны болгар. Были такие церкви, где тряпичников привечали, и там, где их привечали, еретики открыто и громко распевали свои еретические гимны. Похоже, во всем Лангедоке один только барон Теодульф с большим усердием преследовал катаров.

Правда, он преследовал и монахов.

Жирных крыс нельзя оставлять в покое, считал барон Теодульф.

Барон Теодульф задирает бородатую голову, его выпуклые глаза стеклянно блестели:

— Клянусь ступней святого Петра, Святая церковь тупа, она заплыла жиром! Проклятые монахи! Они занимаются только продажей индульгенций! Клянусь Божьим гневом, клянусь всем, что видят мои глаза, Господь покарает всех, кто забыл о почтении к небу, к Господу и к сюзерену!

Пышные рукава, серый кожаный камзол, кожаная куртка, двухцветные штаны, серый плащ с каймой красного цвета — барон Теодульф верхом на коне возвышался над землей словно статуя.

Как громогласная, как гневливая, как тяжелая, но всегда склонная к движениям конная статуя.

— Клянусь жизнью всех святых, Святая церковь забыла о простых живых душах! Святая римская церковь не глядя торгует индульгенциями налево и направо, проклятые симоньяки! Святая церковь не замечает лживых еретиков! Еретики, как ржавчина, поедают все, чего хотя бы раз коснулось сомнение! Я, благородный барон Теодульф, лучше накормлю свинью, чем подам ломоть хлеба монаху или тряпичнику. Ты слышишь, тряпичник? Никто не смеет ступить на мою землю без моего ведома. Король — мой сеньор, даже архиепископы являются его вассалами, но даже король не прикажет мне привечать еретиков-тряпичников. Сам папа в этом мне не указ, ты слышишь, еретик?

Барон повернул бородатую голову к привязанному к столбу тряпичнику, и конь под бароном тревожно дрогнул и, вздохнув, переступил с ноги на ногу. Дружинники за спиной барона точно так же тревожно дрогнули, впрочем, сохранив строй.

Барон Теодульф пронзительным взглядом обвел простолюдинов, согнанных на пустырь под стеной замка.

Схваченный дружинниками катар, привязанный к деревянному столбу, негромко молился.

Простолюдины, опуская головы перед бароном Теодульфом, пугливо жались друг к другу. Им втайне нравились, наверное, слова тряпичника, ведь тряпичник проповедовал смирение и равенство перед Богом. Так проповедуя, он как бы уравнивал благородных рыцарей и мужичье, но он, барон Теодульф, — потомок самого Торквата, а Торкват всегда владел многими землями и многими людьми, как здесь, так и в италийских пределах, лежащих за голубой цепью гор. Он, барон Теодульф, не допустит, чтобы по его землям бродил какой-то грязный тряпичник и смущал мозги его бедных простолюдинов. Вот они стоят в рубахах и штанах из грубой шерсти, в башмаках из свиной кожи на деревянных колодках. Он, барон Теодульф, один в ответе за их темные души, он даже с легатов, присланных Римом, берет пошлину за то, что они идут по тропам через его перевалы!

Барон задохнулся от гнева.

За спиной барона, чуть впереди свирепых дружинников, юная и светловолосая Амансульта, ис-

тинная Каstellоза, полузакрыв глаза и презрительно выпятив нижнюю губу, держалась рукой за луку седла, не замечая поглядывающего на нее сладко улыбающегося рыцаря Раймбаута. Еще в двух шагах от нее злобно скалился трувер де Борн, рыцарь Бертран де Борн, гостивший у барона Теодульфа. Неделю назад он принял участие в вооруженной вылазке барона Теодульфа против монастыря Барре, но проклятые монахи успели запереться в каменных стенах и удачно отбили штурм. Воспоминание об этом, так же, как и сладкие взоры, бросаемые рыцарем Раймбаутом на юную Амансульту, разжигали сердце трувера мстительным огнем.

Барон махнул рукой.

Огонь у ног катара занялся сразу.

Где-то неподалеку, наверное, свалившись в яму, но как бы в ответ на вспышку огня, взвизгнул и пронзительно заголосил поросенок. Так же пронзительно и в тот же самый момент, окутавшись огнем, пронзительно заголосил привязанный к деревянному столбу тряпичник.

— Сын погибели! — голосил он. — Злобный слуга сатаны! Пей свое вино, создание Сатанаила, утешай себя кровью чистых!

— Истинно так! — вскричал барон.

Ужасный вопль сжигаемого заживо катара, казалось, веселил барона.

Уперев руки в бока, барон Теодульф застыл в седле, его выпуклые глаза выпучились. На кожаном камзоле в свете огня отчетливо виднелся искусно выдавленный мастером ключ — герб рода Торкватов.

Просто ключ.

И никакого девиза.

Знающий поймет.

— Сын погибели! Слуга Сатанаила!

Катар вдруг смолк, потом опять пронзительно завизжал. Смолк и сразу вновь пронзительно завизжал и провалившийся в яму поросенок. Их визги слились в один, заставив толпу простолюдинов вздохнуть. Толпа с ужасом внимала треску огня и визгу катара.

Маленького Ганелона, стоявшего рядом с Гийомом-мельником, вдруг обдало холодом и затрясло.

Когда огонь резко возвысился, тряпичник на столбе уронил голову на грудь и смолк.

— Монжуа!

Барон Теодульф поскакал к замку, увлекая за собой гостей и дружинников.

Странные серые мухи поплыли перед глазами Ганелона.

Он вскрикнул.

Болезненная судорога исказила его лицо.

Он упал и ничего не помнил, пока его не облили водой прямо у колодца.

Даже сейчас при воспоминании о сожженном катаре Ганелона передергивало ледяным холодом.

Синь неба, поднял он голову. Небесный жар.

Лето.

Свет небесный, мать Долороса скорбящая!

Ганелон увидел: Амансульта остановилась.

Она поднялась высоко. Она стояла на берегу верхнего пруда. Долгая цепочка других таких же

искусственных прудов, недавно восстановленных по ее приказу, тускло отсвечивала внизу.

Ганелон, прячась, следил за действиями Амансульты.

Тяжелый деревянный ворот, поставленный на земляной плотине, мог поднимать и опускать широкий запрудный щит, совсем такой, как на мельнице. Только здесь не было колеса, и было видно, как тяжело Амансульте. Но она повернула ворот.

Раз.

И еще раз.

И еще. И еще раз. Пока щит не перекрыл собою широкий сток.

Зачем она это делает? — удивился Ганелон. Она любит купаться в ледяной воде?

Он вдруг ужаснулся: ему захотелось увидеть отметку дьявола под ее левой грудью.

Его прошиб пот.

Он затаился.

Истинная дочь варвара. Он хотел, но боялся смотреть в ее сторону. Если она разденется и прыгнет в воду, он все равно не будет смотреть в ее сторону.

Гудели шмели.

Перивлепт.

Восхитительная.

Если что-то кажется восхитительным, смиренно напомнил себе Ганелон, это вовсе не вытекает из природы видимого. Скорее всего, это ложная восхитительность, она лишь следствие слабости наших глаз, взирающих на обманчивый предмет восхищения.

Так говорит брат Одо.

Святая римская церковь, мать всех страждущих, каждому указывает путь спасения. Люди приходят и уходят, но Святая римская церковь вечна.

Так назначено Господом.

Святая римская церковь полна неизбывной милости.

Даже барон Теодульф прощен.

Он ходил войной на соседей, жестоко расправлялся с незваными гостями, как с тем же тряпичником, он силой отбирал у монастырей вино и священные сосуды, само невинное и богоугодное посещение церкви при бароне Теодульфе стало в его деревнях опасным, но даже такой дерзкий богохульник прощен. Ведь четыре года назад он одним из первых благородных баронов явился к дубу подле Жизера, чтобы увидеть великий поцелуй мира, которым обменялись английский и французский короли. Четыре года назад он одним из первых благородных баронов принял священный обет креста и ушел со святыми паломниками освобождать Гроб Господень.

Само намерение вступить на стезю Господню — свято.

Сам великий понтифик, святой апостолик, папа римский, властью, которую Бог даровал ему, отпустил грехи всем святым паломникам. Вечного спасения удостоен каждый, кто с мечом в руках последовал в Святые земли, и многие из тех, кто, не ворча и ничего не скрывая, поставлял для похода надлежащих воинов и надлежащие припасы.

Мир вечен.

Вечен и утвержденный Богом порядок.

Ганелон успокоенно обернулся.

Далеко внизу в зеленой узкой долине белели зубчатые стены замка Процинта.

Узкая речушка, питающая водой замковый ров, зеленые поля, засеянные ячменем и овсом, серые башни, каменные флигели, деревянные пристройки.

Сто двадцать бойниц и окон — Ганелон хорошо знал замок.

Далекие деревни и отчетливо просматривающийся с горы прямой, как меч, участок Аппской дороги.

Там, на Аппской дороге, еще когда служил у Гийома-мельника, Ганелон видел однажды рыцаря, который рыдал, упав в пыль на колени. На плаще рыцаря был нашит выцветший крест. Странствия рыцаря закончились. Там, где он побывал, язычников не осталось — все крещены, а кто пал от меча. Рыцарь честно свершил великий подвиг, угодный Господу, и теперь рыдал, припав к пыльной родной земле Лангедока.

А вот барон Теодульф не вернулся.

В одном из неудачных сражений под Акрой барон и некоторые другие рыцари попали в руки агарян.

Стыд!

Стыд и горе!

Никто из соседей барона не вызвался помочь собрать выкуп, потребованный нечистыми, этим занята только Амансульта.

Ганелон огляделся.

Вода в пруду заметно прибыла.

Будто ожидая кого-то или чего-то, Амансульта бросилась в высокую траву.

Ганелон замер.

Он не осмеливался подойти ближе.

Он и так нарушил запрет Амансульта, он без разрешения поднялся к башне Гонэ, угрюмо наклонившейся над прудом. Он лишь бедный вавассер, обнищавший дворянин, полностью зависящий от госпожи. Но он презрел запрет госпожи.

Амансульта.

Она умеет скакать на лошади, у нее прекрасные волосы и тяжелая рука, она попадает стрелой в острие ножа, воткнутого в пень, близкие родственные связи соединяют юную хозяйку замка Прочинта с самим великим дожем Венеции и с начальником папской канцелярии в Риме епископом Данетти, но денег для выкупа отца из рук нечистых у нее нет.

Ведьма.

Ему, Ганелону, снятся странные сны.

Ему снится, что его убивают, но сам папа, апостол Римский, прослышав о предательском убийстве, шлет наказать убийц неистового короля Ричарда Львиное Сердце и столь же неистового Фридриха Барбарроссу.

Ему снится, что юная Амансульта наклоняется над ним. Но прекрасные ее глаза холодны, а нижняя губа презрительно выпячена. Она смотрит на предательски убитого Ганелона и холодно и презри-

свои неполные пятнадцать лет Ганелон знал следующее: нельзя за обедом опираться локтями о стол и нельзя сидеть, скрестив ноги и глядя в чужую тарелку. Он знал, что нельзя братья пальцами за край суповой миски и нельзя бросать кости под стол, для костей существует специальная корзина. Пусть он пока неважно стрелял из лука и плохо греб и не умел травить быков собаками, но он уже носил свечу во время крестного хода и хорошо знал письмо и счет.

Он даже не знал, до какого числа мог бы добраться, если бы госпожа заставила его считать с утра до позднего вечера.

Амансульта остановилась перед смуглым и седым сарацином.

— Ты солдат? — спросила она по-арабски.

— Не надо тебе разговаривать с неверным и на таком языке, — сказала Хильдегунда и испуганно взглянула наверх, где на балконе, злобно прищурясь, стоял рыцарь Бертран де Борн.

Ганелон вздрогнул.

До него дошло, что он понял вопрос, заданный Амансультой сарацину.

— Да, — ответил Салах.

— Это правда, что в начале весны крылатые змеи летят из Аравии в Вавилон? — спросила Амансульта, и до Ганелона дошло, что он действительно понимает дикий птичий язык Салаха, с которым провел на мельнице почти год. Правда, ему, Ганелону, Салах говорил, что он бурджаси, купец, и рыцарь Бертран де Борн купил его для госпожи в

Долине слез, так называется в Константинополе рынок невольников.

— Да, — повторил Салах.

— А навстречу крылатым змеям вылетают ибисы и не пропускают их в Вавилон, это правда?

— Это правда, — ответил седой сарацин. — На востоке чтут ибисов.

— Это правда, что ладанные деревья в Аравии охраняются именно крылатыми змеями?

— Это правда. Змеи маленькие и пестрые на вид и в большом количестве сидят на каждом отдельном дереве. Крылья у них, как у летучих мышей, а перьев совсем нет. Только тяжелым дымом стиракса можно согнать змей с деревьев.

— Видишь, — обернулась Амансульта к Викентию из Барре. — Салах подтверждает. Это правда.

Рыцарь де Борн язвительно улыбнулся. Наверное, он не совсем понимал, о чем спрашивает Амансульта Салаха, и это его сердило.

— Тебя как-нибудь зовут? — спросила Амансульта сарацина.

Он ответил:

— Салах.

— Это имя?

Сарацин кивнул.

— Попозже вечером ты расскажешь о своих краях этому благочестивому и знающему человеку, — Амансульта кивнула в сторону Викентия из Барре. И печально наклонила голову: — Среди моих людей теперь есть даже сарацин, а я не могу выкупить родного отца из плена.

тельно шепчет вместо молитв слова, вычитанные ей монахом Викентием из старой книги.

Он даже название книги видел.

“Вариа”.

Очень старая книга.

Тронутая временем, порченная сыростью.

Под сморщившимся от времени переплетом объединены воедино скучные рескрипты и многочисленные обзоры римского права, составленные когда-то для варваров короля Теодориха неким римлянином Кассиодором, дальним родственником Торквата. Но вот странно, на каждой странице этой старой и скучной книги можно увидеть пометки, сделанные рукой Амансульта.

Зачем ей это?

Говорят, Торкват был невероятно богат. Необыкновенно, ужасно богат. Такое богатство не дается просто так, такое богатство всегда отмечено дьяволом. Так куда же оно подевалось, это дьявольское богатство, куда оно исчезло? Может быть, Амансульта ищет следы именно этих таинственно пропавших нечистых богатств?

Ломкий пергамент, запах пыли и вечности, стершиеся знаки.

Ведьма.

Но Амансульта взяла меня с мельницы, она ввела меня в замок. Я не знаю, зачем Амансульта сделала это, ведь с тех пор она почти ни разу не взглянула на меня, но она взяла меня в замок.

В тот день Ганелона привезли в замок и велели встать в тени донжона рядом с сарацином Сала-

хом, подаренным Амансульте рыцарем Бертраном де Борном.

Ганелон не знал, для чего госпожа вытребовала его из деревни.

Он даже не думал об этом.

Он просто смотрел, как его госпожа неторопливо спустилась с балкона, кутаясь в белый плащ, — высокая, юная, светловолосая, с голосом, который мог умилить разбойника. Следом за Амансультей спускался монах Викентий из Барре — не человек, а тощая серая мышь, кривившая тонкие губы. Умные мышинные воспаленные глазки монаха Викентия рассеянно бегали. В двух шагах от монаха следовала благочестивая Хильдегунда, а наверху, на балконе, стоял, расставив длинные тощие ноги, благородный рыцарь Бертран де Борн, частый гость Амансульты. Он злобно рассматривал квадратный, залитый солнцем внутренний двор замка. О рыцаре де Борне говорили, что он рожден под такой звездой, что знает, как может убивать любовь. О нем говорили, что он воевал с собственным братом и не знал женской любви.

Ганелон стоял молча.

Он не был испуган.

Ему хотелось понравиться Амансульте.

Он не хотел, чтобы его отправили обратно к Гийому-медьнику, где он еще вчера вместе с сарацином Салахом таскал мешки с мукой, ухаживал за скотом, резал цыплят и смотрел за плотиной. Правда, Гийом-мельник не был злым человеком, он многому научил Ганелона. Действительно многому. В

— Господь милостив. Господь не забудет ни одного своего паладина.

Все обернулись.

— А-а-а... Брат Одо...

В голосе Амансульты не чувствовалось радушия — в замке Процинта не жаловали нищенствующим монахов.

Брат Одо благостно улыбнулся.

Узкие щеки брата Одо были изъязвлены следами оспы, они выглядели, как хороший сыр. Благословляя Амансульту, брат Одо поднял правую руку, и все вдруг увидели на его обнажившейся грязной шее светлый шрам, как от удара стилетом.

Сандалии брата Одо были запылены.

Брат Одо весь казался запыленным и усталым, но в круглых, близко поставленных к переносице глазах брата Одо горело любопытство.

С неожиданным испугом Ганелон вдруг отметил, что благочестивый брат Одо невероятно похож на страдающего Христа, очень удачно изображенного на каменном барельефе Дома бессребреников — крошечного каменного монастыря. Там, на барельефе Дома бессребреников, Сын Божий с кротостью и терпением тоже высоко поднимает круглые брови над круглыми, близко поставленными к переносице глазами.

— Человек — это всего только часть созданного Господом, он смертен и грешен, дитя мое, — улыбнулся брат Одо Амансульте. — Человек не должен умножать грехи, даже если он готовит себя к благочестивому делу. — И быстро спросил: — Где ты изучила язык неверных?

— У меня служат разные люди, брат Одо. И мой отец благородный барон Теодульф всегда старался научить меня тому, что знал сам, — неохотно пояснила Амансульта. — Разве я умножаю этим грехи? Разве это не богоугодное дело — сделать все, чтобы спасти барона?

— Да хранит его Господь! — Брат Одо смиренно возвел глаза к небу, но в них читалось жгучее любопытство. — Барон Теодульф не простой паладин, он искупил грехи подвигом и страданием. Он прощен. Он достоин спасения. Но истинно говорю, дитя мое, если ты хочешь сделать своим должником апостола Петра, смело жертвуй на нужды Святой церкви, ибо нет спасения вне церкви, а кто не признает Святую римскую церковь своей матерью, тот не признает Иисуса отцом.

Он быстро взглянул наверх, и стоявший на балконе рыцарь Бертран де Борн успел перехватить его взгляд и язвительно усмехнулся.

— Человек, конечно, только часть созданного Господом, — произнес рыцарь Бертран де Борн своим неприятным скрипучим голосом, совсем не похожим на тот, каким он исполнял свои кансоны. — Но гораздо хуже, мерзкий монах, что человек чаще всего упражняет в себе только самое низменное, а потому очень быстро обращает себя в скота. — Он смерил брата Одо презрительным взглядом: — В каком направлении упражняет свою душу благочестивый брат Одо?

— *Ab hedis scindere oves*, — смиренно ответил брат Одо, но круглые его глаза при этом странно

блеснули, и это был уже не блеск любопытства. —
Мое дело спасти души живые.

— Мектуб, — зачарованно пробормотал Ганелон.

Слово вырвалось неожиданно.

Он хотел только подумать — судьба! — но слово вырвалось, и оно было произнесено по-арабски. Он ничего такого не собирался произносить, но ведь он понимал слова Салаха, и странный спор брата Одо с рыцарем тоже был ему как бы понятен.

Брат Одо удивленно воззрился на Ганелона, а старая Хильдегунда перекрестилась:

— Не пристало мальчику говорить вслух такое!

Только Амансульта и Викентий из Барре восприняли произошедшее без удивления.

— Это тоже раб? — равнодушно спросил монах, прищурив свои мышинные воспаленные глазки.

— Нет, я призвала этого мальчика с мельницы. Он умеет читать и знает счет. Я сделала так, чтобы он подружился с сарацином и научился его языку. Теперь этот сирота будет помогать нам разбирать книги и списки.

И кивнула в сторону Салаха, взглянув при этом на Ганелона.

— Ты долго жил рядом с агарянином?

— Да, — сказал Ганелон.

— И много слов ты запомнил?

Запинаясь и боясь поднять глаза, Ганелон ответил по-арабски:

— Не очень много. Но я разговариваю с Салахом. Он нуждается в беседе. Он одинок.

— Вот как? — наконец удивился Викентий из

Барре и повернул голову к Амансульте: — Он странно выражается, этот мальчик, но, может, он правда окажется полезен для наших трудов. Работа с книгами требует знаний.

И обернулся к Ганелону.

— *Habent sua fata libelli*. Разве не так?

— Истинно так, — смиренно кивнул Ганелон. — И книги имеют свою судьбу.

Он едва сдерживал дрожь.

Он боялся Амансульту. Он ясно почувствовал, что он для нее ничто, ничиль. Он не хотел, чтобы его вернули Гийому-мельнику. Словно издалека он услышал холодный голос Амансульты:

— *Cras, cras, semper cras. Sic evadit etas*.

И опять понял.

“Завтра, завтра, всегда завтра. Так проходит жизнь”.

Ему даже показалось, что он понимает и тайный смысл сказанного.

Но утверждать это он бы не решился.

Мир вокруг стал смутным и в то же время сияющим. Так бывает в глубине ручья, когда лучи солнца падают на донные камни. Слова Амансульты, донесшиеся как бы издалека, были как такая скользкая по дну ручья рябь, и Ганелон понял, что не будет отослан к Гийому-мельнику.

Но презрение и холодность госпожи ранили Ганелону сердце”.

V—VII

“...и увидел, как ловко монах свернул шею гусю.

Раскрыв рот, Ганелон поднялся из-за куста терпко пахнущего барбариса, за которым прятался.

— А-а-а, это ты, Ганелон! — Брат Одо быстро перекрестил его левой рукой. — Я знаю, Ганелон, у тебя хорошая память. Так многие говорят в замке Процинта. Хорошо иметь хорошую память, Ганелон, — улыбнулся он, — но есть вещи, о которых помнить не надо. Совсем не надо. Увидел и забыл!

Брат Одо опять улыбнулся, и его лицо, сильно побитое оспой, просветлело.

— Понимаешь, есть вещи, о которых совсем не надо помнить, да, Ганелон? — И произнес: — Absit!

Ганелон кивнул.

— Господь милостив, — сказал брат Одо, ничем не смущаясь и начиная обдирать гуся. — Садись рядом. Ты умеешь разжигать огонь?

Ганелон кивнул.

— Так разожги огонь. Этот гусь господень. Раз он сам шел мне в руки, значит, его подталкивал Господь. Ты готов разделить со мной трапезу?

Ганелон кивнул.

Брат Одо совсем не походил на монахов из монастыря Барре, и он не походил на ученого клирика. Он был ловок и подвижен, все в нем горело. Он ловко и быстро управился с украденным гусем и низал его на вертел. И место брат Одо выбрал удобное — на берегу речки под известняковыми обрывами. Разведенный здесь огонь нельзя было увидеть ни из замка, ни из деревни.

Ганелону не хотелось возвращаться в замок.

Лучше слушать цикад, чем ворчание монаха Викентия, а гусь оказался вкусным.

— Я знаю, ты не раз дерзил госпоже, Ганелон, — весело сказал брат Одо, запивая гуся красным разбавленным водой вином. Фляжку с вином он держал при этом перед собой двумя руками. — Я знаю, ты в ссоре со всем миром. У тебя нет друзей. Тебя часто дразнят Моньо, монашком, за твою доверчивость и чистую кротость. Я знаю, что Гийом-мельник часто наказывал тебя розгами и запирали на ночь в позорном помещении. Ученый клирик и сейчас стегает тебя розгами по плечам, и ты не очень часто посещаешь мессу и не всегда держишь себя скромно. Это так?

Ганелон печально вздохнул.

— Но ты много читаешь, Ганелон, я знаю. Ты постоянно перечитываешь Писание. Когда можешь, ты посещаешь службы и умеешь одолеваять лень. Ты искренне раскаиваешься в проступках. Ты беден и лишен родительской ласки. У тебя косит левый глаз, Ганелон, и ты, правда, беден. Но ты же знаешь, ты уже должен это знать — Господь избрал бедняков богатых верою. Ты ведь знаешь об этом?

Ганелон кивнул.

— Я знаю, ты донашиваешь чужие обноски. Большой пирог, запеченный в оловянном блюде, как правило, не достается тебе. Бывало, ты воровал сыр из мышеловок Гийома-мельника, — брат Одо прутиком быстро начертил на песке таинственный

знак. — Я чувствую, ты готов к подвигу. Я чувствую, ты давно готов к подвигу. Тебя мучают видения. Тебя часто влекут звуки невидимых горнов и труб, голоса невидимых небесных труверов. Ты уже не раз видел в своих видениях Деву Марию, — брат Одо быстро перекрестился. — И ты видел в своих видениях святого Петра. Он был одет в простую рубашку с продранными рукавами. Ведь так? Не стесняйся меня. Такие видения должны только радовать, они — вышний знак, Ганелон. Скоро ты будешь кем-то, а не просто робким мальчишкой из деревни, призванным госпожой для услуг. Скажи, Ганелон. У тебя, конечно, грязные ногти, и госпожа смотрит на тебя с отвращением, но ведь тебе нравится госпожа? Разве это не так?

Ганелон кивнул.

Еще никто так толково не рассказывал ему про его жизнь.

— Ты ведь знаешь, кто такой дьявол?

— О да, — печально сказал Ганелон. — Он враг всего миропорядка.

— Верно сказано, — брат Одо перекрестился. — У каждого свое дело, каждый призван к тому, что ниспослано ему свыше. Простолудин и виллан трудятся, священник молится, учит и наставляет, благородный рыцарь оберегает страну. Без Божьих законов нельзя жить пристойно. Только животные обходятся без латыни и Священного Писания. Мудрость наша через Откровение Божье. Мудрость, Ганелон, это то, что Иисус открыл людям о Боге. Сам апостол Петр основал римскую общину и был

первым ее апостолом. Римская церковь — главная во всей Вселенной. Земля Рима густо пропитана кровью мучеников, среди них Петр и Павел. Мы должны хранить завещанный ими порядок. Мир должен быть осиян. Еретики, столь расплодившиеся в Лангедоке, порождают ложные мысли и ложное отношение к вещам. — Брат Одо улыбнулся: — Я вижу, ты понимаешь мои слова.

Ганелон кивнул.

— Жирные паштеты, сладкие пироги, крупитчатый хлеб, — продолжал брат Одо, с удовольствием обгладывая крыло гуся. — Тебе хочется полежать в душистой летней траве, а тебя гонят переносить тяжелые мешки или убирать навоз из грязного коровника. Тебе хочется съесть кусок вкусного окорока, — брат Одо вытер ладонью испачканную жиром рябую щеку, — а тебе дают сухую кукурузную лепешку. Люди темны, Ганелон. Даже Священное Писание они усваивают не по тексту, а из слов ученого клирика. Их слова — слова Бога, но их дела часто дела дьявола. Зато ты, Ганелон, разбираешь латынь, ты умеешь объясниться с сарацином и с греком. Это особый дар, Ганелон. Я чувствую, ты наделен харизмой, в тебе есть способность видеть тайное, скрытое от глаз. В тебе есть вера. Борьба града небесного и града земного — вот благодать верующего. Считай, Ганелон, что ты уже на пути к спасению.

Он замолчал.

Ганелон терпеливо ждал.

— Твоя госпожа из замка очень мила. Но она

строга, ее зовут Амансульта. Вы прозвали ее Кастеллоза... — Брат Одо задумчиво потер переносицу, его глаза совсем округлились и совсем сошлись к переносице. — Твоя госпожа много знает. Она молода, но много знает. У нее в замке бывают странные люди. Например, совсем недавно у нее был один необычный старик, я знаю. Он носит красную шапку и очень длинный плащ. Зачем он приходил, Ганелон?

Ганелон пожал плечами.

— Известно, граф Раймонд Тулузский покровительствует необычным людям. Он дружит с твоей госпожой. Это гордыня, Ганелон, хотеть знать больше, чем тебе предписано церковью. Гордыней, Ганелон, как правило, бывают обуреваемы люди, в душе предающиеся дьяволу. Именно они дерзают сравниться с Богом. Но пока они тщетно стараются выковать в кузнице дьявольской самую наираспрекраснейшую вещь в мире, Ганелон, Господь великий одним движением обращает паука в солнце. Тогда испуганный дьявол делает так, что искаженное похотью лицо становится похожим на морду животного. Ты ведь видел такие лица?

Брат Одо отрыгнул. Он наконец наелся.

— Необычные и необыкновенные люди, Ганелон, очень часто бывают обуяны гордыней. Твоя госпожа тоже необычный и необыкновенный человек, она бежит людей, искренне посвятивших себя Богу. Она умеет объясниться с пленным сарацином, она изучала риторику в монастыре Барре, она знает философию, она держала в руках старинные

инкунабулы, каких нет даже в Латеранской библиотеке. — Голос брата Одо стал вкрадчивым: — Но дьявольская гордыня, Ганелон! Никогда не торопись устремляться на прекрасное. Беги от прекрасного, неважно, в каком облике оно предстанет перед тобой. Прекрасное это тень, подобие тени, а стремиться надо к тому, что само по себе отбрасывает тень. Ты понимаешь?

Ганелон кивнул.

Он был смущен.

Никто никогда не разговаривал с ним столь открыто и просто.

Он верил брату Одо.

Ему хотелось верить брату Одо, как всегда хочется верить человеку, с которым ты только что разделил трапезу. Пусть даже этой трапезой был всего лишь краденый гусь.

Ему хотелось говорить с братом Одо. Ему было что рассказать брату Одо. По неизреченной своей милости Господь, при известных немощах, наделил Ганелона острым зрением и острым слухом. Он не раз слышал из-за приоткрытых дверей залы, освещенной факелами, негромкие голоса госпожи и монаха Викентия. Странные пугающие голоса. Не всегда даже можно было понять, о чем, собственно, они говорили.

Но Ганелон все хорошо запоминал.

Он, например, сам слышал, как Амансульта произносила:

“Вот видишь... На пергаменте опять проступили слова...”

Наверное, они восстанавливали текст старой книги.

“Вот видишь... — Голос Амансульты был полон странных надежд. — Вот видишь, вот здесь... Здесь вполне можно прочесть слова...”

И голос Викентия из Барре писклявым мышинным голосом читал:

“Для того, чтобы достичь... Для того, чтобы достичь глубин познания...”

— Да, я отчетливо вижу, что тут начертано именно так — глубин... “Для того, чтобы достигнуть глубин познания, не всегда следует искать тайных проходов... Иногда достаточно поднять уровень вод...”

“Я не понимаю. Что это может значить?” — слышал Ганелон негромкий голос Амансульты.

“А разве слова всегда должны что-нибудь означать?” — удивленно спрашивал Викентий из Барре.

Да, Ганелону было что рассказать брату Одо.

Он, например, слышал о неистойой Джильде из соседней деревни. Джильда была толста, и в чреве ее часто стонал дьявол. Он слышал о рыцаре из Нима, которого конь самым волшебным образом всего за час доставил из Иерусалима в Ним и обратно. Он видел старинные книги, на полях которых теснились пометки Амансульты и монаха Викентия. Он даже уже догадывался, зачем Амансульта так часто уходит на древнюю мраморную дорогу, стремясь опять и опять увидеть верхний пруд...”

VIII—XI

“...нисколько не удивился тому, что Амансульту сморил сон.

Вода журчала, в пруду она заметно поднялась. Полдневный жар смирил птиц, звенели только цикады.

Ганелон боялся уснуть.

Он боялся упустить Амансульту.

Он помнил слова брата Одо и знал, что послан сюда для спасения души своей госпожи. Он молится за нее, он удручен гордыней своей госпожи, он озабочен ее греховностью.

Ганелон боялся уснуть.

Борясь со сном, он смотрел в небо или смотрел вниз в долину, заново пересчитывал бойницы и окна замка, вспоминал странные вещи, неясные, как расплывающиеся в небе облака.

Гордыня.

Брат Одо прав.

Дьявольская гордыня.

Дьявольской необузданной гордыней поражен весь род барона Теодульфа, начиная с Торквата, а может, и еще глубже.

Однажды Ганелон сам видел, как бородатые дружинники по наущению пьяного, как всегда, барона Теодульфа раздели донага, вымазали пчелиным медом и вываляли в птичьем пуху проезжавшего мимо замка самого епископа Тарского.

Старика заставили весело петь и плясать наподобие ручного медведя и даже по несколько раз по-

вторять вслух слова куражившегося пьяного трубадура.

Кто первым некогда,
скажи, о, Боже, нам,
решился кое-что
зарешетить у дам?
Ведь птичку в клетку посадить,
все это стыд и срам!

Несчастный епископ Тарский раскачивался из стороны в сторону, с трудом переступал по земле слабыми ногами, в глазах его стояли слезы, но до умопомрачения испуганный рослыми дружинниками, он послушно повторял:

Да, встряска так нужна
всем дамским передкам,
как вырубка
березкам и дубам.
Срубил один дубок,
глядишь, четыре там!

Несчастный рыдающий епископ раскачивался и подпрыгивал и, как кукла, разводил ватными руками, тонким голосом повторяя вслух:

Рубите больше, от того
урону нет лесам!

Барон Теодульф, багровый от вина, держал в руках огромную чашу.

Он рычал, он ревел от восторга.

Затем несчастного епископа Тарского под улюлюканье дружинников и гостей бросили в грязный ров, и хозяин замка Процинта вновь поднял на помост рьяного трубадура.

В Лангедоке есть барон прославленный,
имя носит средь людей он первое.
Знают все, он славен виночерпием
всех превыше лангедокских жителей.

— Эй! Эй! — с ревом подхватил узнавший себя в песне барон.

— Эй! — громко подхватили гости.

Пить он любит, не смущаясь временем.
Дня и ночи ни одной не минется,
чтоб упившись влагой не качался он,
будто древо, ветрами колеблемо.

— Эй! Эй!

Он имеет тело неистленное,
умащенный винами, как алоэ.
И как миррой кожи сохраняются,
так вином он весь набальзамирован.

— Эй! Эй! — ревели гости и дружинники, но хор голосов постепенно начал ослабевать.

Этого не замечал только пьяный трубадур.

Он и кубком брезгует и чашами,
чтобы выпить с полным наслаждением.
Он горшками цедит и кувшинами,
а из оных — наивеличайшими.

В зале стало совсем тихо.

Барон Теодульф побагровел. Казалось, глаза его сейчас выпрыгнут из орбит.

Ганелон так тогда и подумал: вот сейчас у барона напрочь выпрыгнут глаза из орбит, а потом разъяренный барон выбросит наглого трубадура в ров вслед за несчастным епископом.

В тишине, еще более тревожной от дымивших и потрескивавших факелов, было лишь слышно, как

под огромным столом грызлись и рычали из-за костей собаки.

Испуганные служки быстро меняли блюда, стараясь двигаться беззвучно и незаметно.

Копченая медвежатина, огромный кабан, целиком изжаренный на вертеле, запеченные в листьях гуси... Овощи, приправленные рублеными жареными скворцами, горная форель, трюфели... Славки и завирушки, запеченные в дымящемся пироге...

Выпала из рук служки и шумно разбилась о каменный пол круглая соляная лепешка, несомненно, к ссоре.

И тогда барон Теодульф торжествующе, сильно ударил по спине задохнувшегося трубадура своей огромной ладонью.

— Клянусь всей преисподней, истинно так! — взревел он во всю мощь своих гигантских легких, и ужасная бледность, начавшая было распространяться по щекам враз протрезвевшего трубадура, вновь начала сменяться счастливым пьяным румянцем.

— Истинно так!

Гости тоже взревели.

Они взревели так, будто изнутри их терзали демоны.

А громче всех ревел хозяин Проценты.

— Клянусь апостолом Павлом, истинно так!

Он ревел как сказочный зверь. Тени метались по стенам залы.

И все же именно барон Теодульф, каким бы чудовищем он ни казался соседям, одним из первых принял обет святого креста. Он оказался среди тех

благородных рыцарей, которые первыми ступили на стезю Гроба Господня вместе с лукавым королем Франции Филиппом II Августом, вместе с неистовым королем англов Ричардом Львиное Сердце, наконец, вместе с рыжебородым великаном королем германцев Фридрихом I Барбароссой.

Ганелон вздохнул.

Пути господни неисповедимы.

Фридрих I Барбаросса, император германцев, рыжебородый великан, совершивший немало подвигов, неистовый праведник, не знавший устали в деле обращения неверных, внезапно утонул в бурной реке Салеф, текущей неподалеку от города Селевкия.

Неистовый король англов Ричард Львиное Сердце до сих пор ведет спор с королем неверных Саладином, полное имя которого Юсуф, рожденный Айюдом, курдом из племени хазбани, служившим еще правителю Мосула и Халеба, кажется, сыну Занги-Имад ад-Дина. Это Ганелон запомнил со слов Салаха, с которым провел у Гийома-мельника почти год.

А лукавый король французов Филипп II Август внимательно и хищно присматривается исподволь к многочисленным соседским территориям, к тем, конечно, которыми может расширяться Франция. Конечно, король Филипп всегда поддержит идею нового святого похода, но неизвестно, двинется ли он сам в новое странствие? Кто-то слышал, что король Филипп не раз уже произносил такое: на одну-единственную человеческую жизнь вполне достаточно одного святого похода.

А барон Теодульф томится в неволе.

Родовой замок барона Теодульфа охраняет его юное дитя — девица с презрительным взглядом, Амансульта. Ни на минуту не забывает она об отце, и сердце ее вторит любому призыву к новому походу на неверных.

Она знает, этот поход состоится.

Она верит — он состоится скоро.

Пыль дорог.

Ход времени.

Еще недавно клубилась пыль дорог под ногами святых странников и ход времени казался неостановимым. Благородные рыцари штурмом взяли крепость Акра, под стенами которой, правда, попал в плен к неверным барон Теодульф, но зато в Тире потерпел ужасное поражение мессир Конрад Монферратский. Все как бы остановилось на время, как бы примолкли, обдумывая случившиеся события, только неистовый король Ричард продолжал воевать с неверными. Он так усердно исполнял святое дело, что его именем стали пугать детей и животных.

“Не плачь, дитя, не плачь, — шептали в ночи не засыпающим детям одинокие матери. — Не плачь, дитя, а то тебя заберет король Ричард!”

“Что ты спотыкаешься, дьявольское отродье! — ворчал всадник на своего коня. — Короля Ричарда увидел, что ли?”

И не взята пока Яффа. Не взят Аскалон. А сам святой Иерусалим унижен неверными.

И все-таки над дорогами вновь клубится пыль.

Собираются на площадях братья-проповедники.

Одни блаженно улыбаются и перебирают кипарисовые четки: радуйтесь вечному свету дня, истинные христиане, отриньте из душ любое уныние, ведь нет ни у кого каких-либо потерь перед ликом Господа! Другие с упреком и строгостью смотрят на легкомысленных мирян: опомнитесь, истинные христиане, лишний день радости не дает вечного блаженства. Душу спасайте!

Проповедуют на папертях тряпичники-катары Роберта Ле Бугра: отриньте суету сует, забудьте распятия и иконы, истинные христиане, не предавайтесь идолопоклонству. Господь все видит!

В замках и в городах, в селах и в деревнях вещают с амвона легаты папы: внимайте голосу римского апостолика, вы, знатные и простолюдины, рыцари и вилланы, маркграфы и шатлены! Готовьте себя к стезе Гроба Господня, готовьте себя к святому делу неистового истребления неверных! Смотрите, как много особых знаков ниспослано с небес Господом!

И это так.

Многие истинные христиане видели плывущие с востока на запад и с запада на восток странные кроваво-красные облака. Эти облака вдруг сталкивались друг с другом и заполняли все небо кровью. А другие видели на Солнце темные, бесформенные пятна. Еще видели на ночном небе комету с серебристым хвостом. А один кюре пугал паству видениями страшной битвы, однажды разыгравшейся в высоком небе прямо над монастырем в Барре. Кюре собственными ушами слышал отдаленные отзвуки

битвы и даже узнал каменные башни, вокруг которых шло сражение. Это были башни священного Иерусалима, и нельзя было не верить юре, потому что все это он видел сам и своими собственными глазами.

А брат Одо утверждал, что некий священнослужитель — имя его он не стал произносить вслух — держал в руках грамоту, прямо на его глазах упавшую с неба. Не было в тот день в небе ни туч, ни облаков, не летали птицы, не шел дождь или град, но грамота упала с неба на землю, и в этой упавшей грамоте содержался неистовый призыв самого Господа выступить, наконец, против неверных, и выступить как можно быстрее!

Брат Одо прав.

Господь требует нового похода в Святую Землю.

Серкамон, странствующий певец, сочиняющий кансоны, славящие вечную любовь, злобные сервенты, жалящие врагов, поющий баллады, долгие альбы — песни утренние, и сладкие пастореллы о случайной встрече рыцаря и простой пастушки, вот такой серкамон, странствующий певец, сел недавно перед церковью в Барре на мешок с травой.

Серкамона мгновенно окружили простолюдины и вилланы.

Белело в толпе длинное морщинистое лицо дамы Лобе, окруженной взрослыми дочерьми. Стоял рядом с дамой Лобе викарий, шею которого туго охватывал паллий, белый шерстяной воротник с вышитыми шелком крестами — символ истинного па-

стыря, несущего на плечах овцу. Здесь же в толпе переминались небогатые вавассеры, торговавшие в Барре вином.

Скоро здесь окажется и Амансульта, сразу решил Ганелон.

Он хорошо знал, что когда где-нибудь появляется человек, ходивший в Святые Земли, Амансульта непременно старается встретиться с таким человеком.

Услышав о серкамоне, поющем в Барре, Амансульта непременно сюда прискачет, оставив все свои дела, потому что, возможно, пути серкамона пересекались где-то с путями барона Теодульфа.

Серкамон был тощ и сер, весь как пеплом обсыпан. А кожа у него была тоже серая, выжженная, как зола, или как плохо выделанная замша. А глаза желтые, злые, как у волка, случайно вырвавшегося из загона.

Вилланы перешептывались, мяли шапки в руках.

Говорили, что поющий в Барре серкамон дал священный обет — не пить ни капли вина и петть святой подвиг до тех пор, пока рыцари вновь не двинутся в Святую Землю.

Это пугало.

В домах грязно, тесно, докучливые мухи мучают скот и детей, купаются в пыли куры, поля ждут рабочих рук, зачем торопиться на край неизвестной земли, пусть и святой?

Вилланы и простолюдины настороженно приглядывались к серкамону.

Говорили, что это не простой серкамон.

Говорили, что голосу серкамона внимала сама Альенора Аквитанская, мать неистового короля англо-Ричарда, прозванного Львиным Сердцем, нежная дама удивительной, неведомой, может, даже демонической красоты. Говорили, что серкамон был принят при дворе сеньоры Марии Шампанской, что его высокий, чуть хрипловатый голос звучал в родовых замках мессира Бонифация Монферратского, мессира Альфонса Кастильского, что его голосом восхищалась прекрасная Аэлиса Блуаская и даже пел он, как это ни странно, перед Раймондом Тулузским, покровителем катаров.

Странный обет, перешептывались в толпе, не пить вина, но петь святой подвиг даже перед простолюдинами.

А серкамон пел.

Павший на поле брани, пел серкамон, сверкая злыми желтыми глазами, и тот, кто в бою сорвал с древка желтое знамя султана, и тот, кто щедро проливал кровь неверных, не щадя ни женщин, ни детей их, — счастлив!

Даже попавший в неволю, пел серкамон, даже погибающий в плену от голода и жары, забывший в страданиях все радости жизни, страдающий в ужасе — счастлив!

Счастлив любой, кто поднял меч на неверных — он спасен!

Те, кто в неволе, грызут жесткий тростник, они пьют тухлую воду из вонючего бурдюка, их кусают москиты и мелкие твари, неверные подливают им в воду настойку, бесконечно продлевающую страда-

ния. Неверные умеют всячески утомлять дракона, шумом и огнем не давая ему возможности садиться на землю, неделями выдерживая несчастного дракона в воздухе. Из крови такого утомленного дракона и делается настойка, продлевающая страдания.

И все равно, те, кто в неволе, — спасены!

Их дело угодно Богу.

Серкамон злобно сверкал желтыми глазами и пугал толпу. Он сразу увидел Амансульту, когда она подскакала к церкви верхом на лошади, но сделал вид, что никого не замечает, что ему абсолютно все равно, кто слушает его пение.

Юную хозяйку замка Процинта сопровождали два дружинника.

Низко наклонясь с седла, она внимательно прислушалась.

— Монжуа!

Голос серкамона был полон праведного гнева.

Он призывал.

Он провозглашал боевой клич палатинов.

— Монжуа!

Под этот клич — монжуа! — он, серкамон, носил тяжелые камни для военных укреплений в Сирии, держал ночную стражу под Акрой, рубил мечом головы неверным, врезаясь вслед за благородными рыцарями в их строй, терпел великие опасности на суше и на море, рвал острым копьём желтые мерзкие штаны Магомета.

Святое странствие не закончилось! Пока Гроб Господень не освобожден, оно не может закончиться! — взывал серкамон. Наступает пора, когда па-

ладины вновь двинутся в земли, освященные страданиями Христа. И будет презрен тот, кто откупится от странствия золотом!

Желтые волчьи глаза серкамона сверкали.

Вот подходит пора, вновь причалят суда святых пилигримов к берегам Святой Земли!

Вот подходит пора, вновь неверные сдадут Яффу и уйдут, побитые, в Вавилонию, а униженный Иерусалим откроет ворота перед неукротимыми святыми паладинами!

Вот подходит пора, все твердыни, воздвигнутые неверными, рухнут, тяжелые каменные стены рассыплются и многочисленные враги Иисуса познают тяжесть железных цепей!

Я люблю путаницу алых и лазурных щитов! — пел серкамон. — Я люблю путаницу пестрых боевых значков, цветные шатры и белые палатки в долине, ломающиеся с треском копья, тяжелеющие от летящих в них дротиков щиты, железные, раскалившиеся на безумном солнце латы!

Я люблю ржание боевых коней, грохот катапульт и тяжкий ход рыцарей в броневом строю!

Кровь за кровь!

Монжуа!

Слушая серкамона, стоя на солнцепеке, Ганелон почувствовал странную лихорадку и дрожь в суставах.

От злобного высокого, чуть хриповатого голоса серкамона глаза Ганелона застлала серая пелена, во рту закис вкус металла, левый глаз начал косить сильнее, чем обычно, левое веко подергивалось.

Он не знал, чего хотела его госпожа, что, собственно, она хотела услышать от желтоглазого странствующего певца, но самого его злобное вдохновение серкамона заставило крепко сжать руки одну в другой.

Сейчас Амансульта пригласит этого ужасного человека в замок! — подумал Ганелон. Она не может не пригласить в замок такого знаменитого, такого ужасного желтоглазого певца, который столь неистово поет святой подвиг. Такой святой подвиг уже совершен отцом Амансульта благородным бароном Теодульфом, попавшим в плен к сарацинам.

Амансульта, наверное, охвачена вдохновением.

Ведь она всегда готова мстить за отца.

Ганелон так и вытянулся, чтобы расслышать каждое слово Амансульта.

— Но, добрый серкамон, — вдруг произнесла Амансульта неожиданно сухо, и все повернулись в ее сторону. — Но, добрый серкамон, я хорошо помню, что раньше ты пел любовь. Раньше ты пел исключительно любовь, раньше ты слагал песни исключительно о благородном чувстве. Почему же сейчас...

— Я пою святой подвиг! — злобно возразил серкамон, без всякого испуга перебив юную хозяйку Проценты и подняв на нее свои ужасные желтые волчьи глаза.

Если цикада — символ поэта, то этот серкамон, несомненно, был именно злой цикадой.

— Но, добрый серкамон, — еще более ровно и еще более сухо продолжила свою речь Амансульта,

как бы не замечая внимательно внимающей ей толпы. — Я хорошо помню, что раньше ты пел исключительно любовь. Я же хорошо помню. Я даже могу напомнить слова. “Ненастью наступил черед, нагих садов печален вид, и редко птица запоет и стих мой жалобно звучит, — напомнила Амансульта. — Ах, в плен любовь меня взяла, ах, счастья не дала познать”. — И спросила: — Тебе теперь совсем не хочется петь любовь?

Вилланы и простолюдины тревожно переглядывались.

Они никак не могли понять, к чему клонит юная хозяйка замка Процинты.

— Я больше не пою любовь, — грубо ответил серкамон, и его глаза нехорошо сверкнули: — Я дал священный обет. Теперь я пою только подвиг и святое странствие!”

XII—XIV

“...подвиг и святое странствие.

Серкамон вспомнил лагерь под стенами осажденной Акры.

Презрительно, даже гневно поглядывая выпуклыми черными глазами не в сторону горящего города, а на белые палатки короля Филиппа, под палящим солнцем полощущиеся на ветру, как вымпелы, барон Теодульф двумя руками сжимал походную чашу.

— Клянусь святым нимбом, клянусь копьём

святого Луки, король Филипп в великой задумчивости! — Он с силой опустил чашу на походный стол. — Клянусь всеми святыми и их подвигами, что пока король Ричард болен, король Филипп так и будет оставаться в задумчивости! Наверное, он врос в землю ногами, как вырастает дерево корнями в край скалы.

Серкамон, разделявший стол барона, покачал головой и тоже поднял наполненную чашу.

— День гнева близок, — негромко сказал он, пытаясь успокоить разгневанного барона, разговор с которым, как он знал, в любой момент мог закончиться самым неожиданным взрывом. — Святая Земля давно устала от ужасных страданий. Ноги неверных попирают святые места. Здесь родился, жил и был распят Господь. День гнева совсем близок. Он близок, близок, я чувствую. Я чувствую, я скоро буду петь взятие Акры.

— Если король Филипп возьмет Акру, — барон с нескрываемой яростью поставил чашу на стол, — он опять возвысит над всеми благородными рыцарями маркиза Монферратского. Маркиз Монферратский опять будет смотреть на рыцарей как истинный господин. Если король Филипп возьмет Акру, он непременно прикажет всем смотреть на маркиза Монферратского, как на истинного господина. А у благородных рыцарей не может быть господина. Наш общий сюзерен — Господь. Он щедро вознаграждает каждого за верную службу, прощает грехи, дарует блаженство в раю, и это так и есть, клянусь в том покровами святой Девы Марии!

Кроме господ Бога у благородных рыцарей может быть еще один сюзерен — король, и, конечно, все мы его вассалы, но общего господина у нас нет! — Барон Теодульф гневно ударил кулаком по дереву. — Король Филипп не умеет делать дело так, как он его задумывает. Ты же сам видел, серкамон, что случилось вчера, когда король Филипп решил лично вести на штурм крепости святых пилигримов. Он просто пустая бочка из-под вина. И у него голос, как из пустой бочки. Ты, серкамон, видишь сам, что случилось с рыцарями, поверившими в силу короля Филиппа.

Барон снова ударил кулаком по столу и указал в сторону Акры, защитники которой совсем недавно отбили очередной штурм.

Серкамон обернулся.

Он мог этого не делать.

Он мог и не оборачиваясь видеть все до деталей.

Высокие каменные стены Акры и мелькающие на ее стенах крошечные фигурки неверных, воспринимающиеся издали как некие серые насекомые, ползающие по серым сухим камням, — он это видел каждый день, он это видел много дней подряд.

Собственно, насекомыми и были неверные.

Ведь это они столько лет топтали своими нечистыми ногами землю, освященную страданиями Христа.

И это они, со страстью ужаснулся про себя серкамон, подожгли все три осадные башни, каждая из которых превосходила в высоту шестьдесят локтей.

Башни были такие высокие и широкие, что

верхние их площадки возвышались над стенами крепости и на площадках размещалось сразу по десятку лучников, а также люди, управляющие большой катапультой, получившей у пилигримов имя Божьей пращи, и все же неверные подожгли все три башни. Каждый удачный выброс катапульты очередного камня со стены крепости сметал по пять, а то и по шесть неверных. Сарацины могли лишь взглядами провожать полет камней. Некоторые камни были столь велики, что их не могли поднять три, а то и четыре человека. Такие округлые камни привозили с берега моря, и они день и ночь сыпались на обороняющихся, так же как и стрелы лучников, неустанно обстреливающих неверных.

Кстати, все это знали, даже больной король англов, неистовый Ричард, бледный и невеселый, с желтым львиным лицом, каждый день обстреливал проклятых сарацинов на стенах и башнях, с носилок, на которых лежал, подвернув под себя шелковое одеяло.

Губы короля Ричарда распухли и потрескались, шею покрывали многочисленные гноящиеся фурункулы, зубы шатались, но каждый день он приказывал выносить себя на вал, чтобы все видели его неугасимое желание наказать неверных, не желающих допустить странников к Гробу Господню. Король Ричард терпеливо ждал выздоровления и того сладостного момента, когда можно будет сразу всех воинов бросить на штурм. Он терпеливо накапливал силы и сплывал вокруг себя рыцарей. Если король Филипп от щедрот своих платил каждому

воину по три безанта, то король Ричард с первого дня своего появления под Акрой возвестил по всей войску о том, что всякий воин, пеший и конный, из какой бы он ни был земли, получит от него, если захочет к нему наняться, не по три, а по четыре золотых безанта.

Не многие устояли перед таким соблазном.

Даже люди, обслуживавшие боевые машины короля Филиппа, перешли к Ричарду.

Даже вассал французского короля Анри, граф Шампанский, родной племянник Филиппа, перешел в ряды Ричарда.

Теперь многих рыцарей, ранее окружавших лагерь Филиппа, можно было увидеть на высотах Казал-Эмбера, ближайшего поселения к Акре. Именно там на вересковых равнинах атели шатры короля Ричарда, и там же возводили новую высокую осадную деревянную башню, которая помогала воевать королю Ричарду еще в Сицилии и где она была прозвана за свой грозный вид Игом греков.

Башню, разобрав на части, перевезли под Акру на судах, и теперь она медленно росла, уже издали угрожая сарацинам обрушить тучи стрел на них, как только ее наконец поставят перед стенами Акры.

Если бы не болезнь, вдруг поразившая многих воинов, даже обоих королей, штурмовая башня, может, уже была бы готова. Но арнолидия, так прозвали болезнь, косила людей, и их не успевали хоронить. Это вносило в лагерь пилигримов отчаяние и беспорядок, который усиливался раздорами королей.

Может, Акра была бы уже взята, если бы не эти раздоры.

Ведь если на штурм крепости бросались воины короля Ричарда, то воины короля Филиппа только издали наблюдали за сражением, желая пилигримам поражения, потому что французам не хотелось, чтобы первыми в город вошли воины короля Ричарда.

И наоборот.

При этом некоторые рыцари знали, что одновременно с подготовкой штурма король Филипп тайком посылает драгоценные камни Саладину, предводителю неверных, и получает от него дамасские плоды. Правда, еще немногие знали, что положение сарацинов на самом деле уже столь ужасно, что Саладин, кажется, начинает внимать защитникам Акры и тайно уже дважды объявлял королю Филиппу свои условия.

Спасая эмиров и знатных людей, запертых в Акре, властитель неверных Саладин думал о будущем.

Ради будущего он был готов на огромные уступки.

Сам священный Иерусалим, так же, как крест Христов, так же, как все земли, завоеванные в течение пяти лет до пленения латинского иерусалимского короля, он готов был отдать христианам. Но в ответ на это христиане обязаны были заключить с ним двухлетний союз, направленный против его врагов на Евфрате, оставив ему также Аскалон и Керак Монреальский.

Если бы не упорство короля Ричарда, не желавшего и слышать о каких-либо условиях, возможно,

король французов Филипп и принял бы предложения Саладина. Но неистовый и жестокий король Ричард, прозванный Львиным Сердцем, надеялся на Божью милость, на удачу, на своих воинов и на скорое выздоровление.

Именно поэтому короля Ричарда каждый день выносили на насыпанный христовыми воинами вал, именно поэтому каждый день он находил силы натянуть тетиву так, чтобы стрела взмыла над стенами Акры.

— Клянусь лопаткой графа Монферратского, я не знаю этого человека! Кто это? — брызгая слюной, спросил барон Теодульф, указав кулаком на рыцаря в латах, медленно проезжавшего на крупной белой лошади перед белыми палатками маршала Шампанского. — Клянусь всем, что я оставил в замке Процинта, прежде я никогда не встречал этого рыцаря под стенами Акры.

— Это граф Готье Бриеннский. Он только неделю назад сошел с судна. С ним прибыли некоторые осадные орудия и большой отряд лучников, — охотно ответил серкамон, вдруг очень пожалев про себя, что преданный вассал короля Филиппа именно в такой час проезжает мимо разгневанного барона.

Семь конных оруженосцев графа Готье Бриеннского ехали вслед за своим господином внешне не торопясь, но настороженно. Они знали, что едут по лагерю союзников, но они знали уже и о том, что воины короля Ричарда — опасные союзники, и держались несколько напряженно, хотя копыта их были опущены остриями вниз.

— Почему в свите графа едет храмовник? — еще больше удивился барон Теодульф и тяжело заворочался на низком походном сиденье. Выпуклыми своими глазами он увидел следующего за оруженосцами плотного монаха в белом плаще с нашитым на нем красным крестом.

— Это брат Серджо, — негромко ответил серкамон, снова пожалев про себя, что храмовник столь не вовремя попался на глаза барону. — Он прибыл под Акру с отрядом графа Монферратского. Он прецептор и член генерального капитула ордена тамплиеров.

— Клянусь почками святого Петра, если такая жирная и грязная свинья, как храмовник, вдруг ни с того, ни с сего появляется в боевом лагере, это означает только одно — эта свинья что-то знает. Храмовники никогда не идут впереди воинов. Они всегда пользуются слухами или украденными сведениями и прикрываются спинами благородных рыцарей, ожидая момента, когда из-за чужих спин можно будет кинуться в поверженный город и захватить лучшие дома и самые большие богатства. Однажды подобная свинья посоветовала мне отречься от якобы моих дочерей — гордыни, жадности и распутства. И один раз я все-таки внял голосу этой свиньи, отдав навсегда свои пороки: гордыню — тамплиерам, жадность — тамплиерам, и распутство — тамплиерам. Мне нечего дать им больше. Зачем же тут эта грязная жирная свинья, облаченная в белый плащ со святыми крестами?

Серкамон пожал плечами.

— Жабер! — крикнул барон Теодульф, и его оруженосец мгновенно вырос перед ним.

Оруженосец был невысок и хмур. На нем были короткие штаны, башмаки на пряжках и кожаный колет, надетый прямо на голое тело. На поясе у него висел простой железный кинжал.

— Жабер, — барон стер обильный пот со лба огромным полотняным платком. — Иди и останови вон того храмовника. Останови его и спроси, что в такой жаркий час под стенами Акры делает в моем присутствии столь жирная, столь упитанная свинья?

Жабер хмуро кивнул.

Но не бросился исполнять приказание.

Серкамон усмехнулся.

Он понимал Жабера, но не хотел даже кивком помочь Жаберу.

Хоть храмовник и отстал от свиты графа Готье, задержавшись возле палатки торговца хлебами, все равно Жабера можно было уже считать мертвецом. Граф Готье был не из тех, кто может стерпеть оскорбление, пусть даже нанесенное не ему, а кому-то из его людей, тем более в его присутствии. Единственное, что мог сделать серкамон для Жабера, это немного потянуть время, чтобы граф Готье и оруженосцы могли отъехать достаточно далеко.

Но он не успел.

— Ты еще здесь, Жабер?

Жабер хмуро повернулся и двинулся к палатке торговца.

Барон Теодульф замер, ожидающе выпучив

свои черные глаза. Серкамон тоже внимательно следил за происходящим.

Они не слышали, что именно говорил Жабер храмовнику, наклонившемуся с лошади, но храмовник несколько раз посмотрел в сторону барона Теодульфа, а потом вдруг действительно повернул лошадь.

Подъехав к палатке барона Теодульфа, храмовник перекрестился и спешил.

Барон не ошибся.

Храмовник и впрямь был упитанным. К тому же, похоже, ни одна болезнь в последние годы не тревожила его. Он чувствовал себя свободно, хмурый вид барона Теодульфа его несколько не смутил, хотя по привычке храмовник старался казаться смиренным.

— Ты передал мой вопрос храмовнику, Жибер? — грозно спросил барон у оруженосца, даже не взглянув на спешившегося монаха.

Жабер молча кивнул.

— Ты передал ему мой вопрос совершенно точно? — спросил барон.

Жабер кивнул.

— И что тебе ответила эта толстая жирная, хорошо упитанная свинья в плаще такого чистого белого цвета?

— Брат Серджо сказал, что сейчас не время для ссор и шуток. Он сказал, что штурм крепости может начаться в любой момент, — хмуро ответил Жабер, стараясь не смотреть на храмовника. — Еще он сказал, что в последнее время пилигримы

маршала Шампанского очень возбуждены. Они не хотят ждать окончания переговоров. Они не хотят ждать выздоровления короля Ричарда. Они хотят взять Акру без всяких условий, чтобы можно было получить сразу все припасы и все богатства города. И чтобы можно было свободно поставить всех жителей города на рынок Антиохии, не убивая их. Еще он сказал, что Господь сам рассудит, что случится с каждым, но он утверждает, что братья ордена в любой момент готовы помочь воинам маршала Шампанского.

— Клянусь всеми святыми, это означает лишь то, что жирные храмовники в любой момент готовы трусливо, но нагло разграбить все, войдя в город за спинами воинов!

Жабер кивнул.

Он старался не смотреть на монаха.

И, несомненно, он был рад, что граф Готье Бриенский с оруженосцами успел отъехать далеко, не заметив того, что монах отстал.

— Мой оруженосец правильно пересказал мне твои слова, монах?

Храмовник смиренно кивнул.

— Клянусь мощами святого Николая, я слышу сегодня удивительные вещи! Неужто храмовники способны перебороть свою врожденную трусость и помочь истинным воинам в штурме Акры?

Брат Серджи перекрестился и смиренно указал на вал:

— Мы всего лишь слуги Господни. Мы делаем все, чтобы помочь общему делу.

— Что ты имеешь в виду, монах?

— Разве ты не видишь ту боевую машину на валу, которая непрерывно обстреливает Акру? Она принадлежит тамплиерам и обслуживается смиренной братией. Никто из смиренных братьев ни разу не покидал своего места даже во время вражеских вылазок.

— Разве это не машина герцога Бургундского, прозванная Злой соседкой? — удивился барон.

— Нет, — смиренно пояснил храмовник. — Злую соседку сарацины еще вчера сожгли греческим огнем при вылазке. А боевая машина, которую я тебе показываю, обслуживается только тамплиерами. Хочу напомнить, смиренная братия стоит на этом валу уже несколько месяцев. И насыпать христовым воинам вал помогали тоже люди ордена храмовников. Господь позволяет нам владеть оружием и направлять его против неверных.

— Клянусь небом, этот монах говорит разумно, жадность еще не совсем помутила его голову! — удивился барон. — Но разве Господь позволяет вам учинять несправедливый грабеж в занятых городах?

— Смиренная братия ордена всегда идет в бой с передовыми отрядами. Смиренная братия ордена всегда следует общим для всех законам. Первый, кто входит в город, имеет право получить то, что он может получить силой своего оружия. Если святые братья занимают дворец, он становится имуществом ордена, — в голосе монаха словно прозвучал упрек. — Если святые братья захватывают зо-

лото, припасы и оружие, все это тоже отходит в собственность ордена. Ни один святой брат ордена ничем отдельно не владеет. Каждый святой брат ордена дает перед Господом обет целомудрия, бедности и послушания. Мы не поем веселых песен, не смотрим выступления жонглеров, не охотимся с соколами и не играем в кости. Нам ничего и нигде не принадлежит, но все, что мы можем взять у врагов Господа, всегда принадлежит ордену.

— Но на тебе красивый плащ, монах, — проговорил барон Теодульф. — Он не потерт и не испачкан. Видно, что за твоей одеждой следят. Ты упитан и не выглядишь больным. Видно, что у тебя нет проблем с пищей. У тебя на поясе кинжал из дамасской стали, а под седлом прекрасная лошадь. Разве все это не принадлежит тебе?

— Разумеется, — смиренно, но с затаенной усмешкой произнес монах. — Все это принадлежит ордену.

Сейчас барон взорвется, подумал серкамон. Сейчас он, наверное, поднимет руку на брата-храмовника.

Серкамон даже чуть подвинулся, чтобы помешать барону впасть в такой грех, но в это время раздался громкий крик Жабера:

— Глядите!

Все повернулись.

На валу, насыпанном пилигримами, раздались отчаянные крики.

Машина, которую обслуживали тамплиеры, выбросила очередной камень, и он со свистом ударил в

стену, обрушив один из зубцов. Сверкнув на солнце, взлетел в воздух сломанный клинок убитого сарацина, но тут же с другой стороны вала, со стороны крепости, на вал полезли люди в бурнусах. Они яростно выкрикивали дикие птичьи слова и размахивали кривыми саблями. Часть тамплиеров, отбиваясь мечами, сбилась на валу в плотную группу, остальные в панике побежали вниз к палаткам, между тем как ворвавшиеся на вал сарацины забрасывали орудия сосудами с греческим огнем.

Разбиваясь, сосуды изливали на землю и на деревянные станины орудий густую черную жидкость, похожую на помои, но эти странные помои вдруг сами по себе вспыхивали чудовищно ярким огнем, при этом раздавался столь же чудовищный звук взрыва.

Буквально в несколько минут весь вал был охвачен огнем.

Еще через несколько минут над валом высоко взметнулось пламя и яростные клубы черного дыма, заполнив воздух, полностью закрыли осажденную крепость. Не стало видно ни стен, ни башен, только поблескивали на фоне чудовищно клубящейся черной тучи мечи и сабли.

На какое-то мгновение над раскаленными песками, окружающими Акру, воцарилась мертвая неестественная тишина.

— Клянусь дьяволом, это сарацины пошли на вылазку! — взревел барон Теодульф, вскакивая на ноги. — Значит, они открыли ворота!

Он так возбужден, подумал про себя серкамон, что, наверное, ударит сейчас монаха кинжалом.

И ошибся.

Он давно знал барона Теодульфа, но так и не смог научиться предугадывать его поступки.

Не предугадал он их и сейчас, потому что, вскочив с резвостью, совершенно неожиданной для такого громоздкого тела, барон заревел:

— Жабер, зови горнистов! Пусть трубят сбор. Сарацины открыли ворота. Они сейчас ничего не видят из-за черного дыма. Столько дыма я видел только под горящей горой Болкано. Мы воспользуемся этим. Клянусь сетями ловца человеческих душ, через полчаса мы будем в городе. — И, затягивая пояс, торжествующе обернулся к монаху. — Сейчас ты увидишь, кто первым вступает в побежденные города, монах. Все лучшее в Акре поделят между собой святые пилигримы, а не толстые храмовники, не такие толстые свиньи, как ты. На вид ты, конечно, благочестив, монах, но внутри жаден, как норманн. Не спорь, не спорь, жаден!

— Я слуга Господа, — смиренно ответил монах, но на этот раз в его голосе прозвучала настоящая, почти уже не скрываемая угроза.

Впрочем, монах тут же отвернулся. Он пытался понять, что, собственно, происходит под стенами Акры.

Сотни воинов выскакивали из палаток, на ходу вооружаясь, на ходу застегивая лямки и пояса.

Кто-то, воткнув в песок меч, в последний раз крестился на его рукоять, кто-то седлал лошадь, кто-то бежал по песку, крича: “Монжуа!” и размахивая над головой дубиной, и сам барон Теодульф

успел уже нацепить меч и, как был, без лат, только в кожаном колете, неся в сторону крепости.

За бароном следовало пятьдесят всадников во главе с Жабером.

Наверное, как и сам благородный барон, его воины надеялись первыми ворваться в Акру на плечах сарацинов и, может, открыть всем остальным святым пилигримам ворота крепости.

Конечно, это был случайный порыв.

Но это был стремительный порыв.

С самых разных сторон лагеря, как со стороны французов, так и со стороны воинов короля Ричарда, мчались конные воины, бежали пешие, размахивая над собой деревянными самодельными крестами, а чуть в стороне, вздымая над собою желтую пыль, неторопливо двигался броневой отряд рыцарей, непонятно когда приготовившийся к бою.

Возможно, маршал Шампанский сам по себе готовил вылазку и это по воле Божией совпало с вылазкой сарацинов.

Вой труб и крик горнов неслись над песками.

И уже змеились по песку вихри огня, сжигая траву и сухой вереск. Длинные огненные змеи, разбрасывая удушливый дым и прихотливо извиваясь, ползли по пескам, а мрачные черные клубы почти совсем заволокли крошечное злобное солнце сарацинов, превратив душный день в душную ночь, в которой пахло гарью, в которой бряцало оружие и ржали кони.

Среди всего этого хаоса только броневой отряд рыцарей шел мерно и не спеша.

Сверкая на солнце железными латами, подняв копьа с ромбовидными наконечниками, прижав к груди длинные деревянные щиты, обшитые металлическими пластинами, почти не сгибая ног, затянутых кожаными наколенниками, броневой отряд двигался по горячему песку, закованный в железо, как ужасный змей в железной чешуе, и каждый шаг воинов был зловещим.

Развевались на ветру яркие цветные ленты, привязанные к копьам одиночных конных рыцарей, спешащих к месту схватки. Эти ленты должны были своей пестрой пляской, своим непрерывным движением пугать лошадей противника и отвлекать внимание конников.

Никем не объединенные, никем не руководимые, увлекаемые лишь ужасным возбуждением, как электрический удар пронизавшим вдруг весь лагерь пилигримов, со всех сторон спешили к стенам крепости никем не управляемые отряды и просто отдельные воины.

Их порыв был столь неистов, что серкамон сказал, покачивая головой:

— Счастливым день. Уверен, Акра падет. Уверен, благородный барон Теодульф уже сегодня захватит какой-нибудь богатый дворец. Может, он даже захватит дворец самого Маштуба, начальника Акры, или дворец какого-нибудь богатого эмира. Что ты думаешь об этом, брат Серджо?

Монах перекрестился.

— Я думаю совсем не так.

— А как ты думаешь?

— Я думаю, что уже сегодня этот богохульник потеряет жизнь.

— Уж лучше потерять жизнь на поле боя, чем живьем гнить в этих грязных палатках, — снова покачал головой серкамон, застегивая пояс. — Господь внимателен к своим воинам. — И встал. — Прости, монах, теперь я спешу помочь благородному барону. А отнять жизнь у него пытались многие.

— Этот богохульник зашел слишком далеко.

— Грехи благородного барона прощены его подвигом.

— Может быть... Может быть... — смиренно заметил монах, внимательно следя за сборами серкамона. — Но твой друг богохульник барон давно не видит истинной цели. А когда Господь желает кого-то наказать, он прежде всего лишает таких несчастных зрения.

Серкамон вопросительно взглянул на монаха, но тот, перекрестившись, ловко прыгнул в седло.

— Не ходи в город, серкамон, — сказал монах, не оборачиваясь. — Ты призван петь. Тебя слушают. Не надо тебе терять голову там, где все расставлено по своим местам.

Он так и не обернулся на серкамона, крикнувшего, наконец, коня...”

XV

“...втолкнули в большой шатер на холме.

Одна сторона шатра была полностью открыта,

может быть, для того, чтобы пленные смогли еще раз, в последний, с вершины холма, поднимающегося над Акрой, увидеть лагерь святых пилигримов.

Обгоревший вереск в долине за насыпанным валом еще дымился, осадные башни у стен крепости сгорели до основания, и небо до сих пор казалось застланным обрывками мрачных туч, оно казалось низким и закопченным, и это впечатление еще больше усиливалось тем, что перед далекими многочисленными, разбросанными по всей долине палатками пилигримов, чуть в стороне от того места, где алел шатер больного короля Ричарда, пылал огромный костер.

Ни звука не доносилось с такого большого расстояния, но ясно были видны фигурки людей, окружившие высокий костер.

Серкамон огляделся.

Пленных было пять человек.

Сеньора Абеяра, всего израненного и совершенно обессиленного, держали под руки два неизвестных серкамону француза, а нижняя губа от усталости и боли у сеньора Абеяра отвисла. Большой нос покрылся капельками пота, испарина выступила на бледном высоком лбу, отмеченном рубцом от металлического шлема. Плащ, свисающий с опущенных плеч сеньора Абеяра, был окровавлен и в двух местах порван копьём. Серкамон не видел ран сеньора, наверное, раны сеньору Абеяру перевязали, но по бледности длинного лица сеньора Абеяра, по его мутноватым потухшим глазам можно было понять, что раны серьезные.

Что же касается двух французов, поддерживавших сеньора Абеяра, они могли быть его оруженосцами или кравчими.

Рядом с серкамоном, тяжело отдуваясь, пыхтя, обильно потея, стоял, расставив короткие ноги, барон Теодульф. Он был без колета и кольчуги, с него сорвали даже полотняную рубашку, и он стоял голый по пояс. Пот струйками сбегал по его грузному багровому телу, смешиваясь с кровью, проступающей из-под грубой повязки, охватывающей грудь и правую руку, которую барон не мог поднять. Наверное, на эту повязку ушла его собственная рубашка.

Казалось, барон ничего не понимает.

В его выпуклых черных глазах метались огоньки безумия.

Он, не отрываясь, смотрел на низкое ложе, на котором в десяти шагах от пленных возлежал сарацин в белом одеянии, в сафьяновых сапожках и с чалмой на голове, но без всякого оружия, кроме короткого кинжала, заткнутого за пояс.

Всем своим надменным видом сарацин будто хотел подчеркнуть свою значительность.

По крайней мере, это сразу угадывалось.

Наверное, это впрямь был большой начальник, может, это даже был сам начальник гарнизона Акры Маштуб. Взглянув на него, серкамон почему-то подумал: в шатре такого большого начальника их не будут убивать. Это большой и чистый белый шатер, его пол укрыт толстым слоем пушистых ковров. Если сарацин захочет убить пленных, их, наверное, отведут в другое место.

Это хорошо, ибо, как каждый настоящий певец, серкамон знал цену минутам жизни.

Он еще раз поднял голову, пытаясь внимательнее рассмотреть лагерь палатинов.

Сверху хорошо были видны и стены Акры: в некоторых местах они более толсты, в других они тоньше.

Если бы я сейчас появился перед королем Филиппом или перед королем Ричардом, подумал серкамон, я бы смог помочь войску святых пилигримов, подробно рассказав, где именно стена тоньше, а где нужно насыпать новый вал, чтобы приблизиться вплотную.

Он незаметно перевел дыхание.

Далекие палатки пилигримов вдруг показались ему чужими.

Было странно думать, что еще утром он пускал чашу по кругу, деля теплое вино с бароном Теодульфом и с его оруженосцами. Еще более странно было думать, что утром он мог лапать руками бесстыдных женщин, примкнувших к войску в Италии, а оруженосец барона Жабер громко ругался с прачками и с одной из старушек, что соглашались мыть волосы рыцарям и, несмотря на возраст, в ловкости по вычесыванию блох несколько не уступали обезьянам. Этих женщин часто ругали, даже таскали за волосы, но некоторые из них отличались большой преданностью Господу, и если в них попадала стрела, они непременно просили, чтобы тела их были брошены в ров для устрашения неверных и для того, чтобы рано или поздно ров сравнялся с землей и пилигримы могли по трупам пройти в город.

Сарацин на ложе поднял голову.

Он не был ранен, наверное, он питался лучше, чем многие другие сарацины, но он был бледен и в его высокомерном взгляде угадывалась скрытая печаль.

Шесть сарацинских воинов в зеленых и в желтых шальварах и с саблями наголо и с кинжалами за шелковыми белыми поясами стояли по обе стороны низкого ложа. Еще восемь воинов с трех сторон окружили пленников, хотя было ясно, что пленники вряд ли могут кому-нибудь причинить зло. Они были сейчас как дети — беспомощны и испуганы.

Начальник сарацинов Маштуб печально вздохнул.

Наверное, в отличие от пленников, он уже знал их будущее.

А может быть, в тот момент он думал о положении вверенной ему крепости, потому что он гораздо лучше, чем кто-либо другой, понимал, что защитники Акры могут, наверное, еще отбить пять-семь таких вот стихийных штурмов, но если собаки-латиняне короли Ричард и Филипп наконец договорятся, Акра падет. А Маштуб слишком хорошо знал, как много течет крови по улицам того города, который оказывал сопротивление латинянам несколько дольше, чем того требовали обстоятельства. Золото и серебро все равно не спрячешь. Оно будет найдено, выкопано и увезено. И все живые все равно будут уведены в рабство. И тех, кто убит, не воскресит даже всемогущий Аллах. Если они были убиты, значит, так хотел Аллах.

Голова у Маштуба шла кругом.

Он устал.

С чувством превосходства, но при этом с некоторой завистью, удивившей его, он посмотрел на пленных.

В этом тоже было нечто странное.

Ведь перед ним стояли его побежденные враги, которых он собирался убить, и в то же время он осознавал: перед ним стояли его победители.

Серкамон уловил состояние духа Маштуба.

Серкамон тоже, как Маштуб, почувствовал необычное в воздухе, густо пропахшем гарью. Он знал, что его, как и всех пленников, убьют, и готовился принять это со смирением. Если их убьют не в этом шатре, то, наверное, в трех шагах от него, подумал он. Может, их убьют даже не прямо сейчас, а к вечеру, но все равно убьют.

И все-таки в высокомерно-печальном взгляде Маштуба и в его долгом вздохе серкамон уловил какую-то надежду. Серкамон не боялся умереть, но почему-то ему казалось несправедливым умереть именно сегодня. Он так долго шел к Акре, он проделал такой долгий и сложный путь, что было обидно умереть так рано, не увидев падения Акры, не спев песнь о ее падении.

Серкамон смиренно вздохнул. Мой путь завершен. Наверное, я сегодня умру.

И покачал головой.

Его путь к Акре действительно был непрост.

Сперва уютные гавани итальянского западного берега и десятки безымянных островов, запомнив-

шихся лишь как каменные стаканы, бросающие тень на мерцающие изнутри воды срединного моря.

Потом летучие рыбы, вдруг разбивающие изумрудные зеркала моря.

Почему-то запомнился остров, весь окутанный дымом. Кажется, он назывался Изола. Говорили, что остров Изола горит изнутри, что он сложен из такого камня, который веками тлеет в глубинах горы, все вокруг отравляя ядовитым сернистым дымом.

Но больше всего серкамону запомнилось само срединное море, по которому медленно двигался дромон, тяжелое судно на веслах и парусах, приспособленное перевозить большие грузы.

В некотором отдалении за дромоном двигалось еще несколько судов, перевозивших воинов-паладинов.

Серкамон хорошо запомнил, как сильно однажды возбудился ветер и обманчивое небо густо и обиженно задышало. Ветер хватал суда то спереди, то сзади и гнал их так быстро, что люди на борту понастоящему цепенели, чувствуя ужасную и великую бездну, разверзающуюся под кораблями. Ужасная бездна была заполнена только водой, и это пугало еще больше.

Только за Фарой, когда дромон повернул в сторону Акры, упал штиль, но из-за безветрия дромон встал в виду Монжибея. Лишь в страстной четверг тот, кто отнял ветер и кто может все дать и все взять, вернул все-таки свежий ветер прямым и косым парусам, и в глубокой ночи на корме дромона

были зажжены масляные фонари, на свет которых подтягивались из тьмы другие суда.

Так суда пришли к Криту.

От Крита до Родоса и Кипра оставалось совсем немного, а уж от Кипра суда всего за два дня дошли до Акры, под которой уже были раскинута палатки короля Филиппа.

Перед лицом смерти, мрачно подумал серкамон, никакой путь не кажется долгим.

Он внимательно глядел на Маштуба, возлежавшего на шелковых подушках. Зачем-то Господь не позволил мне утонуть в море, подумал он, не позволил пасть под саблями неверных, не позволил сгореть в ужасном пламени греческого огня и быть зарубленным на тесных улочках Акры.

Раз так, значит, зачем-то я еще нужен Господу.

Он покачал головой.

Он никак не мог понять, почему вслед за бароном Теодульфом в пролом стены не бросились рыцари и лучники, сердженты и тафуры короля Филиппа или короля Ричарда? Что их остановило?

Серкамон с тоской смотрел издали на костер, горящий далеко за стенами Акры.

Возможно, сейчас вокруг костра собрались благородные бароны, чтобы обсудить неудачный приступ. А возможно, обозленные тафуры, которые и на приступ идут босиком, поймали старуху из тех, что рыскают по всему лагерю, а потом передают сведения неверным...

Серкамон почему-то очень хотел знать, что сейчас происходит вокруг костра, но Господь сделал

по-своему: он поставил серкамона перед тем, кого благородные рыцари давно собирались посадить на кол, — перед начальником Акры Маштубом.

Маштуб щелкнул пальцами.

Бесшумно вошел в шатер и присел на корточки рядом с ложем Маштуба невысокий человек, плотно кутающийся в плащ с низко опущенным на лоб тюрбаном.

Маштуб что-то сказал.

— Теперь вы будете отвечать, — по-французски произнес человек в плаще и в тюрбане. — Вам зададут разные вопросы, а вы будете отвечать на эти вопросы. Иначе нельзя.

Это было так неожиданно, что барон Теодульф, брызгая слюной и еще больше, чем всегда, пуча свои безумные глаза, выдохнул:

— Ты кто? Франк?

Человек в тюрбане испуганно вздрогнул.

— Я франк. Но я давно принял ислам. Аллах оказывает свою милость тем, кто искренне признает его силу.

— Клянусь божьей смертью! — богохульно взревел барон. — Клянусь божьими глазами, ногами, руками! Клянусь божьей глоткой и зубом божьим, отступник, я доберусь до тебя!

— Тебя убьют раньше, чем ты поднимешь руку, — смиренно ответил отступник и, повернув голову к Маштубу, перевел ему неистовые слова раненого барона.

Маштуб усмехнулся.

— Спроси своего начальника, — негромко сказал сеньор Абеляр, — почему наш штурм не удался?

Маштуб выслушал толмача и кивнул.

— Латинян погубила жадность, — объяснил толмач. — Войдя в пролом стены и пропустив первый отряд, тамплиеры встали в проходе и мечами не пустили остальных воинов в город. Они посчитали, что Акра сдастся и они успеют поделить между собой самую богатую добычу. Но Аллах не допустил этого. Всех, кто ворвался в пролом, вырезали.

— И тамплиеров? — взревел барон.

— Тамплиеры успели уйти.

Барон разразился ужасными ругательствами, самыми дерзкими и богохульными. Он ревел до тех пор, пока один из воинов не ударил его сзади рукояткой кинжала по голове.

Маштуб поднял руку и заговорил.

Толмач медленно переводил.

— Аллах не позволил собакам-латинянам сорвать со стен Акры желтое знамя Магомета. Аллах велик. Воины великого Саладина, хранителя веры, уничтожили собак-латинян на реке Кресон и там же убили великого магистра иоаннитов Рожэ де Мулена. Мы отобрали у собак-латинян Тиревиреаду. Мы разгромили собак-латинян под Хаттином, а там против воинов Аллаха выступали граф Раймонд Триполийский, великий магистр тамплиеров Жерар де Ридорф и граф Рено Шатийонский. Мы взяли Сайду, Яффу, Кесарию, Аскалон. Иерусалим открыл перед нами свои святыя ворота. Летучие отряды защитника веры великого Саладина не позволили собакам-латинянам ходить по нашей земле.

— Но вы не взяли Тир! — взревел барон. — Вы

не справились с Конрадом Монферратским. Перед стенами Акры стоят воины короля Ричарда и короля Филиппа.

— Собаки, — перевел ответ Маштуба толмач. — Грязные собаки. Они уже передрались из-за кости, которую им не проглотить. Латиняне бегут из лагеря. Они боятся умереть от болезней и голода. У них нет денег, чтобы купить место на венецианских галерах, они переходят к нам. Аллах велик, он благосклонен ко всем, кто принимает ислам. Мы можем даже не торопиться, — высокомерно сказал Маштуб, почему-то вздохнув. — Времени у нас, как песка в пустыне. Время перемалывает все. Аллах велик. Аллах утопил рыжебородого Барбарроссу в ручье, в котором не утонет щенок. Воля Аллаха превыше всего.

— Я не утка, я не утону! — барон попытался поднять правую руку. — Пусть идут в воду те, кого туда тянет. Очень скоро желтые штаны Магомета будут сорваны со стен Акры.

Толмач перевел слова барона Маштубу.

Наступило молчание.

— Позволь мне с помощью вопросов выяснить состояние твоей души, — наконец произнес толмач.

— Это говоришь мне ты, проклятый отступник?

— Это говорит защитник веры Маштуб.

— Помолчи, барон, — негромко сказал сеньор Абеляр. Было видно, как ему тяжело говорить. — Я сам хочу ответить на вопросы Маштуба.

Барон замолчал, бессмысленно пуча безумные глаза и пуская с губ прозрачную слюну.

— Думаете ли вы, сеньор, — спросил толмач, переводя слова Маштуба и глядя теперь только на сеньора Абеляра, поддерживаемого оруженосцами. — Думаете ли вы, сеньор, что этот мир приводится в движение лишенными смысла причинами или же он все-таки поддается разумному управлению?

— Все в воле Божией, — ответил сеньор Абеляр.

— Но короли Ричард и Филипп враждуют друг с другом. Они стоят у стен Акры, но не могут ее взять. Они спорят, кого посадить на иерусалимский трон, собаку-рыцаря Ги Лузиньяка или собаку-маркиза Монферратского. Они делят трон, который еще надо завоевать, и они не понимают, что завоевать иерусалимский трон можно только совместными усилиями. У них совсем помутился разум.

— Все в воле Божией, — повторил сеньор Абеляр, и было видно, что ему трудно произносить даже такие короткие слова. — Ты мудр, начальник Маштуб, но ты, наверное, не знаешь, что Крез, царь лидийцев, столь долго угрожавший Киру, сам был впоследствии предан пламени костра. Наверное, ты никогда не слышал о том, что пришло время, и римский консул Павел сам проливал благочестивые слезы из-за несчастий Персея, плененного им же? Ты говоришь о времени, Маштуб, но у нас этого времени ничуть не меньше.

— Твои несчастья, — негромко перевел презрительный ответ Маштуба толмач, — являются наказанием за твои заблуждения, ибо ты не в силах правильно оценить ход событий.

— О чем они говорят? — снова взревел барон Теодульф. — Клянусь божьими потрохами, я не понимаю ни слова!

Маштуб что-то сказал, и в шатер внесли холодный шербет на серебряном подносе.

— Пей и ты, пучеглазый, — перевел слова Маштуба толмач. — Наверное, ты больше никогда не будешь пить, грязный латинянин. Аллах велик, он разрешает тебе сделать несколько глотков. В большой шкатулке, которая стоит справа от моего ложа, — продолжал переводить толмач, — лежат пряди волос, присланные мне всеми женщинами Акры. Все женщины Акры, молодые и старые, сказали мне, что теперь я волею Аллаха располагаю их жизнями. Отсылая мне свои волосы, каждая по маленькой прядке, все женщины Акры сказали, что вручают мне свои молодые и старые жизни, и теперь волею Аллаха я обязан их защитить. Глядя на такого грязного и трусливого латинянина, как ты, мерзкий шакал, омрачающий мир своим видом, я вижу, что некоторые тайные мои колебания и мысли бесцельны. Я должен защитить Акру и ее жителей. Поэтому я уничтожу всех трусливых собак.

— Барон Теодульф не труслив, — терпеливо возразил Маштубу сеньор Абеляр. — Он совершил много подвигов. Его рукой уничтожено столько неверных, что только сам Господь знает, почему Святая Земля еще не очищена от них. Но это время впереди, и я надеюсь, что волею Божьей благородный барон Теодульф еще увидит это время.

Маштуб помрачнел.

Некоторое время он внимательно и с некоторой печалью смотрел на сеньора Абеяра.

Потом медленно встал и, не глядя, протянул назад правую руку.

Кривая сабля одного из воинов тут же оказалась в его руке.

Маштуб, не торопясь, проверяя пространство, отвел руку в сторону и приказал сеньору Абеяру:

— Подойди ко мне.

Сеньор Абеяр поднял голову, но остался стоять на месте, зато его оруженосцы испуганно отступили.

— Я подарю тебе жизнь, — медленно перевел толмач слова Маштуба. — Твоя жизнь ничего не стоит и мало кого обрадует, собака-латинянин, но я подарю тебе твою грязную жизнь, если ты расквешься в произнесенном и примешь ислам, как это сделали многие другие латиняне.

Сеньор Абеяр повернул голову в сторону оруженосцев, и они отступили еще на шаг.

Сеньор Абеяр посмотрел в сторону барона Теодульфа и серкамона, но они промолчали.

Тогда сеньор Абеяр сказал:

— Нет.

Серкамон вздрогнул.

Описав дугу, кривая сабля опустилась на шею сеньора Абеяра.

Удар оказался не сильным, но кровь обильно хлынула из раны, и сеньор Абеяр упал на колени, подняв руки к шее.

Впрочем, схватиться за шею он не успел. Один

из воинов коротким ударом кинжала снес голову сеньора Абеяра, и она упала на ковер, почти без звука, откатившись к ногам Маштуба.

Маштуб засмеялся.

— Вырвите толстому собаке-латинянину глаза, — перевел толмач глухим голосом приказ Маштуба. — Вырвите толстому латинянину глаза и спрячьте его в темницу, пока не найдется желающий выкупить его из позорного плена. Бросьте в темницу и всех этих недостойных, — указал Маштуб на оруженосцев сеньора Абеяра.

Серкамон слышал слова Маштуба как бы изда-лека.

На его глазах схватили и увели взревшего от гнева барона и скованных ужасом оруженосцев.

Какое-то время рев барона еще раздавался снару-жи, затем стих, наверное, барона успокоили силь-ным ударом. В шатре остались толмач, три воина, снова возлегший на свое низкое ложе Маштуб и труп сеньора Абеяра. Кто-то из воинов, засмеяв-шись, пинком переброесил голову несчастного сеньо-ра Абеяра к его бездыханному телу.

Уже сегодня барон потеряет жизнь, вдруг вспомнил серкамон слова храмовника брата Серд-жо. Когда Господь чего-то не хочет, он лишает не-счастливых зрения.

Серкамон перекрестился.

Иисусе сладчайший, Дева Мария, даю священ-ный обет петь святой подвиг, пока я жив.

Даю священный обет неустанно всю жизнь хо-дить по пыльным дорогам и поднимать благородных баронов и даже простолюдинов в святое странст-

вие. Пока есть силы и голос, пока не вырезан мой язык, даю священный обет поднимать все новых и новых пилигримов в святое странствие, до тех пор, пока не будет сорвано и истоптано ногами последнее желтое знамя неверных, пока кровь их не затопит долины и не останется на Святой Земле ни одного неверного, попирающего чистую веру Христа. А если мне дано пасть прямо сейчас от рук неверного, Господь, укрепи мои силы! Я буду петь подвиг и там, куда призовет меня Господь. Во веки веков я отдаю твою волю.

Он поднял взгляд на Маштуба.

Маштуб высокомерно усмехнулся.

— Ты, кажется, серкамон? Это так? Ты, кажется, поешь в шатрах собак-латинян?

— Да, — смиренно кивнул серкамон.

— Я хочу услышать твое пение.

Толмач перевел слова Маштуба и облизнул пересохшие губы.

Было видно, как ему страшно.

Наверное, толмач боялся, что очень скоро его голова может оказаться рядом с головой сеньора Абеяра.

С таким же интересом, но без страха, смотрели на серкамона воины. Только голова сеньора Абеяра смотрела на серкамона ничего не выражающими широко открытыми глазами, в которых не было ни боли, ни гнева. Ведь душа благородного сеньора Абеяра стремилась в это время в рай, в единственное достойное святого странника место.

Серкамон выпрямился.

Дева Мария, Иисусе Сладчайший, страдавший за

всех, отпусти мне мой последний грех, этот неверный должен увидеть, как уходят истинные христиане, те, которые никогда не меняют веру и не просят милости.

— Переводи, — сказал он испуганному толмачу.
И запел.

Его голос был ровен.

Кто ради дел святых
искал чужих краев,
за гробом ждет таких
прощение грехов.

— Что он поет? — спросил Маштуб.

Серкамон не понял его вопроса, но увидел, как быстро и деловито заговорил толмач, переводя на язык неверных дерзкие слова.

Кто хочет жизнь сберечь свою,
святого не берет креста.
Готов я умереть в бою
за Господа Христа.

— Тебя сейчас убьют, — сказал толмач, не меняя выражения и произнося слова так, чтобы никто не понял, что они, эти его слова, специально обращены к серкамону. — Тебя сейчас убьют. Ты глупец. Ты даже боишься признать, что воля Аллаха сильнее.

Всем тем, чья совесть нечиста,
кто прячется в своем краю,
закрыты райские врата,
а нас встречает Бог в раю.

Некая странная сила овладела вдруг сердцем и голосом серкамона.

Саладин осточертел,
людям мил родной предел!

Вдруг серкамон иначе, чем всегда, совсем по-особенному увидел каменные, искрошенные снарядами стены Акры.

Они были освещены особым светом.

Он увидел далекие холмы, по которым еще змеились огни догорающего вереска. Увидел белые и алые палатки и шатры на холмах.

Господь не даст мне умереть, вдруг понял он. А я даю священный обет всегда и везде поднимать честных христиан на стезю Святого Гроба. И буду нести свой обет, пока Иерусалим снова не вернется в руки христиан.

И почему-то подумал: нас предали тамплиеры.

И подумал: если Господь действительно видит все и захочет явить чудо и сохранит жизнь барону Теодульфу, и если даже барону Теодульфу вырвут его выпуклые глаза, но он останется жив, ни один тамплиер никогда больше не посмеет оказаться рядом с ним или хотя бы на расстоянии его вытянутой руки с мечом. Если барон Теодульф останется жив, он разрушит орден.

— Назови свое имя, — сказал толмач.

— Я просто серкамон. Я пою святой подвиг. Если мне суждено умереть, я хочу умереть просто серкамоном. — И пояснил: — Господь знает мое имя. Он отличит меня.

Толмач перевел слова серкамона Маштубу, и, подумав, Маштуб понимающе покачал головой.

— Ты свободен, — сказал толмач.

— Как тебя понимать, отступник?

— Ты свободен и можешь идти в любую сторону. Неутомимый и строгий защитник веры Маштуб говорит, что у латинян мягкие языки. Ему не понравилась твоя песнь, но ему понравилось, что ты держишься так спокойно и так доверяешь своему Богу. Нет бога, кроме Аллаха, но Маштуб дарит тебе жизнь, потому что считает, что ни один побежденный никогда не сможет петь торжество. Он отнял у тебя это торжество, и это больше, чем ты думаешь. Это больше, чем глаза или уши, или даже сама жизнь. — И повторил: — Уходи.

— Но я никуда не смогу уйти. Стоит мне отойти от шатра Маштуба, меня зарежут.

— Это твое дело, латинянин.

— Я не могу поверить, что Маштуб сказал тебе именно так. Переспроси Маштуба.

С некоторой неохотой толмач перевел слова серкамона Маштубу, и начальник Акры высокомерно рассмеялся.

— Маштуб сказал, что тебя проводят до стен крепости и даже выведут тебя за стены. После этого тебя отпустят, и ты должен дойти до своих палаток сам и рассказать всем о благородстве Маштуба. Ты должен сказать, что все воины в Акре носят на поясах пряди волос своих жен и детей и будут спасать их. Может, Аллах позволит и ночь выдастся темная, не будет луны и многих костров, тогда ты

добрешься до палаток латинян живым. А может, будет светло, тогда тебя поразят стрелы и дротики.

— Но ночь еще не наступила.

Маштуб неожиданно хлопнул в ладони.

— Пока не наступила ночь, ты будешь гостем Маштуба, — объяснил толмач. — Пей и ешь, набирайся сил. Сегодня ты гость Маштуба, он хочет еще слушать твои песни. Но не серди начальника Акры, — быстро добавил толмач. — Пой ему про любовь.

— Я дал священный обет перед Господом петь только святой подвиг.

— Не серди Маштуба, — повторил толмач ровным голосом.

— Я дал священный обет.

— Тогда попробуй дожить до вечера.

Серкамон устало улыбнулся.

В шатер уже внесли шербет и горячую баранину.

Маштуб жестом пригласил серкамона сесть на ковер.

Тело сеньора Абеяра уже унесли, но его отрубленная голова все так же равнодушно следила за приготовлениями.

— Разве голову сеньора Абеяра не унесут? — спросил серкамон.

— Сегодня сеньор Абеяра тоже гость Маштуба, — впервые усмехнулся толмач, с завистью поглядывая на дымящееся кушанья. — Он разделит с вами трапезу. Или просто поприсутствует при трапезе. Ведь ты знаменитый серкамон. Может, в прежней жизни сеньор Абеяра любил тебя слушать?..”

XVI—XVII

“...полуопустив веки, чтобы не выдать своей ненависти, серкамон снизу вверх смотрел на юную госпожу замка Процинта.

Серкамон не смог помочь барону Теодульфу, попавшему в руки неверных под Акрой, зато Господь пожелал спасти его, серкамона, и сделал его свободным. Господь вывел его, серкамона, за стены вражеской крепости, и ни одна стрела не вонзилась ему между лопаток.

Пройдя моря и многие земли, серкамон вновь попал в те края, о которых так часто вспоминал в неволе барон.

Серкамон никогда не собирался в замок Процинта специально, но услышав, что этот замок стоит неподалеку от Барре, почему-то все-таки повернул сюда, надеясь, что его услышат и позовут, и устроят хороший прием, и, возможно, слухи окажутся только слухами и дочь благородного барона Теодульфа не окажется в действительности ведьмой...

Хорошо, что я не пошел прямо в замок, вдруг сказал себе серкамон, пряча под полуопущенными веками свои желтые волчьи глаза. Хорошо, что я так решил и не пошел в замок. Эта Амансульта действительно ведьма. Я чувствую это. Так о ней везде говорят, и теперь я сам вижу, что это правда.

Неистовость богохульного барона Теодульфа, пусть и прощенного церковью, и похоть его покойной жены, конечно, не могли принести никакого другого плода, подумал серкамон, утверждаясь в мыс-

ли, что он правильно поступил, не отправившись прямо в замок. Барон Теодульф прощен Святой римской церковью, но так получилось, что дочь у него ведьма.

Эта юная девица смотрит на меня с осуждением. Она ожидала от меня чего-то другого. Я никогда сам первый не заговорю с нею, если даже она узнает, что под Акрой я попал в плен вместе с ее отцом. Говорят, что она собирает деньги, чтобы выкупить из неволи своего отца. Но говорят еще и то, что она ищет нечистые клады. Ее отец такой богохульник, что, может, было бы лучше, чтобы его убили при штурме, но этого не случилось. Барону Теодульфу выпало иное. Он свершил святой подвиг, пусть и попал в плен.

Он прощен.

А его дочь ведьма.

Она ищет нечистые клады.

Говорят, она портит посевы соседей.

О ней много чего говорят.

Странный обет, перешептывались в толпе, не пить вина, но петь святой подвиг перед простолюдинами.

А серкамон пел.

Павший под ударами мечей на поле брани, пел серкамон, сверкая злыми желтыми глазами, и тот, кто смело в бою сорвал с древка желтое знамя султана, и тот, кто щедро проливал водянистую кровь неверных, не щадя ни женщин их, ни детей, и тот, кто замертво падал в пески и на сухую траву весь в щетине от вонзившихся в него отравленных стрел — счастлив!

Счастливы любой, когда-либо поднявший свой гордый меч на неверных — он спасен!

Те, кто в неволе, они, конечно, грызут жесткий тростник, они пьют тухлую воду из вонючего бурдюка, их кусают москиты и мелкие твари, и все равно, те, кто в неволе — спасены!

Их дело угодно Богу.

Серкамон сверкал желтыми глазами, пугал толпу.

Монжуа!

Он пел и снова возвращался в не такое уж далекое прошлое.

11 июля 1191 года крепость Акра, наконец, пала.

На каменных, разбитых катапультами башнях взвились латинские знамена. Церкви, обращенные неверными в мечети, вновь были освящены. Уцелевших жителей города толпой выводили на дымящиеся площади, а тех, кто еще прятался и боялся выходить, выкуривали огнем и дымом из погребов и подвалов. Часть защитников Акры, схваченная с оружием в руках, была сброшена с высоких стен, часть уведена в Антиохию для продажи. Было взято все золото, все драгоценные камни, а еще Святой крест. Из мрачных темниц вывели тысячу шестьсот пленных пилигримов. А попавших в руки неверных убивали, сколько хотели, а сколько хотели, оставляли в живых.

Устав работать мечами и кинжалами, паладины падали на колени, вознося хвалы милостивому Господу, отдавшему в их руки богатый город, и, отдох-

нув, с новой силой шли по домам, тщательно просеивая сквозь живую сеть жизни и богатства поверженной Акры.

Много было спасено пленных странников, попавших в руки неверных, но среди них не оказалось неистового барона Теодульфа, уведенного сарацинами в суматохе куда-то вглубь Святой Земли.

Не оказалось неистового барона и среди тех, кто шел с летучими боевыми отрядами к Иерусалиму, встречая на пути волнующие слух имена — Каифа, Капернаум, Назарет, Вифлеем.

“И каждый вечер, — писал один из очевидцев, — когда войско располагалось лагерем в поле, прежде чем люди уснули, являлся некий человек, который громко кричал: “Святой Гроб! Помоги нам!” И все падали на колени и кричали вслед за ним, и в мольбе поднимали многочисленные руки к небу и плакали. А он снова начинал и кричал так трижды. И все бывали этим сильно утешены”.

Вот подходит пора, неверные вновь сдадут Яффу!

Монжуа!

Толпа тревожно прислушивалась к высокому, чуть хриловатому голосу серкамона, переводя взгляды то на него, то на хозяйку Проценты.

Никто не понимал, чем, собственно, не угодил серкамон Амансульте, но все чувствовали, что он чем-то ей не угодил.

— Я же помню...

— Я дал священный обет, теперь я пою подвиг и странствие! — подняв желтые волчьи глаза, бес-

церемонно и грубо перебил Амансульта серкамон, и глаза его странно сверкнули. — Так хочет Бог.

Оскорбленная, Амансульта выпрямилась в седле.

Презрительно взмахнув рукой, она приказала:

— Выбросить его из деревни!”

XVIII

“...выбросили из деревни.

Почему?

Разве сама Амансульта не поддерживала неистово идею нового святого странствия? Разве она сама не хотела как можно быстрее освободить Гроб Господень и изгнать всех неверных из Святой Земли? Разве сам великий понтифик апостолик римский папа Иннокентий III неустанно не зовет паладинов к новому походу? Разве, наконец, родной отец Амансульта барон Теодульф все еще не томится в неволе у сарацинов?

Почему Амансульта приказала выбросить серкамона из деревни?

Ганелон не понимал.

Истомленный духотой дня, он поднял голову.

Смеркалось.

Неужели Амансульта все еще спит в траве?

Осторожно, стараясь не зашуршать ни веточкой, ни листком, Ганелон поднялся чуть выше по склону.

Сейчас он увидит спящую Амансульта.

Сейчас он увидит ее прекрасные смеженные

сном глаза, ее волнистые волосы, может, обнажившееся плечо...

О, Дева Мария! О, Иисусе сладчайший!

Ганелон задохнулся.

И вздрогнул.

Пугающий долгий скрип внезапно донесся со стороны пруда, оттуда, где на берегу спала Амансульты.

Очень долгий, очень пугающий, какой-то томительный скрип, даже не скрип, а скрежет, как это иногда бывает, когда по мощеной камнем дороге волокут тяжесть.

Голос ада, заставивший смолкнуть птиц.

Стон, рвущийся из земного чрева.

Ганелон осторожно выглянул из-за кустов.

За то время, пока он спал, верхний пруд наполнился по самые берега, кое-где вода перекатывалась через край плотины.

Зачем такое Амансульты? Зачем она это сделала?

“Верую в Бога Отца Всемогущего, — прошептал про себя Ганелон. — В Творца неба и земли. И в Иисуса нашего, который был зачат от Духа святого, родился от Марии Девы, страдал при Понтии, был распят, умер и погребен, сошел в ад, а в третий день воскрес из мертвых, взошел на небеса и ныне сидит справа от Бога Отца Всемогущего.

Верую!”

Ганелон еще раз осторожно выглянул из-за кустов.

Амансульты возле плотины не было. В густой

траве белел лишь уголок забытого ею платка. Наверное, Амансульта давно проснулась, сделала свое неизвестное дело и ушла. Может, она уже вернулась в замок. Наверное, он, Ганелон, прозевал ее уход.

Но этот скрип!

Этот адский подземный скрежет!

Скрип и скрежет действительно доносились откуда-то из-под земли, может, правда, из ада.

Белые известняковые скалы кое-где поросли мхом. Острые камни, сухие и голые, как кость, торчали из травы. Мощный, будто стеклянный поток свергался с плотины, рискуя подмыть основание и без того давно покосившейся старинной башни Гонэ.

Говорят, когда-то здесь стоял замок Торквата.

Говорят, когда-то здесь под стенами древнего замка старый петух отложил яйцо в теплый навоз, снесенное петухом яйцо высидела белая жаба и на свет появился василиск — полуметровая змейка, желтая, как знамя неверных, с белым пятном на голове и с тремя утолщениями на лбу, как корона. Известно, василиск убивает одним взглядом, от его ужасного дыхания сохнет на корню и возгорается трава, плавится камень.

Дева Мария, ужаснулся Ганелон, здесь все мертво!

Что может так ужасно скрипеть и скрежетать в земных недрах? Что может издавать столь ужасный подземный стон?

Все суставы, сочленения и связки Ганелона вдруг начали нервно подрагивать в некоей таинст-

венной лихорадке. Ступни и колени вдруг с силой вывернуло.

Он упал на землю.

Каждая мышца вздулась, как каменный шар.

Это было очень больно, но Ганелон еще не кричал.

Он был поражен внезапным ужасом, порожденным подземными звуками и исчезновением Амансульты. Он чувствовал, что его левый обычно косящий глаз провалился теперь так глубоко, что цапля не достала бы его из глазницы своим длинным клювом, а другой, наоборот, выкатился, как у вола, и рот растянулся в неправильной, в нечеловеческой улыбке.

И било Ганелона молниями ведьм, не раз, наверное, вершивших шабаш на этом склоне.

Ведьма, ведьма, умирая шептал про себя Ганелон. Он видел перед собой летящую походку Амансульты, ее холодный и презрительный взгляд, ее волосы, тоже летящие за плечами.

Удары его сердца теперь были так громки, что закладывало уши.

Лес.

Пруд.

Зеленый склон горы.

Ганелон знал здесь каждый овражек, каждый камень, каждый приземистый бук, каждую пещеру в скалах. Ночью, когда густеют тени под деревьями, когда копыта осторожного коня бесшумно тают в невидимых мягких мхах, Ганелон мог пройти с закрытыми глазами через любое место горы, но сейчас и при свете он перестал узнавать знакомое.

В низком небе над собой он различал только

что-то вроде длинных облаков, сплющенное солнце, а меж ними двух рыцарей, черного и белого, идущих с мечами друг на друга.

Пусть победит белый рыцарь. Тот, у которого на плече нашит крест.

Ганелон умирал.

Прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим, шептал он. Прости нам наши грехи. Сумерки везде пусты. И тьмы, тьмы скрипят, скрежещут над безднами...”

XIX

“...бедный Моньо, бедный монашек!

Ганелон явственно чувствовал чужие холодные тонкие пальцы на своем освобожденном от рубашки плече.

Он не хотел, чтобы эти чужие тонкие холодные пальцы касались его плеча. Он чувствовал, что все вокруг него овеяно дьявольскими чарами. Он дрожал. Собрав все силы, он все-таки попытался встать, но сил хватило лишь на то, чтобы открыть глаза.

В небе черный рыцарь теснил белого.

Мир погибал.

Божий порядок рушился.

Ганелон знал: мир вокруг всегда должен стоять, как он стоял при первых отцах церкви. Он умирал, но, зная это, он пытался бороться с судорогами, все еще потрясающими его тело, а чужие тон-

кие холодные пальцы, кажется, помогали ему, они поглаживали, разминали онемевшие мышцы.

Ганелон не должен был умереть, теперь он сам это чувствовал.

Ведь пока он жив, он хотя бы своими мыслями помогает белому рыцарю в небе.

Ведь если он умрет и не сможет помочь белому рыцарю хотя бы мыслями, в несчастный замок Процинта впрыгнет белая жаба, которую слабые духом примут за доброе знамение и потянутся к ней — целовать зловонную ее пасть. А жаба от этого раздуется до размеров гуся, и на ее мерзкое кваканье явится удивительно бледный дьявольский человек. Он будет сильно истощен, почти без мяса на костях, у него будут черные, как угли, глаза, и нагая Амансульта бесстыдно и покорно выйдет ему навстречу. И дружинники, и дворовые, и старая служанка Хильдегунда, и лесники, и кравчие, и кузнецы, и Гийом-мельник с тоской увидят, как безвольно, но с адским желанием Амансульта на глазах у всех совокупляется с удивительно бледным дьявольским человеком.

И каждый, кто такое увидит, забудет всякое воспоминание о Святой римской церкви.

Вера уйдет, как она ушла из этих проклятых мест.

— Бедный Моньо, бедный монашек!

Ганелон закричал.

Его корчило.

Пена слетала с закушенных губ, но белый рыцарь в небе услышал крик Ганелона и начал теснить черного.

“У тебя никогда не будет друзей. — смутно слышал Ганелон сквозь собственную боль, сквозь собственное страдание голос. И этот голос был уже не тот, который только что повторял — бедный Моньо, бедный монашек. И пальцы, с силой растиравшие его кожу, теперь уже тоже не были чужими тонкими холодными пальцами. Наоборот, теперь это были сильные мужские пальцы, они были горячие и сухие, и голос слышался сильный, мужской. — У тебя никогда не будет друзей, никого, кроме братьев по духу. Ты никогда не познаешь никакой другой любви, кроме любви к Господу. С этого часа, брат Ганелон, твоя жизнь посвящена Делу. С этого часа ты наш вечный тайный брат и дело твое — спасение душ заблудших”.

Сильные пальцы растирали Ганелону грудь, живот, ноги.

Боль медленно отступала, и белый рыцарь в небе уже торжествующе заносил копьё над поверженным противником.

Безумная мысль на мгновенье обожгла Ганелона: нагнать Амансульту, схватить ее за руку, закричать, повергнуть ее в траву, сорвать платье с трепещущего тела и, удерживая левой рукой, правой ударить кинжалом в дьявольскую отметину под ее левой грудью!

Спасти!

“Ты все забудешь, брат Ганелон. Ты будешь предавать многих, и многие тебя будут предавать, ведь отныне твоя жизнь посвящена Делу. Ты увидишь ужасный большой мир. Ты много раз погиб-

нешь. Ты будешь одинок, и ты отречешься от мира, как он отрекся от тебя. Мир будет терзать тебя, но тебя ждет спасение”.

— Уйди! — закричал Ганелон, пытаясь оттолкнуть сильные руки. — Кто ты? Чур, чур меня!

Белый рыцарь в небе, победив, торжествующе удалялся на юг.

На Ганелона смотрели сверху круглые, зеленые, близко поставленные к переносице глаза брата Одо.

Пахло травой и тоской. Звенели цикады. Стояла ночь. Звезды раскинулись над невидимой горой, как шатер паладина.

Ганелону вдруг стало легко. Он вдохнул горный воздух и мучительно улыбнулся брату Одо.

Не зажигай на востоке огня,
пусть не уходит мой друг от меня,
пусть часовой дожидается дня...

Когда-то Ганелон слышал такую альбу. Он даже помнил слова, которыми она заканчивалась:

Боже, как быстро приходит рассвет!

Как быстро!

Действительно, как быстро!

Будто во сне вдруг в одно поразительно короткое мгновение пролетели перед ним смутные видения. Он вдруг увидел черный дым костра, на котором богохульник барон Теодульф сжег на его глазах катара-тряпичника, и ужасное лицо своей несча-

стной матери, убитой черной оспой, и безумный крик отца, в собственном доме сожженного бароном Теодульфом.

Он собрал силы и сел.

Не было стонов и криков, ниоткуда не несло сладковатым дымом, не скрежетало безумное чрево земли, не визжал тряпичник: “Сын погибели!”

На Ганелона смотрели внимательные понимающие глаза брата Одо.

— Ты слышал меня, тайный брат?

— Да, — еле слышно выдавил Ганелон.

— Называй меня отныне братом. Называй меня отныне братом Одо. Я священнослужитель, я посвятил свою жизнь Господу, и отныне мы братья. Отныне ты мой брат, Ганелон. Ты призван. Отныне ты сам посвящен Делу.

— Да, брат Одо.

Ганелону стало совсем легко.

Он улыбнулся.

— Что ты видел сейчас? Что ты слышал и помнишь? — тревожно спросил брат Одо, дыша на Ганелона чесноком. В его зеленых глазах таилось великое любопытство.

— Помню рыцарей в небе. Черного и белого. Они боролись.

— Кто победил?

— Белый рыцарь с крестом, который был нашит на плечо плаща.

— Так и должно было случиться. Это знак свыше. Говорю тебе, ты избран, брат Ганелон. Что ты еще помнишь?

— Помню госпожу. Я шел за нею, как ты сказал.

— Говори!

— Я потерял госпожу. Она лежала в траве, я думал, она спит, но она исчезла. Наверное, она опустила запрудный щит и водоем доверху наполнился водой. Сама земля стонала от тяжести скопившейся воды. Я подумал, что это горы пришли в движение, и впал в бесчувствие.

— Говорю тебе, ты избран, брат Ганелон! — брат Одо торжествовал. — Что ты еще помнишь?

— Помню пальцы. Чужие. И голос. Кажется, голос.

— Он что-нибудь говорил?

— Он, кажется, повторял: бедный Муньо, бедный монашек.

— Это был голос твоей госпожи?

— Не знаю.

— Но он походил на голос твоей госпожи? — упорствовал брат Одо.

— Не знаю... Я не знаю... Если бы это был ее голос... Разве госпожа бросила бы меня здесь умирать?... Конечно, я рассердил ее своим непослушанием, но она бы не бросила меня здесь умирать...

Брат Одо торжествуяще засмеялся:

— Ты избран, брат Ганелон. Ты избран.

Ганелон не ответил. Он шарил рукой в траве.

— Ты что-то ищешь?

— Не знаю... Я помню чужие пальцы... Они были тонкие и холодные... Может, госпожа увидела меня и хотела помочь...

— Нет, брат Ганелон. У твоей госпожи не было таких мыслей. Она всегда холодна, как лед. Твоя госпожа не хотела тебе помочь, даже напротив, она специально оставила тебя без помощи. Она думала, что ты умрешь, Ганелон. Приступ твоей болезни был очень сильный, твоя госпожа решила, что ты непременно умрешь и этим будешь наказан. Она была здесь, она видела тебя, но не захотела тебе помочь.

Рука Ганелона наткнулась в траве на что-то твердое.

Он поднял руку и увидел обломок плоской резной костяной пластинки. Наверное, это была слоновая кость. Она потемнела от времени, но при желании на ней еще можно было различить след прихотливого узора.

— Твоя госпожа предала тебя, брат Ганелон. Она решила, что ты все равно умрешь. Это для нее явился в небе черный рыцарь. Но знак подан, Ганелон. Ты призван!

Брат Одо осторожно взял из рук Ганелона костяную пластинку и понюхал ее.

— Это слоновая кость. Видишь, она потемнела от времени, но на сломе осталась совсем белой. Даже очень белой. Значит, пластинка сломалась совсем недавно. Скорее всего, совсем недавно эта пластинка украшала переплет какой-то богатой старинной книги. Ты когда-нибудь видел такие книги в руках твоей госпожи?

— Может быть.

— Здесь много пещер, — оглянулся через плечо брат Одо. — Когда-то много десятков лет назад в

этих местах стоял замок очень богатого монсеньора. Его звали Торкват. Он был очень богат и очень умен. Возможно, что неизвестная нам книга принадлежала именно Торквату. Твоя госпожа очень смела, — брат Одо неодобрительно потряс головой, будто отгоняя от себя какое-то видение. — Она читает тайные книги. Но твоей госпоже, брат Ганелон, угрожает большая опасность, твоя госпожа стоит на неверном пути. Отныне, брат Ганелон, ты должен превратиться в тень своей госпожи. Никто не знает, где и когда может оступиться душа живая, но такое всегда может случиться.

— Наверное... — кивнул Ганелон.

Его мышцы снова болели.

Собрав силы, он спросил:

— О какой книге ты говоришь, брат Одо?

— Наверное, о старинной. Наверное, это богатая и старинная книга. Есть очень старинные книги, брат Ганелон. Некоторые из них даже написаны не человеком. — И жестом показал Ганелону: — Вставай, брат, нам надо спуститься вниз. Тебе надо отдохнуть и отлежаться. Тебе надо набраться сил, брат Ганелон. С этого дня будь внимателен. Душа твоей госпожи в опасности. — И быстро спросил: — Ты слышал когда-нибудь про клад Торквата? Говорили когда-нибудь при тебе про клад Торквата? Это был очень богатый монсеньор. Он знал так много, что его насильственно умертвили. Так сделали варвары, которых он пытался наставить и многому научил. С тех самых пор никто ничего не знает о судьбе его великих сокровищ.

Ганелон кивнул.

Он слышал о кладе Торквата.

Старая служанка Хильдегунда знала много страшных историй, иногда она рассказывала и о Торквате. По ее рассказам, в Вероне, столице короля Теодориха, короля варваров, разоривших Рим, этот Торкват, далекий предок Амансульты, был обвинен в измене.

Ганелон явственно услышал негромкий голос своей хозяйки, вслух читавшей монаху Винсенту:

“О, если бы хоть какая-нибудь свобода была возможна! Я бы ответил словами Кания, которые он произнес, когда узнал об обвинении, предъявленном ему Гаем Цезарем, сыном Германика, что он замешан в заговоре, направленном против императора: “Если бы я знал об этом, ты бы не знал!”

Возможно, Амансульты читала одну из старинных книг Торквата, жестоко казненного королем варваров Теодорихом. Возможно, старая служанка Хильдегунда добавила к своим странным рассказам что-то такое, что могла действительно ненароком услышать от Амансульты.

Взошла луна.

Оглянувшись, Ганелон увидел: вода в пруду стоит совсем низко, видимо, уходя, Амансульты подняла щит.

“Для того, чтобы достичь глубин познания, — вдруг вспомнил Ганелон слова Амансульты, — не всегда следует искать тайных проходов. Иногда достаточно поднять уровень вод”.

А может, это произнес Викентий из Барре.

Он, Ганелон, прятался тогда за дверью большой залы донжона. У него острый слух. Он хорошо запомнил удивление Амансульта:

“Поднять уровень вод? Что могут значить эти слова?”

А Викентий из Барре, тщедушный монах с маленькими воспаленными мышинными глазами, удивленно ответил:

“Разве слова всегда должны что-то значить?”

А разве нет?

Ганелон не знал.

Он устал, его тело болело.

Он медленно поднялся, опираясь на сильную руку брата Одо.

Наверное, брат Одо захотел бы услышать о том, что совсем недавно вода в пруду стояла так высоко, что переливалась через плотину. Впрочем, он, кажется, уже сказал об этом, но брат Одо не обратил на это внимания. Да он и сам мог догадаться об этом, хотя бы по мелким лужам, оставшимся в траве ниже плотины. К тому же эта костяная пластинка...

Ганелон уже открыл рот, чтобы рассказать о своих сомнениях брату Одо, но вдруг что-то странное, явившееся как бы изнутри, удержало его от этого, как бы шепнуло ему — промолчи, Ганелон!

И он промолчал”.

часть вторая

ПОДВАЛ У ВОРОНЬЕЙ БОЙНИ 1199

II—III

мрадный переулочек, грязь, нечистоты — все, как везде, даже как в замке Святого ангела.

Рим пуст.

Однажды Ганелон сам увидел волчицу в Колизее.

Волчица поднимала острую морду к низкому небу, серо опрокинутому над пустым Вечным городом. Вой низкий и тоскливый внезапно срывался, гас. Всадник, медленно выступивший из тумана, густо плывущего с невидимого Тибра, обругал споткнувшуюся лошадь:

— Короля Ричарда увидела, скотина?

И снова туман. Снова тишь, вой волчий.

Рим пуст.

Пусты дома.

Пусты мертвые грязные переулки.

Дева Мария, Иисусе сладчайший! Ганелон отчетливо чувствовал: место, которое он ищет, где-то рядом.

Отправляя Ганелона, брат Одо сказал: нужное место ищи за колонной Траяна, где-то возле Вороньей бойни. Там, в узких переулках, среди бедных огородов и виноградников, должен стоять старый пыльный дом, сложенный из камня, но с деревянным чердаком. Дом этот поставлен в два этажа, но главное в нем вовсе не два его этажа и даже не чердак, а то, что никогда не видно снаружи, — подвал. А чтобы понять, куда ты пришел, правильно ли ты пришел, тебе придется принюхаться. Со стороны искомого дома должны долетать необычные запахи — может быть, незнакомых трав, странного зелья, даже крови, а может, серы. И непременно должен виться хотя бы слабый дымок из трубы странного дома, даже в самое теплое время года.

Брат Одо сказал: найди указанное место и найди старика.

Старик, которого ты должен найти, еретик, сказал брат Одо. Он упрямый еретик и тайный маг. Старика зовут Сиф, его кличка — Триболо. Так его прозвали на улицах — Истязатель.

Смутной, во многом размытой болезнью памятью, Ганелон обращался в прошлое, восстанавливал то, что случилось семь лет назад.

Однажды в замок Процинта тоже приходил

маг, вспоминал он. Тонкий грязный старик много времени проводил наедине с Амансульттой, но чем они занимались, этого никто не знал.

Старик уже тогда выглядел глубоким стариком и уже тогда его звали Сиф, но прозвище Истязатель было в те поры никому не известно, впрочем, о нем просто могли не знать. Чтобы заработать такое прозвище, старик, наверное, немало поистязал живых тварей, добываясь раскрытия великих тайн — как движутся, например, их лапки, почему моргают глаза, почему движения и поступки некоторых тварей как бы копируют человеческие и всякое тому подобное.

Триболо.

Истязатель.

У старика, несомненно, есть помощники, подумал Ганелон, но помощников Ганелон не боялся. Он решительно отверг помощь брата Одо и отправился на поиски гнезда еретиков один. Он был уверен, что справится, ибо знал, что бояться следует не людей, а злых чар. Потому и шептал про себя неустанно: “Да будет воля твоя... И не введи в искушение...”

Рим пуст.

Воистину умирает Рим.

Даже в квартале Борго так грязно, что ноги тонут в нечистотах. Ноги тонут в нечистотах и на подходе к Латеранскому дворцу.

Как гигантская, оставленная моллюском раковина, гулкий, но пустой Рим никак не может вновь заполниться живой жизнью.

Зато жизнь кипит на дорогах.

Неустанно взывает к будущим паладинам, неустанно поднимает новых святых странников неистовых пилигримов на великий подвиг святого креста все более и более крепнувший голос великого понтифика апостолика римского — новоизбранного папы Иннокентия III:

“Очнитесь, верующие! Разве не пора спасти наследство Господа, вернуть Святой римской церкви те места, которые сам Иисус Христос освятил своею земной жизнью?”

Неустанно взывают к верующим легаты папы:

“Очнитесь, верующие! Кто здесь горестны и бедны, будут в Святой Земле радостны и богаты! Так хочет Бог!”

Не устают повторять:

“Очнитесь, добрые христиане! Оглянитесь вокруг! Прислушайтесь к странникам, вернувшимся с Востока. Жестоко попирается вера христианская в Святой Земле. Там блага земные расхищены, там святым паломникам на каждом шагу грозит ужасная опасность. Многие истинные христиане до сих пор несправедливо томятся в плену, они гниют в мрачных сырых темницах, гибнут от жажды и голода, а подлые сарацины требуют за пленных христиан невиданные выкупы. Горят христианские старые монастыри, безвинно и безвременно гибнут благородные рыцари. А неверные, размахивая над собой желтыми знаменами подлого Магомета, хозяйничают даже во внутренних областях Романии, всегда до того принадлежавших христианскому Константинополю”.

Всех вина, всех укоряя, ни от кого не пряча и не отводя в сторону жестких глаз, святой человек магистр Фульк, а с ним посланец папы кардинал Падуанский неустанно проповедуют с папертей:

“Очнитесь, честные христиане! Вера в страдающего Христа подорвана. Утерян небесный Иерусалим. Разве не пора восстановить силу веры? Разве не пора одолеть нечистые дьявольские козни и вернуть Святой римской церкви ее прежнее положение, столь жестоко в последние годы ущемленное агарянами? Ужасный позор, ужасный стыд, ужасное горе, что столь презренное и недостойное племя, как подлые, не знающие жалости сарацины, сумело вдруг одолеть великий народ, осиянный светлым именем Христа!

Монжуа!

Очнитесь, верующие! Разве не настала пора вновь двинуть броневые отряды благородных рыцарей в попранную агарянами Святую Землю? Дерзкие сарацины сжигают христианские монастыри или приспособляют их для своих нечистых обрядов. Они насильно обрезают детей Божьих и обрезанные части бросают в алтари и крещальни. Они мучают истинных христиан в темницах и предают их позорной смерти: сажают на кол, лишают детородных органов, поражают стрелами, перед тем привязав к столбу.

Монжуа!

Очнитесь, добрые христиане! Разве не пора поставить на место неверных? Разве не пора поднять меч карающий против врага христиан Саладина?

Тот паладин, который выйдет на стезю Гроба Господня и прослужит Господу нашему милосердному в войске хотя бы год, с того будут полностью сняты все грехи, которые он совершил до святого странствия, и даже те, которые он совершит после странствия, но в которых раскается и исповедуется. А тот, кто отведет блудливые глаза в сторону и не услышит призыва свыше к наказанию агарян, тот навсегда будет проклят Святой римской церковью.

Навсегда! Во имя Господа!”

Ведь разве не говорил Господь: “И кто не берет креста своего и не следует за мною, тот не достоин меня?”

Стезя святого гроба.

К несчастью для благородных рыцарей, не может вновь ступить на стезю святого гроба рыжебородый великан король германцев Фридрих Барбаросса. Упав на переправе с коня в холодную и быструю речку Салейф, протекающую вблизи Селевкии, король германцев был незамедлительно взят Господом на небо. Свидетели этого ужасного события рассказывали, что смерть рыжего великана так устрасила его сподвижников и так ужасно подействовала на благородных усталых рыцарей, что многие, мечась между ужасом и надеждой, тут же, на месте, покончили с собой, а многие другие, думая, что милосердный Господь уже навсегда забыл о них и не заботится больше, отреклись от христианской веры.

К несчастью для благородных рыцарей, не может вновь ступить на стезю святого гроба неистовый король Ричард Львиное Сердце.

Поверив нелепым слухам о том, что в некоем лимузенском замке Шалю найден огромный клад старинного золота и драгоценных камней и получив невежливый отказ хозяина на требование незамедлительно выдать ему указанный клад на нужды будущего похода в Святую Землю, король Ричард со всей свойственной ему горячностью в тот же час поклялся повесить всех дерзких обитателей замка Шалю от мала до велика.

И рассказывали очевидцы, что пришел благородный король Англии с многочисленным войском к замку Шалю и осадил замок, в котором, как он думал, было скрыто большое сокровище. Он не торопился, будучи уверен, что владелец замка не станет долго ему противостоять. Но когда вместе со своим военачальником Меркадье благородный король Ричард обходил вокруг стен замка, отыскивая, откуда удобнее всего произвести нападение, простой арбалетчик по имени Бертран де Гудрун пустил со стены замка стрелу, которая пронзила руку королю, ранив его неизлечимой раной.

Почувствовав сильную боль, благородный король Ричард, не медля ни минуты, вскочил на своего любимого коня Фовеля, с которым бывал в разных походах, и поскакал в свое жилище. Правда, перед этим он строго повелел Меркадье и всему своему войску немедленно атаковать зловредный замок Шалю, пока его защитники не погибнут или не сдадутся.

А когда замок был взят, велел благородный король повесить всех его защитников, кроме того од-

ного, который его ранил. Этому своему обидчику благородный король Ричард готовил особенно мучительную и позорную смерть. Но так случилось, что сам король вдруг начал чувствовать себя все хуже и хуже. При первой попытке извлечь из руки отравленный железный наконечник врач, которому вверил себя король, вытащил только деревянную стрелу, само же металлическое острие осталось в теле. Правда, несколько позже оно вышло само при случайном ударе по руке короля.

Чувствуя сильные страдания, благородный король Ричард разуверился в своем выздоровлении, а потому счел нужным объявить завещание.

Королевство Англии, как и все свои земли, и все свои многочисленные замки, и три четверти собранных им сокровищ, благородный король Ричард, к искреннему удивлению и даже недоумению некоторых баронов, завещал тому, кто прежде так часто и неоднократно предавал его — родному брату Иоанну. Всяческие редкие драгоценности он завещал своему племяннику императору Оттону, а всю остальную часть сокровищ — слугам и беднякам.

В последние минуты жизни овладел королем Ричардом столь характерный для него порыв великодушия.

Он велел призвать к себе плененного воинами лучника Бертрана де Гудруна и так сказал ему:

“Скажи, какое зло я сделал тебе, что ты так коварно меня убил? Разрешаю тебе сказать откровенно”.

Лучник откровенно ответил:

“Ты всего лишь умертвил своею собственной рукой моего родного отца и двух моих родных братьев, а потом захотел меня убить. А так ничего. Так что мсти мне теперь, пожалуйста, как хочешь. Я весьма охотно и с большим терпением перенесу любые мучения, даже самые страшные, какие только ты сможешь придумать, ведь я теперь утешен — умираю не только я, но умираешь теперь и ты, принесший миру столько зла”.

Выслушав лучника, благородный король долго думал, а потом приказал отпустить его, сказав несчастному лучнику при этом:

“Смерть мою тебе прощаю”.

И, развязав оковы, отпустил его.

И даже приказал дать лучнику, ранившему его, сто солидов английской монеты.

Но верный Меркадьё без ведома короля снова схватил Бертрана де Гудруна, задержал его и по смерти благородного короля Ричарда живьем содрал с лучника кожу и повесил на дубу.

Так умер благородный король Ричард, прозванный Львиное Сердце, — в восьмой день апрельских ид, во вторник, перед вербным воскресеньем.

Мозг его, кровь и внутренности похоронили в Шарру, сердце — в Руане, а тело — в Фонтевро, у ног отца, как он хотел.

Одна из многочисленных эпитафий, сочиненная на смерть благородного короля, гласила:

Его доблесть не могли утомить бесчисленные подвиги;
его пути не могли замедлить препятствия;

перед ним бессильны были шум гневного моря,
пропасти низин, крутизна гор,
каменная суровость скалистых утесов.
Его не сломили ни ярость ветров, ни пьяная
дождем туча,
ни туманный воздух, ни грозный ужасов
громов.
Но горе! Муравей загубил льва!
Мир умирает в его погребении.
Стезя святого гроба.

К несчастью для благородных рыцарей, не может двинуться в новое святое странствие король французов Филипп II Август. Дни и мысли короля заняты войной против проклятых Плантагенетов. Всеми своими силами король Филипп обрушился на французские владения наследника неистового короля Ричарда — Иоанна Безземельного.

Господь прощает грехи призванным, откликнувшимся на первый зов, но прав брат Одо, тысячу раз прав — дьявол никогда не спит, дьявол не знает устали. Он подстерегает смертных везде. Даже на смертном одре следует быть настороже, чтобы не потерять душу.

Дьявол лукав.

Дьявол многолик.

Дьявол вьет свои гнезда прихотливо и хитро.

Сегодня он смущает нищих тряпичников и таких же нищих тулузских ткачей, а завтра будет сбивать с пути истинного богатых купцов, возвращающихся с товарами с сирийских берегов. Сегодня ему верно служат катары и богомилы, техникеры и торбеши, фунданты и тиссераны, бугры и вальденцы, а

завтра, смотришь, к нему в услужение попадут даже священнослужители, нерадивые в службах, а то даже и пустынные, не устоявшие перед искушением.

Дьявол не спит.

Помни, Ганелон, помни.

Брат Одо сказал: завяжи в пояс обломок резной пластинки, найденной в траве на склоне горы, возвышающейся над замком Процинта, и спрячь под плащом узкий кинжал. Вот тебе такой кинжал, брат Ганелон, сказал брат Одо. В Италии такие кинжалы называют милосердниками. Ими добивают латников, раненных на поле боя. Узкое лезвие легко входит в любую щель металлических лат. Пусть этот милосердник всегда будет у тебя за поясом.

— А если, имея кинжал, я захочу убить старика еретика или других еретиков, если они там будут? — спросил Ганелон.

Брат Одо ответил:

— Что бы ты ни делал, твоей рукой будет водить Господь. — И добавил: — Помни, брат Ганелон, главное — это книги. Внимательно и терпеливо ищи тайные старинные книги, обещающие твоей госпоже свободу. Эти старинные книги должны принадлежать Святой римской церкви. Эти книги опасны, если находятся в других руках.

Смеркалось.

Брат Одо оказался прав: нужный дом Ганелон узнал по запаху.

А из трубы дома шел негустой дымок.

Он всегда вьется там над трубой, — говорил

брат Одо. — Ты войдешь в дом, брат Ганелон, и спустишься в подвал. И да будет с тобой Господь!

“Бедный Моньо, бедный монашек...”

Так шептала Амансульта, наклонившись над Ганелоном на склоне горы, возвышающейся над замком Процинта. Но без всякого сожаления оставила его умирать на склоне.

Но он не умер.

Только в смутной памяти остался негромкий голос, повторяющий одни и те же слова, и запомнились чужие холодные тонкие пальцы, которыми Амансульта прикасалась к его уже умирающему, но так и не умершему телу.

А еще в смутной памяти Ганелона осталась некая тайна, которую, правда, он додумал гораздо позже, но додумал сам, часто и внимательно беседуя со своим наставником братом Одо.

Всем известно, что юная владелица замка Процинта неожиданно стала богатой.

У юной Амансулты, прозванной Кастеллоза, всегда отчаянно воевавшей с соседями, вдруг появилось много золота.

Она расширила свои земли и укрепила замок Процинта.

Она выкупила из плена отца.

Но золото Амансулты нечисто.

Об этом можно судить хотя бы по тому, что первое, что сделал барон Теодульф, выкупленный за нечистое золото и вернувшийся, наконец, в свой родовой замок, — он совершил набеги на деревеньки некоторых соседей, которые в его отсутствие обижали

его дочь, и даже попытался взять штурмом монастырь в Барре.

К счастью, Господь обиделся и не дал удачи богохульнику — братия отстояла монастырь.

От того великим гневом постоянно пылал единственный глаз барона.

Правый глаз барон потерял в неволе.

Вырвите дерзкому латинянину левый глаз, приказал агарянам Маштуб, начальник Акры, державший барона Теодульфа в плену. Но тут же передумал: нет, не надо вырывать левый, вырвите латинянину правый глаз. Если когда-нибудь этого дерзкого латинянина действительно выкупят и он посмеет еще раз выступить в боевом строю против воинов Магомета, собственный щит будет затруднять ему обзор боя.

Золото Амансульты нечисто.

Нечисто окружение Амансульты.

Нечисты старинные книги, над которыми почти все дни и ночи проводит монах из Барре Викентий.

Целых два года после приступа болезни, овладевшей им на горе у верхних прудов, Ганелон, в назидание всем другим будущим возможным ослушникам Амансульты, провел в тесном каменном закутке на втором этаже старой сторожевой башни замка Процинта.

— Бедный Моньо, бедный монашек, лучше бы ты умер, — без всякого сочувствия сказала Амансульта Ганелону, отправляя его в башню. — Ты нарушил мой запрет, ты поднялся без разрешения к верхним прудам. Я могла бы прямо сейчас отрубить

тебе ступню и отправить доживать жизнь в отдаленную деревню, но прежде ты никогда не совершал подобных проступков, поэтому я не буду сердиться на тебя. Ты просто сгниешь в каменном закутке, если я не захочу чего-нибудь другого.

За два года, проведенных во тьме и в сырости, Ганелон на ощупь изучил каждый камень, каждую доску, каждую щель своей темницы.

Он ничего не видел во тьме, но он много слушал — плач осеннего дождя за стенами, свист зимнего ветра, веселое перестукивание весенней апрельской капли, звон ручья, подмывающего башню, дальние раскаты грома, тонкий писк крыс, какие-то неопределенные шорохи.

Странные видения мучили Ганелона.

Но они и укрепляли его.

Иногда, долгими бессонными ночами Ганелон вдруг явственно видел перед собой обнаженную Амансульту. В странном смятении он чувствовал, что взгляд его ищет вовсе не отметку дьявола под левой грудью Амансульты, а пытается остановиться на самой ее груди.

Перивлепт.

Восхитительная.

Конечно, так подсказывал дьявол.

Ганелон часто читал молитвы на нескольких языках, зная, что Бога это не оскорбит, а ему придаст уверенности.

В конце второго года, изучив все, что его окружало, Ганелон с помощью Божьей сумел раздвинуть голыми руками дубовые доски пола — камень в стене башни выкрошился.

Сплетя веревку из разодранной на полосы одежды, Ганелон спустился в нижнее помещение башни, сложил друг на друга сваленные там дрова и вновь аккуратно сдвинул над собой тяжелые дубовые доски.

В нижнем помещении башни было тихо, пахло пылью, массивная дубовая дверь была заперта снаружи.

Тщательно обдумав свои возможности, Ганелон понял, что из башни ему не выйти, и решил умереть здесь.

Но прошло некоторое время, и он услышал крики над головой — стража хватилась узника.

— Святой Леонард, покровитель всех узников, помог несчастному Ганелону! — кричали одни.

Другие в ярости возражали:

— Нечестивого Ганелона унес дьявол!

“Бедный Моньо, бедный монашек...”

Так шепнула старая служанка Хильдегунда, однажды, через несколько дней после исчезновения Ганелона, поборовшая страх и ночью отперевшая дверь башни.

— Бедный Моньо, бедный монашек... — дрожащим голосом шепнула она во тьму, открыв дверь, запертую снаружи. — Я не вижу тебя в темноте, но я знаю, я чувствую, что ты здесь. Господь научил меня помочь тебе, он не хочет твоей гибели. Теперь, Ганелон, ты можешь выйти из башни. Я открыла дверь. Люди спят, нигде нет охраны. Выходи, бедный Моньо, и я снова запру за тобой дверь снаружи, чтобы ни один человек ни о чем не дога-

дался. Люди не понимают, как ты мог уйти из запертого помещения, не открыв дверей, не пробив крыши или каменной стены, они думают, что тебя унес дьявол. Одна я догадываюсь, что ты спустился на первый этаж башни. Я не знаю, как ты это сделал, но верю, что ты это сделал. Не надо тебе больше прятаться, Ганелон. Беги. Тебя не раз спрашивал брат Одо. Он много раз приходил сюда и даже ходил вокруг башни, пока его не прогнали дружинники. Выходи из башни, Ганелон, и тайными тропами, которые ты хорошо знаешь, иди в Барре. Там, в Доме бессребреников, тебя ждет брат Одо. Он помнит о тебе, он много раз пытался помочь тебе. Теперь он сможет по-настоящему помочь тебе, бедный Моньо.

Два года, проведенных во тьме, многому научили Ганелона.

В смутных снах и в одиноких бдениях он, смежив глаза, как четки, перебирал пережитое, но часто задыхался от непонятной боли, постепенно перерождавшейся в ненависть.

Он знал, Бог его не оставит.

За два года он по многу раз перебирал в голове все слышанное им когда-либо от Гийома-мельника, от служанок замка Процинта и от дружинников, от старой служанки Хильдегунды, а также от юной Амансульты и ее монаха-помощника из Барре.

Иногда ночами он явственно слышал как бы издалека мышинный голос монаха.

“Я передам все тонкости логиков... — видимо,

Викентий из Барре, как все смертные, вовсе не был чужд гордыне. — Я приведу в должный порядок все доступные мне старинные труды, сохраню их дух, кропотливо заполню новыми знаниями каждую лакуну, дам подробный комментарий ко всем темным местам... Я докажу, что ошибочно считать философов людьми, всегда расходящимися во мнениях... Их труд всегда свершается во славу Господа... Законченный свод знаний я назову “Великим зеркалом”... Пусть он отразит, как зеркало, весь мир с его божественными законами...”

“Но настало ли время? — вслух сомневалась Амансульта, выслушав неутомимого монаха. — Хватит ли у тебя сил на такой огромный труд, к кому, кроме меня, ты сможешь обратиться за помощью? В свое время сам Торкват изливал душу в бесчисленных жалобах, а ведь он был сильнее тебя. Ты помнишь? Куда бы ни обратил я свой взор, так жаловался Торкват, повсюду я встречаю то ленивую косность, то завистливое недоброжелательство, а потому лишь напрасному оскорблению можно подвергнуть ученые божественные трактаты, предложив их диким человекоподобным чудищам скорее для надругательства, нежели для изучения”.

“Но Торкват говорил это о варварах”.

“А разве не варвары окружают нас сейчас? Разве можно отдавать чудо разума в руки варваров?”

Чудом разума юная Амансульта считала груды старинных заплесневелых книг, извлеченных ею из подземных тайников Торквата вместе с нечистым

золотом. Зная, что рано или поздно он погибнет, Торкват постарался укрыть книги под землей как можно надежнее.

Да, часто думал Ганелон, Амансульта достигла многого с помощью золота и старинных книг, но она забыла одну очень важную, а может, самую главную вещь: ведь хитрый дьявол умеет не только портить погоду, приносить зло, мешать супругам исполнять их супружеские обязанности и совершать всякие другие козни, он, лукавый дьявол, прежде всего, умеет и любит смущать слабые человеческие умы.

Чудо нельзя упрятать в тайник.

Чудо оно потому и чудо, что появляется внезапно. Оно всегда утешение, ниспосланное выше.

А какое утешение могут нести старинные заплесневелые книги, извлеченные из тайных подземелий Торквата?

Какое утешение может нести нечистое золото, многие годы хранившееся под землей?

Как можно так легковерно идти прямо в руки дьявола и не яриться на его козни?

Как можно не помнить о рвении Моисея, который в один день истребил двадцать тысяч язычников?

Как можно забыть усердие первосвященника Финееса, который одним копьём пронзал множество иудеев и моавитян?

Меч и огонь.

Во имя Господа.

Разве не об этом каждодневно и неустанно вопиют святые отцы, обращаясь к толпе.

Они неустанно, неистово напоминают верующим о том, что дьявол любит селиться именно в собственных наших сердцах. Лишь изгнав дьявола из собственного сердца, человек начинает преодолевать ничтожество, в коем он рождается. Лишь очистив собственные сердца, лишь жестоко разгромив все лживые гнезда ереси вокруг, можно будет по-настоящему обратить неукротимый взор на восток. Сейчас не земли сарацинов, не края неверных, не воины Магомета, а лежащие вокруг Нарбонна и Монпелье, Безье и Альба, Ним и Тулуза — вот настоящие дьявольские гнезда — еретиков, слуг дьявола, распинающих истинную веру. Там постоянно множасься тряпичники и тиссераны не смущаются унижать Святую римскую церковь. Там впавший в нечистую гордыню граф Раймонд Тулузский не желает возвращать Святой римской церкви награбленное им чужое добро. Ведь разве не грабеж утаивать для себя церковную десятину? И разве известная, но нечистая семья Дюфор, бывающая в замках графа Тулузского, нагло не кичится своим безверием? И разве богохульники сеньоры Тоненксы, давно уже забывшие путь к исповедальне, не гордятся открыто тем, что беседуют с дьяволом в течение четырех поколений?

Меч и огонь.

Всегда впереди!

Сердце Ганелона билось громко, прерывисто.

Он боялся, что его могут услышать.

И не ошибся.

Где-то на огородах тявкнула, завыла собака.

Но сразу вдруг потянуло сладким, необычно сладким, даже приторно сладким дымом.

Ганелон огляделся.

В сером сумеречном свете пустые переулки казались еще более печальными и пустыми, но даже смрад нечистот, которыми была в разных местах загажена и залита мостовая, не заглушал сладкого приторного запаха дыма.

Сладким дымом несло из-за высокой, местами обрушившейся каменной стены, сразу за которой темнела неясная громада дома с чердачным окном, нелепо распахнутым в сумерки.

Ганелон осторожно толкнул массивную калитку.

Калитка не поддавалась.

Тогда Ганелон перелез через стену.

Он служит Делу.

Дело оправдывает все его поступки.

Душу свою он спас.

Он, Ганелон, спасет душу Амансульты. Он вырвет несчастную Амансульту из нечистых рук дьявола. Он будет молить Бога простить Амансульту. Он будет молить Бога спасти несчастную Амансульту, просветить ее, наставить на правильный путь. Он никогда не осквернит в гневе святое распятие, как это иногда делают неразумные, но рано или поздно он лично наложит святой крест на дьявольскую отметку, таящуюся под левой грудью его бывшей госпожи.

Перивлелт.

Восхитительная.

Ганелон осторожно остановился под старой яблоней.

Палая листва, нежное очарование прели и гнили, серебристая паутина на кустах, пустынный покой запущенности.

Все равно волчий угол.

Нет, сам себя поправил Ганелон, не волчий угол, а паучий, мерзкий угол мерзких пауков, и осторожно обошел дом.

Дом выглядел нежилым — слепые окна были закрыты крепкими ставнями, дверь заперта изнутри, но над каминной трубой вился слабый дымок.

Ганелон никак не мог определить, чем, собственно, пахнет дым? Почему он так густо напитан какой-то приторно тревожной сладостью? Может, правда, в странном доме жгут волшебные травы или колдуют, чтобы отравить этим запахом все окружающее?

По лесенке, приставленной к стене, Ганелон осторожно поднялся на пыльный чердак. И увидел лестницу, ведущую вниз...”

IV—VI

“...в записке было сказано: “Лучше бы ты служил мне”.

И все.

Ганелон хмуро глянул в глаза оборванцу — нищему, сунувшему ему записку на паперти.

Нищий отшатнулся.

— Зачем ты это принес?

— Госпожа дала мне немного денег. Она дала мне один денье.

— Это действительно совсем немного для ведьмы.

— Для ведьмы? — испугался нищий. — Почему для ведьмы?

И вдруг бросился бежать, крестясь на бегу, трясясь, подбирая рукой полы своего отрепья и испуганно оборачиваясь.

Ведьма, ведьма, истинно ведьма, шептал про себя Ганелон, спускаясь по лестнице с чердака в глубины темного дома.

Амансульта ведьма.

Она разбирает старинные книги, она понимает чужие письма, она пользуется нечистым золотом. Даже на гербе ее проклятого рода нет и никогда не было никакого девиза. Зато на гербе ее рода всегда присутствовал таинственный ключ.

Может, ключ от неба.

А может, от ада.

Ганелон не знал.

Но он знал, что ум Амансульта пронзителен. Ее ум остр. Амансульта разгадала некие загадочные намеки в старых бумагах. Она догадалась поднять воду в верхних прудах и пустить таким образом тяжелую воду на колеса тайного подземного механизма.

Растворились врата ада, и открылась пещера, одарившая Амансульта старинными книгами и нечистым золотом.

Ведьма.

Брат Одо много лет тщетно искал тайну клада Торквата, но так и не подошел к ней. Только уже после того, как Амансульта выгребла из-под земли золото и старинные книги, брат Одо побывал в подземном хранилище. Впрочем, там он уже ничего не нашел. Совсем ничего, если не считать нескольких пустых и разбитых амфор.

“Лучше бы ты служил мне”.

Записка Амансульта была полна презрения.

“Лучше бы ты служил мне”.

Разве не она, разве не Амансульта бросила когда-то Ганелона умирать под зловещей тенью кривой башни Гонэ? Разве не Амансульта хотела сгноить его в тесной и темной камере? Разве не она подсылала к нему убийц в Риме, зная, что он упрямо следует по ее следам?

Ганелон опустился по лестнице в подвал.

На пыльном полу — полоска света, пробивающегося из-за чуть приоткрытой двери.

Проверив, легко ли выхватывается из-за пояса милосердник, Ганелон ударом ноги распахнул дверь.

В колеблющемся свете свечей и огня, весело играющего в камине, Ганелон увидел тяжелый деревянный стол, на котором лежали пучки и связки самых разных сухих трав, стояла глиняная и стеклянная посуда.

Там же на столе, увидел он, стояли весы и небрежно валялся бумажный широкий развитый свиток.

Длинная полка на голой стене.

На полке несколько книг, реторты, ступка, еще одни весы.

Ганелон быстро перекрестился.

Нечистое искусство магов.

Нечистое древнее дьявольское искусство, даже более древнее, чем ремесло блудницы.

Всем известно, в том числе и самим алхимикам, что тот, кто домогается тайн нечистого алхимического искусства, всегда остается ни с чем, и все же самые разные, иногда далеко не самые глупые люди продолжают заниматься алхимией. В итоге мудрец становится глупцом, богач нищим, философ болтуном, а пристойный человек теряет всяческую пристойность. И даже если кто-то умудряется однажды призвать на помощь дьявола, у него уже не хватает ума на нужные вопросы. Говорят, один алхимик, вызвав дьявола, настолько растерялся, что затруднился даже объяснить, что ему нужно. В закоснелом своем невежестве он, наконец, спросил, вызвав своим вопросом смех у дьявола: а что, собственно, хотел сказать Аристотель своей “Энтелехией”?

Еще Ганелон увидел балку, поддерживающую потолок, — мощную закопченную деревянную балку, под которой скалилось подвешенное к ней на веревке зловещее чучело неизвестного, но страшного, зубастого чудовища. Ганелон никогда не видал таких зверей, только слышал о них от старой Хильдегунды.

И запахи.

Ганелон невольно потянул носом.

Одновременно пахло камфарой, горчицей, полевыми травами. Нежно побулькивал горшок в камине, прямо под руками старика, безмерно удивленно-

го появлением Ганелона.

Наверное, это был Сиф.

Старик сидел у камина на низенькой скамеечке, подобрав под себя полы длинного плаща.

Краем левого косящего глаза Ганелон скорее почувствовал, чем увидел, движение.

Не оборачиваясь, он ударил ногой.

Человек, со стороны прыгнувший прямо на Ганелона, упал и тяжело ударился головой о грязный каменный пол.

Ганелон не обернулся к упавшему.

Он знал: если упавший и очнется, то после такого удара не раньше, чем через пять минут.

Он стоял и внимательно рассматривал старика.

Триболо.

Истязатель.

На вид старик казался совсем дряхлым. Его узкое желтое лицо было поражено нездоровым налетом, узкие пергаментные уши оттопырены, а пальцы с распухшими суставами обожжены кислотами.

Примерно таким и представлял себе Ганелон мага Сифа.

Ткнув пальцем в зубастое чучело, Ганелон спросил:

— Это базилиск? Это ихневмон?

Старик кивнул.

— Ты Триболо? Истязатель?

Старик снова кивнул.

— Как тебя звать, старик?

— Я Сиф, сир.

— Не обращай ко мне так. Я даже не шат-

лен, я всего лишь вавассер, бедный дворянин, ничего не имеющий. — И спросил: — Ты назвался Сифом. Это христианское имя?

— Я родился в Вавилонии, — уклончиво ответил старик. — Под самой Александрией. Я родился там очень давно, но я всегда свято чтит Святую мать католическую церковь.

Ганелон молча обвел взглядом логово колдуна.

Многолетняя пыль, многолетняя копоть, странный и зловещий колдовской инструмент, бурлящий на огне глиняный горшок, под деревянной закопченной балкой зубастое чучело базилиски, большое пыльное зеркало в углу с начертанными на стекле непонятными знаками.

Сиф.

Старик, родившийся в Вавилонии.

Кажется, Ганелон действительно уже видел этого старика несколько лет назад в замке Процинта — тогда Амансульту посещали самые разные люди.

Но, может, тогда в замок приходил другой старик, укрывшийся под тем же именем. Кто знает? Да это и не имело особого значения.

Полка с книгами.

Может, к переплету одной из них, снабженной особенными украшениями, подойдет осколок пластинки из слоновой кости, найденной им в траве под кривой башней Гонэ? Может, это та самая книга, глядя в которую можно готовить различные растворы и яды, зелья и патоки, наконец, добывать золото такой чистоты, что этому дивится сам дьявол?

— Ты знаешь, кто я, старик?

— Господь, изгоняя Адама из рая, сказал: “Тернии и волчицы произрастят тебе земля”, — глухо пробормотал старик.

Ганелон не успел ответить на эти слова, полные тревожного и темного смысла, потому что оглушенный им человек, ничком лежавший на полу, вдруг очнулся.

Худое длинное лицо этого человека было окутано бородой, черной до синевы. Такие же черные почти до синевы волосы низко падали на блестящие, как маслины, глаза. Ганелон, не раздумывая, ударил очнувшегося каблуком в лоб, и тот снова упал лицом в каменный пол.

— Ты знаешь, кто я, старик? — повторил Ганелон.

Старик помедлил, потом ответил:

— Ты сам объяснил, ты бедный вавассер.

Наверное, старик очень боялся Ганелона, хотя внешне никак не выказывал страха. Набирая в ладонь растертую сухую траву, грудой насыпанную у его ног, он легонько бросал ее в горшок, бурливший на огне. По темному, освещенному лишь свечами и камином подвалу медленно распространялись таинственные запахи — сладкие и густые, манящие, но и тревожные.

Наверное, этот старик умеет плавить самые прочные металлы, подумал Ганелон, и готовить яды, убивающие и быстро и медленно. Брат Одо предупреждал: если найдешь старика, будь осторожен. Ты увидишь у него странные вещи. Этот старик прочел, наверное, уйму книг, тех, конечно, что внесе-

ны в индекс *librorum prohibitorum*. Он еще в юности презрел запрет Святой римской церкви и не оставил непрочитанной ни одну запрещенную книгу. Зовут старика — Триболо. Он Истязатель. Он умеет смущать умы. Старайся не испугаться старика, ведь ты вооружен верой.

И кинжалом, добавил про себя Ганелон.

Одно лишь воспоминание о брате Одо приносило Ганелону облегчение.

Брат Одо поставил меня на ноги, напомнил он себе. Брат Одо укрепил мой дух. Он напитал меня знаниями, нужными Делу. В тесной келье Дома бессребреников брат Одо дивил меня множеством тайн. Он заставил меня внимательно вчитываться в странные тексты.

“Не ложь говорю, а истину изрекаю”, — так начинался один из таких странных текстов.

“То, что внизу, — читал вслух Ганелон, повинуюсь приказу брата Одо, — подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И все это только для того, чтобы совершить чудо одного-единственного”.

Для лучшего понимания брат Одо всегда заставлял Ганелона читать такие тексты вслух.

“Точно так, как все сущие вещи возникли из мысли одного-единственного, так стали эти вещи вещами действительными и действенными лишь путем упрощения применительно случаю того же самого одного-единственного”.

— Я произношу слова вслух, но не понимаю их смысла, брат Одо, — жаловался Ганелон.

— Не обязательно понимать то, что предназна-

чено не тебе, но важно знать, что такое на свете существует.

“Солнце его отец. Луна мать его. Ветер вынашивает его во чреве своем. Земля вскармливает его. Только он — первопричина всякого совершенства. Повсеместно. Всегда”.

“Мощь его есть наимогущественнейшая мощь, и даже более того, она явлена в безграничии своем на земле”.

“Отдели же землю от огня, тонкое от грубого с величайшей осторожностью, с трепетным тщанием”.

“Тонкий, легчайший огонь, взлетев к небесам, тотчас же низойдет на землю. Так свершится единение всех вещей — горних и дольних. И вот уже вселенская слава в дланях твоих. И вот уже — разве не видишь? — мрак бежит прочь”.

“Это и есть та сила сил и даже еще сильнее, потому что самое тончайшее, самое легчайшее улавливается ею, а самое тяжелое ею пронзено, ею проникнуто. Так все сотворено, так”.

Ганелон читал, и душа его плакала.

Я несовершенен, я ничтожен. Я мало понимаю, мне чужды многие слова. Но разве совершенен тряпичник-катар, называющий себя чистым и совершенным? Разве чист и совершенен маг и еретик, дышащий душными испарениями дьявольских трав? Разве совершенен трубадур, поющий любовь греховную? Музыка вообще влияет на нравы людей, и потому не всякая музыка должна допускаться.

Так он искал утешения, и душа его плакала.

Ересь.

Затменье душ.

Великий понтифик апостолик римский папа Иннокентий III, чистый душой, печется о всеобщем спасении.

Печется со всею строгостью.

Даже для проповеди в день посвящения в папы он избрал библейский текст — “Смотри, я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, грабить и разрушать, созидать и насаждать”.

А специальные легаты папы аббаты Геньо и Ги, посланные в города Лангедока, в самое ужасное гнездо всяческой ереси, требуют с той же строгостью: “Употребляйте против еретиков не только духовный меч отлучения, против еретиков употребляйте железный меч!”

“Разрушайте повсюду, где есть еретики, все, подлежащее разрушению, и насаждайте все, подлежащее насаждению”, — так требует великий понтифик, апостолик римский, царь царей, владыка владык, священник во веки веков по чину Мельхиседека.

В последнее время по просьбе и приказу брата Одо в простых сандалиях, в рваном плаще, опустив на глаза темный капюшон, Ганелон смиренно исходил многие дороги.

На выжженных солнцем Лангедока дорогах он слышал возбужденную брань простолюдинов в войлочных колпаках — они перегоняли овец, выращивали ячмень, коптили мясо.

Он слышал грубую речь ремесленников в крас-

ных шапках, похожих на перевернутую ступку, — в угрюмых глазах отражалось бешеное кружение ткацких челноков, отсвечивали огни кузнечных горнов.

На дорогах он прислушивался к речам рыцарей, за которыми всегда следовали оруженосцы и два-три мула, нагруженных доспехами и оружием.

На дорогах Ганелон смиренно беседовал с пустынниками, закосневшими в темном упрямстве, и с жестким святым человеком магистром Фульком, собирающим деньги для паладинов, мечтающих принять обет святого креста.

“Так все сотворено. Так!”

“Бессчетны и удивительны применения, которые воспоследствуют, столь прекрасно сотворение мира, всех вещей этого мира”.

“Вот почему Гермес Трижды Величайший — имя мое. Три сферы философии подвластны мне. Три! Но умолкаю, возвестив все, что хотел, про деяние Солнца. Умолкаю”.

Ганелон не понимал текстов, которые заставлял его читать вслух неукротимый брат Одо.

Ничтожный, он не понимал и более простых вещей.

“Лучше бы ты служил мне”.

Так написала Амансульта.

Служил?

Ей?!

Ганелона охватило странное возбуждение.

А два года тюрьмы в темной и мрачной башне? Кому он служил, погибая в тесном каменном меш-

ке? А его болезнь, усилившаяся после случившегося на склоне горы, возвышающейся над старинным замком Процинта? А то, что именно Амансульта бросила его умирать на том склоне?

Чувствуя странную горечь от этих мыслей, жгучую ужасную горечь, не смягчаемую даже сладкими испарениями, поднимающимися над глиняным горшком, Ганелон рывком сдернул веревку, которой вместо пояса пользовался оглушенный им черноволосый человек и крепко связал ему ноги. Затем он посадил черноволосого человека на полу, спиной к деревянному столбу, и все той же веревкой, оказавшейся достаточно длинной, стал привязывать его к столбу, подпирающему балку почти у самой стены под зубастым чучелом ихневмона, если, конечно, это чучело было когда-то ихневмоном.

Старик Сиф, он же Триболо, молча следил за действиями Ганелона.

Старик не пытался встать или заговорить. Он не пытался как-либо помешать Ганелону. Он просто ждал, время от времени подбрасывая в горшок щепоть, а то и две сухой размельченной травы. Глухое пространство подвала медленно заполнялось все более сладкими ароматами, от которых вздрагивали ноздри и щемило сердце.

Только когда Ганелон привязал черноволосого к столбу и выпрямился, старик попросил:

— Не делай ему зла.

Ганелон не ответил.

Он боялся ответить, ведь перед ним сидел еретик. Он боялся не выдержать темной ярости, пере-

полняющей его усталую душу.

Перед глазами роились серые мухи, левая щека подергивалась, глаз косил.

Гордыня, сказал себе Ганелон.

Гордыня.

Вот величайший грех.

Великий эликсир, философский камень, великая панацея, уробурос — как бы все это ни называлось, все равно поиск великого эликсира есть прямая ересь, есть прямой грех, осуждаемый Святой римской церковью. Поиск философского камня или алхимического золота это есть самое настоящее, ничем не прикрытое гнусное соперничество отдельных тщеславных людей с самим Богом, создавшим мир и все сущее.

Как мог осмелиться на соперничество с Богом гнусный тощий старик, прозванный другими людьми Истязателем? Как могла осмелиться на спор с Богом Амансульта, вдруг жадно захотевшая много нечистого золота? Разве ее желание добраться до тайных старинных книг и до тайного старинного золота, все понять и все осмыслить не есть та же самая гордыня? И разве не является ужасной гордыней странное желание монаха Викентия из Барре, человечка с воспаленными мышинными глазками, постигнуть все знания мира?

Ганелон с яростью смотрел на молчавшего старика. Смотрел, как сквозь кисею, так густо роились перед его глазами серые суетливые мухи.

Говорят, что такие, как старик Сиф, умеют выращивать в колбе маленьких человечков, они называют

их словом хомункулюс. Эти человечки размером с малый палец, но они принимают пищу, думают и даже могут разговаривать, если их научить речи.

Есть ли душа у хомункулюсов?

Этого Ганелон не знал.

Зато он слышал, что такие, как старик Сиф, умеют выращивать растения из пепла сожженных трав и деревьев. Они насыпают пепел в пустую колбу, капают в нее немного воды и выставляют колбу на солнце.

А это разве не гордыня, это разве не прямое соперничество с Богом, который создал все?

Дева Мария, роза света, помоги мне!

Сдерживая ярость, стараясь не броситься на старика, Ганелон медленно произнес:

— Некая молодая особа, старик, передала тебе книгу. Это старинная книга, старик. Она покрыта для красоты пластинками из потемневшей слоновой кости. У одной пластинки на указанной книге отломлен уголок. Ты ведь получил такую книгу от молодой особы?

— Может быть... — ответил старик Сиф почти равнодушно и подкинул в бурлящий горшок еще одну щепотку травы.

— Эта молодая особа, старик, поступила очень неблагоприятно, — Ганелон изо всех сил сдерживал нарастающую ярость. — Она не должна была передавать тебе старинную книгу, найденную в подземном хранилище. Суит церти дениквэ финес. Она не должна была это делать.

Старик Сиф не ответил, но Ганелон перехва-

тил его взгляд, брошенный украдкой на полку с книгами.

Ганелон неторопливо подошел к полке.

Он никогда не видел эту книгу, никогда не держал ее в руках, но сразу опознал ее среди других, стоявших на полке.

Уголок одной из резных пластинок, украшавших переплет книги, действительно был отломлен. Пергаментные листы высохли, стали ломкими, краски выцвели, но, раскрыв книгу, Ганелон легко рассмотрел все детали очень странного, вдруг открывшегося перед ним рисунка.

Некий двуликий человек в короне — женщина и мужчина сразу, и перепончатые ужасные крылья за спиной. Крылья синие, как небо, и очень грозные в своей выцветшей синеве. Обе ноги двуликого человека в короне были обвиты змеями, их женские головки с длинными золотистыми волосами яростно устремлялись к глазам двуликого человека. В одной руке он держал меч, а в другой весы.

— Кто это? — томясь от странной, подступающей к сердцу ярости, спросил Ганелон.

Старик негромко ответил, не поднимая опущенной головы, будто он знал все страницы книги наизусть:

— Это изображение большого герметического Андрогина, попирающего первичную материю, чреватую четырьмя элементами космоустройства.

Ганелон задохнулся от ярости.

Но все еще сдерживая себя, он медленно прило-

жил обломок, вытасченный из своего пояса, к одной из пластинок, украшающих переплет книги.

Края пластинок совпали.

— Ты видишь? — сказал Ганелон. — Они совпали.

— Да, — почти равнодушно кивнул старик. — Теперь я понимаю. Наверное, тебя послал брат Одо.

— Почему ты так думаешь, старик?

— Нет пса усерднее.

— Ты боишься его, старик?

— Он многих убил.

— Зато брат Одо раскаялся, — быстро возразил Ганелон. — Он прощен Господом. Ему отпущены все грехи.

— Разве можно отпустить грех убийства?

Это произнес не старик.

Ганелон медленно повернулся и встретился взглядом с черноволосым. Лоб черноволосого был рассечен каблуком Ганелона, рана сильно кровоточила, и несколько капель крови сползали по черной, почти синей бороде.

— Дитя Сатанаила! — сказал чернобородый злобно и даже попробовал разорвать веревки, но это у него не получилось. — Дитя Сатанаила, свергнутого с небес! Дитя дьявола, совратившего пра-матерь Еву! Дитя Каина и Каломены, родившихся от Сатаны! Почему ты здесь, дитя ада?

Ганелон внезапно заинтересовался словами черноволосого:

— Ты хотел бы меня убить?

— Мы не убиваем, сын зла. К сожалению, мы не убиваем. Отнять жизнь человека не смеет никто, рожденный женщиной.

— Я вижу, ты катар?

Черноволосый не ответил.

Он смотрел на Ганелона с такой злобой и ненавистью, что у Ганелона закружилась голова.

Иисусе сладчайший, прошептал он про себя, что происходит со мной? У меня совсем нет сил. А я не хочу уподобляться этому несчастному, который смотрит на меня с такой злобой.

Весы на столе.

Чучело базилика.

Душные испарения, тюрьма духа смятенного.

Голова у Ганелона кружилась все сильнее и сильнее.

— Ты много рассуждаешь, а истинная вера не рассуждает, — сказал он чернобородому катару.

— Зато рассуждает разум, — злобно возразил катар.

— Возможно, — сказал Ганелон и медленно, стараясь никого не испугать, извлек из-за пояса милосердник.

Катар замер. А старик вдруг заговорил.

Казалось, старик искренне недоумевает:

— Ты нашел книгу, пес. Ты ее искал и нашел. Почему ты теперь не уходишь?

Старик заворуженно наблюдал за лезвием милосердника — узким и сердито посверкивающим.

— Эта книга... Я действительно нашел ее... — медленно произнес Ганелон. — Но я пришел не

только за книгой... Я пришел, чтобы узнать... Ты, наверное, не один раз прочел эту книгу, старик?.. Она правда дает знание превращать глину и прочие ничтожные вещи, даже грязь, в золото?..

Старый маг покачал головой.

Серые мухи все гуще роились перед глазами Ганелона.

— Разве это не так? — угрожающе переспросил он. — Разве эта книга не дает такого знания?

Старик ответил, как бы опять искренне недоумевая:

— Существует знание, которое само по себе приносит силу и радость. Такое знание не всегда связано с превращениями металлов. Человек никогда не может знать того, чего он не знает.

— Не говори так туманно, старик. Ты произносишь туманные слова, каких на этом свете невообразимо много, а мне нужны объяснения. Я задал тебе совсем простой вопрос, почему бы тебе не ответить на мой совсем простой вопрос столь же просто?

— Разве можно объяснить идею огня? — усмехнулся маг.

— Конечно. Достаточно сунуть в огонь руку.

Старик рассмеялся.

— Ты говоришь об идее боли, — негромко, без раздражения, даже доброжелательно разъяснил он. — Но это совсем другое. Ты путаешь понятия, пес. Даже если я отвечу тебе совсем просто, ты все равно не поймешь моих слов.

Веки Ганелона отяжелели, серые мухи теперь

летели так густо, что порой он почти ничего не видел.

— Говорят, есть книги, которые позволяют некоторым людям получать то, что кажется на первый взгляд недоступным. Может, это дьявольские книги, не знаю. Меня, старик, интересуется книга, которую я держу в руках. И я задаю тебе очень простой вопрос, старик. Скажи, правда ли, что эта книга, которую я держу в руках, помогает делать золото?

Старик медленно покачал головой и бросил в кипящий горшок еще щепотку сухой травы.

Ганелон наклонился над привязанным к столбу катаром.

— Подними руку. Не так. Выше. Еще выше. Теперь вытяни ее перед собой. Укажи пальцем на старика.

— Зачем? — злобно спросил катар.

— Если ты будешь спрашивать, я перережу тебе глотку.

Злобно вращая темными глазами, катар поднял руку, как того требовал Ганелон, и указал длинным пальцем на старика.

Коротким, почти неуловимым движением Ганелон отсек вытянутый палец катара.

Катар взвизгнул и зажал рану левой рукой.

— Не нужно останавливать кровь, — медленно предупредил Ганелон катара и, предостерегая его, даже слегка уколол его в шею кончиком милосердника: — Я позволю тебе остановить кровь, я даже больше совсем не трону тебя, если старик ответит на мои вопросы.

— Святая римская церковь запрещает проливать кровь, — почти равнодушно заметил старик.

— Разве ты или этот катар, разве кто-то из вас подтвердил своими словами или поступками свою веру в Единого?

— Ты противоречив, даже очень противоречив, — покачал головой старик. — Мне трудно тебя понять.

— Это потому, что я тороплюсь.

Ганелон действительно торопился.

В подвале становилось невыносимо душно, и серые мухи все больше застилали глаза, и каждую мышцу тела все чаще пронзали нестерпимые молнии боли.

Я должен успеть, подумал Ганелон. Если я не успею, я не выберусь из этого подвала.

Он вдруг пожалел, что отказался от помощи брата Одо.

Однажды он уже сделал что-то подобное.

Например, на берегу верхнего пруда под тенью башни Гонэ он ничего не сказал брату Одо о том, как именно Амансульта научилась открывать вход в подземный тайник. Что-то тогда шепнуло ему — промолчи, и он промолчал. И когда брат Одо в Риме спросил, понадобится ли ему помощь в поисках старика, он тоже почему-то промолчал. Что-то странное опять, как тогда под башней Гонэ, шепнуло ему — промолчи.

И он промолчал.

А брат Одо не стал ни на чем настаивать.

Теперь он, кажется, догадывался, почему он промолчал.

Перивлелт.

Восхитительная.

Приторный сладкий запах, томительная духота испарений.

Ганелон задыхался.

Рой серых мух затемнял зрение.

Гул крови, проталкивающейся сквозь сжавшиеся сосуды, казалось, раскачивал стены подвала так, что под закопченной балкой шевельнулось и закачалось чучело ихтевмона.

И боль.

— Слушай меня, старик. Начиная с этого мгновения я каждые полминуты буду отрубать катару один палец, — негромко, но твердо, изо всех сил борясь с болью и с головокружением, произнес Ганелон. — У меня осталось совсем немного времени, но этого времени хватит, чтобы добиться от тебя простых ответов. Я ведь говорю правду, старик?..”

VII—IX

“...видел город.

Шпицы гигантских соборов, многоэтажные колоннады, массивный каменный акведук, пересекающий шумные улицы, каменные триумфальные столпы, украшенные ангелами, широко распростершими над миром свои величественные крылья.

Перезвон звонких колоколов.

Бесконечные толпы, экипажи, повозки, кареты, всадники.

Ганелон видел Вечный город с большой горы, или с большой высоты, на которой парил свободно, как птица.

С огромной высоты он видел, что Вечный город так велик, что нигде не кончается.

Храмы, дворцы, форумы, палаццо, акведуки, бани, набережные, колодцы, жилые здания — Вечный город занимал все видимое пространство от горизонта до горизонта, нигде не прерываясь. Похоже, он давно поглотил поля, леса, запрудил реки, пересек их многочисленными мостами.

Ганелон задыхался от высоты, на которую его занесли видения.

Он видел, что город велик, город бесконечно заполнен жизнью.

Где-то кричал петух, может быть, на балконе. Терся спиною мул о древний памятник. Грохотали повозки по мостовым. Плакал ребенок, смеялись на углу распутные женщины. Откуда-то доносились звуки затянувшейся службы.

И все это был один город.

Тот самый, который совсем недавно лежал перед Ганелоном пустой и в руинах и в котором в каменных развалинах Колизея, поднимая к небу острую морду, выла волчица.

Поистине вечный.

Правда, в самой несокрушимости его, в самой его вечности проскальзывала вдруг какая-то неожиданная бледность, какая-то неестественная неясность. Видения начинали слегка смазываться, по ним вдруг пробегала смутная волна, как это бывает с зер-

кальной поверхностью пруда, когда над ним пролетает ветер.

И голос.

Пугающий, размывающий видения голос.

Сквозь вечную мощь каменных стен, сквозь величие соборов, встающих над городом как скалы, сквозь строгую продуманную красоту набережных вдруг проступали, как бы бесшумно прожигая дыры в этих видениях, то закопченная деревянная балка со злобно скалящимся под нею подвешенным на веревке зубастым чучелом ихневмона, то дымный камин, в котором, волшебю подрагивая, танцевал веселый огонь и таинственно булькало в глиняном горшке дьявольское варево старика Сифа.

И голос:

— Оставь его, Сиф. Пусть он там и лежит. Не прикасайся к нему. Все равно мы оставим его в подвале.

Ганелон медленно приоткрыл глаза.

Даже это усилие отозвалось в нем болью.

Были связанные, заломленные за спину руки.

Он увидел светлый и длинный плащ.

Конечно, Ганелон знал, кому принадлежит плащ, кто любит кутаться в такие светлые длинные плащи.

Амансульта.

Амансульта стояла так близко, что Ганелон мог ударить ее по ногам своими связанными ногами.

Ударить и, когда она упадет, дотянуться связанными руками до горла.

Или зубами.

Перивлепт.

Восхитительная.

Он боялся открывать глаза, но они были уже открыты, и ему оставалось лишь усилить внимание.

— ...Наверное, его послал брат Одо, — услышал он ровные пояснения, которые давал Амансульте старик Сиф по прозвищу Триболо. — Я не знаю, кто он, — старик, конечно, говорил о Ганелоне, — но я чувствую, что его послал брат Одо. Его псы любят охотиться за чужими тайнами. Не понимая чужой тайны, они сразу называют ее злом и начинают за ней охотиться. Они ведь действительно не знают, что на самом деле составляет ту или иную тайну. Для них главное — определить в тайне зло. Они ненавидят зло. С позволения Божьего они хотели бы задавить любое зло в самом его зародыше, поэтому они так торопятся, поэтому они совершают столько ошибок. Этот человек, — кивнул старик в сторону лежащего на полу Ганелона, — напал на нас. Он оглушил и связал Матезиуса. Требуя от меня ответов на свои странные вопросы, он отрубил палец Матезиусу. Он и мне угрожал кинжалом и собирался унести книгу из собрания Торквата. Я слаб, я не мог остановить его или помешать ему, но по странным глазам этого человека я понял, что он, наверное, не очень здоров. По его глазам я понял, что у него вот-вот может начаться приступ одной ужасной болезни, похожей на эпилепсию. Подумав, я решил не жалеть этого человека и искусственно ускорить наступление приступа. Я неторопливо отвечал на вопросы этого человека, нисколько больше не спорил

с ним, почти во всем с ним соглашался, а сам все подбрасывал и подбрасывал в кипящий на огне горшок листья горного растения карри. Ты ведь знаешь, что влажные пары карри дурманят. Если бы у этого человека оказалось больше сил, — вздохнул старик Сиф, — мы все угорели бы и, возможно, даже погибли бы — и этот человек, и я, и Матезиус. Но, будучи пораженным болезнью, этот человек первый потерял сознание. Тогда я развязал Матезиуса и пришла ты. — Старик покачал головой: — Ни сам брат Одо, ни его псы не понимают, что убийства в этом мире ничего не решают.

— А знания? — быстро спросила Амансульта и переступила с ноги на ногу так, что лежащий на полу Ганелон увидел, как дрогнули края ее белого запыленного плаща.

— Знания?

Старик медленно покачал головой.

Наверное, ему было что сказать по этому поводу. Наверное, Амансульта не просто так задала ему этот вопрос. Но старик сам ответил вопросом:

— Говорят, ты встречалась с римским апостоликом? Ты видела папу? Говорят, ты сумела высказаться?

— Да, Сиф, — негромко ответила Амансульта. — Я видела папу, и я сумела высказаться, но папа мне не поверил.

— Он внимательно выслушал тебя?

— Он очень внимательно выслушал меня, Сиф, он много думал над моими словами, но я знаю, он мне не поверил.

Старик покачал головой.

Наверное, он решил дать возможность Амансульте прийти в себя, потому что снова указал на лежащего Ганелона:

— Этот человек от природы награжден смелостью. Он пришел к нам один. Матезиус все проверил.

— Этот человек всегда приходит один, это его особенность, — подтвердила Амансульта и, ценя отношение старика к себе, вновь перевела разговор на папу: — Я сказала, Сиф, великому понтифику о книгах Торквата. Я сказала ему о том, какие знания хранятся в старинных книгах. Я попыталась объяснить великому понтифику, как много мы можем знать. Знаешь, что он ответил, Сиф?

— Не знаю.

— Он ответил просто. Он ответил мне вопросом. Он спросил: зачем знать так много такой восхитительной девице, как я?

— И все?

— И все.

— Ты ответила на эти его слова?

— Нет.

— Это неправильно, — покачал головой старик. — Ты обязана, как все, отвечать великому понтифику на любой его вопрос. Если великого понтифика заинтересовало, зачем знать так много такой восхитительной девице, как ты, ты должна была ответить ему и на это.

Амансульта тоже покачала головой.

— Когда я увидела апостолика римского, я сра-

зу сказала ему, что не скрою от него ничего из того, что сама знаю. Однако я отказалась присягнуть в том, что отвечу на любой его вопрос. Как я могу присягнуть, сказала я апостолику, если не знаю, о чем вы будете спрашивать. Может, вы будете спрашивать о таких вещах, о которых я не посмею или не захочу говорить.

— Твои слова звучат дерзко.

— Зато они правдивы.

Ганелон перевел дух.

Он чувствовал, в подвале посвежело. Наверное, старик и его помощник успели проветрить подвал. Но встать или даже повернуться Ганелон все еще не мог. Он просто лежал на полу и прислушивался к словам Амансульты.

Он был поражен.

Амансульты виделась с папой! Она разговаривала с великим понтификом, с апостоликом римским!

— Я сказала нунцию, что в Латеранский дворец меня привело важное дело. Это правда, ты знаешь. Я заявила нунцию, что кардинал Данетти передал великому понтифику мое послание. Нунций ответил: кардинал Данетти сейчас отсутствует, хорошо, если он появится через два-три дня. Нунций вел себя как рассерженный нотариус, он смотрел на меня так, будто я украла в храме реликвии. Он твердо заявил, что никогда папа не примет меня, что апостолик вообще не принимает девиц, особенно тех, с именами которых связаны многие подозрительные слухи. Я сразу поняла, что нунций, видимо, наслышан о моем золоте и богатстве и хочет получить до-

рогой подарок. Он вел себя очень неблагожелательно, Сиф, все его поведение говорило о том, что он страстно желает получить от меня дорогой подарок. Но я не хотела связывать себя с ним даже подарком. Говорят, что это он убил несчастного аббата Трелли. Говорят, что сначала он якобы дал аббату яд, а потом ударил деревянным молотком. Так говорят. Но, может, это неправда. Все-таки именно он отправляет обязанности нунция.

Голос Амансульты, и без того ледяной, вдруг преисполнился презрения:

— Но он обращался со мной, как с самой обыкновенной простолюдинкой, Сиф. Для начала он приказал поместить меня в тесную келью без окон, в Латеранском дворце много укромных мест. В келье не было ничего, кроме лампадки под распятием, но и лампадка чуть-чуть теплилась. Я села в углу на каменный пол, мне стало зябко и холодно. Потом я встала и ходила по келье, два шага в одну сторону и два шага в другую. Никто не имеет права так обращаться с представительницей столь древнего рода, как мой. Я думаю, Сиф, что нунция смутили слухи о золоте, добытом из тайников Торквата. Конечно, нунций оказался ничтожен в своей ничтожности, Сиф. Он так и не понял, что рыба, выловленная в пруду, ничего не значит перед великим умением ловить рыбу. — Амансультя вдруг спросила: — Ты помнишь, Сиф, как я испугалась, когда впервые дошла до истины?

Старик кивнул.

Лежа на полу, Ганелон напрягся.

Амансульта испугалась?

Чего могла испугаться Амансульта? Разве она способна пугаться? До какой истины она дошла? Как и почему истина, если это действительно истина, может испугать честного и чистого человека?

Вот старик Сиф обманул Ганелона.

Старик Сиф, медленно вспомнил Ганелон, выслушивал его требования и угрозы, а сам бросал в кипящий горшок сухую траву, пары которой вызывают странные видения и упадок здоровья. Старик Сиф не хотел, чтобы Ганелон, пес Господень, ушел из подвала со старинной книгой в руках и оставил в подвале два трупа.

Ганелон вспомнил двуликого человека, изображенного на одной из многих страниц книги.

Большой герметический Андрогин, попирающий материю, чреватую четырьмя элементами космоустройства.

Ганелон хорошо запомнил определение и сейчас усмехнулся про себя: разве не отвергает подобное знание простых человеческих радостей?

И подумал: я все-таки нашел одну из самых тайных книг Торквата, я даже держал ее в руках. Теперь, наверное, Амансульта и старик Сиф, прозванный Истязателем, убьют меня. Они не могут меня отпустить, я для них опасен.

Странно, но это почему-то успокоило Ганелона. Он вновь весь превратился в слух.

— Я считала, что апостолик всегда строг, что он всегда облачен в парчу, шитую золотыми крестиками, что всегда на его голове тиара. Я считала, что

он всегда строг, безмерно строг, ведь я судила о нем только по его известным мне поступкам и буллам. Помнишь, как однажды в Риме появилось много сицилийцев и северян с выколотыми глазами и отрезанными ушами? Этих людей приказал согнать в Рим папа, чтобы все римляне убедились, что германцы, не желающие признавать себя вассалами папы, жестоки и бесчеловечны. Пригнав несчастных сицилийцев и северян, он всех убедил в жестокости германцев, но я не уверена, Сиф, я смущена, я боюсь, что отнюдь не все, и даже не многие из этих слепцов с отрезанными ушами стали слепцами по вине германцев. Но сам папа прост. Он задумчив, он внимателен и прост. Он носит простое облачение, прислушивается к разумным голосам и называет себя ничтожнейшим из ничтожных. Он из большой семьи благородного графа ди Сеньи, — задумчиво добавила Амансульта. — Его родовое имя граф Лотарио ди Сеньи. Приняв высокий сан, великий понтифик принял другое имя. Теперь все зовут его — Иннокентий. Это имя означает — Невинный. Но сам великий понтифик не показался мне столь уж невинным, Сиф. У него горбатый нос, выпуклые щеки с легким румянцем и кудрявая борода. Он молод, Сиф. Понимаешь, Сиф, он молод. Это меня пугает.

— Пугает? — удивился старик.

— Да.

— Но почему?

— Да потому, что он думает о всем мире. Это свойство молодости. Он думает обо всем мире. Он

думает о нем, как о своем. Он говорит конкретно со мной, а сам в это время думает обо всем мире, я это сразу почувствовала. Он как бы внушает тебе некоторую надежду, но делать он всегда будет только то, что сам найдет нужным. Для мира. Не для тебя. Он показался мне всевидящим, Сиф.

— Он мог бы тебе помочь?

— Раньше я так думала. Но теперь не знаю, — покачала головой Амансульта. — Он осторожен. Он трезв. У него светлые, блестящие, как стекло, и очень внимательные глаза. Говорят, в Болонье и в Париже он превосходил в познаниях всех своих сверстников. Он смутил меня, Сиф.

— Как ты с ним встретилась?

— Я говорила тебе, сперва меня заперли в тесной келье, там не было ничего, кроме лампадки под распятием, а где-то рядом пищали крысы. Грех так поступать, сказала я нунцию, который пришел меня проведать. Грех так поступать, сказала я ему, ведь рано или поздно я все равно встречу с папой. Нунций ответил мне со значением. То, что ты хочешь сказать папе, сказал он, ты можешь сказать мне. Остиарий тоже нехорошо глядел на меня через плечо нунция, а рядом стоял рослый ключник. Их было трое, но, по-моему, все они боялись меня. Я сказала им: то, что я хочу сказать, я скажу только папе. Нунций возразил. Подумай хорошенько, сказал он мне, зачем тебе спорить? Здесь, в этой келье, даже кричать нельзя, все равно никто не услышит. Так что подумай хорошенько. И если надумаешь, постучи рукой в дверь. А папа, добавил он, тебя все

равно никогда не примет. У тебя плохая слава, это всем известно, добавил он, а твой богохульник-отец погряз в преступлениях, это тоже всем известно. Сказав это, папский нунций вновь запер меня в тесной келье, и я стала думать, как мне правильнее говорить с папой. Не знаю почему, Сиф, но я была уверена, что все равно встречу с римским апостоликом. Я решила, что скажу римскому апостолику так: вы теперь видели золото, посланное вам, Ваше священство. Это очень чистое золото. Более чистое золото трудно себе представить. Святая римская церковь имеет право каждый год получать много такого чистого золота. А еще Святая римская церковь имеет право на знания, которые в течение долгих лет были заключены в некий подземный тайник. Эти знания пока разрознены и разбросаны по отдельным книгам и даже по различным спискам, но их можно свести в одну систему. Я даже знаю, кто это может сделать. Я так сразу и решила, Сиф: наместник Бога на земле достоин самых великих дел, потому он и наместник, что же касается игры в бисер, то пусть ею займутся магистры. Я не боялась, что нунций помешает мне встретиться с великим понтификом. И так оно и оказалось. Через несколько дней в Латеранский дворец вернулся кардинал Данетти, и я была выпущена из кельи.

— Ты неосторожна, — скрипучим голосом мягко укорил Амансульту старик. — Не забывай, что в прецептории на тебя лежит много доносов, а на улицах за тобой увязываются странные нищие. Вот и сейчас на полу лежит перед тобой человек, кото-

рый пришел к нам не просто так, а с кинжалом в руке. Не забывай, что бы его ни привело сюда, в некотором смысле он приходил сюда за тобой...”

Х

“...на фоне стрельчатого окна с цветным мозаичным стеклом, смягчающим свет, проникающий в залу.

Кардинал Данетти, пятясь, покинул комнату.

С некоторой растерянностью Амансульта вдруг поняла, что она находится не в рабочем кабинете. И смиренно опустила глаза — светлородый человек у окна, присевший на низенькую скамеечку, несомненно, был папа, великий понтифик, апостолик римский. Правда, на нем была простая сутана, а монсеньоры и камерарии, как это полагается при официальных встречах, отсутствовали.

Так и должно быть, успокоила себя Амансульта. Кардинал Данетти обещал устроить как бы случайную встречу, другой просто не могло произойти. А посему нельзя терять ни минуты.

Амансульта заговорила.

Папа смотрел на нее внимательно.

Она хороша, подумал папа с некоторой печалью. Я много слышал о ней, и никто не сказал неправды об ее внешности. Ее походка легка, ее глаза светлы, она привлекает внимание. Она, наверное, еще не грешна — в том смысле. Но все в ней греховно.

Ее черты совершенны, подумал папа, ощущая какую-то странную и непонятную тревогу. У нее ясные глаза, это характерно для всех Торкватов. Ее отец великий грешник и богохульник барон Теодульф, говорят, загубил жену и не раз поднимал руку на священнослужителей, но при этом уже дважды становился на стезю святого гроба, совершая великие подвиги. Говорят, барон-богохульник Теодульф груб и несовершенен, а вот каждая черта его дочери совершенна.

Это плохо.

Это несет печаль.

Совершенство человеческое не вечно. Оно не надолго. Дуранте вите. Только на время жизни, не больше. А жизнь человеческая коротка. Господь всегда милостив, смерть не дремлет.

От утра до вечера изменяется время. Будущее родится, прошлое умирает. Все скоротечно, все течет. Мы все умираем, пока живем, и перестаем умирать, когда перестаем жить.

У нее совершенные губы, подумал папа, глядя на Амансульту. Ее губы полны и от природы греховны, они налиты будущим великим грехом. Ее губы — красиво окрашенное естественное зло.

Лучше умереть для жизни, чем для смерти, печально подумал папа. Смертная жизнь есть не что иное, как живая смерть. Всегда внезапно приходит беда, обрушивается несчастье. Дочь барона Теодульфа привлекает внимание. Внимание это нечисто, ибо вызывается кипением неразумной молодости, терпким грехом жизни. И при этом она говорит

о будущем. О каком-то странном и непонятном будущем. В ней, кажется, нет смирения. Ее кротость кажется искусственной. Забывая о дне сегодняшнем, она все время почему-то говорит о дне будущем и думает о дне будущем, но почему-то от волнения у нее греховно припухают губы.

Надо ли так страстно говорить о дне будущем? Разве не учит мудрейший: не знает человек времени своего!

“Как рыбы попадают в пагубную сеть, как птицы запутываются в силках, так и сыны человеческие попадают в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них”.

Папа потер ладонью чуть тяжеловатый подбородок.

Известно, дьявол любит красивые приманки.

Амансульта красива.

Ее красота холодна, она похожа на скульптуру, изваянную из мрамора или льда, но она красива.

Амансульта из тех мест, вспомнил папа, которые всегда славились самыми крепкими и упрямыми мулами. Амансульта из тех мест, где женщины никогда не боялись греха и не бежали греха. Ее отец великий грешник. Он много претерпел в плену у сарацинов, он прощен, но, говорят, по-настоящему он так и не утвердился в вере. Он увидел, как огромен мир и как разнообразно устроен, и это, наверное, расшатало его и без того не очень крепкую веру.

Папа вздохнул.

Дьявол любит красивые приманки.

Бывает, что некоторых он ловит на клады.

Даже папа Сильвестр, великий понтифик, апостолик римский, вспомнил он, не устоял когда-то перед дьяволом.

Гордыня.

Говорят, что в Испании некий мавр открыл будущему папе Сильвестру тайну чернокнижия, а в заброшенном и сыром римском подвале дьявол подсунул будущему папе великие и давно потерянные для людей сокровища императора Октавиана. С помощью дьявола, которому он целиком предался, будущий папа для своих нужд построил некую искусственную магическую голову, умевшую отвечать на вопросы. От этой головы он узнал, что станет папой, великим понтификом, апостоликом римским и умрет, отслужив молитву в Иерусалиме. Желая обмануть судьбу, папа Сильвестр никогда с той поры не выезжал в Святую Землю, но умер, отслужив однажды молитву во храме “Святого креста, что в Иерусалиме”.

Свыше предначертанное никто отвести не в силах, даже папа, человек, высоко поставленный над царями и над народами.

Дьявольские тайны и клады.

Дьявольская красота.

Говорят, Амансульта тоже коснулась тайн, странных и страшных, низринутых наружу пещерами. А пещеры — это почти могилы, сказал себе папа и перекрестился. Он никак не мог понять, что его больше смущает — облако греховности, незримо витающее над Амансульттой, или многочисленные доносы, переданные ему из прецептории еще утром,

или, может быть, те слова, которые произносила Амансульта?

Он внимательно вслушался.

Амансульта говорила о ходе времени.

Она изумлялась: как можно понять ход времени, совсем не зная, совсем не изучив древних авторов?

— А Библия? А Послания? А Апокрифы? — смиренно возразил папа. — А святые книги христианского вероучения? Разве этого мало? Разве ход времени не освящен божественным светом святого Писания?

Амансульта смиренно кивнула.

Истинно так.

Она согласна.

Но есть ведь еще и совсем простые, но важные истины, такие как волнение моря, землетрясения — судороги земные, нашествия вредоносных гусениц на поля, снег зимой и град летом, наконец, есть такие простые истины, как здоровье старика и здоровье ребенка. Есть многие знания, которые не приходят сами по себе, есть знания, которым можно только научиться.

Папа покачал головой.

Познающий всегда в сомнении, а вот вол не познает, он просто пашет. Можно ли изменить мир, зная, например, природу морских волн или разных болезней? Или даже так можно спросить: можно ли и надо ли изменять Божий мир с помощью каких бы то ни было простых истин или знаний? Разве Божий мир не должен всегда существовать

именно таким, каким его, по разумению своему, создал Господь?

Амансульта с изумлением уловила в голосе папы нотку сомнения.

Конечно, охватила ее тревога, папа молод. Ему нет даже сорока. Его еще волнует власть. Он думает обо всем мире.

— Да, мир, созданный Богом, вечен и неизменен, — произнесла она вслух. — Истинно так.

И подумала: но разве этот вечный и неизменный Божий мир никогда не меняется?

Разрушаются горы, высыхают моря. Господь озаряет мир светом, льет благодать на страны и на народы, но страны и народы рождаются и умирают, нарождаются в прошлом и исчезают в будущем. Много забытых, но мудрых книг пылится в монастырских темных библиотеках. Разве не благое, разве не святое дело свести все накопленные людьми знания воедино? Разве Святая римская церковь не должна уяснить для себя законы, ведающие ходом времени? Разве это не угодно Господу? Видит Бог, мы уже многое упустили. Только собрав воедино за всю историю накопленные человечеством знания, Святая римская церковь может встать, как вечная скала, над самим ходом времени.

Амансульта опасна, печально подумал папа.

Она умеет зажигать, она говорит с настоящим волнением, в ней чувствуется сильная воля. Даже я зажигаюсь, слушая ее.

И она много знает.

Очень много.

Из доносов, скопившихся в прецептории, папа уже уяснил для себя главное: жизнь Амансульты уединенна. Изредка она привечает в своем замке труверов, но не всех, а выборочно. Иногда у нее бывают известные маги, но тоже не часто.

Она выкупила отца из сарацинского плена.

Благое дело, весьма угодное Богу, но говорят, что золото Амансульты добыто нечистым путем. А если так, пора в это дело вмешаться. Прямое дело Святой римской церкви вмешиваться во все те дела, где пахнет пламенем ада. Апостольский образ жизни нуждается в приличествующем ему облачении. Люди, подобные Амансульте, совсем не такие, как блаженные отцы, которые проповедуют спасение душ. Их слова многими услышаны. А что проповедует Амансультя? Разве в мире Божьем опора всему знание, а не вера? Всем известно, что старинный род Торкватов груб и упрям. Торкваты всегда и всем доставляли хлопоты, даже варварам, когда-то захватившим Рим. Говорят, Амансультя нашла в глубоких пещерах, расположенных рядом с замком Процинта, некие тайные книги самого Торквата, жестоко казненного в свое время королем варваров Теодорихом. Говорят, что некоторые книги, найденные Амансультой, напрямую указывают на то, как можно получить самое чистое золото из свинца, из глины, из песка, из чего угодно, даже из того, что, как сор, валяется под ногами.

Опасное знание.

Не от Бога.

— Ты говоришь о ходе времени, — сказал папа вслух. — Ты прочла об этом в старых книгах?

— Я прочла это в трудах Торквата.

— Я знаю труды Торквата, — покачал головой папа. — Их не очень много. Их все можно перечислить на пальцах одной руки. Где именно ты прочла об этом у Торквата?

— В “Эпилегемонах”, в “Дополнениях”, — откровенно ответила Амансульта. — Вы можете не знать этого труда, он возвращен из небытия совсем недавно. Очень долгое время этот труд хранился в тайнике. В этом труде Торкват самым чудесным образом угадывает ход времени, говорит не только о прошлом, но и о будущем. Всегда творя в одиночестве, Торкват видел будущее мира, и оно никогда не казалось ему жалким. В “Эпилегемонах”, путем долгих размышлений, Торкват пришел к мысли, что в человеческом мире за эпохой упадка всегда следует взлет. Уходит античная простота, мир затопляют волны варварства, но самым чудесным образом Торкват предвидит, что ничто никогда не кончается. Цветущие города Вавилонии разрушаются, их покрывает пыль вечности, но ход времени неостановим, и в самых ужасных и диких пустынях рано или поздно вновь вырастут города. Всегда и везде одна эпоха переходит в другую, и так повторяется бесчисленное число раз. При этом каждая последующая эпоха, так утверждает Торкват, всегда по сути своей противоположна предшествовавшей. Торкват подобрал ключ к вечности. На гербе нашего рода изображен ключ, — напомнила Амансульта. — Утопая в варварстве, Торкват явственно разглядел из тьмы своих дней будущее. Он понял, что все в этом

мире повторяется. Сегодня творит Гомер, а завтра приходит варвар. А потом снова творит Гомер и снова приходит варвар. Гомер творил за тысячу лет до Торквата, — смиренно добавила Амансульта, — и Иисус тоже говорит о тысячелетнем царстве. Разве над этим не стоит задуматься?

Со все возрастающей печалью, но уже и с некоторым тайным гневом, тщательно пока скрываемым, папа всматривался в глаза Амансульта.

— А церковь? — так же смиренно, как Амансульта, спросил он. — Разве Святая римская церковь сама по себе всегда не возвышается, как вечная скала, над ходом времени? Разве Святая римская церковь не сильна благодатью, так щедро разливаемой в мир?

Амансульта улыбнулась.

— Червь сомнения никогда не умирает, а огонь разума никогда не гаснет.

Папа вздохнул.

Амансульта цитировала его собственные труды.

Она, кажется, неплохо подготовилась к этой встрече, подумал папа.

— Ты считаешь, — спросил он, чуть наклонив голову набок. — Ты считаешь, что вся христианская эпоха от падения язычества и до наших дней, все это было только эпохой варварства? Ты считаешь, что некие знания, сохраненные в мрачных пещерах и катакомбах, могут пролить какой-то яркий свет на мир, уже осиянный благодатью Господней? Ты действительно считаешь, что все, что было до нас, всего лишь эпоха варварства?

— Это можно назвать и иначе, — уклончиво ответила Амансульта.

Она устала стоять, но папа не предложил ей сесть.

— Я говорю о чудесном даре Торквата, дошедшем к нам через годы, — уже сдержаннее сказала она. — Разве подобные чудесные события не следует использовать во славу церкви?

— И ты знаешь как?

Амансульта кивнула.

Она сумасшедшая, подумал папа.

Дьявол, совершая сделку, лишает партнера разума.

Амансульта попалась на удочку дьявола.

Папа перекрестился.

Мир навсегда создан Господом. Мир вечен и неизменен. Мир по праву принадлежит Святой римской церкви. Грех гордыни, в чем бы он ни проявлялся, самый страшный грех. Тысячи и тысячи еретиков, впавших в ересь гордыни, колеблют почву, сами пугаясь этого. Тысячи и тысячи еретиков собираются в зловонных городах, в этих вавилонах ненависти и гордыни, но разве поколебали они устои Святой римской церкви? Ткач тклет ткань, красильщик ее красит, портной шьет, все живое занимается своим делом. Разве можно изменить мир, созданный Господом? Не богохульство ли сама мысль об этом?

Она невинна, печально подумал папа, глядя на Амансульту. В том низменном смысле, какое вкладывают в это слово, она невинна. Но она вся в грехе. Она говорит искренне, ее заблуждения чисты,

но именно этим она и опасна. Ее чистая душа уже надкушена дьяволом.

Блажен тот, кто обрел мудрость от Бога, и трижды проклят тот, кто понес от дьявола.

Разве мир со всей своею совокупностью прошлого, настоящего и будущего не присутствует вечно в разуме Бога, как если бы он уже давно прошел свое бесконечное развитие? Разве Господь не видит будущее так же, как настоящее и прошлое, причем именно так, как будущее когда-либо состоится? Разве он не видит все возможные колебания мира и его вещей — все, что может когда-нибудь реализоваться и какой выбор может быть сделан?

Амансульта с большим торжеством говорит о чудесном даре Торквата предугадывать будущее, но ведь только Господь, а не его слуги, может предугадывать будущее. Ведь если допустить, что Господь может помыслить, будто должны иметь в будущем место все те вещи и события, которые могут и не случиться, то он заблуждается.

А даже допускать такое — грех.

Такое допущение не только недостойно, оно дерзко.

А если предзнание Господа таково, что он, предугадывая будущие события, предполагает, что нечто может как произойти, так и не произойти, то что же это за предзнание, если почему-то оно не содержит в себе ничего значительного и определенного?

Нет, покачал головой папа. Бог есть наличие всего сущего, и его предзнание будущего происходит

не из-за того, что что-то когда-то произойдет в будущем, а именно из того, что все эти что-то и когда-то вытекают из его собственной непосредственности.

Еретики в этом греховном мире быстро плодятся. Конечно, это упущение. Это большое упущение. Еретики всегда заслуживали и всегда должны заслуживать только одного наказания — смерти.

Да погибнут!

Папа сурово взглянул на нее.

— Если эпоха варварства, к которой, как ты утверждаешь, мы все еще принадлежим, заканчивается, значит, нам опять предстоят какие-то важные изменения? Значит, нас опять что-то ждет? Значит, это что-то можно каким-то образом предвидеть? — Папа наклонил голову: — Разрешаю тебе сказать.

Он внимательно следил за Амансульттой.

Ему показалось, что в ее светлых глазах на секунду мелькнул испуг.

Если это правда было так, то Амансультта с головой выдала себя в своей греховности.

Но ответ Амансультты удивил папу.

— Нас ждут большие войны, — негромко сказала она. — Нас всех ждут большие войны.

— Ты говоришь о вооруженных паломничествах? — удивился папа. — Ты говоришь о стезе святого креста, или нам грозит что-то другое?

— Я говорю о больших войнах, — пояснила Амансультта. — Я говорю о больших войнах, которые, как правило, завершают любую эпоху, как

упадка, так и взлета. Такие большие войны, по словам Торквата, в прах повергают самые великие империи и неожиданно возносят на невиданную высоту народы, прежде пребывавшие в ничтожестве. Это долгие войны, — добавила Амансультыта. — Они не заканчиваются ни в двадцать, ни в пятьдесят лет.

— Но почему войны? С кем?

— Не знаю.

Они замолчали.

Папа открыто наложил на Амансультыту крест.

Враг рода человеческого не спит. Истинная опасность для христианских душ часто таится вовсе не в пустынях Святой Земли, даже не в языческих странах, даже не в растленном проклятом Константинополе, городе отступников и слепцов, настоящая ужасная истинная опасность чаще всего гнездится в наших собственных слабых сердцах. Эта опасность таится не в тысяче лье от нас, она таится внутри нас, она всегда рядом.

Еретики.

Их духом заражены многие города.

Тулуза, Нарбонна, Альби, Ним, Безье, Монпелье, Берри...

И только ли?

Разве конница сарацинов колеблет истинную веру?

Почву истинной веры колеблют еретики.

Вот странно, подумал папа с тревогой. Если дочь грешника барона Теодульфа, богохульника и отступника, впрямь в сговоре с дьяволом, если ей

впрямь открылись какие-то нечистые тайны, если она впрямь может услаждать свои пороки, находя все новые и новые, почему тогда она не прячется трусливо в башнях своего проклятого замка, не страшится глаз великого понтифика, посещает церковные службы и молится Богу, а в случае нужды, как сейчас, стремится увидеть не слабого духом графа Тулузского, потворника еретиков, а самого папу, великого понтифика, апостолика римского, заместника Бога на земле, жестоко и страстно карающего любых отступников от святой веры?

Папа был смущен.

Ничтожны все человеческие дерзновения.

Что есть человек? “Для чего из утробы матери я вышел? Чтобы видеть труды и скорби, и чтобы дни мои исчезли в беславии?”

Если такое в отчаянье мог возопить тот, чье зачатие освятил сам Господь, то что могу возопить я, ничтожнейший из ничтожных, уже по определению зачатый в грехе?

Человек сотворен из пыли, из грязи, из пепла, из сырости, с печалью подумал папа. Он сотворен из отвратительного семени, что еще более омерзительно. Восхитительную Амансульту богохульник барон Теодульф зачал в зудящей похоти, в опьянении страсти — зачал для смерти.

Откуда же в смертной столько гордыни?

Сравнить Амансульту с обитателями воды — она ничтожна.

Рассмотреть ее на фоне многих воздушных тварей — она ничтожна.

Несмотря на всю свою красоту, она ничтожнее даже выючного животного, потому что выючное животное никогда не покушается на светоч мира, даже в своей тупости, даже в своей закоснелости выючное животное остается всего лишь выючным животным.

Амансульта преисполнена гордости, ее точит бессмысленный и зловерный бес. Она хочет предугадывать в наивном своем ослеплении ход времени, ход прошлых и будущих эпох, рассуждать о важных вещах и обдумывать другие важные вещи, но она уже не чиста, ее гордыня от дьявола, а от тщетных ее занятий ничего в мире не произойдет, кроме трудностей, скорби и уныния духа.

Зачем так слаба ее память? Почему она не помнит великих слов?

“И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость, познать безумие и глупость. И узнал, что и это томление духа, потому что во многой мудрости много печали. И кто умножает познания, тот умножает скорбь”.

Ей следует отказаться от тайных книг, извлеченных из подземной мглы, подумал папа.

Ей следует смирить гордыню.

Она желает предугадывать будущие пути мира, но ее собственный путь еще очень неопределен и тревожен. Она, кажется, действительно коснулась тайного знания и не смогла справиться с ним.

Ее ум расстроен и возбужден.

Уединенный монастырь хорошее место для размышлений, где изнемогающий дух может найти

опору. Вот там, возможно, смятенный дух Амансульта возвысится и Бог в ней возвеличится, а вера окрепнет. Она торопится пересечь горы, преодолеть пропасти, переправиться через стремнины. Но почему кузнецы плавят руду и куют металл, каменотесы полируют камень, лесорубы срубают деревья, ткачи ткут, гребцы гребут, пахари сеют и пашут, каждый занят своим делом, а ей надо чего-то несоизмеримо большего?

Почему она не помнит откровений?

“И предпринял я большие дела, — напомнил себе папа. — Построил себе дома, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рощ, приобрел себе слуг и служанок, много домочадцев было у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; собрал себе серебра и злата и драгоценностей от всех царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждение сынов человеческих — разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме. И оглянулся на дела свои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их. И вот, все суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем”.

Род Торкватов проклят, подумал папа.

Кровь Торкватов загустела, кровь Торкватов отравлена ужасным ядом. Даже самая заблудшая и ничтожная душа в этом мире всегда может надеяться на спасение, но не Амансульта...”

XII

“...сказала:

— Он все понял, Сиф. Я это почувствовала. У меня дар чувствовать такое. Великий понтифик не поверил мне, он был готов спустить на меня псов господних. Он спросил, а как быть с откровением о втором пришествии? Как быть с концом света, как быть со Страшным судом, если, как ты говоришь, одна эпоха бесконечное число раз сменяет другую?

— Ты ответила?

— Я сказала так. Я ничего не знаю о том, как должна заканчиваться очередная эпоха. И Торкват ничего определенного не говорит об этом, он только неким чудесным образом о многом догадывается. Может, конец очередной эпохи всегда страшен. Может, он страшней конца Вавилона. Может, он так страшен, что его и впрямь можно назвать концом света. Не знаю. Я так и сказала. И, сказав так, Сиф, я вдруг почувствовала большую опасность, будто папа, услышав мои слова, что-то безмолвно, но сразу и твердо решил про себя. Сейчас, Сиф, ему не до нас, он поднимает в поход паломников, он хочет вернуть наследство Господа, вернуть Святые Земли, но я чувствую, Сиф, теперь папа уже никогда не забудет про нашу встречу. Он будет думать о нашей встрече, мысленно он к ней не раз вернется. Наверное, теперь нам лучше находиться в некотором отдалении от папы. Наверное, теперь нам лучше уехать. Мир велик. Всегда можно найти на свете место, достаточно удобное, уединенное и безопасное. В

таком месте Викентий сможет целиком заняться “Великим зеркалом”, а ты, Сиф, поиском великого магистерия. Я думала, Сиф, что Господь на нашей стороне, — неожиданно с горечью добавила Амансульты, — но он помогает не нам, а папе.

По спине Ганелона, лежавшего на полу, пробежала дрожь.

Сейчас они уйдут и бросят меня в этом подвале, подумал он. Они еретики. Они не боятся самого папы. Они бросят меня в этом подвале без исповеди, без покаяния. Мое лицо будут грызть крысы.

Ему стало страшно.

Еще страшней ему стало от того, что душа Амансульты продолжает пребывать в опасности.

Иисусе сладчайший, святая Дева Мария, шептал он про себя, помогите ей. Вырвите Амансульту из когтей неверия. Вы же видите, она сбилась с пути, она слепа, она ничего не видит.

— Ты что-то сказал, бедный Моньо?

Наверное, Амансульты заметила, как шевельнулись губы Ганелона. В светлых ее глазах не было ничего, кроме холода и презрения.

Она опять спросила:

— Ты что-то сказал, бедный Моньо?

Он попытался ответить, но язык повиновался ему с трудом.

Все же он прошептал:

— Я чувствую... Нас что-то связывает, Амансульты... Я только не могу понять что?..

Амансульты холодно усмехнулась.

Повернув красивую голову, она взглянула на

чернобородого катара, все еще прижимающего к груди обмотанную окровавленной тряпкой руку. Катар только что вошел в приоткрытую дверь и, конечно, не понял, не мог понять, почему на вопрос Ганелона, которого катар, наверное, и не слышал, Амансульта холодно ответила:

— Кровь...”

часть третья

БЕЛЫЙ АББАТ 1202

II—III

«...**III** ум голосов, перебивающих, накладывающихся друг на друга, заполнил корчму.

— ...ты же видел, Ганс, что лучник сеньора де Монфора выстрелил так искусно, что наконечник стрелы, попав в лезвие ножа, развалился ровно на две части. Такое сделать может только он. Других таких я не видел.

— ...но чтобы иметь восприятие части чего-то, что существует, необходимо наличие всего облика, разве не так, брат? Иначе разве возможно вообще какое-либо восприятие? Ведь если некоего облика не существует, брат, значит, его никак нельзя видеть.

— ...и нет свиней отвратительнее, чем те, которые сами бесстыдно лезут прямо на глаза.

— ...святой Николай прав. Он знал, что мы это увидим. Он знал, что мы увидим Иерусалим, братья. Святая римская церковь смотрит далеко. Она смотрит нашими глазами.

Корчма гудела.

Голоса возвышались и падали.

Грузный, побагровевший от вина, то и дело утирающий со лба пот, барон Теодульф, не поднимаясь с крепкой деревянной скамьи, страшно рявкнул:

— Тоза, милочка!

И хищно оглядел шумную корчму своим страшным единственным левым глазом, поворачивая голову, как птица:

— Всем вина, тоза, милочка! Кроме вон тех гусей!

Толстый палец барона Теодульфа указал в сторону тамплиеров, монахов-храмовников, смиренно деливших между собой одну общую чашу разбавленного вина — дань обету.

Кутаясь в белые плащи, символ незапятнанности, храмовники, рыцари Христа и Соломонова храма, казалось, не услышали барона, они даже не повернулись в его сторону. Известно всем, храмовники — люди Бога. Они призваны облегчать страдания пилигримов, суета сует не должна их касаться, а богохульник барон Теодульф...

Храмовники знали, что рано или поздно барон Теодульф успокоится. Если не обращать на него внимания, делать вид, что его слова к ним не относятся, барон непременно успокоится.

— ...зато Пит из лагеря англов может выпить за вечер три фляги кислого. Может даже четыре. И все равно нож, который он после этого метнет, точно попадет в цель.

— ...и запомни, брат, зрение — это пассивная сила. А объект зрения всегда активная сила. Любая пассивная сила действует только тогда, когда на нее действует активная сила. Если ничего такого нет, если ничто не воздействует на пассивную силу, субъект ничего воспринять не может.

— Тоза, милочка! — толстый палец барона Теодульфа опять указал в сторону храмовников. — Клянусь почками святого Павла, здесь сегодня всем хватит вина! Всем, кроме вон тех гусей!

Из презрения он даже не добавил — божьих.

Под белыми плащами храмовников, их было пятеро, легко угадывались оттопыривавшиеся рукояти кинжалов, но барона Теодульфа ничто уже не могло остановить. Он побагровел от вина и от праведного гнева, и его опущенное веко над пустым правым глазом дергалось.

— Тоза, милочка! Всем вина! Кроме вон тех гусей в углу!

Монахи-цистерцианцы, до этого громко обсуждавшие рядом проблему восприятия, заинтересовались ревом барона и оглянулись, замолчав. Дошел рев барона, наконец, и до пеших воинов сердженгов, занимавших целый стол. Сердженнты восторженно приветствовали шумное предложение барона. Промолчали только тафуры — всякая серая нечисть, как всегда, тащившаяся за войском, куда бы оно не пришло.

Ганелон искоса глянул на дверь корчмы. Она была массивна и закрывалась плотно. Храмовники не смогут незаметно выскользнуть за такую дверь, подумал Ганелон. Кроме того, чтобы пройти к двери, храмовникам в любом случае придется пройти мимо разбушевавшегося барона.

Большие глиняные чаши и фляги, серебряные подставки с салатами, кедровый лист с остатками фаршированного поросенка, темное оловяное блюдо с недоеденным мясным пирогом — стол барона Теодульфа был заставлен очень плотно, хотя трапезу с ним делили всего два оруженосца да диковатого вида уродец совсем небольшого роста. Большая усатая голова уродца, почти голая сверху, загорела до блеска и лоснилась от пота. Уродец, сидя на скамье, едва возвышался над краем стола, болтая ногами, не достававшими до пола, однако пил и ел за двоих и громче всех смеялся шуткам барона.

— ...а с помощью семян, рассеиваемых ветром по миру, можно создавать новые мелкие, но видимые существа. Эти существа можно даже трогать, правда, рука от такого прикосновения станет нечистой. А настоящие демоны могут создавать даже такие существа, каких и сам Господь никогда не создавал. Но это, конечно, брат, только с Божьего попущения. Это, брат, исключительно с Божьего попущения.

— ...а хочешь выиграть пять золотых, Ганс, приходи утром на берег. Лучники обычно приходят совсем рано. И приходи один. Лучники не любят чужих компаний. Сам знаешь, чем кончаются такие встречи.

— Тоза! Милочка!

Наверное, барон Теодульф вывез уродца из Святой Земли, решил Ганелон. Говорят, что если совершить десять переходов за горячие пески, признанные безжизненными, и не иссохнуть до смерти от безводия, то можно попасть в страну, сплошь заселенную вот такими уродцами — с большими лысыми головами, но с маленькими, как у детей, телами. Они совсем небольшого роста, почти карлики, язык их не похож ни на один другой, но они быстро и легко научаются латыни.

Ганелон удивился.

Уродец барона вдруг шевельнул усами — дерзко и странно.

После этого он сощурил свои большие, совсем не карликовые глаза и двумя руками, совсем как человек, схватил со стола чашу с вином.

Он, наверное, язычник.

Есть ли у язычника душа? — невольно задумался Ганелон.

А если у него есть душа и такой язычник падет в бою на стороне святых пилигримов, то куда отправится эта его странная душа — прямо в ад или все-таки в чистилище?

Ответа Ганелон не знал.

Он сидел за столом, стараясь как можно ниже наклонять голову, прикрытую капюшоном плаща. Он не хотел, чтобы барон Теодульф случайно узнал его. Правда, вряд ли барон мог его узнать, но Ганелону все равно не хотелось лишний раз попадать под жесткий взгляд единственного глаза, оставленного сарацинами барону.

Испуганная, но все равно пытающаяся улыбаться служанка принесла новый кувшин вина, плеснула в чашки всем, также и Ганелону, но послушно прошла мимо храмовников.

Иисусе сладчайший!

Ганелон совсем не собирался пить.

Нет пропасти более обманчивой, чем вино.

Вино ослепляет и оглушает, вино срывает с человека Божьи печати. Оно срывает с человека печать руки, и печать рта, и печать лона. Вино сбивает человека с толку, вызывает печаль и метафизические тревоги.

Он не додумал свою мысль.

— Клянусь бедром Святой Девы, истинно говорю! — снова взревел за столом барон. — Нет на свете гусей скверней и грязней, чем жадные и глупые храмовники-тамплиеры. — И обернулся к храмовникам: — Клянусь очами и взглядом Господа, разве это не так?

Храмовники смиренно уставились в общую чашу.

Потом один, не поднимая глаз, смиренно заметил:

— *Igni et ferro*. Птица гусь проникнута божественной благодатью. Но мы не знаем. Мы неучи.

Грузный барон надменно захохотал, производя великий шум всею своей огромною грудью:

— *Ignotum per ignotius!*

На этот раз храмовники переглянулись и не стали ссылаться на то, что они неучи.

На этот раз они поняли.

Неизвестное всегда можно объяснить каким-то другим неизвестным — на этот раз храмовники хорошо поняли скрытую угрозу пьяного барона. Его угроза прозвучала столь явственно, что даже пьяные сердженты на мгновение оглянулись.

Ганелон не видел глаз храмовников, так низко наклонили они головы над своей нищенской общей чашей, но их глаза сейчас, наверное, не выглядели смиренными. Это были крепкие паладины, закаленные в битвах на Святой Земле, вряд ли они могли походить на агнцев, изображенных на медной пластине, укрепленной над дверями корчмы. Наверное, злые глаза храмовников сейчас светились от праведного гнева. Наверное, они уже успели вполголоса обсудить свое положение. Наверное, они уже смиренно покачали головами, в очередной раз дивясь странным обетам. Они уже слышали о том, что горячий нравом богохульник барон Теодульф страшной клятвой поклялся на кинжале никогда не делить одну харчевную с храмовниками-тамплиерами. А если почему-либо такое случится, он на том же кинжале страшной клятвой поклялся беспощадно и безжалостно выбрасывать храмовников из корчмы, ибо нет на свете существ более грязных и ничтожных, чем монахи ордена тамплиеров.

— Слуги дьявола!

Храмовники смиренно переглянулись.

Они сомневались, удастся ли барону Теодульфу исполнить свой обет, вряд ли, ко всему прочему, угодный Богу. Просто им не хотелось так вот, ни с того ни с сего ввязываться в драку с глупым пья-

ным бароном и с его глупыми нелепыми оруженосцами.

На уродца храмовники, как и все другие гости корчмы, не обращали никакого внимания.

Тем не менее один из храмовников не выдержал.

— Таскать с собой подобного уродца-язычника, — достаточно громко и язвительно заметил он, — это все равно что делить ложе с сарацином.

Ганелон напрягся, но барон, к счастью, не слышал произнесенных храмовником слов.

— Тоза, милочка! — ревел барон, сметая обглоданные кости на кедровый лист с остатками поросянка. — Клянусь всеми святыми, здесь найдется кому поглотать эти уже обглоданные кости! Тоза, милочка, унеси эти кости и брось на стол тем гусям, что прячутся в темном углу!

— Но гуси не гложут костей, сир.

Испуганная служанка обращалась к барону, как к знатному рыцарю, носящему корону.

— Гуси никогда не гложут свиных костей, сир.

Такое обращение растрогало барона.

— Ты так хорошо знаешь гусей?

— Я с Джудекки, сир. Это большой, правда, бедный остров. Там живут рыбаки, а у меня там был домик под дранкой. Я держала гусей прямо в домике, сир. Нижние бревна таких домиков на острове всегда быстро обрастают плесенью, там очень сыро и часто ветрено, но гусей это не пугает. Я собирала сухой плавник, прибываемый к берегу морским течением, и жгла плавник в очаге, а горячую

золу всегда сыпала в специальный деревянный ящик. На таком ящике приятно сидеть, сир, особенно в долгие зимние вечера. А гуси, они не грызут костей, сир, — совсем осмелела служанка. И спросила: — Не хотите ли попробовать студень из куропаток, сир?

Барон оторопело уставился на служанку. Он не ожидал от нее такого количества слов.

— Ты из Венеции?

— Да, сир.

— И ты держала гусей?

— Да, сир.

Барон внезапно рассвирепел. Он так ударил кулаком по столу, что высоко подпрыгнули чашки.

— Клянусь божьим словом, — взревел он, — твой мерзкий остров — часть Венеции! А Венеция это каменный саркофаг, это прогнившая невеста Адриатики, это распухшая утопленница, пропахшая мертвой тиной! Венеция это вонючая лягушка, кваканье которой постоянно отдается на Заморском берегу! Это водяная змея, постоянно кусающая Геную и Пизу! Это гнусная морская тварь, постоянно ворующая куски чужих пирогов! — Барон опять ударил кулаком по столу и с гневом уставился на перепуганную служанку своим единственным пылающим глазом. — С чего ты взяла, что гуси не грызут костей?

— У гусей нет зубов, сир.

Грузный барон изумленно уставился на служанку и вдруг громко загоготал, оборачиваясь то к своим оруженосцам, то к настороженно повернувшимся в его сторону тафурам, то к пьяным серджентам.

— У гусей нет зубов! Вы слышали? Клянусь копьём святого Луки, это умно сказано! Храмовники глупы сами по себе, но у них к тому же нет зубов! Ты верно говоришь, тоза. — И завопил: — Альм!

Один из оруженосцев, привстав, в почтении склонил круглую, по-латински в кружок стриженую голову:

— Здесь я.

— Альм! Немедленно выдай тозе из кошелька четыре денье. Клянусь волосом святого Дионисия, покровителя французов, только такую ничтожную сумму я могу выдать на нужды презренного ордена храмовников. Пусть тоза отнесет эти четыре денье проклятым храмовникам, а самой тозе выдай за ее смелость и умные речи золотой. Она это заслужила!

Барон презрительно, не оглядываясь, ткнул рукой в сторону храмовников, окаменевших от его чудовищных речей.

— Вот увидите, — прорычал барон, обращаясь и к оруженосцам, и к пьяным сержентам, и к пьяным тафурам. — Сейчас на наших глазах эти беззубые гуси передерутся из-за четырех денье!

Схватив огромную чашу двумя руками, барон Теодульф сделал из нее огромный глоток.

Усатый уродец, блестя голой потной головой, с наслаждением последовал примеру барона.

Ветром вдруг приоткрыло окно.

В душную корчму ворвался неожиданный запах моря, гнилых водорослей, раздавленных раковин,

громкое ржание лошадей, перестук копыт, ругань, пение, скрип повозок.

Совсем недавно здесь не было шумно, подумал Ганелон.

Только с приходом солнечных майских дней пустые песчаные берега острова Лидо, как диковинными грибами, начали обрастать богатыми шатрами благородных рыцарей и бедными палатками пеших воинов и тафуров.

Зато каждую неделю с многочисленных судов, постоянно прибывавших к плоским берегам острова Лидо, сходили пилигримы, принявшие обет святого креста. По узким трапам сводили на берег боевых лошадей. Несли оружие. Снимали с бортов разобранные боевые машины.

Венецианцы, побывавшие на острове Лидо, с содроганием в голосе подробно пересказывали в городе то, что им удалось увидеть.

А увидеть они могли совсем не мало.

На берегу, в шатрах и палатках, можно было увидеть на флажках родовой герб мессира Симона де Монфора, славного графа Монфора и Эпернона, герб сеньора Рено де Монмирая, сына Эрве II де Донзи, правнука Тибо III, графа Шампанского, племянника французского и английского королей.

И герб графа Луи Блуаского и Шартрского.

И герб сеньора Ги де Плесси, брата Эсташа де Конфлана, благородного рыцаря, стяжавшего себе большую славу во многих боях и турнирах.

И герб монсеньора Гуго де Сен-Поля, известного своей силой и добродушием, непримиримостью к агарянам.

И герб мессира Этьена Першского, покровительствующего известному трубадуру Гаусельму Файдиту.

И герб Бодуэна IX, графа Фландрии и Эно.

И герб его родного брата Анри.

И гербы многих других славных и благородных рыцарей, принявших обет святого креста в шампанском замке Экри на реке Эн в ходе приличествующего такому событию рыцарского турнира.

Трепетали на ветру четырехугольные и косые флажки. На глазах росли на берегу пирамиды круглых камней. Говорили, что один такой камень, пущенный с помощью катапульты, может одним ударом убить до десятка неверных.

Престарелый, но все еще крепкий и жизнелюбивый дож Венеции Энрико Дандоло клятвенно обещал обеспечить будущее предприятие. И множество пестро раскрашенных судов спешило к рейдам Венеции. Фантастические птицы украшали высокие носы боевых галер, на пузатых бортах нефов алели яркие драконы. Святые паломники из самых разных краев торопились к Святой Земле.

Там Гроб Господень.

Там сухие пески пропитаны кровью мучеников.

Там река, истоки которой находятся где-то в Эдеме.

С мая месяца веницийский остров Лидо заполнили вооруженные пилигримы, их оруженосцы и различные ремесленники.

Стекались на остров лоскутники со своими потертыми тканями и мятой посудой. Мясники везли

птицу и мясо. Над походными горнами днем и ночью поднимался дым — мастера, искусные в механике, собирали боевые машины монгано и требюше, пускавшие за один раз тучу стрел. На берегу, на плоских, зеркальных, убитых водой песках терпеливо упражнялись арбалетчики, выставляя иногда на кон сразу по три монеты.

Благородные рыцари, опытные сердженты, лучники и оруженосцы, монахи нескольких орденов.

И бывшие вилланы, оставившие свои бедные деревни. И, наконец, просто чернь, тафуры — всякая приبلудная нечисть, вооруженная дубинками и цепями.

Ржали лошади. Кричали ослы. Орала торговцы. Прямо у дверей корчмы мочились пьяные сердженты. Вспыхивали неожиданные драки, иногда кончающиеся большой кровью. Но в белых шатрах благородных рыцарей уже слышался по ночам высокий голос Конона де Бетюна. В других шатрах раздавалось пение трувера Ги де Туротта, шатлена замка Куси.

И новый век, и май, и ароматы,
и соловьи велят, чтобы я пел,
и сердце дар несет мне столь богатый —
любовь! — что отказаться я не смел.
О, если б радость дал мне Бог в удел,
о, если бы я Дамой овладел,
нагую обнял, страстию объятый,
пока поход не подоспел!

Великий понтифик добился желаемого.

Многие благородные рыцари откликнулись на зов — отправиться в Святую Землю.

В пыльном плаще, в стоптанных сандалиях, пряча сильно косящий глаз под опущенным на лоб капюшоном, Ганелон много времени проводил под стенами церкви Святого Николая. Иногда он заходил в ту или в иную корчму, иногда просто бродил между палатками. Ни одна новость не могла миновать внимательных, всегда настороженных ушей Ганелона. Шла ли речь о мятежах, недавно потрясших христианскую Византию, или об угрозах лукавого Имре — короля Угрии, шла ли речь о неожиданных стычках святых паломников с новонабранными арбалетчиками рыцаря Бертольда фон Каценеленбогена, Ганелон обо всем узнавал одним из первых.

От конюшего Жиля, по прозвищу Жилон, прибывшего на остров Лидо в отряде конников славного маршала Шампанского, Ганелон узнал о том, как тяжело умирал от затянувшейся болезни благородный сеньор Тибо III, граф Шампани и Бри, дружно избранный стараниями благородных баронов предводителем святого войска.

Бог не дал графу здоровья.

От того же конюшего Ганелон узнал, как огорченные смертью славного сеньора Тибо III, благородные бароны обратились к герцогу Эду Бургундскому:

“Сеньор, твой кузен умер. Это печально. Но тебе известно и то, сколь скорбна участь Святой Земли. Господом Богом заклинаем тебя принять святой крест и идти с нами в Заморскую землю, дабы освободить Гроб Господень. А мы позаботимся,

чтобы тебе было вручено все воинское имущество, и поклянемся на святых мощах и всех других поклясться заставим, что будем тебе служить верой и правдой, как служили бы благородному графу Тибо”.

Огорченных отказом герцога, не пожелавшего принять командование над войском, успокоил рыцарь Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский.

Он так сказал баронам:

“Сеньоры, послушайте, что хочу вам предложить, если на то будет ваше согласие. Маркиз Бонифаций Монферратский очень знатный и весьма всеми уважаемый. Если вы пошлете за ним, дабы он принял святой крест и занял место сеньора Тибо, графа Шампанского, и если вы вверите ему предводительство войском, он поторопится прибыть к вам”.

От некоего монаха, сладко жмурившегося на солнце, Ганелон узнал и такое.

Мессир Жоффруа де Виллардуэн год назад, отправляясь с посольством в Венецию, взял с собой благородных рыцарей Готье де Годонвиля и Жана де Фриза, представлявших Луи, графа Шартрского и Блуа, красноречивого трувера Конона де Бетюна и сурового барона Аллара Макеро, представлявших Бодуэна, графа Фландрии и Энно, а еще благородного Милона де Брабанта, знатного сеньора из Шампани, и благородного барона Теодульфа, владельца замка Процинта, человека грубого, но известного многими подвигами, совершенными им в Святой земле на стезе святого креста.

И посланники так сказали престарелому, но все еще обожающему жизнь дожу Венеции Энрико Дандоло:

“Сеньор, мы прибыли к тебе от многих знатных баронов Франции, принявших святой крест, дабы отомстить за поругание Иисуса Христа и возвратить Иерусалим, коли на то будет воля Божья. И поскольку знают наши благородные сеньоры, что нет на свете человека могущественнее вас, и поскольку знают они также, что никто более вас и благородных людей Венеции не может нам помочь по-настоящему, то все они просят вас именем Божьим сжалиться над Заморской землей и отомстить за поругание неверными Иисуса Христа, а для сего позаботиться о судах и различных кораблях для нас”.

Еще Ганелон узнал, что прошло время, испрошенное дожем для размышлений, и на двенадцатый день утром, сразу после мессы в соборе Святого Марка, престарелый, но все еще радующийся жизни дож Венеции Энрико Дандоло дал совет посланникам: “Обратитесь смиренно к народу Венеции. Я уверен, что народ Венеции выслушает вас благосклонно”.

И Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампанский, обратился к доброму христианскому народу Венеции с такими словами:

“Сеньоры, самые знатные и могущественные бароны Франции прислали нас к вам. Они взывают к вам о большой милости, дабы сжалились вы над Иерусалимом, поработленным злобными агарянами, и

дабы во имя Господа отправились вы с нами отомстить за страдания Иисуса Христа. И выбрали они вас, ибо знают, что нет народа могущественнее на море, чем венецианцы. И вот послали они нас, дабы мы упали вам в ноги и не вставали с колен, пока вы не согласитесь сжалиться над Заморской землей”.

И посланники действительно пали на колени, обливаясь слезами.

А дож Венеции благородный Энрико Дандоло и с ним весь народ, богобоязненный и трудолюбивый, тоже зарыдали в один голос от сострадания к истинным христианам и так, рыдая и воздевая многочисленные руки к небу, закричали:

— Мы с вами! Мы с вами!

А от некоего оруженосца Матье, умеющего играть на лютне и сочинять всякие слова, трогающие сердца нежным напевом, там же под стенами церкви Святого Николая Ганелон узнал...”

ЭПИЛЕГЕМОНЫ. ДОПОЛНЕНИЯ

Те, в коих истинна любовь, проснитесь, сон забыть пора: поет нам жаворонок вновь, внушает в трелях нам с утра — пришел день мира и добра!

Господь, за нас отдавший кровь, дал тем его, кого любовь ведет в поход, чья кровь быстра страдать толкает вновь и вновь — Любовь ведет их со двора!

Тех нечестивцев прокляни, кто бросил Господа в беде. По праву прокляты они, от мук не скрыться им нигде, когда на Божеском суде ребро, ладони и ступни Бог явит в страшной череде. И даже тот, кто жил в труде и в благе — Бог его храни! — узнает дрожь в лихой нужде.

Тот, кто за грешных был распят, любви ложной столь далек. Он истинным огнем объят: за нас он в путь последний влек крест, что на спину гнетом лег, коим он был к земле прижат. Как самый чистый из ягнят, он тяжело жалобы изрек — тремя гвоздями супостат во плоть вонзился рук и ног.

Недаром говорит народ: “Товар дешев — мошна трещит”. Еще: “Пустого нрава тот, кто зрит добро, а к злу спешит”. Вы знаете, что Бог свершит для тех, кто поспешит в поход. Награда их благая ждет: Бог в рай войти им разрешит. А кто лежит и в путь нейдет, тот выгоды себя лишит.

Для нас в помине завтра нет, мы в путь немедленно идем. Тот будет здоров, кто, дав обет, через четыре дня, ведом на бой, утратит ум и дом. Коль схватит смерть узду и свет затмит и сил исчезнет след, не на тюфяк с тугим пером, в солому ляжет дармоед, да только поздно грянет гром.

V—VII

“...толклись нищие.

Завернувшись в потрепанный плащ, спрятав лицо под низко опущенным капюшоном, Ганелон незаметно прислушивался к голосам, казалось, ни к кому не обращенным, а просто заполнявшим шумную корчму.

От одного из оруженосцев, графа де Бриена, весьма любившего потолковать о судьбе и ее превратностях, Ганелон узнал о том, что благородный маркиз Бонифаций Монферратский, в конце концов принявший командование над святыми паломниками, так спросил:

“Сеньоры, но куда вы хотели бы отправиться? В какую именно землю неверных вы хотели бы пойти?”

Подумав, благородные бароны ответили:

“Наверное, не в Сирию, там толку не будет. Там только сухие пески, там нет колодцев. Лучше, наверное, идти в Вавилонию, в край египетский. Там, в самом сердце земли сарацинов, неверным можно причинить много зла. К тому же известно всем, что Александрия город богатый. Почему не в Египте

попытать счастья войны, благорасположенность Божью?”

От некоего сумрачного госпитальера, прячущего под капюшоном усталые, мутные, истомленные страстью к вину, глаза, Ганелон узнал, что, несмотря на обещанную паломникам помощь, апостолик римский великий понтифик папа Иннокентий III волею, данной ему свыше, совсем недавно от души проклял Венецию за многие грехи, свершенные венецианцами.

“Мы отлучаем и предаем анафеме тех лживых и нечестивых христиан, которые доставляют сарацинам против самого Христа и христианского народа оружие, железо и корабельное дерево, а также суда, или служат кормчими на разбойничьих кораблях сарацинов, управляют их военными машинами, или дают им какой-нибудь совет или помощь в ущерб Святой Земле”.

Великий понтифик распорядился, чтобы священники напоминали о преданной анафеме Венеции во всех приморских городах по воскресным и праздничным дням, присовокупив к этому, что Святая римская церковь не раскроет объятия нечестивым людям Венеции, если они не откажутся в пользу Святой Земли от незаконного стяжательства.

Только вовремя обещанная дожем Венеции помощь в счастливом предприятии и святой крест, принятый воинами Венеции, принесли республике Святого Марка прощение.

От оруженосца благородного рыцаря Орри Ильского, человека говорливого, но богобоязненного, Ганелон узнал, что дож Венеции, приняв оконча-

тельное решение, обратился на площади к своим подданным с такими словами:

“Сеньоры, отныне вместе с самыми лучшими людьми мира вы причастны к величайшему из дел, когда-либо кем свершенных. И пусть я стар, пусть я плохо вижу, все равно лишь я, государь ваш, могу направлять вас и повелевать вами в этом деле. И если будет на то ваша воля, славный народ Венеции, и вы позволите мне принять святой крест, дабы оберегать и вести вас, а сыну моему встать в Венеции на мое место и править моей страной, то сам пойду с вами и со святыми паломниками на жизнь или на смерть”.

В то лето дожу Венеции исполнилось девяносто четыре года.

Был дож почти слеп. Когда-то Мануил, император нечестивой Византии, в злобе несправедливой приказал погасить зрение молодому тогда и дерзкому венецианскому послу. Будущего дожа Венеции хотели связать и повалить на землю, но Энрико Дандоло гордо отказался от веревок и сам лег на землю.

“Если стану кричать или отворачиваться, убейте меня”.

Он спокойно лежал на земле, пока вязали и валяли на землю тех, кто был приговорен вместе с ним к такому же наказанию. И мужественно молчал, терпя нестерпимую боль, в то время как многие несчастные, приговоренные вместе с ним, кричали, переполняясь жестокой и страшной болью.

Четыре с половиной тысячи благородных рыцарей, столько же лошадей, девять тысяч оруженосцев, двадцать тысяч пеших воинов, включая всякую

серую нечисть тафуров — вот сколько боевых единиц поклялись венецианцы взять на свои корабли и доставить в Святую Землю.

Другие паломники грузились в Брюгге.

Бургундцы и провансальцы нанимали суда в Марселе.

Еще паладины шли из Блуа и Шампани по дорогам Ломбардии, из Пьяченцы сворачивая на юг.

Галеры и юиссье, нефы и галиоты, подняв косые латинские паруса, спешили с разных морей на зов дожа Венеции Энрико Дандоло и бросали двузубые якоря в венецианских бухтах. Каждый житель Венеции, способный носить оружие, услышав призыв своего правителя, спешил к священнику. Приняв от священника крестное знамение, такой человек с волнением тянул шарик из груды многих подобных шариков. И если он вытягивал шарик с пергаментной легкой отметкой, это означало — он отмечен свыше и отныне ему предназначено святое странствие в Заморскую землю...”

IX

“— ...и видел меч, который может разрубать металлические щиты. Спросите у оруженосца сеньора Тьерри де Лооса. Под Акрой он тоже видел такой меч, отнятый у некоего сарацина. Этот сарацин зарубил до того десять рыцарей, выступавших в броневом строю.

— ...и все же, брат, даже демон не может создать новое само по себе. Даже демон не может

сделать так, чтобы слепорожденный мог представлять себе разные цвета, а глухой от рождения слышал разные звуки. С другой стороны, если мы говорим, что кто-то рисует себе золотые горы, которых он никогда не видел, то, хотя он и имеет некое представление о золоте и о горах, мы можем говорить, что он рисует что-то новое.

Ганелон поднял голову.

В корчме было шумно, но он отчетливо услышал, как один из пяти храмовников, жестоко обиженных разгорячившимся богохульником бароном Теодульфом, произнес:

— *Laudate*. Хвалите.

И все пятеро дружно перекрестились.

— Тоза, милочка! — опять взревел барон. — Клянусь градом обетованным, за столом опять не хватает вина! Скорее неси побольше вина! И поскорее! Не жалей вина для благородного гостя!

Встав с тяжелой деревянной скамьи, барон высоко поднял ногу и до изумления гулко выпустил ветры.

— Клянусь верой Христовой, — проревел он, — этот звук в стократ приятнее звуков, издаваемых голосами проклятых храмовников!

Оруженосцы барона и его гологоловый усатый уродец, и пьяные сердженты и даже серые настороженные тафуры с восторгом и с большим почтением воззрились на барона Теодульфа.

— Вонючие симоньяки, торгующие церковными должностями! — ревел барон. — Змеи, кусающие грудь собственной матери! Магистр Фульк, святой человек, безвременно призванный к себе Господом, смиренно собирал деньги и имущество для бедных

паломников, а проклятые храмовники лежали в тени и пили вино. Во все времена они умели только грабить. “Испугай храмовника”, — однажды сказали мне чистые сердцем пилигримы, отдав под Акрой мне очень провинившегося грязного и жирного тамплиера. И я мечом рассек грязного и жирного тамплиера на две нечестивых половинки. “Мы сказали, испугай, — удивились чистые сердцем пилигримы. — А ты его разрубил надвое. Ты так его испугал?” И я ответил: “Я не умею лучше пугать храмовников, чем таким образом!”

Пьяные сердженты, серые тафуры и оруженосцы барона Теодульфа восторженно и дружно заржали.

Но громче всех смеялся гологоловый усатый уродец.

Пышные усы уродца подло тряслись.

Уродец с ненавистью поглядывал в темный угол, где за столом сидели помалкивающие храмовники.

Под плащами храмовников оттопыривались рукояти кинжалов, под рубашками угадывалась кольчужная сталь, но храмовники все равно старались не смотреть в сторону разбушевавшегося барона, чему сильно дивились сердженты. Ведь они знали, что совсем недавно в этой же самой корчме за оскорбления гораздо менее грубые пятеро таких же смиренных, как эти, храмовников жестоко наказали зарвавшегося арбалетчика особенно назидательным образом. Дерзкому, провинившемуся арбалетчику кинжалом выкололи глаза, вырезали язык, отрубили кисти рук и ног и полумертвого, но еще что-то мычащего, бросили в лодку, пустив ее по течению канала, при этом навешав на несчастного столько цепей, сколько не каждый мул вынесет...”

ЭПИЛЕГЕМОНЫ. ДОПОЛНЕНИЯ

Дабы ободрить наш народ, который долго спал во мгле, пусть песнь моя вам пропоет о святотатстве и хуле, коим язычник предает любую пядь в Святой Земле. К нам край сей скоро перейдет, настанет день, и мы в седле.

Иерусалим, страдая, стонет, защитников в дорогу гонит.

Скорбь велика, когда отъят Гроб, в коем скрыт был Божий сын, когда пустынные лежат места, где был он господин. Зачем снес горечь сих утрат? Решил проверить в час кручин он тех, которые твердят, что будет изгнан сарацин.

Иерусалим, страдая, стонет, защитников в дорогу гонит.

Тот край священный испокон зовется Иерусалим. Есть в том краю, где Бог рожден, Храм, где он мукой был томим, есть крест, на коем он казнен, и гроб, где стал он вновь живым. Там будет скоро награжден всяк по достоинствам своим.

Иерусалим, страдая, стонет, защитников в дорогу гонит.

XI—XII

“...там змеи бегут от голого человека и прежде, чем пить, сплевывают на землю ско-

пившийся за день яд. Там пантера, поев мяса, спит три дня и три ночи, и дыхание ее во сне так чисто и приятно, что звери сбегаются и часами сидят, забыв распри, вокруг спящей пантеры. Там единорог, когда его преследуют, бежит в деревню, не в лес, и в деревне безошибочно находит девственницу, чтобы во свое спасение доверчиво положить на ее чистую грудь свою большую печальную голову. Там тень гиены не дает лаять собакам, затыкая им по ночам пасть ужасным страхом, а гуси рождаются на дереве, поэтому их можно есть, не ожидая Поста, ведь гуси те от рождения постные.

...там такой край, что на краю горячей песчаной пустыни можно встретить ужасного монтикэра. У него три ряда зубов, которые входят одни между других, а лицо и уши у монтикэра человеческие. А глаза у монтикэра голубые, цвета, что зовется венетским. А тело у него, как у льва, а на кончике хвоста жало, ядовитое, как слюна храмовников.

— Клянусь всевышним, истинно так! Именно, как слюна храмовников! — торжествующе взревел барон Теодульф, и в его голосе одновременно прозвучали и горн и боевая труба. — Монтикэр необычайно подвижен и обожает человеческое мясо, как...

Барон Теодульф только сверкнул своим единственным глазом, но все в корчме поняли, кого именно он имел в виду.

Теперь тишина в корчме сгустилась настолько, что ужаснувшаяся девушка-тоза замерла с полным кувшином в руках, не решаясь приблизиться к разбушевавшемуся барону.

— У него дочь ведьма, — не выдержав нападок

барона, смиренно и негромко произнес один из храмовников. — Я знаю, он выкуплен из плена за нечистое золото. Он богохульник и еретик. У него язык бабы. Его замок будет разрушен. Его деревни и поля отойдут Святой римской церкви.

— Аминь! — негромко, но дружно ответили святому брату храмовники.

Оскорбленный барон Теодульф взревел.

Честный монах, взревел он, везет из Святой Земли святыне мощи и реликвии, серебряные доски с алтарей, ризницы и иконы, кресты и церковный скарб, а храмовники, как истинные грабители, отмеченные Господом всяческими пороками, везут только награбленную добычу.

Барон не успевал сплевывать скапливающуюся в уголках губ слюну.

Он, благородный барон Теодульф, владетель замка Процинта, известен многими подвигами в Святой Земле. Он, благородный барон Теодульф, ходил на штурм Акры в самом первом ряду рядом с маршалом Шампанским. Он сам видел, как благородный мессир Жоффруа де Виллардуэн, потеряв тарж, треугольный металлический щит, призванный защищать грудь и плечи, был тяжело ранен. Он потерял много крови и был без памяти. Соратники поддерживали его в седле, чтобы тот не упал.

Маршал Шампанский был пленен в бою нечестивыми сарацинами, а многие доблестные рыцари убиты. Трувер Ги де Туротт, шатлен Куси, был ранен в том бою, а он, благородный барон Теодульф, воин Христов, тоже был ранен и пленен. Он, друг многих благородных рыцарей, всегда сражался в первых рядах и рядом с ним всегда были храбрые

анжуйцы и путевинцы, надежные бретонцы и норманы, и мужественные воины из Ла-Манса и Лангедока. Только храмовники всегда держались в отдалении, поскольку способны были лишь на то, чтобы трусливо добивать раненых сарацинов.

Он, барон Теодульф, сам неделями носил на копье подвяленную голову мертвого сарацина, пугая ею неверных. Агаряне вырвали ему правый глаз, но он и единственным своим глазом видел столько дорог и стран, видел столько чудесных битв и ристалищ, что любой храмовник рядом с ним заслуживает только презрения.

Вооруженные паломники шли сквозь горящие частоколы, они катили перед собой деревянных черепашек, обшитых кожаными щитами, метали из катапульт в обороняющийся город камни и трупы неверных. Щиты в медных ромбах, цветные флажки и ленты, блеск доспехов, длинные мечи в твердых руках — да!

Так шли рыцари.

Но не храмовники.

Монжуа!

Чистые духом Христовы воины шли вброд через рвы с водой, столь грязной, что она вызывала рвоту. В гуще смертельного боя святые паломники поднимали забрала шлемов, чтобы вдохнуть глоток раскаленного воздуха, и их беспощадно жалили стрелы. Он, благородный барон Теодульф, крестясь одной рукой, другой разил сарацинов, а трусливые храмовники всегда держались поодаль, как трусливые шакалы жадно высматривали выпуклыми гла-

зами — не вошли ли благородные рыцари в пролом осажденного города? Под ним, под бароном Теодульфом, пал конь, а ведь он, барон Теодульф, сам недоедал, но кормил коня в походе изюмом, сеном и сушеными фруктами, а когда кончились изюм, сено и сушеные фрукты, он сам собирал ему скудную траву, которую можно было найти в пустыне. Он, барон Теодульф, одним из первых под Акрой вошел в пролом рухнувшей стены. И только увидев это, в пролом двинулись алчные храмовники.

Он, барон Теодульф, знает от людей, видевших это своими глазами, что, войдя за спинами доблестных рыцарей в пролом, храмовники сразу поставили в этом проломе своих нечестивых братьев. Те обнажили мечи против своих же соратников, силой стараясь задержать вооруженных усталых паладинов, чтобы дать возможность вошедшим в город храмовникам предательски и подло захватить все богатства.

Но Бог знает, как и кого отличать.

Сарадины опомнились.

Сарадины увидели, что ворвавшихся в город совсем немного.

Они метали стрелы в жадные выпуклые глаза храмовников, беспощадно избивали их дротиками и мечами.

Он, благородный барон Теодульф, был повержен, его пленили по вине трусливых храмовников. По их же вине ранили и пленили благородного мессира Жоффруа де Виллардуэна. И пленили благородного сеньора Абеяра.

Господь оберегал героев от смерти, вовремя лишив их силы и чувств.

Благородных паладинов позже выкупили их близкие — тех, кто не погиб в плену от рук агарян, как это произошло с благородным сеньором Абеяром.

А попавших в плен храмовников никто не выкупал.

У храмовников нет лиц, у них крысиные морды.

У всех без исключения храмовников нет лиц, у них маски мертвецов.

Они давно умерли, и Господь только ждет минуты, чтобы, наконец, обрушить на них свой справедливый гнев.

— Тоза, милочка! — взревел барон. — Клянусь Святым крестом, у меня пересохла глотка! Принеси всем вина! Всем, тоза, милочка, кроме беззубых грязных гусей, трусливо затаившихся в углу!

Услышав это, храмовники, наконец, встали.

Они шли мимо стола, за которым сидел Ганелон, пригнувшись, гуськом, обнажив узкие кинжалы и подобрав полы длинных плащей. И хотя богохульник барон и гологоловый его спутник вызывали у Ганелона отвращение, последнему проходившему мимо него храмовнику он все же подставил ногу...

XIV-XVI

“...брат Одо.

Круглые зеленые глаза брата Одо ввалились, побитое оспой лицо осунулось от усталости, но он приветливо кивнул Ганелону, сам стараясь оставаться в тени.

Ганелон перекрестился.

Большой шатер был освещен масляными светильниками, укрепленными на остриях коротких копий, воткнутых в землю.

Престарелый дож Венеции Энрико Дандоло оказался не столь простым, каким казался на первый взгляд.

Побывав на острове Лидо, престарелый дож Венеции сказал святым паломникам:

“Сеньоры, вы никуда не двинетесь с этого места до тех пор, пока народ Венеции не получит всех денег, обещанных за построенные для вас суда”.

“Сеньоры, — так сказал дож святым паломникам, — вы худо обошлись с нами, ибо как только ваши послы заключили договор со мной и с моим народом, я повелел купцам не вступать ни в какие рыночные сделки, но всем помогать строить флот для вас. С тех самых пор купцы Венеции пребывают в ожидании и почти полтора года ничего не зарабатывают. Они сильно поистратились, они недовольны, вот почему я желаю получить с вас полностью то, что вы должны мне и моему народу. Знайте, сеньоры, что вы не двинетесь с этого острова до тех пор, пока мы не получим свое. А вы отныне не сыщете в моей земле ни одного человека, который бы решился без специального на то приказа принести вам еду и питье”.

Человека, так точно передавшего слова дожа и скоро после этого вышедшего из шатра, Ганелон узнал.

Трувер де Куси.

Сеньор Ги де Туротт, шатлен Куси — благородный рыцарь, искусно владевший мечом и арбалетом, но еще лучше умевший воспевать Любовь и святое странствие.

Зачем она моим глазам предстала,
кто ложною подругой названа?
Я плачу горько, ей и горя мало,
столь сладко мучит лишь она одна.
Был здоров, пока душа была вольна,
предался ей — убьет меня она
за то, что к ней же сердце воспылало.
Какая есть за мной вина?
Та радость, что в любви берет начало,
всех радостей венец, мне не дана.
Да видит Бог, судьба жестокой стала,
в руках злодеев ожесточена.
Известно им, что подлость свершена,
с заклятыми врагами ждет война
укравшего, что честь не разрешала.
За все заплатит он сполна!

“За все...” — повторил про себя Ганелон.

Из темного угла на него испытующе глядел брат Одо.

Вдруг человек, очень прямо сидевший за пустым походным столиком, поднял голову.

Ганелон увидел узкое длинное лицо, жесткие темные глаза, никогда не знающие сомнений. Левую руку страшный человек держал за поясом серой монашеской рясы. Ганелон не видел его руку, но знал, что на левой руке этого человека не хватает кисти. Казалось, жесткими своими глазами, такими темными, что свет в них не отражался, этот че-

ловек видит Ганелона и всех присутствующих насквозь.

Может, он и видел всех насквозь.

Ганелон сразу его узнал.

Белый аббат отец Валезий. Священнослужитель, не принявший монашеского обета, но целиком посвятивший себя Господу.

Говорили, что отец Валезий из очень знатного рода, но говорили и то, что он якобы из бедной семьи, убитой в Кастилии врагами веры. Говорили, что отец Валезий командовал в свое время отборным отрядом французского короля, но еще говорили, что он якобы жестоко грабил торговые суда, заманивая их на мель ложными световыми сигналами. Еще говорили, что отец Валезий тайный духовник великого понтифика и что якобы тайные отношения связывают его с дочерью короля Людовика VII.

Об отце Валезии всегда говорили полушепотом и с тревогой, ибо он был всюду известен как человек непоколебимой веры.

Говорили, что отец Валезий отправил на костер не одну сотню еретиков.

Если это правда, значит, еретики были неисправимы.

Еще говорили, что отец Валезий потерял кисть левой руки во время штурма какой-то бургундской крепости. Сам дьявол в образе воина встретил в тот день отца Валезия на высокой крепостной стене, между каменных зубцов на краю бездны, почти в облаках, и отсек ему кисть левой руки, и ранил в голову и сбросил со стены в глубокий ров.

Но отец Валезий выжил.

Воля и вера спасли его от ада.

Дважды он призывал к себе кузнеца той деревни, где его оставили умирать, и дважды кузнец, рыдая от сострадания, тяжелым молотом ломал ему неправильно сросшиеся кости.

Вместе с хромотой, с тех пор отличавшей его странную походку, отец Валезий вынес из пережитого твердое убеждение в том, что нет такой ужасной боли, которую не смог бы побороть человек, посвятивший себя Богу.

Еще говорили, что отец Валезий за одни сутки очистил горный монастырь в Эпле, где братия, искушаемая бесами, проводила ночи без сна, но храпела в церкви на богослужении. Едва монахи этого монастыря принимались за какое-либо богоугодное дело, как бесы хватали их за руки и за ноги. Когда монахи садились за стол, бесы побуждали их наедаться до того, что они не могли сдвинуться с места и сидели часами праздно. Если за трапезой подавали вино, монахи, подбиваемые бесами, напивались до бесчувствия.

Обыкновенно думают, учил братию отец Валезий, что всякого человека мучает один бес. Это заблуждение. Вообразите, что вы с головой погружены в воду. Вода над вами, справа и слева, и под вами — вот самое точное изображение количества бесов, искушающих вас. Бесы бесчисленны, как пылинки, которые мы видим в солнечном луче. Весь воздух вокруг заполнен бесами. И бороться следует сразу со всеми.

Ганелон знал: отца Валезия прислал на остров

Лидо сам великий понтифик, ведь дож Венеции, рассердившись из-за неуплаты долгов, потребовал от паломников странного и необычного дела — скорого вооруженного похода на христианский город Зару.

Город Зара когда-то принадлежал Венеции, объяснил паломникам лукавый Энрико Дандоло, и был отторжен от нее незаконно. Если мы вернем Зару Венеции, то именно там, в Заре, мы боем укрепим дух святого воинства, запасемся провизией и добычей, и вот тогда я сразу поверну суда с паломниками на восток.

Ганелон знал: в одинокий шатер, с умыслом поставленный в стороне от других, его вызвали не из-за пяти пропавших из лагеря храмовников. Мало ли кто пропадал с острова Лидо. Иногда с острова пропадали целые отряды, а не только пятеро каких-то храмовников.

Ганелона вызвали в шатер в интересах Дела.

Он услышал Ги де Туротта и услышал отца Валезия.

Душа Ганелона ликовала — он призван.

Ему верят.

Въедливый низкий голос отца Валезия, белого аббата, казалось, был теперь обращен прямо к нему. Как и темные жесткие глаза отца Валезия. Такие темные, что свет в них не отражался.

— Святые паломники утомлены долгим бесцельным сидением на острове Лидо, — звучал голос белого аббата. — Самые нестойкие трусливо бегут

в разные стороны. Скоро зима. Значит, суда не успеют выйти в море. Лукавый дож Венеции Энрико Дандоло говорит, что не так уж далеко от Венеции стоит город Зара. Если паломники войдут в город Зару, говорит лукавый дож, если они вернут город Зару Венеции, там будет много добра, а к весне все суда будут приведены в порядок. Но разве апостолик римский не запретил под угрозой отлучения нападать на христианские города? — теперь отец Валезий, казалось, обращался прямо к Ганелону. — Город Зара является христианским городом, а Имре, король Угрии, принял святой крест. Строгое послание папы еще месяц назад передано маркизу Бонифацию Монферратскому, командующему всеми отрядами святых паломников. Это сделал аббат Пьетро де Лочедио из монастыря Пьемонте. Все это так. Все это действительно так. Но камзолы паломников пообтрепались, говорит лукавый дож Венеции, нет корма для лошадей, само святое воинство в большом долгу перед венецианцами. Без помощи венецианцев паломникам никак не попасть в Святую Землю. Старый дож знает, что говорит. Ведь уплатить долги венецианцам, — темные глаза отца Валезия смотрели прямо в душу Ганелона, — можно сейчас, только взяв Зару. Все знают, Зара богатый город. Вот почему, брат Одо, ты незамедлительно, уже сегодня отправишься в Рим. Наверное, ты уже не успеешь предупредить взятие христианского города Зара, но зато ты откроешь глаза папе на происки старого дожа. — Белый аббат перевел взгляд на брата Одо. — Дьявол не знает устали. Направив палом-

ников в Зару, он может направить их и в другие христианские города. Ты, брат Одо, откроешь глаза великому понтифику на истинные намерения дожа. Дож Венеции заботится не о святых паломниках, он, прежде всего, заботится о своем морском народе. Великий понтифик должен знать всю правду о доже. Великого понтифика, как истинно великого человека, интересуют великие помыслы, но он страдает за каждого отдельного христианина. Не против плоти и крови человеческой мы боремся, брат Одо, а против черных злых сил.

— Аминь! — дружно сказали брат Одо и Ганелон.

— Ты подробно передашь великому понтифику нечестивые слова дожа Венеции и ты передашь великому понтифику то, что недавно сказал благородным баронам маркиз Бонифаций Монферратский. На рождество, сказал маркиз, побывал он в Германии при дворе мессира германского императора. Там он встретил молодого человека — брата жены германского императора. Это Алексей, сын Исаака, истинного императора Византии, ослепленного родным братом, предательски и не по-христиански отнявшим у него трон, а с ним всю империю. Ты подробно передашь, брат Одо, римскому апостолику такие слова маркиза Монферратского. Он сказал: тот, кто смог бы заполучить к себе названного молодого человека, тот легко бы сумел двинуться из захваченного паломниками города Зары, если это произойдет, в землю константинопольскую и взять там все нужные съестные запасы и все прочее, ибо

названный молодой человек является единственно законным, от Бога, наследником константинопольского трона. Он ускользнул из Константинополя от родного дяди тайком, скрыв водою свои следы. Пизанский корабль по специальному договору тайно доставил его в Германию, при этом юный Алексей был пострижен в кружок и одет в латинское платье. Ты запоминаешь мои слова, брат Одо?

Брат Одо молча кивнул.

Усталость лежала на его длинном лице, но глаза светились жизненной силой.

Белый аббат вновь повернулся к Ганелону.

— Я где-то встречал тебя?

— Надеюсь, что нет, отец Валезий.

— Неужели твои надежды ограничиваются только этим? — сухо усмехнулся белый аббат. — И если да, то почему?

— Недостоин.

— Я знаю, что ты еще не давал обета, — было неясно, удовлетворен ли отец Валезий ответом Ганелона. — Но я вижу, что твой плащ пообносился, сандалии сбиты, твое тело изнурено. Ты похож на катара, — загадочно и зловеще покачал головой отец Валезий. — Ты похож на тряпичника, который на зубок знает все церковные тексты и умеет проповедовать, чего не умеет многая ученая братия. Но я знаю, что ты повинешься Богу, ты страдал и не впал в отчаяние, а потому допущен служить Делу. А значит, посвящен и в деяния старого лукавца, — отец Валезий, несомненно, имел в виду дожа Венеции. — Старый лукавец желает валить

деревья на склонах гор, окружающих Зару, и спускаться для себя на воду все новые и новые корабли, не боясь того, что король Угрии ему помешает. На богослужении в соборе святого Марка старый лукавец пообещал сам повести объединенный флот в Зару, если такое решение будет принято баронами. При этом он назвал христианский город Зару пиратским гнездом, — отец Валезий перекрестился.

— Возможно, это угодно Богу?

Белый аббат взглянул на Ганелона с сомнением.

— Я не уверен, что тебе следует рассуждать на такие темы, брат Ганелон. Тебе определен другой путь, помни. Может, твой путь и проходит через какие-то сомнения, но они не должны касаться Зары.

Ганелон опустил голову.

— Некая молодая особа, брат Ганелон, — вездливо и негромко произнес отец Валезий, и сердце Ганелона дрогнуло. — Некая молодая особа, брат Ганелон, совсем недавно наняла в Венеции судно. Сейчас, когда дож наложил запрет даже на торговлю, нанять судно в Венеции практически невозможно, но некая молодая особа заплатила за тайный наем судна большие деньги. Очень большие деньги. Более того, мне известно, что некая молодая особа почти месяц провела в доме старого лукавца. Я верю, брат Ганелон, что ты догадываешься, куда могло уйти судно.

— Да, — кивнул Ганелон. — Я даже знаю имя кормчего на этом судне. И знаю, что с молодой особой на борт судна поднялся еще и старик, прозванный в Риме Триболо, Истязателем. А еще с нею

поднялись на борт отборные дружинники, ранее служившие в замке Процинта. А груз этой особы — три сундука.

Отец Валезий пристально всмотрелся в Ганелона.

— Ты не смог подняться на судно?

— Я не мог этого сделать.

— Почему?

— В Риме через оборванца нищего я получил записку. В записке было сказано: “Лучше бы ты служил мне”. Но до того, как прислать мне такую записку, молодая особа два года держала меня взаперти в старой замковой башне. А в Риме она пыталась меня убить, подсылая нанятых на ее деньги убийц. Я не мог подняться на корабль. Я был бы тут же опознан.

— Господь милостив, брат Ганелон.

— Аминь!

Они помолчали.

— Куда могло уйти судно?

— Это быстрый корабль, на его корме по-гречески написано — “Глория”. Он взял курс на остров Корфу, но, думаю, он пойдет выше — к Рукаву Святого Георгия, в Константинополь, в самое гнездо отступников.

— Отступников, да... — медленно проговорил отец Валезий. — Но Константинополь был и остается городом христиан... — Он не спускал с Ганелона темных глаз. — Брат Ганелон, сможешь ли ты отыскать в Константинополе тайник, в котором мо-

лодая особа прячет тайные книги, должны принадлежать Святой римской церкви?

— Человек способен лишь на то, на что он способен.

— Но с Божьей помощью на большее. На гораздо большее, брат Ганелон. — Отец Валезий высоко поднял голову. — Я знаю, ты умеешь объясняться с грифонами, язык греков тебе ведом. Ты умеешь понимать сарацинов, тебе доступны чтение и счет. Используй все свои знания, брат Ганелон. Властью, дарованной мне Святой римской церковью и великим понтификом, позволяю тебе рядиться в мирское, пользоваться кинжалом, сидеть за обильным столом, даже нарушать заповеди, если это понадобится для успеха Дела. Трудись в воскресенье, нарушай пост, отрекись, если понадобится, от близкого. Это необходимо для Дела. Я верю, брат Ганелон, ты вернешь Святой римской церкви то, что ей должно принадлежать по праву.

— Но как сподоблюсь благодати? — испугался Ганелон.

— Я сам буду твоим исповедником.

В большом шатре установилась напряженная тишина.

Где-то неподалеку шла в море галера.

Ритмично бил молот по медным дискам, вскрикивали гребцы.

— Святая римская церковь вечна. Ее цели возвышенны, — негромко произнес отец Валезий. — Неизменно стремление Святой римской церкви к спасению душ заблудших. Дьявол никогда не зна-

ет устали, брат Ганелон, он вредит целенаправленно и постоянно. Есть старинные книги, насыщенные словами дьявола. Эти книги распространяют зло. Где находятся эти книги, там явственно слышится запах серы. Уверен, брат Ганелон, ты разознаешь, о чем говорила названная особа со старым лукавцем...”

XVIII

“...запах смолы.

Нежный запах смолы, вытекающей из недавно рассеченного дерева.

— Знаешь ли ты, откуда все берет начало? — спросил Ганелон.

Брат Одо кивнул.

— Знаю. А потому утверждаю: Бог един”.

XX—XXI

“...смрадный канал, лестница без ступеней.

Огромные узкие окна, открывающиеся вовнутрь.

Кто-то во дворе пнул осла, осел закричал.

Над серым мрамором башен, над крошечными мощеными двориками, над белыми надгробиями павших воинов — грозы грифонов, медленно разносился низкий, но мощный гул колокола-марангона, поднимаясь все выше и выше над многочисленны-

ми мозаичными окнами, седыми от росы, над площадью Святого Марка, покрытой короткой бледной травой и со всех сторон обсаженной деревьями, над огромными питьевыми цистернами, обмазанными глиной...

Скорбя о ней душой осиротелой,
в Святую землю еду на восток,
не то Спаситель горшему уделу
предаст того, кто Богу не помог.
Пусть знают все, что мы даем зарок
свершить святое рыцарское дело,
и взор любви, и ангельский чертог,
и славы блеск стяжать победой смелой.

...над пыльной Венецией...

Те, кто остался дома поневоле —
священники, творящие обряд
за упокой погибших в бранном поле,
и дамы, те, которые хранят
для рыцарей любви заветный клад,
все к нашей славной приобщились доле,
но низким трусам ласки расточат
те дамы, что себя не побороли.

...над каналами...

— Венеция стала шумной, — Энрико Дандоло поднял на Амансульту почти не видящие глаза. — Мне скоро будет сто лет, Амансульт, но я не помню, чтобы Венеция была когда-нибудь такой шумной. Даже в Константинополе, когда подлый базилевс раскаленным железом гасил мне зрение, я не слышал в ушах такого шума. Я уже давно почти ничего не вижу, Амансульт, но у меня другой дар, я очень тонко чувствую запахи. И у меня необычный

слух. Вот почему я говорю, что Венеция никогда не бывала столь шумной, как сейчас...

Это паломники, подумал он про себя.

Он пытался разглядеть Амансульту, словно сквозь морскую воду. Нет и не может быть богатства без могущества, не бывает уважения без прочной славы, и самой славы никогда не бывает без светлой радости. Нельзя искать чего-нибудь одного, скажем, только достатка. Достатка не будет, если у тебя не будет могущества, если ты потеряешь уважение, если ты скатишься в бесславие. Мало взять город Зару, надо, и это главное, потеснить Византию. Пусть Византия страна христиан, все знают, она рассадник ереси. Можно и нужно защищать христиан, но зачем защищать отступников? Никакое доброе дело не должно порождать зла. Пути Господни поистине неисповедимы. Если в сплетениях человеческих судеб что-то кажется нам несправедливым, нелогичным, случайным, то это лишь оттого, что мы имеем дело с ложным представлением о действительности, из-за ограниченности человеческого ума, неспособного проникать в тайны божественного промысла.

Дождь тяжело вздохнул.

— Мы говорим почти три часа. В последние годы я ни с кем не разговаривал так долго, Амансульта. Ты наговорила мне множество слов. Магистерийум, философский камень, великая панацея... Когда-то я принимал участие в таких ученых спорах и, признаюсь тебе, думал, что люди начали забывать подобные слова. Но ты так уверенно говорила, что на се-

кунду я даже поверил, что вижу деловитую пчелу, пытающуюся сесть на цветок. Но, Амансульта... Это только нити родства... Не связывай нас нити близкого родства, я бы не стал слушать твои странные речи... Ты ведь согласна, что говоришь странные речи?.. — Он легко поднял сухую руку, сразу отвергая все ее возражения: — Я уже стар, Амансульта. Я уже стар даже для старика. Разум мне подсказывает: снаряжай последний корабль. Меня, дожа Венеции, знают многие народы — вплоть до Эпира и Вавилонских берегов. Многие друзья и враги внимательно присматриваются к постоянным передвижениям моих боевых галер. Не буду скрывать, мне, конечно, весьма пригодилась бы великая панацея, которую ты ищешь. Мой срок уже отмерен. Мир велик, мне посчастливилось видеть разные берега, но, в сущности, я видел мало. Я, например, не ходил за Танаис, а эта река, говорят, отсекает от нас еще полмира. Я не поднимался вверх по Гиону, иначе его называют Нил, не поднимался по Тигру и по Евфрату, а эти реки, известно, своими водами орошают рай. Я не был и, видимо, никогда уже не буду в селениях Гога из земли Магог, великого князя Мошеха и Фувала, а ведь этот князь, спускаясь с севера во главе своих диких орд, всегда несет с собой смерть и разрушение всему, что лежит южнее и восточнее Германии. Теперь ты знаешь, Амансульта, сколь многого я не видел, и мне, конечно, пригодилась бы великая панацея, о которой ты говоришь, но... — Он легко махнул сухой рукой. — Нет, Амансульта, все это уже не для меня. Многие из виденных мною людей мучились

желаниями, в том числе и грешными, но я привык к простоте. Мой ум всегда работал ясно, я старался это поддерживать, в этом моя сила. Я всегда должен быть уверен, что инструмент, которым я владею, это всегда именно тот инструмент, который мне дан Богом, а не дьяволом. Я слушал тебя три часа, и все три часа я помнил, Амансульта, что совсем недавно ты ввела в смятение великого понтифика, мне докладывали об этом. В сущности, даже мне ты ничего не смогла объяснить внятно...

— А ты хочешь? — быстро спросила Амансульта.

— Не знаю, — так же быстро ответил дож. — Я мало видел, но я много видел. Я даже не знаю, следует ли смертному видеть больше? Как всякий христианин, я слушаю воскресную мессу, исповедываюсь хотя бы раз в году и причащаюсь по крайней мере к Пасхе. Меня давно не томят плотские желания, я давно получил право решать сложные дела... — Дождь Венеции многозначительно помолчал, — ...и даже наказывать преступников. Все мои дела посвящены моему народу и должны приносить ему пользу. Чего больше? Я ведь никогда и никому не обещаю ничего больше того, что могу исполнить. А ты, Амансульта... Ты обещаешь, но я не знаю, сможешь ли ты выполнить обещанное? Твои слова смущают. У знаний, которыми ты гордишься, есть один ужасный изъян: они не прибавляют уверенности. — По тонким сухим губам дожа пробежала язвительная усмешка. — Предположим, я дам тебе тайный кров, дам тайных людей и выполню все твои указания.

Предположим, ты даже найдешь великую панацею, о которой так много говоришь. Предположим, что я, наконец, даже прозрею, использовав найденную тобой великую панацею, получу новые силы и долголетие. Но ведь неизвестно, будет ли только мне принадлежать великая панацея? Ведь, может быть, с той же легкостью ты передашь ее кому-то другому... — Дождь легким движением руки остановил Амансульту. — Не старайся меня переубедить. Я хочу высказать свою мысль понятно и просто. Ты же должна понимать, что рано или поздно великая панацея может попасть из христианских рук в руки агарян. Разве могут сравниться последствия такого события с извержением Этны или страшными ураганами, сметающими прибрежные города?...

— Вот поэтому я ищу чистые руки.

— Чистые? — удивился дождь.

Они долго молчали.

— Чистые? — все с тем же удивлением повторил дождь. — Неужели ты не понимаешь, что если великий понтифик потребует твоей выдачи, я, твой родственник, человек с чистыми руками, глава великого народа, не смогу тебя защитить? Разве не наивно говорить о чистых руках в наше время?

Он подошел к Амансульте и положил руку на ее светлые вьющиеся волосы.

Потом провел ладонью по ее чуть дрогнувшему лицу.

— В тебе течет кровь Торкватов. Я знаю. Но помни, помни, что гибнут те, кто не научается сдержанности. Конечно, я мог бы дать тебе многое и,

может быть, получить от тебя многое, но ты же должна понимать, что все равно когда-нибудь наступит время, когда я не смогу тебя защитить. Сперва потому, что я слаб, а потом потому, что меня не будет.

Он снова поднял на Амансульту свои прекрасные, но почти невидящие глаза и спросил то, что, видимо, и мучило его все три последних часа:

— Скажи, Амансульта... Если ты действительно умеешь заглядывать в будущее... Если ты правда можешь видеть то, чего не видят другие... Город Зара будет моим?.. Я смогу вернуть народу Венеции Зару?..

В гблосе дожа проскользнуло что-то странное, настораживающее, и Амансульта ответила:

— Это так. Зара будет твоей.

— Можно ли мне спросить то же самое о Константинополе?

— Ты думаешь и о Константинополе?

— Да.

— Если ты так сильно этого хочешь, то Константинополь тоже будет твоим.

— Ты правда можешь провидеть такое?

Дождь вдруг необычайно оживился.

Несмотря на свой преклонный возраст, он живо подошел к окну и рванул на себя створку.

— Значит, я утвержусь в Рукаве Святого Георгия?

— Это так.

Амансульта встала.

Она не хотела продолжать бесполезную беседу

со стариком, думающим якобы только о своем народе. Она не хотела тешить те странные тайные желания, что время от времени иссушают даже стариков.

Она сказала:

— Зара будет твоей. И Константинополь будет твоим. Но помни...

— Что? Что? — быстро спросил дож.

— Помни... Победит не Венеция...

Дождь вскинул над собой обе руки.

— Молчи! — приказал он. — Не продолжай. Не говори больше ни слова. Ты сказала главное, ничего другого я не хочу слышать. Если город Зара и город городов Константинополь станут моими, я сам разберусь со всем остальным. Венеция, Рим и Византия... Вот и все... Видишь, Амансульта, игральных костей в настоящей игре не так уж много... Кроме того, результат игры, как правило, зависит не от веса игральной кости, а от того, как кость ляжет в нужный момент... Я уверен, Амансульта, каждая кость в этой большой игре ляжет в свой момент именно так, как того захочет Господь. Поэтому ничего не говори больше..."

часть четвертая

LOCUS IN QUO...

1204

I—III

«...**С**овсем особенные места.

Например, в Вавилонии на собственном корабле матрос украл у Алипия деньги.

Конечно, опечаленный Алипий обратился за помощью к местным купцам бурджаси, но, посоветовавшись, агаряне сказали: твои деньги украл не наш человек, твои деньги украл грифон, грек, твой соотечественник. Они, добрые бурджаси, конечно, попытаются разыскать вора, если вор еще не покинул Вавилонию, но не знают, что у них получится. Пока же прими для утешения, сказали они Алипию, эти два сосуда с молодым вином, совсем молодого барашка и очень молодую египтянку, которая умеет весело петь и плясать.

Египтянку Алипий выгодно продал в Константинополе.

Там же поздним вечером в порту в нелюдном месте он силой отнял у какого-то филистимлянина мешок с серебром, утешая себя тем, что у него в Вавилонии украли примерно такой же.

Облака.

Длинные узкие облака.

Лишь на краю горизонта, там, где еще не играл апарктий, северный ветер, длинные узкие, как перья, облака вдруг распускали прозрачные белоснежные хвосты.

Десять суток двухмачтовая "Глория" ловила ветер полотняными парусами, десять суток Ганелон молча и терпеливо следил за облаками, за водной рябью, за нежным голубым небосводом, наконец, за плеском волн, разрезаемых носом судна.

"Глория".

Хозяин "Глории" Алипий, грузный купец, всегда кутающийся в удобный шелковый восточный халат, был носат, как все греки, обветрен, привычен к многим неудобствам и, как многие греки, болтлив. Волосатые смуглые греки-матросы, исходившие за свою жизнь все внутреннее море и видавшие берега сирийские, ромейские, вавилонские, старательно избегали хозяина. Избив попавшегося под руку матроса просто за то, что он упустил за борт кожаное ведро, Алипий чуть ли не с отчаянием жаловался Ганелону, что если его глупых матросов не бить, они вообще ничего не будут делать. Они от природы лживы и грубы. Корабль утонет, и груз утонет, и все

матросы утонут, если их постоянно не бить. Речи постыдные, шутки грубые и неумные, всякие глупости и большая лень, — все, от чего предостерегал честных христиан святой Павел, именно все это переполняет его нерадивых матросов, смущает их неразвитые души и наводит на их бесстыдные глаза жадный блеск.

Ганелон молчал.

Он не хотел спорить с Алипием и не хотел ссориться с матросами. Он слышал, как говорили матросы о нем, о Ганелоне. Он слышал, как о нем с отвращением говорил Калафат, жилистый судовой плотник, но прозвищу Конопатчик.

Проклятый азимит, не раз говорил о Ганелоне жилистый Конопатчик, причем его несколько не смущало, слышит ли его пассажир “Глории”. Проклятый грязный ленивый азимит-католик. Он ест хлебцы из пресного теста. От него издали пахнет монахом. Не морским веселым монахом, с гонящимся за рыбой и за русалками, уточнял Калафат, а тем скучным лживым монахом, который просит милостыню на храм божий, а потом все собранные деньги отдает в корчме за жирного гуся и за вино. Ему даже сказать нам нечего, ругался вслух Калафат. Он, наверное, не понимает по-гречески.

Ганелон молчал.

Он не хотел, чтобы кто-нибудь, даже Алипий, узнал о его умении понимать язык грифонов.

От Калафата всегда пахло паклей и рыбой, часто вином. Длинные черные волосы Конопатчик связывал на затылке пучком. Если на палубе не

было Алипия, он мог ткнуть Ганелона кулаком. Собака азимит! — говорил он при этом.

— Греки не любят латинян, — неторопливо объяснял после простой, но сытной трапезы Алипий, переходя ради Ганелона на латынь или на французский. — Ты видишь, все мои матросы греки. Они не любят латинян. Они сильно рассержены на латинян. Ты ведь знаешь, наверное, что недавно войско латинян, отправившееся в Святую Землю, сожгло христианский город Зару, а потом высадилось в городе всех городов прекрасном Константинополе?

Ганелон молча кивал.

На острове Корфу, когда там появилась “Глория”, вернувшаяся с Рукава Святого Георгия, Ганелон сам представился Алипию латинянином. Это давало ему возможность не участвовать в разговорах с матросами-греками и молчать за общим столом. Правда, это позволяло матросам дразнить Ганелона.

— Латинянин глуп. Все латиняне глупые. — смеялись матросы. — Эй, Калафат, дай латинянину дырявую чашку. Пусть он пьет из дырявой чашки. Ему все равно. Он азимит, он неправильно крестится. Он ленив. Он закоснел в лени.

Больше всех почему-то невзлюбил Ганелона Калафат.

О Конопатчике говорили, что раньше он три года плавал на ужасных галерах адмирала Маргаритоне, графа Мальтийского, морского бога всех норманнских и сицилийских пиратов. О нем говорили,

что вместе с адмиралом он служил защитнику неверных Саладину, был среди людей Маргаритоне, обещавших отдать Константинополь французскому королю Филиппу.

Но, скорее всего, это были лишь слухи.

А может, он сам сочинил это.

Жилистое тело Калафата не было отмечено ни одним шрамом. А люди адмирала Маргаритоне всегда отличались злобным и упорным нравом, среди них не было ни одного такого, кто не попал бы хоть раз в жизни под чей-то чужой кинжал.

Горох, бобы, тухлая чечевица...

Вяленый виноград, лежалые маслины, черствые ячменные лепешки, ржавая солонина, очень редко мясо морской свиньи, изловленной за бортом...

Чаще всего Ганелон просто отставлял от себя чашку с такой едой, отщипывал лишь кусочек лепешки. Все равно Калафат, Конопатчик, шумно отдувал густые усы и презрительно играл черными, как маслины, глазами.

— Латинянин глуп и жаден. У него косит левый глаз. Он жадно объедает всех нас, а потом лениво сидит, ничего не делая. Я плюну ему в чашку, если он не станет есть меньше. — И спрашивал, вращая черными злыми глазами: — Почему азимит не работает столько, сколько мы?

Кто-то из матросов лениво замечал:

— Отстань от латинянина, Конопатчик. Он заплатил Алипию за проезд. Он находится на борту по закону. Ты не можешь упрекать его в лени. Он заплатил Алипию настоящими монетами.

— Значит, он кого-то убил, — говорил Калафат и угрожающе выкладывал на стол огромные жилистые кулаки. И тут же предполагал другое: — Наш Алипий хитер. Наверное, он разрешил латинянину подняться на борт только потому, что хочет продать его в Константинополе. Таким образом Алипий дважды получит свои деньги — от азимита, пущенного на борт, и за азимита, проданного в городе городов. А мы не получим ничего, — возмущался Калафат. — Проклятый латинянин объедает нас, совсем не работает и смеется над нами.

Тухлая чечевица, гнилые бобы, ржавая солонина...

Ганелон молчал.

Хлеб наш насущный. Разве он, Ганелон, убил кого-то? Разве он, Ганелон, ограбил кого-то? Разве он, Ганелон, не свершает крестного знамения, прежде чем сделать хотя бы шаг?

Ганелон бесшумно поднимался на палубу и, завернувшись в плащ, устраивался под толстой и чуть наклоненной к корме деревянной мачтой. Он никому не хотел мешать, даже грубым грифонам.

Аминь.

Лишь к самой ночи, весь день безмолвно просидев под мачтой, Ганелон смиренно спускался к общему столу и так же смиренно отламывал кусочек лепешки.

— Плюнь ему на лепешку, Калафат, — смеясь, говорил кто-нибудь из грифонов.

Конопатчик плевал.

При этом он объяснял матросам:

— Жадные латиняне сожгли христианский город Зару. Жадные латиняне предательски захватили город всех городов Константинополь. Латиняне заслужили самого худшего.

И снова плевал, теперь уже в чашку Ганелона.

Грифоны смеялись.

Ганелон смиренно держал в руках оскверненную лепешку и не отставлял от себя оскверненную чашку. Он не хотел ссориться с грифонами. Их было много, они все были сильные и здоровые, а он ослабел, поскольку почти не ел.

Самые осторожные предупреждали Калафата:

— Не безумствуй, Калафат. Не заходи далеко, Конопатчик. Латиняне терпеливы, но однажды они взрываются. Ты, может, не видел, а мы видели. У этого латинянина под плащом кинжал.

— Кинжал? — Конопатчик выкатывал черные влажные глаза и нагло хватал Ганелона за полу потрепанного плаща: — У тебя есть кинжал? Зачем тебе кинжал, азимит?

Ганелон молчал.

Про себя он неустанно молил: Иисусе сладчайший, услышь, в помощи твоей нуждаюсь, всеми гоним, помоги мне. На мою лепешку плюют, мою чашку оскверняют, мне тяжело, помоги мне.

Всеми силами он старался смирить вспыхивавшую в нем ярость.

Господи, дай сил!

Господи, откуда зло, если ты есть?

И клал крест на грешные уста.

Прости, Господи. Откуда было бы добро, не будь тебя?

— У азимита плохой глаз, — предупреждал Калафата кто-то из матросов. — Оставь латинянина в покое, Конопатчик. Вот сейчас сюда спустится Алипий и все услышит. В Константинополе, Конопатчик, Алипий прогонит тебя с корабля, если ты так и будешь приставать к его пассажиру. Алипий знает всех кормчих и всех купцов на внутреннем море. Если Алипий тебя выгонит, ты уже никогда ни к кому не устроишься даже самым младшим матросом. Отстань от латинянина.

Но Калафат уже вырвал кинжал из-под плаща Ганелона.

— Смотрите, это латинский кинжал, — сказал он, держа оружие обеими руками. — Видите, он очень узкий. Такие кинжалы латиняне называют милосердниками. Лезвие такое узкое, что его можно вонзить в любую щель в латах, не только через забрало. Латиняне трусливы. Такими кинжалами они добивают раненых. Этот латинянин, наверное, украл кинжал. Я оставлю милосердник себе.

— Смотрите, Конопатчик, азимит может пожаловаться Алипию.

Калафат засмеялся, показав неровные желтые зубы.

— Латинянин глуп и труслив. Вы же видите, что он труслив. Он никому не посмеет жаловаться. Он азимит. Он трусливый и грязный пес. Он спешит в город городов христианский Константинополь. Наверное, он хочет что-нибудь там украсть, может, даже святые мощи из большого храма. Латиняне стоят под Константинополем, они, на-

верное, хотят разграбить город городов. Латиняне везде воруют и грабят.

— А может, так хотел Бог? — осторожно заметил кто-то из матросов. — Может, Господу было угодно отдать город городов латинянам? Помнишь, Конопатчик, толстый каменный столп в Константинополе на площади Тавра? Там внутри столба была лесенка, а снаружи много вещей надписей на всех языках. Так вот, там была и такая. “С запада придет народ с коротко остриженными волосами, в железных кольчугах, и завоюет Константинополь”.

Опустив глаза, Ганелон смиренно слушал матросов.

Он не показывал им, что понимает их речь. Он радовался, что они не знают того, что он прекрасно понимает их речь. Это не только радовало его, но и давало некое преимущество.

Узкий милосердник Ганелона тускло посверкивал в жилистых руках Калафата.

— Больше азимит не будет сидеть с нами за одним столом, — решил Калафат. — Начиная с этого дня он будет, как все мы, тщательно мыть палубу и посуду.

— Но он заплатил Алипию, — возразил кто-то. — Он заплатил Алипию настоящими деньгами. Он получил право проезда до города городов, а ты пристаешь к нему. Ты отнял у него кинжал!

Свет небес, Дева Мария! — молил про себя Ганелон, смиренно опуская глаза. Он боялся, что блеск его глаз испугает грифонов. Помоги мне, слаб я. Прошел через многие испытания, много

страдал, всеми оставлен. Неужели из страданий моих не произрастет надежда? Помоги мне. Много раз прошу, помоги. Моя надежда сейчас так слаба, что ее, как нежный росток, можно убить дыханием. Помоги мне! Дай мне силу найти Амансульту и спасти ее несчастную душу. Дай не упасть, дай не сбиться с истинного пути только потому, что некоторые грязные грифоны плюют на мою пищу.

Калафат, злобно засмеявшись, кончиком милосердника сбросил со стола чашку Ганелона.

Иисусе сладчайший!

Грязный грифон, отступник от веры истинной, смеется над моей верой. Он смеется над пищей моей и над питьем моим. Он хуже сарацина. У него злобные глаза. Святая Дева Мария, не дай мне впасть в гнев. Если этот грифон захочет меня ударить...

Святая Дева Мария оберегала Ганелона. Матрос-грек Калафат по кличке Конопатчик не решился поднять на него руку.

Крестясь и что-то негромко бормоча про себя, по лесенке спустился грузный Алипий.

Длинный багровый нос Алипия хищно поворачивался, он будто издали обнюхивал матросов. Лево́й рукой Алипий придерживал полы своего шелкового халата.

— Почему у тебя в руках кинжал, Калафат?

— Мне подарил его азимит.

— Подарил? — Алипий внимательно посмотрел в наглые, черные, как маслины, глаза Конопатчика. — Даже не думай, Калафат, я все вижу. Я,

например, вижу, что азимит тебе не по душе. Но “Глория”, и ее груз, и ее команда — это все принадлежит мне, а, значит, Калафат, ты сам принадлежишь мне. Ты дал клятву верно служить мне, и я давал клятву следить за тем, чтобы ты мог выполнять свою работу. А еще, Калафат, я клялся на Евангелии, что мой пассажир в пути не будет терпеть никакой нужды. Смирись, Калафат, иначе в Константинополе я тебя выгоню.

Алипий говорит громко, значит, он не совсем уверен в своих матросах, отметил про себя Ганелон. Алипий явно не хочет ссориться с матросами.

— В городе городов стоят латиняне, они могут выгнать даже тебя, — злобно огрызнулся Конопатчик, и греки-матросы вдруг закивали, как бы поддерживая своего товарища. — Подлые латиняне жгут и грабят Константинополь. Мы решили, Алипий, что не хотим отныне сидеть за одним столом с латинянином.

— Мы? — удивился Алипий.

— Именно так, — злобно подтвердил Конопатчик и, вдруг схватив руку Ганелона, высоко поднял ее над столом. — Ты сам посмотри, Алипий! У латинянина сильные руки. Выглядит он, как забитая крыса, но руки у него сильные. Он вполне может мыть палубу и черпать ведром забортную воду. Почему он не работает, как мы? Почему он бесцельно проводит время, сидя под мачтой?

— Потому, Калафат, что вам плачу я, он платит мне. И хорошо платит. Ты, Калафат, должен почувствовать разницу. Если мой пассажир в Константи-

нополе пожалуется властям, у меня могут отобрать “Глорию”.

Матросы зароптали.

— Этот азимит труслив, он не будет жаловаться, — рассмеялся Конопатчик. Он чувствовал поддержку команды, да и раньше не боялся Алипия. — С нынешнего дня, Алипий, латинянин будет работать на судне, как все мы, а питаться отдельно. И пусть он спит где-нибудь на носу, — Конопатчик нагло рассмеялся, глядя прямо в глаза Алипию. — На носу его будут обдувать ветры, и мы не будем слышать его мерзкого запаха.

— Но как ты его заставишь? — спросил Алипий, плотнее запахивая халат.

— Я дам ему в руки кожаное ведро и губку.

Матросы одобрительно закивали.

Верую, смиренно повторил про себя Ганелон.

Верую.

Укрепи, Господи!

Эти люди темны, они ослеплены своими обидами, дай мне силу развеять их заблуждения. Брат Одо много раз говорил: тебя будут предавать, Ганелон. Господи, ты же видишь, как часто меня предают! Брат Одо много раз говорил: ты увидишь странные вещи, Ганелон. Господи, я видел очень странные вещи, укрепи мои силы. Ты, который был распят, и умер, и воскрес, и, взошедши на небеса, сидишь справа от Бога.

Ганелон сидел за столом, смиренно опустив взгляд на оскверненную плевками чашку, валяющуюся на полу под ногами греков.

— Латинянину будет трудно объяснить это. Вы же видите, он ничего не понимает, — сказал Алипий, искоса глянув на Ганелона. И хищно повел длинным багровым носом. — Он ничего не поймет, если ты даже ударишь его, Калафат.

— Ну так ты скажи ему! Ты ведь знаешь язык поганых латинян. Скажи ему, Алипий, где латинянин отныне будет спать, где будет питаться и какую работу мы дадим ему.

— Скажи! Скажи ему! — угрожающе потребовали матросы, заметив колебания Алипия.

— У твоего пассажира дурной глаз, Алипий, ты разве не видишь этого? Он взшел на борт, и у нас сразу протухла солонина, — Конопатчик ударил волосатым кулаком по столу. — Я видел этого латинянина на острове Корфу, когда стоял с кормщиком Хразосом на берегу. Кормщик Хразос предлагал мне пойти с ним на Кипр, но я уже договорился с тобой, Алипий. Я всегда служу честно и именно тому, с кем договорился. Мы с Хразосом случайно увидели лодку, которая шла к берегу, а чуть ниже нас на берегу сидел на камне этот латинянин и тоже смотрел на приближающуюся лодку. Я сказал кормщику: “Хразос, я знаю этого человека в лодке. Он бедный христианин и торгует горшками, которые лепит и обжигает сам”. А Хразос возразил: “Я его тоже знаю. Он христианин, это верно. Но я знаю, что он нечестен в торговле. У него плохой товар, и он всегда берет дорого. Лучше бы он побил свои горшки”, — сказал кормщик Хразос, а этот латинянин внизу услышал нас.

— Но он же не понимает по-гречески, — удивился Алипий.

— Ну и что? — пожал плечами Конопатчик. — Он латинянин. Ему и понимать ничего не надо. Он все чувствует, как пес. Он только говорить не может. Услышав наши слова, он стал смотреть на лодочника и даже поднял руку. А лодочник, — черные влажные глаза Калафата суеверно расширились, — а лодочник вдруг вскочил, страшно закричал и стал бить веслом по собственным горшкам. На наших глазах лодочник расколотил все горшки до одного. А потом я узнал, что лодочник, плывя мимо нас, внезапно увидел на дне своей лодки короткого змея кровавого цвета и с огненным гребнем на голове. Понятно, лодочник попытался убить змея и расколотил веслом все горшки.

— Но почему ты думаешь, что змея навел латинянин?

— Там на берегу больше никого не было.

— Но где он мог научиться этому? — спросил кто-то из матросов.

Ответить ему не успели.

Ганелон медленно поднял голову.

— О чем они говорят? — тихо спросил он, желая поймать Алипия на лжи, но Алипий по-французски ответил:

— Они говорят, что у них много грязной работы. Они хотят, чтобы с этого дня ты помогал им. А спать ты будешь отдельно и питаться тоже отдельно.

— Что ты ему сказал? — подозрительно спросил Алипия Конопатчик.

— Я сказал азимиту, что у вас много грязной работы и вы с нею не справляетесь, — усмехнулся Алипий и хищно повел длинным носом. — Считаю, что я договорился с латинянином, Калафат. Он не будет спорить с вами. Он будет спать на носу и питаться отдельно.

— Этого мало, — сказал Конопатчик, ударив кулаком по столу. — Скажи ему, и скажи прямо сейчас, что он грязный азимит. Ты хорошо знаешь, Алипий, что мы справляемся с любой работой, но будет справедливо, если самую грязную будет делать азимит. Он грязен, как пес. И скажи ему, что император Алексей скоро выгонит латинян из Константинополя.

— Латинянину могут не понравиться такие слова, Калафат, — осторожно возразил Алипий. — Не надо его дразнить. Ты сам видел, у него сильные руки.

— Скажи ему! — закричал Калафат.

Ганелон снова смиренно взглянул на Алипия.

— О чем они говорят?

Он хотел понять, насколько можно доверять ему.

— Они говорят, — объяснил Алипий, — что ты не должен больше спускаться сюда. Они говорят, что ты должен все время проводить на палубе.

— Почему?

— Они считают, что здесь и без тебя тесно и душно.

— Хорошо, — смиренно согласился Ганелон. — Я не буду спускаться с палубы. Я буду заниматься работой, а питаться буду отдельно.

— Это правильное решение, — с облегчением сказал Алипий, вставая. И обратился к матросам: — Хватит расслаживаться. Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас спустился в трюм и осмотрел груз. Если что-то подмокнет и испортится, я высчитаю с вас за понесенный ущерб.

Посмеиваясь, довольно поругиваясь, сплевывая через губу, посвистывая, матросы поднимались из-за стола.

— Азимит грязная собака, — сказал кто-то. — У него действительно плохой глаз. Видите, как он косит левым глазом? И он никогда не смотрит прямо на того, кто с ним разговаривает. Он тафур. Он грязный бродяга. Конопатчик прав. Азимит, наверное, украл те деньги, которыми заплатил Алипию за проезд.

Все еще сидя за столом, Ганелон смиренно повернул голову к Алипию:

— Мне вернут мой милосердник?

Услышав голос Ганелона, матросы остановились.

Калафат злобно оскалился.

— Что сказал грязный азимит?

Алипий испуганно повернулся к Ганелону.

— Не надо ничего просить у моих матросов. Ты же сам видишь, они как дети. Они как сердитые дети. Ты же сам видишь, их много, я не могу тебя защитить. Смирись, путник.

— Но я хочу, чтобы мне вернули милосердник, — смиренно повторил Ганелон. — Я заплатил тебе за проезд до самого Константинополя. По условиям

договора я не должен работать на твоём судне и над моей головой хотя бы в ветреный и жаркий день должна быть хоть какая-то крыша. Ты видишь, что я не сержусь и ничего от тебя не требую. Я даже готов работать, даже спать на голой палубе. Но пусть мне вернут милосердник. Прямо сейчас.

— Не надо ничего просить. Будь мудр и терпелив, путник.

— Что говорит эта грязная собака? — матросы снова окружили Алипия. — Что говорит азимит? — их было десять человек, все они были смуглые и жилистые, и все сердились. — Чего хочет этот пес?

— Он хочет, чтобы ты вернул ему кинжал, Калафат.

— Кинжал?

Конопатчик злобно рассмеялся и помахал милосердником перед Ганелоном.

— Он хочет, чтобы ему вернули кинжал? Вот твой кинжал, поганая собака! Попробуй возьми его у меня!

— Он разрешает мне взять мой милосердник? — странным голосом спросил Ганелон у Алипия.

Алипий нахмурился.

Казалось, он выбирает.

Казалось, он сомневается в своём выборе, но, в конце концов, он сделал выбор, сказав:

— Да, путник. Ты прав. Теперь Калафат говорит, что ты можешь взять свой кинжал.

Ганелон смиренно кивнул.

Ганелон левым кулаком нанес короткий, но

мощный удар Конопатчику между ног. Когда грек, выронив милосердник и охнув, согнулся, Ганелон обрушил на его потный затылок второй, тяжелый, будто свинцовый, кулак.

Грек упал.

Зарычав, Ганелон бросился на колени и пальцами попытался вырвать греку глаза, но кровь текла так густо, что пальцы Ганелона скользили. Тогда этими своими окровавленными пальцами он схватил с пола коротко блеснувший милосердник и выпрямился...

V

“...он древен.

— Константинополь древен, как каменные горы Вавилонии, как внутреннее море, как народы, которые приходят из ничего и уходят в ничто. Он так древен, что он почти создание природы, Ганелон. Других таких нет. Я бы представить себе не мог, если бы не видел собственными глазами, что на свете может быть такой город. В таком городе все возможно. Если базилевс, владеющий всеми землями Романии, хочет увидеть на месте грязного пустыря сад, всего за одну ночь мертвое место засыпают плодородной землей и высаживают на ней живые деревья. Деревья везут издалека на колесных повозках, обмотав корни мокрыми рогожами. Конечно, какое-то время в таком саду не слышно цикад, но потом появляются и цикады.

Город гордыни, сказал себе Ганелон.

И подумал: разве может свеча затемнить солнце?

Город гордыни.

Ганелон хотел спросить: если Константинополь так древен и так велик, если он возвышается как гора над всем миром, тогда почему не побоялись войти в него немногие воины Христовы с мечами в руках?

Но вслух он спросил:

— Зачем ты вырвал меня из рук грифонов, Алипий?

Хозяин “Глории” не ответил.

Он сидел прямо на деревянной клетке, в которой скорчился Ганелон. Клетка была поставлена на палубе под толстой мачтой, и Ганелон видел только голые ноги в сандалиях, а не самого Алипия. Наверное, рядом находился кто-то из матросов, потому что Алипий не ответил. Просто он продолжал бормотать. А матросы Алипия давно привыкли к постоянному нелепому бормотанию хозяина “Глории”.

— А базилевс не похож на обыкновенного человека, Ганелон, — бормотал Алипий. — Все падают перед базилевсом ниц. Когда-то он мог быть простым конюшим, как император Василий I, или простым солдатом, как император Фока. Он мог быть в прошлом фракийцем или греком, кулачным бойцом или человеком весьма состоятельным, это неважно. Если на ногах базилевса пурпурные сапожки, он — император. И он садится на золотой

трон. А на ступеньках золотого трона стоят два льва, тоже изваянных из чистого золота. И листья на дереве, которое украшает трон, тоже золотые. А при виде гостей золотые львы разевают страшные пасти и рычат. Они рычат все то время, пока гостям выносят скамьи и они рассаживаются перед императором.

— Ромеи — шумный народ, даже беспутный, — бормотал Алипий. — Но никогда они не позволяют своему императору ступать по голой земле. Ему этого нельзя, ведь он базилевс. Он быколев! Он император! Он одним своим появлением, как солнце, оказывает честь как членам синклита, так и простолюдинам. Базилевс выше всего живого. Он велик. Он так велик, что наказывает не из ненависти и вознаграждает не из любви.

Город гордыни, повторил про себя Ганелон.

Разве может мозг человека, даже императора, охватить мир?

Гордыня.

Ганелон хотел спросить: если базилевс так велик, если ему подчинены многочисленные земли от острова Корфу до дальней Киликии, если все перед ним падают ниц, то почему теперь под стенами города городов толпятся чужие воины? И если базилевс так силен, что взгляд его останавливает накачивающиеся на берег волны, то почему его смелые ромеи, многочисленные как саранча, не устояли перед немногими вооруженными пилигримами, которые вошли в Константинополь и передали пурпурные сапожки базилевса совсем молодому человеку

Алексею IV, сделав его соправителем собственного отца императора Исаака, предательски до того брошенного в темницу собственным братом?

Но вслух он спросил:

— Зачем, Алипий, вырвав из рук грифонов, ты загнал меня в эту клетку?

Алипий опять не ответил.

“Глорию” тяжело раскачивало на высоких волнах, пришедших, может, от берегов Сирии.

Прижавшись лбом к теплomu шероховатому дереву, из которого была сколочена тяжелая клетка, Ганелон, скорчившись, часами смотрел на волнуемое море.

Бесконечное и долгое.

Долгое, как мысли, которые никогда не стоят на месте, но всегда бегут.

Неведомо куда, но бегут.

Ганелон привык к тому, что Алипий, даже побавиваясь матросов, приходит иногда и садится на клетку. Он привык к бормотанию Алипия, как привыкли матросы к шуму моря. Он привык к матросам, которые иногда приходили его дразнить. Если Конопатчик ослепнет, злобно усмехаясь говорили матросы, плюя в щели клетки и пытаясь дотянуться до Ганелона длинной палкой, мы утопим тебя в море. Морские свиньи искусают твое гнусное тело, азимит!

Господь этого не допустит, шептал про себя Ганелон.

Нет на земле места, пощаженного страданиями, но Господь этого не допустит.

Терпя, мы соединяемся с Богом.

Низкая клетка не позволяла разогнуть спину. Ганелон или стоял на коленях, прильнув глазами к щели, или лежал, скорчившись, подтянув ноги к животу. Когда он так лежал, ему хорошо были видны латинские слова, вырезанные кем-то на одной из перекладин клетки.

“Где ты, Гай, там я, Гайя”.

Наверное, это написал тот, кто когда-то томился в клетке.

— Народ ромеев так древен, — бормотал сидя на клетке Алипий, — что известно им: дух святой исходит только от Бога-отца. Этим ромеи постоянно сердят апостолика римского, ведь Святая римская церковь настаивает на том, что запас благодати создается деяниями святых. Апостолик римский и вы, латиняне, креститесь пятью пальцами, а ромеи так древни, что знают — истинно крестятся лишь тремя.

“Где ты, Гай, там я, Гайя”.

Приходили матросы — дразнить Ганелона.

Матросы совали в клетку длинную палку и дивились: почему азимит не рычит от боли?

Еще они дивились: почему азимит ест самые плохие бобы, которые не стали лучше от того, что совсем протухли, но при этом азимит еще не совсем потерял силы?

Матросы садились на палубу перед деревянной клеткой и, злобно усмехаясь, напоминали Ганелону: помни, азимит, если Конопатчик ослепнет, мы скорим тебя морским свиньям.

“Где ты, Гай, там я, Гайя”.

Господь милостив.

Ганелон впивался отросшими загибающимися ногтями в локти.

В клетке пахло смолой, рыбой, крапивными веревками.

Он вспомнил, что в темной башне замка Процинта, в которой он провел два года, пахло нечистотами и мышиным пометом.

Еще он почему-то вспоминал иногда запах жирного дыма, вздымающегося над костром, на котором был сожжен несчастный тряпичник. И сладкий приторный запах волшебных трав, которыми в Риме чуть не отравил его старик Сиф, прозванный Триболо.

Господь не раз отводил от него смерть.

Господь не позволит Ганелону умереть в клетке.

Устав лежать, Ганелон снова прикивал к щели. Облака.

Длинные узкие облака.

Там, где их разносило ветром, тянулись тонкие хвосты, расплывчатые, как прошлое.

Замок Процинта...

Рим...

Остров Лидо...

Остров Корфу...

На острове Корфу Ганелон впервые услышал подробности о том, как вооруженные паладины брали Зару, христианский город угрского короля Имре.

Говорят, впервые увидев с моря исполинские

каменные стены Зары, паладины возопили: да можно ли взять такой город приступом?

Но Господь милостив.

Жители Зары, пораженные множеством судов, покрывших бухту, как плавающие острова, высыпали на стены.

Узнав, что на судах пришли христиане, жители Зары как бы немного успокоились и сами предложили дожу Венеции Энрико Дандоло добровольно сдать ему свой город в обмен на их жизни, но престарелый лукавый дож так сказал паладинам:

“Сеньоры, жители Зары хотят сами добровольно сдать мне город на милость при том условии, что я пощажу их жизни. Я мог бы принять их предложение, но ничего не хочу делать без вашего согласия”.

Подумав, благородные бароны ответили:

“Город Зара в любом случае должен быть нашим. Но нам хотелось бы, чтобы все богатства Зары тоже стали наши, без всяких других условий. Если требуется на то наше соизволение, вот оно”.

Только белый аббат отец Валезий, сузив глаза, вслух ужаснулся:

“Сеньоры! Именем апостолика римского запрещаю вам идти на приступ христианского города Зары. Опомнитесь! Вы святые паломники, а город Зара принадлежит христианам”.

“Конечно, это так, — согласно кивнул дож Венеции. — Но святые паломники обещали вернуть мне Зару. Только в ответ на это я могу доставить их в Святую Землю”.

VI

“...а Филипп Швабский, император Германии, через своих посланцев передал святым паломникам, взявшим штурмом Зару:

“Сеньоры, теперь посылаю к вам законного константинопольского наследника, брата моей жены Алексея, и вверяю его руке Божьей, да сохранит он его от гибели. И коль отправились вы во имя Господа за правду и справедливость биться с неверными, и коль помог вам Господь утвердить правду в городе Заре, который вы вернули Венеции, то теперь вы должны помочь и другим повергнутым восстановить их законные права”.

Вот что император Германии передал благородным баронам в Зару:

“Коль на то будет воля Божья и восстановите вы на троне молодого Алексея, истинного императора константинопольского, он тогда всю свою ромейскую империю подчинит Риму, от коего она некогда отошла. Вы вложили в поход все свое имущество, а потому бедны, а молодой Алексей, буде станет он императором, даст вам сразу двести тысяч марок серебром и всякого продовольствия на всю армию. И сам отправится с вами в Вавилонскую землю или, если вы того пожелаете, даст десять тысяч человек в ваше распоряжение. И будет он вам так служить целый год и покуда будет жив, всегда пятьсот его самых крепких людей будут охранять с вами Заморскую землю”.

На военном совете один лишь отец Вalezий сказал благородным баронам:

“Опомнитесь! Разве Константинополь ваша цель? Разве ваша цель не Гроб Господень?”

Отцу Валезию ответили:

“Мы ничего не свершим в Вавилонии и в Сирии, потому что силы наши малы. Сами в том убедитесь, когда услышите паломников, которые, не пошли на Зару, а отправились в Святую Землю. Зато для начала мы можем восстановить порядок в земле христиан и, набравшись сил, ударить потом по агарянам. К тому же, откажись мы от соглашения, заключенного с народом Венеции, позор падет на нас всех”.

Благородные бароны послали специальных красноречивых людей к апостолику римскому, зная, что апостолик недоволен взятием Зары.

Но еще до ответа великого понтифика стали тайком уходить из Зары те паладины, которые не желали обращать свой меч против христиан.

На одном корабле бежали сразу пятьсот человек, и было это, наверное, неуютно Богу — все пятьсот потонули в бурю.

Другой отряд ушел по суше в Славонию, там многих убили.

Увел своих людей из лагеря и знатный германский барон Вернер Боланд.

Тайно ушли из Зары барон Рено де Монмирай, а с ним Эрве де Шатель, его племянник, и Гийом Шартрский, и Жан де Фрувиль, и его брат Пьер.

Так же тайно ушел из Зары знатный рыцарь Робер де Бов. Он нарушил клятву, данную дожу Венеции, и направился в Сирию.

Даже славный барон Симон, граф Монфора и

Эпернона, не устоял — заключил тайное соглашение с обиженным паломниками угрским королем, а с бароном Симоном ушли, бросив войско, сеньор Ги де Монфор, и барон Симон де Нофль, и мессир Робер Мовуазен, и Дрюэ де Кресонсак, и другие, смущенные видом льющейся христианской крови.

Ганелон не попал в Зару.

Еще на острове Корфу слепой нищий, дрожащая тварь с нечисто обритой головой, брат тайный, шепнул Ганелону:

“Дух святой мятется. Отец Валезий тебе велит, брат Ганелон, спеши в город городов. Будет некий человек, он укажет тебе, где искать то, что ты ищешь”.

“Как узнаю я этого человека?”

“Он сам узнает тебя, — шепнул слепец. — Поднимись на “Глорию”. Она вернулась на остров. Скоро “Глория” вновь уходит в Рукав Святого Георгия. Не ищи никакого другого пути, поднимись на “Глорию”. Господь милостив. Ты найдешь то, что тебе необходимо найти...”

VII—X

“...бормотал:

— Матросы сердиты. Тебе не надо было отбывать у Конопатчика кинжал, Ганелон. Смирись, иначе тебя бросят в море. Если Конопатчик ослепнет, они так и сделают.

Господь милостив.

Ганелон не испытывал страха.

Люди часто боятся. А правильнее не бежать от страха, а искать его. Если что-то направлено против тебя, значит, необходимо самому идти навстречу опасности. Это единственное правильное решение.

Ганелон не боялся страха.

Он не боялся моря.

В конце концов, море уже приняло многих. Он слышал, что в море было опущено недавно тело славного трувера благородного рыцаря Ги де Туротта, шатлена Куси, умершего от жестокой болезни и старых ран во время морского перехода из Зары в Константинополь.

Только Господь может знать, где пресечется путь каждого отдельного смертного человека.

Она явилась, и томленьем взятый,
я позабыл, что зло для ней терпел,
ведь лик ее, уста, и чувств глашатай,
взор голубых очей, что вдаль летел,
меня пленили — сдаться не успел.
Не стал вассалом, волю проглядел.
Но лучше с ней вкушать любви утраты,
чем перейти в другой предел.

Так пел шатлен Куси, славный трувер, благородный рыцарь Ги де Туротт.

Ганелон смиренно прикинул лбом к шершавому дереву.

Я сотни вздохов дал за долг в уплату,
от ней и одного не возымел.
Любовь велит, чтоб мне, как супостату,
ни сон, ни отдых сердце не согрел.

Умру, любви будет меньше дел.
Слезами мстить, я лишь на это смел.
Тот, на кого любовь наводит трату,
всех покровителей презрел.
Господи, дай сил.

Если даже аббаты преданы смущению, если даже благородные рыцари не видят истинного пути, как прозрю я, слабый? Господи, видишь ты, я окружен бесчестными грифонами, нет человека, протянувшего бы мне руку помощи. Вижу только плевки, пью гнилую воду, как зверя меня дразнят. Как достигну высокой цели?

Лукавый дож Венеции с яростью стучал ногой на отца Вalezия, почти невидящие глаза дожа горели.

“Если даже великий понтифик отлучит меня от Святой римской церкви, — кричал дож отцу Вalezию, — я все равно верну трон юному Алексею, накажу ромеев за их грехи!”

Слаб, истощен, не вижу пути, оставлен один на один с грифонами посреди водной пустыни, утешал себя Ганелон. Папа римский простил паломников, вернувших разграбленную Зару угрскому королю, но простит ли он паломников, обративших меч против Константинополя?

Ганелон опустил руку на горшок с гнилыми бобами и заплакал.

Конфитиер...

Признаю...

Так он заплакал.

— Ромей древний народ, — донеслось до него

приборматывание Алипия. — Их город велик, по краям стен императорского игральища распределены медные фигуры быков, коней, женщин, верблюдов, львов — они принохиваются медными ноздрями к сладким запахам. Как в евклидовы времена гремят серебряные тазы в термах. Средь прочих услад, азимит, только в городе городов ты можешь вкусить нежного мяса пятимесячного ягненка и белое мясо трехлетней курицы, особенным образом откормленной. Только в городе городов, азимит, ты можешь попробовать мясо ягненка, жаренное с фригийской капустой. Ты будешь доставать его из горшка прямо руками. Ты увидишь, азимит, что пища может доставлять истинную усладу. Попробуй хлеб из Киликии и белый настоящий хлеб с Крита. Попробуй копченое мясо из Вифинии, оливки из долин Меандра и Лакадемона. После телятины, доставленной из Эпира, пусть именно аттический мед подчеркнет вкус тонкого евбейского вина.

Алипий сам дьявол, сказал себе Ганелон. Своим непрерывным бормотанием он искушает пленника.

Он мог бы ударить снизу кинжалом, вырванным им из рук Конопатчика, но клинок, наверное, не пробил бы доску.

Алипий слеп, подумал Ганелон.

Алипий знает морские течения, огни маяков, силу различных ветров. Он умеет выгодно торговать, а, значит, обманывать. Может, в смуте душевной Алипий уже и догадывается о невидимых связях между вещами, может, в смуте душевной он уже и до-

гадывается, что мысль сама по себе есть некая форма опыта, но он слеп, слеп. Ему все равно, везти на “Глории” мертвый груз или живую птицу, тяжелое зерно или несчастного пленника.

Амансульта...

Чем меньше Ганелон хотел думать о ней, тем больше думал.

Перивлепт.

Восхитительная.

Как бы далеко сейчас ни находилась Амансульта, подумал он, наполняясь печалью, она не столь изгнана, сколь сбилась с пути.

И думал: зачем я здесь?

Разве надо плыть так далеко, чтобы наказать зло? Разве зло гнездится не в нашем сердце? Разве зло пропитывает воздух Константинополя, а не воздух Тулузы или замка Процинта? Разве вера колеблется неверием сарацинов, а не неверием еретиков?

Брат Одо прав: зло в наших сердцах.

Ганелон беззвучно заплакал.

Господи, слаб я! Дай силы. Разве я не пес Господень, призванный разгонять тьму светом факела? Разве я не служу Делу?

Он закрыл ладонью слова, нацарапанные на стене клетки. Но слова, впитанные памятью, не исчезли.

“Где ты, Гай, там я, Гайя”.

Ганелон снова прильнул к щели.

По краю горизонта шли облака — белые, узкие, завораживающие.

Спасти душу Амансулты — вот цель.

— Ромеи древни, очень древни, — бормотал, сидя на клетке и раскачивая босыми ногами Алипий. — Они так древни, что знают все...

Ганелон невольно прислушался.

— Ромеи сочинили стратегикон, трактат о военном искусстве. Они знают: летом в Сирию не пройдешь, там зной и безводье, а в Болгарию лучше ходить в месяц снятия урожая. Они знают: против куманов, половцев, лучше всего выступать осенью, когда куманы готовятся к зимним перекочевкам и отягощены домашним скарбом и стадами. Ромеям известно: идя на болгар, следует запастись пищей, тогда как на востоке легко прокормить целую армию. Они знают: броневой строй латинян лучше всего разбивать огнем, пущенным из специальных сифонов. Они знают, какое снадобье следует подсыпать в пищу сильного, но неугодного человека, чтобы всего за месяц этот человек потерял сон, аппетит, стал бледен как мертвец и чтобы волосы вылезли у него и на голове и на подбородке. Они знают фазы Луны, время течений, они знают, какого цвета тряпку нужно бросить в иссохший источник, чтобы холодная и чистая вода вновь хлынула на поверхность. Они знают путь к герминам, армянам. Они торгуют с мисами, заселяющими пустыни, они привечают купцов из Вавилона, Шинара, Персии, Ханаана. Они дружат с хазарами и тавроскифами. Разве это не истинное знание?..

“Где ты, Гай, там я, Гайя”.

Говорят, под левой грудью Амансульты таится дьявольский знак — темное пятно в виде лягушечь-

ей лапки.

Он, Ганелон, спасет душу Амансульты, он переречнет дьявольское пятно лезвием милосердника.

Ганелон с отвращением проглотил щепоть гнилых бобов.

Господь милостив.

Грифоны так говорят: тот поп, а ты пономаренок, тот хорошо поет, а ты безголос, тот хорошо умеет считать деньги, а для тебя все одно, тот бегло читает Писание, а ты лишь небо коптишь, тот вхож в дом епископа, а ты только глазеешь на богатые коляски, тот в крепком плаще, а ты в рогоже, у того на постели четыре простыни, а ты спишь на соломе.

Но разве подобное знание определяет судьбу?

Ганелон перекрестился.

Свет небесный, святая роза, Дева Мария, без первородного греха зачавшая, к тебе взываю — направь путь! Дай сил спасти душу Амансульты!

Облака.

Белые узкие облака.

Бесконечные, смущающие своей невыразимой белизной.

А есть еще скалы, сонно отражающиеся в осенней воде.

Есть еще круг Луны, повисший над зубчатой стеной замка Процинта.

Есть еще дуб, пенящийся от резной листвы, и тьяканье лис, и тяжелый ход кабанов, ломящихся сквозь чащу.

Дыхание жизни.

Нет, дыхание зла, поправил себя Ганелон.

Красиво окрашенного, естественного, но зла.

Брат Одо сказал: нерадение Богу вызывает большие пожары. Это такие пожары, когда горит вся Вселенная.

Ромеи, может, древни, как говорит Алипий, но они погрязли в грехах. И жители Зары тоже были поражены пороками. Дикая музыка цимбал нарушает часы вдумчивых молитв, никто в Константинополе без нужды не преклоняет колена. Сам воздух Константинополя — ложь и лесть.

“Кто уподобится тебе, царь? Какой земной бог сравнится с тобой, моим царем и моим богом? Ведь ты не понимаешь, божественный, на какую высоту вознесли тебя небеса. Находясь на столь беспредельной высоте, ты обращаешь взоры и на нас, стоящих внизу и жалких. Поистине ты подражаешь своему богу и царю, ради нас сошедшему с неба, взявшему на себя наши грехи, собственными ранами излечившему наши раны. Разве ты не нисходишь к нам как бы с неба, не исцеляешь наши недуги наложением рук, молитвами, умиловительными прошениями к Богу?”

Так льстиво говорят ромеи, слепые в своей гордыне.

Так воздух Романии, как гноем, наполняется ложью и лестью.

Вчера императору Исааку курили хвалу: ты сам, дескать, не понимаешь, император, на какую высоту вознесли тебя небеса, а сегодня те же льстецы гасят ему зрение раскаленным железом. Сам воздух Константинополя полон густого чада, выды-

хаемого легкими многочисленных еретиков, обсевших с двух сторон Рукав Святого Георгия*. С одной стороны, император, равняющий себя с Богом, не признающий указаний апостолика римского, держащий в страхе священнослужителей, угрожающий всем, кому можно грозить, а с другой — шуты, скорморохи, маги и колдуны.

Зачем Амансульта вдыхает ядовитую голубую дымку, окутывающую город греха и скверны?

Разве не видит она унижения церкви?

Разве не видит она, что развратные начальники тюрем специально выпускают на ночь убийц и грабителей — отобрать у прохожих себе на пропитание и поделиться с ними?

Разве она не видит, что никто в городе городов не защитит истинного христианина?

Разве она не видит, что сам император, забыв властительное спокойствие, отплясывает, смеясь, кордакс, сопровождая пляску непристойными телодвижениями, а тысячи и тысячи несчастных слепцов как тени бредут по улицам, и слепы они не по болезни и не по рождению.

Похоть похоти.

Грех греха.

Лживые святоши продают на папертях столь же лживые мощи.

* Так средневековые хронисты времен крестовых походов называли Босфор и Дарданеллы. Свое название пролив получил по константинопольскому монастырю Святого Георгия, находившемуся в предместье столицы — Манганы.

Сборщик налогов таскает за бороду патриарха, а позже со словами ненависти и отчаяния у него же вымаливает прощение.

Ефрония Земского, святого смиренного человека, творившего истинные чудеса, везли на больном, покрытом паршой верблюде через весь Константинополь, чтобы глупая чернь и развратные ремесленники из эргистерий били его палками, забрасывали камнями и нечистотами, и чтобы самые бессердечные обваривали его крутым кипятком.

Господи, дай мне сил!

Твоя рука ведет меня по туманному, обреченному на гибель миру, разве ты не поможешь всем?

Раскрой глаза Амансульте.

Отдай ее на страдание!..”

ЭПИЛЕГЕМОНЫ. ДОПОЛНЕНИЯ

Теперь услышите правду, как был завоеван Константинополь, ибо тот, кто там был и кто это видел и кто это слышал, будучи свидетелем и участником, благородный Робер де Клари, амьенский рыцарь, позаботился о том, чтобы передать письменами, начертанными на пергаменте, истинную правду, как был завоеван город городов.

* * *

И однажды бароны собрались во дворце молодого императора Алексея и потребовали выполнить данные им обязательства. И он ответил: он непременно выполнит их, но сперва он хотел бы быть коронованным. Тогда бароны назначили день, чтобы короновать его, и в этот день он был с великой торжественностью коронован как император — по воле своего отца, который добровольно согласился на это. И когда молодой Алексей был коронован, благородные бароны вновь потребовали свои деньги. И он сказал: он весьма охотно уплатит им, что сумеет, и уплатил им добрых сто тысяч марок. И из этих ста тысяч половину получили венецианцы, потому что должны были получить половину от всех завоеваний, а из пятидесяти тысяч марок, которые оставались, венецианцы же получили тридцать шесть

тысяч, которые французы должны были им за флот. А из оставшихся, что были у пилигримов, они вернули долг тем, кто ранее ссудил их из своих денег для уплаты за перевозку.

* * *

А потом молодой император обратился к баронам и сказал, что у него больше ничего нет, кроме Константинополя, ведь его низложенный дядя, бывший император, все еще владеет городами и замками, которые по праву должны принадлежать ему, Алексею. И он попросил благородных баронов, чтобы они помогли ему завоевать окрестные земли, тогда он охотно даст им еще из своего добра. И бароны ответили: они очень хотят помочь ему, и те, кто желает разжиться, охотно отправятся с ним. Таким образом с Алексеем двинулась добрая половина войска, а другая осталась под Константинополем, чтобы получить плату от соправителя Алексея — слепого Исаака. И император Исаак остался тоже, чтобы произвести выплату баронам. И молодой Алексей пошел со всем своим войском и сумел завоевать из своих земель чуть ли не двадцать городов и сорок или более замков, а низложенный император, тоже Алексей, его дядя, все эти дни бежал все дальше и дальше. Французы пробыли в походе три месяца. А пока Алексей совершал этот поход, жители Константинополя спешно восстанавливали стены города, укрепив их так же сильно и подняв так же высоко, как раньше. И когда бароны, которые остались, чтобы получить причитающуюся им плату, увидели это и увидели, что император Исаак ничего

им не платит, они послали сказать другим баронам, которые отправились с Алексеем, чтобы те повернули назад и возвратились в Константинополь к празднику Всех Святых. Когда бароны это услышали, они сказали Алексею, что возвращаются обратно. Когда Алексей такое услышал, он сказал, что раз они возвращаются, то и он возвратится, потому что не может доверять своим грекам. И так они вернулись обратно в Константинополь. Император направился в свой дворец, а пилигримы пошли к своим жилищам, расположенным, как было заранее договорено, по другую сторону гавани.

* * *

А потом графы и другие знатные люди, и дож Венеции, и молодой император Алексей собрались вместе. И французы снова потребовали свою плату, а император ответил, что ему пришлось столь дорогой ценой выкупать свой город и свой народ, что ему совсем нечем заплатить, но если бароны предоставят ему отсрочку, то за выигранное время он изыщет средства, чтобы заплатить все. И бароны предоставили ему отсрочку, а когда время прошло и император ничего не заплатил, они снова потребовали платы. И император снова попросил отсрочку, и они снова дали ее ему. Между тем приближенные Алексея, а между ними некий Мурцуфл, прозванный Насупленным из-за своих густых черных бровей, сросшихся на переносице, пришли к Алексею и сказали: "Ах, государь, вы уже с лихвой заплатили латинянам, не платите им больше. Вы уплатили им столько, что совсем потратились. Заставьте их уб-

раться подобру-поздорову, изгоните из совсем прочь из своей земли!” И молодой Алексей послушался предательского совета и не захотел больше ничего платить. Когда отсрочка истекла и бароны увидели, что возведенный ими на трон император не собирается ничего платить, тогда все графы и прочие знатные и благородные люди войска собрались все вместе и отправились в императорский дворец, чтобы вновь потребовать причитающуюся плату. А император ответил им, что какие бы доводы ему ни выставляли, он все равно никак не может уплатить. Бароны же ответили: коли он им ничего не заплатит, то они сами доберутся до его добра и сами себе заплатят.

* * *

С этими словами рассерженные бароны покинули дворец и вернулись в свои жилища, а потом опять послали к императору двух благородных рыцарей. И посланные рыцари увещевали Алексея, чтобы отослал плату. А Алексей ответил, что ничего не заплатит, что он и так с лихвой заплатил, и что он их нисколько не страшится. Мало того, он потребовал, чтобы они убирались прочь и освободили его землю. И пусть знают, сказал он, что если не очистят его землю как можно скорей, то он причинит им зло. С этим возвратились рыцари и знать дали благородным баронам, что ответственвал император. И вновь держали бароны совет, что им предпринять, и в конце концов дож Венеции сказал: он сам бы хотел пойти переговорить с императором. И он послал

гонца передать, чтобы император пришел в гавань переговорить с ним. И император Алексей явился туда на коне. А дож повелел снарядить четыре галеры, потом взошел на одну из них, а трем приказал сопровождать ее, чтобы охранять. И когда дож Венеции приблизился к берегу, то увидел императора, который прибыл туда на коне. И он заговорил с ним: “Алексей, что ты теперь думаешь делать? Припомни, что это мы возвысили тебя из ничтожества, это мы сделали тебя сеньором, мы короновали тебя. Неужто ты не выполнишь своих обязательств?” А молодой император ответил: “Я не сделаю ничего больше того, что уже для вас сделал”. А дож Венеции Энрико Дандоло сказал: “Нет? Не сделаешь? Дрянной мальчишка! Мы вытащили тебя из грязи и мы же втолкнем тебя обратно в грязь. Я бросаю тебе вызов, и ты заруби себе на носу, что отныне и впредь я буду чинить тебе всяческое зло всей мною имеемой властью!”

* * *

С этими словами дож Венеции удалился. И тогда графы, и все люди высокого звания в войске, и венецианцы собрались вместе, чтобы держать совет, что же делать дальше. И венецианцы сказали, что они не могут ни сделать лестниц, ни поставить орудия на своих кораблях из-за погоды, ведь это было время между праздником Всех Святых и Рождеством. А пока паломники находились в таких стесненных обстоятельствах, молодой император Алексей и изменники, которые его окружали, ночью взяли в

городе старые корабли, нагроулили их очень сухим деревом, а между деревом положили куски смолы, а потом подожгли. Когда наступила полночь и корабли были охвачены пламенем, поднялся очень резкий ветер, и греки пустили все эти пылающие корабли по течению, чтобы поджечь флот французов. Когда венецианцы заметили это, они быстро вскочили, забрались на баржи и галеры и потрудились так, что флот паломников милостию Божией ни на один миг не соприкоснулся с опасностью. А после этого не прошло и пятнадцати дней, как греки повторили то же самое. И опять венецианцы первыми и вовремя заметили пламя, опять двинулись наперерез и доблестно защитили флот паладинов, так что он нисколько милостию Божией не пострадал, кроме одного купеческого корабля.

* * *

И в ту самую зиму, когда паломники пребывали под Константинополем, жители города прекрасно укрепили стены города, подняли выше и стены и башни, надстроили сверху каменных добрые деревянные башни и прочно укрепили их снаружи, обшив толстыми крепкими досками и прикрыв сверху воловьими шкурами так, чтобы нечего было опасаться лестниц с венецианских кораблей. В городе же установили они по меньшей мере сорок казематов от одного до другого края стен в тех местах, где, как они думали, паломники могут пойти на приступ. Неудивительно, что они это сделали, ведь у них было полно досуга. А между тем, пока все это дела-

лось, греки-изменники, а с ними Мурцуфл, Насупленный, собрались однажды вместе и сговорились поставить совсем другого императора, потому что молодой Алексей не казался им достойным трона. И Мурцуфл сказал: “Если вы поверите мне и захотите сделать меня своим императором, я избавлю вас и от французов и от молодого Алексея. Причем избавлю так, что вам никогда больше не придется их опасаться”. И изменники сказали, что если Мурцуфл в состоянии избавить их от французов и от молодого Алексея, то они сделают его императором. И Мурцуфл поклялся освободить их всех за восемь дней. И они еще раз поклялись сделать его своим императором.

* * *

Тогда Мурцуфл, не помышляя об отдыхе и сне, взял с собой оруженосцев, ночью вошел в покой, где спал его сеньор, молодой император, в свое время, кстати, вызволивший его из темницы, и приказал накинуть на шею Алексею веревку и задушить его. А также задушили его отца и соправителя Исаака. Когда Мурцуфл сделал это, то вернулся назад к тем, кто должны были поставить его императором, и сказал им о содеянном. И они короновали его. А когда Мурцуфл стал императором, по всему городу разнеслась весть об этом: “Мурцуфл император! Он погубил своего сеньора!” Потом из города в лагерь пилигримов была подкинута грамота, в которой сообщалось о том, что свершил Мурцуфл. Когда бароны об этом узнали, то одни говорили, что едва ли най-

дется кто-нибудь, кто пожалеет о смерти предателя Алексея, потому что он не выполнил своих обязательств перед пилигримами, а другие, напротив, говорили, что на них лежит вина за то, что молодой император погиб такой насильственной смертью. А потом прошло немного времени, и Мурцуфл велел передать графу Луи, графу Фландрскому, маркизу и всем другим знатым баронам, чтобы они убрались прочь, чтобы они очистили его землю, и чтобы они зарубили навсегда на своих длинных латинских носах, что истинным императором в Константинополе является он, Мурцуфл, и что если по истечении восьми дней он все еще найдет латинян под стенами, то всех безжалостно истребит. Когда бароны услышали слова Мурцуфла, они так сказали: “Что? Тот, кто ночью изменническим образом умертвил своего сеньора, он еще смеет посылать нам такие требования?” И они послали сказать Мурцуфлу, что бросают ему вызов и пусть он теперь их опасается. Они теперь не покинут этих мест, пока не отомстят за молодого императора Алексея, которого Мурцуфл предательски убил, и пока не возьмут Константинополь во второй раз, добившись полностью выполнения всех условий, которые убиенный император Алексей обязан был выполнить по договору.

* * *

А затем французы и все венецианцы собрались вместе, чтобы держать между собой совет насчет того, как им действовать и кого поставить императором, когда город будет захвачен. В конце концов

они решили, что возьмут десять французов из числа самых достойных в войске, и десять венецианцев, тоже из числа самых достойных, и то, что решат эти двадцать паладинов, то и будет сделано. Причем, если императором будет избран кто-то из французов, то патриархом изберут кого-нибудь из венецианцев. И было решено, что тот, кто станет императором, получит в свое личное владение четвертую часть империи и четвертую часть города, а остальные три четверти будут поделены так, чтобы половина отошла к венецианцам, а другая половина к французам. И все они будут держать земли от императора. И когда избранники это решили, то заставили всех воинов войска поклясться на святых мощах, что всю добычу в золоте, в серебре, в новых тканях и любую другую, стоимостью в пять су и выше, они снесут в общий лагерь для справедливого дележа, и что никто не учинит насилия ни над одной женщиной, а тот, кого застанут совершающим насилие, будет тут же на месте предан смерти. И заставили всех воинов поклясться на святых мощах, что не поднимут они руку ни на монаха, ни на монашенку, ни на священника, разве только вынуждены будут к самозащите, и что никто не разрушит в Константинополе ни церкви, ни монастыря.

* * *

Потом, когда все это было обговорено, а время близилось к великому Посту, венецианцы и французы стали готовиться и снаряжать корабли к бою, причем венецианцы соорудили новые мостки на своих нефках, судах с башнями на корме, с которых удоб-

но прыгать прямо на стены, а французы приготовили свои осадные орудия — “кошки”, “повозки”, “свиной”, — которые позволяют быстро подкапывать и разрушать стены. А венецианцы взяли доски, из которых строят дома, и плотно их пригнав, покрыли настилом свои корабли, оплетя сверху такой настил еще и виноградной лозой, так что камнеметы не могли враз разнести корабли в щепы. А греки Мурцуфла тоже сильно укрепили свой город изнутри, а деревянные башни, которые надстроили над каменными, покрыли крепкими воловьими шкурами. И не было такой башни, которая была бы ниже, чем в семь, или в шесть, или по меньшей мере в пять ярусов.

* * *

А потом, дело было в пятницу, примерно за десять дней до Вербного воскресенья, пилигримы и венецианцы построили свои корабли бортом к борту, и погрузив боевые орудия на баржи и галеры, двинулись по направлению к городу. И флот растянулся по фронту едва ли не на два лье. И все пилигримы и венецианцы были превосходно вооружены. А в самом городе был холм, с вершины которого хорошо просматривались поверх стен все корабли, столь он, этот холм, был высок. Там Мурцуфл, изменник, раскинул свою алую палатку и приказал трубить в серебряные трубы и бить в большие барабаны. И устроили греки весьма оглушительный шум, причем пилигримы все это ясно видели, а Мурцуфл с холма тоже видел корабли пилигримов.

* * *

Когда корабли должны были вот-вот прича-

лить, венецианцы взяли крепкие канаты и подтянулись как можно ближе к стенам, а французы приготовили орудия для осады стен. Потом венецианцы взобрались на перекидные мостики своих нефов и яростно пошли на штурм стен. Двинулись на приступ и французы, пустив в ход орудия. Когда греки увидели, что французы идут на приступ, они принялись сбрасывать на осадные орудия такие огромные каменные глыбы, что и не скажешь. И каменные глыбы раздавливали, разносили в куски и превращали в щепы все орудия, так что никто не отваживался оставаться ни в них самих, ни под этими орудиями. А с другой стороны венецианцы с кораблей не могли добраться ни до стен, ни до башен, настолько они оказались высокими. И в тот день ни венецианцы, ни французы ни в чем не смогли достигнуть успеха — ни завладеть городом, ни взойти на стены. Когда они убедились, что ничего не могут сделать, они были сильно обескуражены и отошли назад. Когда греки увидели, что латиняне отступают, они принялись во всю орать и вопить, взобрались на стены и снимали с себя одежды, чтобы показать латинянам свои голые греческие задницы. Когда Мурцуфл, незаконный император, увидел, что пилигримы отступают, он повелел трубить во все трубы и бить во все барабаны, произведя ужасный оглушительный шум сверх всякой меры. И Мурцуфл сказал своим людям: “Ну вот поглядите, сеньоры, разве я не достойный для вас император? Никогда у вас не было такого достойного императора. Разве не хоро-

шо я для вас содеял? Отныне нам всем нечего опасаться, я всех латинян повешу и предам позору”.

* * *

Когда пилигримы отступили, они сильно обозлились и опечалились, а когда вернулись на свой берег, благородные бароны снова собрались вместе и в сильном смятении сказали, что это за грехи свои они не смогли ничего предпринять против города городов. А епископы и клирики, обсудив положение, рассудили, что битва является законной и что пилигримы вправе снова произвести приступ. Ведь жители Константинополя исповедовали веру, повинаясь римскому закону, и только позже вышли из повиновения. Зная это, епископы сказали, что пилигримы вправе нападать на греков и что это не только не будет никаким грехом, но, напротив, явится благочестивым деянием. И епископы сказали, что именем Бога и властью, данной им апостоликом римским, всем пилигримам они отпускают грехи, кто пойдет на приступ, и строго повелели всем как следует исповедаться и причаститься, чтобы уже совсем не бояться битвы.

* * *

Когда настало утро понедельника, все пилигримы снарядились и надели кольчуги, а венецианцы подготовили к приступу перекидные мостки своих нефов. Потом корабли выстроили борт к борту и двинулись в путь, чтобы произвести приступ. И флот снова вытянулся по фронту на доброе лье. Когда же суда подошли к берегу и приблизились сколько могли к стенам, то бросили якоря. А когда

встали на якоря, пилигримы начали яростно стрелять из луков, метать камни и забрасывать на башни греческий огонь. Но огонь никак не мог зажечь башни, потому что они были покрыты воловьими кожами. А те, кто находились в башнях, отчаянно защищались и выбрасывали снаряды по меньшей мере из шестидесяти камнеметов, причем многие удары приходились прямо в суда. К счастью, корабли были так хорошо защищены дубовыми досками и виноградной лозой, что попадания не причиняли им большого вреда, хотя некоторые камни были столь велики, что один человек вряд ли бы поднял такой камень.

Мурцуфл же был на холме, и он приказал трубить в серебряные трубы и бить в барабаны и опять устроил превеликий шум. Он ободрял своих людей, говоря: “Ступайте туда! Ступайте сюда!” — и посылал их туда, где видел, что есть в том необходимость.

И во всем флоте пилигримов нашлось не более четырех или пяти нефов, мостки которых могли достигать высоты башен. А ведь все ярусы башен были заполнены греческими ратниками. Все же пилигримы атаковали до тех пор, пока неф епископа Суассонского под названием “Пилигрим” не ударился об одну из башен. Корабль, наверное, поднесло к башне чудом божьим, потому что море здесь никогда не бывает спокойным.

На мостике “Пилигрима” находился некий венецианец, а с ним два вооруженных рыцаря. Как только неф ударился о башню, венецианец сразу ух-

ватился за нее руками и ногами и изловчившись, как только мог, проник внутрь вражеской башни. Когда он уже был внутри, ратники, защищавшие этот ярус, — греки, а также наемные даны и англы, увидели его и подскочили к нему с секирами и мечами. Они изрубили святого человека на куски, но тем временем волна вновь ударила неф бортом о башню.

И в момент, когда “Пилигрим” снова и снова ударялся о башню, один из двух рыцарей, а имя его Андрэ де Дюрбуаз, ухватился руками и ногами за деревянный помост и ухитрился ползком пробраться в башню. Когда он в ней оказался, то те, кто там были, набросились на него с секирами и мечами, но благодарением божьим благородный рыцарь Андре де Дюрбуаз был в кольчуге, его даже не ранили, ибо его оберегал Господь, который не хотел ни чтобы рыцаря в тот день избивали дальше, ни чтобы он здесь умер. Напротив, Господь пожелал, чтобы город городов был взят пилигримами в наказание за предательство, которое совершил Мурцуфл, и за его вероломство, и чтобы все жители Константинополя были опозорены. И поэтому благородный рыцарь поднялся на ноги и, как только поднялся на ноги, выхватил свой меч. Когда греки увидели его стоящим на ногах, они были настолько изумлены и охвачены страхом, что побежали на другой ярус башни пониже. А когда те, кто там находились, увидели бегущих сверху воинов, то тоже пустились бежать вниз, оставляя ярус за ярусом и не отваживаясь нигде долго задерживаться.

А в башню уже взошел другой рыцарь, а за ним и другие воины христовы. Оказавшись в башне, они взяли крепкие веревки и прочно привязали неф к башне, чтобы паладины с нефа могли взойти в город. Когда волны отбрасывали корабль назад, башня раскачивалась так сильно, что, казалось, вот-вот обрушится. Во всяком случае, так многим казалось из-за страха. Зато греков, защищающих город, объял еще больший страх. Те, кто помещались на других, еще более низких ярусах, увидели французов, и никто уже не осмеливался задерживаться на башне, все греки ее покинули. А незаконный император Мурцуфл все это хорошо видел. И он хорошо видел, как о другую башню ударился неф сеньора Пьера де Брешэля "Парадиз". А когда неф о башню ударился, по мосткам нефа на башню бросились французы, да так успешно, что башня тут же была взята.

* * *

Когда две эти башни были захвачены, французы не отважились двинуться дальше, ибо на стенах вокруг, и в других башнях, и внизу у стен они увидели множество греков. Это просто ужас, сколько их там было! Но мессир Пьер Амьенский, увидев, что благородные рыцари смущены, сошел со своими воинами на сушу, занял клочок твердой земли и, поглядев вверх, увидел замаскированный вход. Там створки прежних ворот были вырваны, а сам вход слегка замурован. Тогда мессир Пьер Амьенский подступил туда, имея при себе всего с десяток рыцарей и не более шестидесяти оруженосцев. Всем им греки стали наносить страшные удары копьями, а с высоты

стен на них летели каменные глыбы так часто, что казалось, вот-вот все они будут убиты и погребены. Но часть оруженосцев, подняв щиты, прикрыли тех, кто пробивал ударами замаскированный вход. А со стен на них бросали котелки с кипящей смолой, и греческий огонь, и громадные камни.

Это чудо Божье, что всех не раздавило камнями и не сожгло огнем.

И благородный мессир Пьер Амьенский и его рыцари не пощадили сил — они сокрушили замаскированный вход в город своими секирами и мечами, железными ломami и копьями, и сделали в стене большой пролом. Но когда вход был пробит и они заглянули в него, они увидели там так много толпящихся греков, что казалось, там толпилось полмира. И пилигримы на минуту смутились.

* * *

Тогда Альом де Клари, клирик, всегда во всем выказывавший большую отвагу, вышел вперед и сказал, что он сейчас пойдет и поразит врага первым. Но его брат благородный рыцарь Робер де Клари, который оставил эти заметки, запретил ему такое делать. Он сказал, что никто не может выйти за стену без большой опасности для жизни. Но клирик Альом де Клари упрямо пополз в пролом, цепляясь за камни руками и ногами, и ему удалось, несмотря на то, что брат схватил его за ногу, выйти за стену. И когда он оказался на той стороне, в городе, греки, а там их было превеликое множество, ринулись на него, а сверху посыпались на него огромные камни.

Увидев перед собой греков, клирик Альом де Клари выхватил боевой меч, кинулся на греков и мужеством своим обратил их в бегство, гоня перед собой как трусливый скот.

И крикнул он тем, кто оставался в проломе: “Сеньоры, идите смелей! Грифоны отступают, они в полном расстройстве!”

Тогда мессир Пьер Амьенский и его люди тоже вошли в пролом, и было их не более десятка рыцарей и не более шестидесяти оруженосцев, и все были пешими. Зато, когда греки, стоявшие на стенах и вблизи от этого места, увидели пилигримов, греков охватил такой ужасный страх, что они не отважились встретиться с благородными рыцарями лицом к лицу. Покинув большую часть стены, они побежали кто куда, а незаконный император Мурцуфл, предатель, стоял так близко от этого места, что до него долетел бы кинутый камень.

Увидев мессира Пьера Амьенского и его людей, предатель Мурцуфл пришпорил своего коня, помчавшись прямо на пилигримов, но проскакал всего с полпути, устроив лишь видимость бранного действия.

Увидев, что Мурцуфл приближается к пилигримам, мессир Пьер Амьенский начал громко ободрять своих людей: “Ну, сеньоры, настало время действовать решительно! Сейчас у нас будет бой. Вы видите, к нам приближается незаконный император Мурцуфл. Смотрите, чтобы никто из вас не посмел отступить!”

* * *

И когда предатель Мурцуфл увидел, что фран-

цузы совсем не собираются бежать, он остановил коня и возвратился к своим палаткам. А мессир Пьер Амьенский тут же выслал отряд оруженосцев к воротам, которые были поблизости. Он приказал разнести эти ворота в куски и открыть вход рвущимся в город пилигримам. И были разбиты большие железные задвижки и засовы, а к берегу с моря уже подошли крупные юиссье — суда, из глубоких трюмов которых по переходным мостикам, выброшенным через дверцы в задней части судов, французы вывели лошадей, вскочили на них и через раскрытые ворота с ходу ворвались в город городов. Незаконный император предатель Мурцуфл, увидев это, впал в такой страх, что оставил на холме все свои палатки и все свои сокровища и трусливо пустился наутек в город, который был очень велик и в длину и в ширину. Так говорили, что обойти стены Константинополя это все равно что пройти целых добрых девять, а то и все десять лье.

И город городов был взят.

Французы вошли в него.

Была полночь.

XII—XIV

“...странный выступ каменной стены, нависший над берегом, как горбатый клюв ворона.

Две галеры, отнесенные течением прямо под стену, сцепились.

Ганелон машинально провел ладонью по лбу.

Царапина, полученная им еще в воде, кровоточила.

Встав над Алипием, бессильно, как тюлень, лежащим на мокрых камнях, Ганелон зачарованно следил, как с бортов сцепившихся боевых галер в темную воду падают греки и латиняне. Кто-то сразу вынырнул, цепляясь за крутящиеся под их руками обломки дерева, кто-то повис на поплавке, державшем когда-то цепь, перекрывавшую вход в бухту. Из хлопанья, стонов, ударов, свистков, общих криков — из всего этого великого шума вдруг прорывались отдельные человеческие голоса.

Луна пронизала тонкое облако.

В чистом лунном свете черными вспухающими буграми вставал дым над огромным городом, расплзался по холмам, а из мглы и дыма взлетали вверх огненные головни и снопы искр.

Полоска песка вдоль берега слабо светилась.

Ганелон замер, повергнутый в ужас увиденным.

Сквозь черный дым, буграми встающий над городом, вдруг проступила на мгновение гигантская статуя императора Юстиниана, как будто это он сам сделал шаг к берегу. Гигантский каменный император теменем касался плывущего над городом дыма. Казалось, подними император голову, и она тут же вторгнется в самую чернь ночного, обгаренного пожарами неба.

Все в том же внезапном ужасе, часто оглядываясь по сторонам, Ганелон стащил с плеч мокрый насквозь гамбезон — стеганую шерстяную рубашку, которую обычно поддевают под кольчугу, и выжал

холодную воду на бледное лицо бывшего хозяина “Глории”.

Алипий застонал и открыл глаза.

Его вырвало.

Ганелон отвернулся.

Ужас и трепет пронизывали его.

Никто, наверное, до сих пор не видел вблизи такой ужасной битвы, подумал он. Никогда еще лучи луны, подумал он с ужасом, не освещали такое огромное поле битвы.

Боевые галеры, длинные и узкие, как хищные рыбы, ощетинившиеся веслами как колючими плавниками; тяжелые пузатые юиссье, приткнувшиеся к берегу и низвергающие по мосткам из своего чрева коней, оруженосцев и пеших рыцарей; тяжелые и пузатые нефы, опутанные веревочными лестницами, по которым на длинные реи взбирались, как муравьи, пилигримы, чтобы, пробежав по реям, с громким кличем — монжуа! — прыгнуть на крепостную башню или просто на часть стены, — сражение за Константинополь было выиграно пилигримами, но еще не утихло.

В бледном свете луны, таинственно играющем на колеблющейся темной воде, Ганелон вдруг увидел длинную галеру дожа Венеции Энрико Дандоло.

Алая, праздничная, освещенная многочисленными факелами, галера стремительно неслась к берегу. Присмотревшись, Ганелон отчетливо увидел людей, сидящих и стоящих под алым балдахином, раскинутым на корме.

Сцепившиеся внизу боевые галеры греков и латинян отнесло течением под угрюмую нависшую над водой стену. Стена вся была избита камнями, пускаемыми из камнеметов, но на ней стояли вооруженные греки.

Стоило галерам очутиться под стеной, как вниз со стены рухнула струя черной тяжелой жидкости.

Эту жидкость, наверное, выбросили из специального сифона — струя крутой дугой, но очень точно обрушилась на палубы галер и разбилась, густо обрызгав жалкие, разбегающиеся во все стороны фигуры. Тотчас обе галеры заволокло черным дымом, странно и неожиданно прорвался сквозь дым злой алый высверк огня, потом раздался взрыв. Деревянные галеры вспыхнули сразу, будто были смоляными факелами.

Ганелон снова увидел в колеблющейся воде бьющиеся жалкие фигурки людей, пузатые нефы, ударяющиеся бортами о каменные башни, клубы дыма и зарева пожаров, а надо всем этим колоссальную фигуру императора Юстиниана, указывающего каменной рукой на восток.

На этот раз император ошибся, подумал Ганелон.

Император Юстиниан всегда боялся нашествия сарацинов. Он всегда считал, что настоящая, самая грозная опасность для Византии может прийти только с востока.

Но гроза пришла с другой стороны.

Ганелон перевел взгляд на Алипия.

— Ты можешь встать, грифон? Нам надо спе-

шить. Мы остались одни. У тебя больше нет ни команды, ни товаров, ни “Глории”. Твое судно сгорело, и все твои товары ушли на дно.

Грек простонал:

— У меня теперь нет даже Константинополя.

— Так захотел Бог.

— Наверное... — Грузный Алипий попытался встать, и это ему удалось. — Наверное... — Глаза грека были полны отчаяния. — Богу видней, кто больше нуждается в помощи... Но как? — вдруг вскрикнул он. — Как немногочисленные латиняне могли войти в такой большой город? На каждого латинянина здесь в Константинополе приходится даже не по тысяче, а, может, по многу тысяч человек. Если бы каждый житель Константинополя просто взял в руку копьё или камень... Как?! Я не понимаю!.. Как подлые латиняне могли войти в такой большой, в такой сильный город?..

— Господь милостив.

— Наверное... — Алипий не отрывал бездумного отчаянного взгляда от чудовищного зарева, все ярче и выше встающего над Константинополем. — Но посмотри, азимит... Вон там, выше... Что там так странно выступает над поверхностью стены?..

— Это каменное ядро. Оно впилося в стену.

Алипий простонал:

— Ядро? — И вдруг как бы пришел в себя, и заохал, и завздохал, оглаживая и охлопывая плечи и грудь: — Идем... Идем, латинянин... Нам действительно надо идти... Мы должны спешить... Мы можем не понравиться тем латинянам, что могут

высадиться на берегу, чтобы войти в проломы стен... — И поправил себя, перехватив угрюмый взгляд Ганелона: — Или мы можем не понравиться грекам... Им мы даже наверное не понравимся... Идем, азимит... Я доведу тебя до места, но потом ты меня отпустишь. Теперь ты знаешь, кто должен был указать тебе путь. Это я. Надеюсь, ты больше не будешь спрашивать, зачем я вырвал тебя из рук грифонов? Ужасный отец Валезий дал мне денег и сказал: ты доведешь латинянина по имени Ганелон до некоего искомого места, а потом он тебя отпустит. Он сказал именно так, Ганелон. Ужасный отец Валезий дал мне денег и предупредил, что, помогая тебе, я могу потерять корабль. Я его потерял, но мне жаль мою "Глорию". К кораблю привыкаешь, как к лошади.

Ганелон кивнул.

— Алипий — это твое настоящее имя?

— Другого у меня нет.

— Если отец Валезий заранее заплатил тебе за все, если ты знал, что на борт "Глории" поднимется именно тот человек, забота о котором возложена на тебя, то почему, Алипий, ты позволил своим грязным матросам обижать меня и даже запереть в клетку?

— Иначе они бы тебя убили.

— В клетке убить проще.

— Так только кажется, — возразил грек. — В клетке человека можно дразнить, в клетке человека можно всячески унижать, но никому в голову не придет убить человека, который и без того уже си-

дит в деревянной клетке. Не знаю, почему это так, но это так.

— Ты любишь деньги, Алипий?

Грек не ответил.

Над городом вновь поднялось яркое пламя, а затем издали долетел приглушенный гул взрыва.

Алипий обреченно топнул ногой.

Он даже взвыл негромко.

Он теперь видел, что город городов горит весь — от Влахернских ворот до ворот Святой Варвары. Клубы дыма и пламени поднимались над Петрионом, застилали церковь Христа Вседержителя, густо укутывали холм Акрополя. В бледном ужасном свете луны страшно взбухали, переплетаясь в воздухе, черные стены жирного дыма. Из глубин дыма прорывалось яркое пламя. Алые огоньки нежными змейками ползли по склону холмов. Наверное, там горел сухой вереск.

— Смотри, — указал пальцем грек. — Там, где пока не видно огня, в той темной части, там находится район Кира. На площади Амастриан стоит мой дом. Может, он еще не разрушен. — Он тяжело вздохнул и вдруг заторопился, запричитал, даже потянул Ганелона за рукав: — Идем. Я покажу тебе место. Это нечистый дом, который я тебе покажу и сразу уйду, потому что мне надо уйти, а отец Валезий обещал, что ты отпустишь меня. Идем! К утру латиняне рассеются по всему городу, но, может, я успею спасти семью. — Он поднял голову и проворкотал: — Похоже, Господь не собирается останавливать этот ужас...”

XV—XVI

“...птица феникс.

Она редко появляется на людях, может, раз в тысячу лет. Но если появляется, это знак того, что где-то падет великая твердыня.

Разве не феникс распростер огненные крыла прямо над Константинополем?

Алипий бормотал по привычке.

Ганелон и Алипий осторожно шли по краю мостовой, прячась в тени многоэтажных глухих зданий, в которых, несомненно, таилась жизнь.

Именно таилась.

Люди боялись даже выглядывать в окна. Нигде не светился ни один огонек.

Аркады, портики, колонны.

Иногда встречались каменные здания в девять этажей.

Они походили на горы.

Ганелон взирал на такие здания изумленно.

Так же изумленно он обошел на какой-то темной площади каменный столп, под которым дурно пахло. Там наверху, торопливо объяснил Алипий, уже десять лет сидит святой человек. Он дал обет не сходить со столба, пока у неверных снова не будет отнят Иерусалим. Но, похоже, уже сегодня святого человека свергнут с его столпа.

Гордыня.

По каменной мостовой, громко звякая подковами, но не отдавая никаких команд, промчался отряд греческих всадников.

Ганелон и Алипий немедленно отступили в густую ночную тень.

Двухъярусный акведук. Совсем как в Риме.

Ганелон невольно осмотрелся: не видно ли где волчицы, оберегающей, но как бы иногда и оплакивающей Рим? Неужели и здесь, в пустыне гигантского выжженного города городов, скоро будет стоять и выть одинокая волчица, задрав к небу острую морду?

Волчицу он не увидел.

Зато в тени еще одного здания они наткнулись на зарубленного секирами человека. Он был огненно-рыжий, они хорошо увидели это в отсветах пожаров. Он, наверное, от кого-то убегал. Но Господь почему-то не дал ему убежать.

И увидел Ганелон грех.

И увидел Ганелон бесцельность ночного ужаса. И луну, в которой не было необходимости. И пламя пожаров, которые некому было тушить.

И бегущих в ужасе людей.

На какой-то площади они увидели асикрита, накрепко прикрученного веревками к столбу. Неизвестно, кто и за какой проступок привязал его к столбу. Несчастный призывно кричал, пытаясь обратить на себя внимание, но никто не останавливался, никто даже на мгновение не хотел задержаться, будто там, куда они бежали — к Харисийским воротам, к воротам святого Романа, к дворцу Пиги, к монастырю святой Марии, к Золотым воротам, к площади Тавра, в Филадельфию, — этого асикрита никакое утешение ждать не могло.

Ганелон был изумлен.

Только что пустые улицы вдруг заполнились бегущей толпой.

Будто невидимый взрыв вдруг выбросил людей на улицы, и они бросились бежать к дальним воротам, наверное, еще надеясь успеть выбраться из обреченного города. Успеть выбраться из поверженного города до того, как в дверях каждого дома возникнут вооруженные латиняне. Никто не хотел даже на мгновение остановиться перед привязанным к столбу асикритом, чтобы прервать его мучения хотя бы ударом ножа.

И увидел Ганелон ужаснувшегося ромея в льняном хитоне, в штанах из хорошей тонкой шерсти и в поясе, шитом золотом и украшенном инкрустациями. Сапоги на нем были с загнутыми носками, но красивый плащ порван в нескольких местах. Лицо ромея заливала кровь, но он бежал терпеливо и молча, ни разу не вскрикнув, ни разу не застонав. Зато конный латинянин-копейщик, гнавший ромея по улице, был радостно возбужден. Он, наверное, решил, что пленил самого епарха — главу города городов, но на самом деле, обманувшийся видом льняного хитона и штанов из хорошей шерсти, латинянин гнал перед собой всего лишь логофета, начальника совсем небольшого. Алипий, увидев такое, все равно застонал.

Ганелон подтолкнул Алипия:

— Торопись!

— Но ты ведь меня отпустишь? — простонал Алипий. — Отец Валезий сказал, что ты отпустишь меня.

Ганелон не ответил.

Далеко позади на берегу Золотого Рога все выше и выше поднималось в небо косматое пламя, подернутое тучами жирного дыма. В неверном колеблющемся свете Ганелон вдруг увидел каменные триумфальные ворота, в проеме которых молча стоял конный рыцарь.

Он стоял совершенно неподвижно, как статуя, устало опустив голову в квадратном металлическом шлеме, отставив влево поблескивающий железный локоть и упершись железной перчаткой в железное бедро. Забрало шлема было поднято, но Ганелон не видел лица. Просто тьма, закованная в железо.

Белая лошадь, покрытая белой попоной, стояла столь же неподвижно, столь же устало опустив белую голову к голым камням мостовой, только уши ее иногда бесшумно стригли ночной воздух.

В неясном лунном свете прямо над головой конного рыцаря на каменной арке триумфальных ворот Ганелон явственно различил надпись, сделанную по-гречески:

“Когда придет Огненный король, мы сами собой откроемся”.

Предсказание сбылось.

Огненный король пришел.

Пожар освещал всю Азию.

Великий пожар отбрасывал отсветы на Африку и Европу.

Есть много способов убивать людей.

В эту бесконечную ночь, освещенную луной и заревом бесчисленных пожаров, Ганелон и его печальный спутник везде видели смерть. Они бежали от нее, но они везде на нее натыкались. Они бежа-

ли от нее, но всюду слышали ее дыхание, ее вопли и стоны.

На улице Меса, где-то у церкви Святых Апостолов, у каменных амбаров-камаров, из-под стен которых густо несло разлитым вином, они увидели отбивающегося от нескольких тафуров рослого грека-священнослужителя. Грек был в сутане и отбивался от тафуров паникадиллом. Одних он, наверное, убил, по крайней мере, двое латинян валялись на мостовой, но остальные дружно шли на него сразу с трех сторон, пригнувшись, размахивая тяжелыми дубинами и зажав в руках короткие кинжалы.

Кровь.

Отсвет пожаров.

Дальние голоса — как гул прибоя.

Ганелон знал, что улица Меса, иначе Средняя, это как бы огромный распахнутый крест, на распахе которого стоят Милий и Харисийские ворота, а в основании еще одни ворота — Золотые.

Вероятно, по пути они пересекли площадь Августин. Ганелон хорошо запомнил каменную фигуру богини Августы над ночной площадьюю.

Еще он запомнил площадь, всю вымощенную мраморными плитами. Площадь показалась Ганелону адом. Некоторые люди даже не кричали, настолько велик был ужас перед ворвавшимися в город латинянами.

Наверное, это был форум Константина, потому что, миновав абсолютно пустой рынок булочников, Ганелон и Алипий почти сразу попали в печальную Долину слез, в лабиринт переулков и рядов, где всегда во все времена приезжие купцы торговали невольниками.

Бронзовая колонна с тремя обвившими ее основание змеями.

Гранитный обелиск, украшенный угловатыми вавилонскими письменами.

И снова колонна, за которой из тьмы возникла утрюмая фигура бронзового быка.

— В чреве таких быков сжигают преступников, — испуганно шепнул Алипий. — Идем быстрее. Не гляди на быка. В его чреве расположена специальная печь. Идем. Торопись. И не дай тебе Господь когда-нибудь попасть в руки императора ромеев. Он унижен и оскорблен.

Только под утро Алипий привел Ганелона в узкий переулочек, пропитанный запахами мочи и палых листьев. Под ногами густо чавкала грязь, дома вокруг резко возвысились.

— Теперь недалеко... — шепнул Алипий. — Мы пересекли город... Мы сбежали от латинян, но скоро они придут и сюда...

Запах мочи, палых листьев.

Грязь под ногами.

Отсвет пожаров..."

XVII—XIX

"...обжигающий легкие.

Там, где вчера вофры выслеживали краденых коней, аргиропраты следили, не торгуют ли драгоценностями женщины, кируллярии принюхивались, не пахнет ли от больших свечей бараньим или ка-

ким другим жиром, там, где совсем недавно ловкие акробаты совершали чудесные действия — бегали по корабельным мачтам и ходили по веревкам, натянутым от одного высокого этажа до другого, крутясь на колеблющейся веревке колесом и счастливо уклоняясь от копий, бросаемых друг в друга, там, где еще вчера ювелиры, кожевники, булочники и столяры дешево и дорого продавали камни и золото, кожи и мыло, овощи, ароматы, шелка, там, где сердитый эпарх разрешал оценивать золото лишь знающим ювелирам, а свинину закупать лишь специальным мясникам, там, где даже камни насквозь пропахли перцем, корицей, мускусом; амброй, алоэ, ладаном, там где еще вчера кипела вечная жизнь и человек выбирал человека, сейчас царила лишь ночь, потрясенная отсветами ужасных пожаров.

Птицы небесные, гордецы, легко взметающиеся в небо, в отчаянии шептал про себя Ганелон, смотрите, не вас ли несет бурей в огонь?

Рыбы жирные, в отчаянии шептал Ганелон. Рыбы, идущие в заливах косяками, разгуливающие свободно в ужасных морских зыбях, ищущие пропитания в водных пропастях, лишь смутно преломляющих недостаточный дневной свет, не вас ли ныне несет в огонь, ужасом и смертным страхом выталкивает из зыбей обнажающегося от жара залива?

Люди смертные, шептал в отчаянии Ганелон. Люди, бессмысленно радующиеся плотским наслаждениям, люди, близкие полевым скотам, срывающим губами траву, смотрите, не ваша ли ныне торжествует близкая смерть, о которой еще вчера никто из вас не хотел думать?

Ганелон знал: смерть — это изменение.

Смерть уничтожает в живом существе все, что раньше в нем было.

Заодно смерть иногда уничтожает зло.

Ганелон шел сквозь ночь, как через саму смерть. Он шел сквозь ее жадное и жаркое дыхание, сквозь ее манящие и пугающие сполохи. Он знал: эта ночь к добру, все зло в городе городов скоро будет уничтожено, как уничтожались на ночных улицах проклятые грифоны, когда-то отколовшиеся от истинной церкви.

Ганелона бросало то в жар, то в холод.

Время от времени он тщетно пытался снять ладонью тонкую паутину, вдруг застилавшую глаза.

Я настиг зло, шептал он себе. Я накажу зло. Я склоню Амансульту к раскаянию. Душа Амансульты будет спасена.

— Это здесь.

Ганелон остановился.

Наверное, они были уже на окраине Константинополя, по крайней мере, шум отдаленного сражения еще не доносился сюда. Алипий, держа полу длинного испачканного грязью плаща в левой руке, правой ткнул в крепкую дубовую дверь, врезанную в каменную стену.

— Стукни пять раз, потом еще два раза, — негромко подсказал он Ганелону. — Потом подожди и стукни еще три раза. Если никто не откликнется на твой стук, тогда повтори все сначала. — И спросил: — Теперь я могу уйти?

— Подожди, — мрачно ответил Ганелон. — Я ведь могу не найти того, кто мне нужен.

— Кого-нибудь ты обязательно найдешь, — прошептал грек. — А дальше я дорогу не знаю. Ее знает только тот, кого ты найдешь в этом доме. Кого бы ты тут ни нашел, он должен знать дорогу. Теперь я могу уйти?

— Нет, — ответил Ганелон. — Подожди меня здесь. И помни, я очень упорен. Если ты уйдешь, грифон, не дождавшись меня, я накажу тебя, если даже для этого мне придется еще раз пройти сквозь горящий Константинополь.

Алипий неохотно кивнул.

— Я подожду. — И добавил: — У меня нет оружия.

— Оружия тебе не надо. Просто жди. Если кто-то появится, отступи в тень и затаись, а потом как-нибудь дай знать мне. Появится латинянин или ромей, это все равно. Я не хочу, чтобы пока я нахожусь в доме, в него входил кто-то еще, кроме меня.

Грек снова кивнул.

Ганелон пять раз, потом еще три, ударил в дверь кулаком.

Никто не ответил.

Он повторил удары.

За дверью послышались старческие шлепающие шаги и неясное бормотание.

— Я иду, не стучи... — расслышал Ганелон старческий голос. — Я тебя слышу, будь терпелив... Я уже иду, не стучи... Ты тоже не всегда бываешь скор на ногу, Берри, поэтому не торопи и меня...

Ганелон задрожал.

Великою своею милостью Господь предавал ему в руки не кого-нибудь, а мага из Вавилонии старика Сифа, прозванного в Риме Триболо — Истязателем. Ганелон сразу узнал его голос.

Так же сразу он узнал и морщинистое лицо, ясно освещенное масляным светильником, который старик держал высоко над головой.

— Кто ты? — удивленно спросил старик.

Ганелон кулаком оттолкнул старика в глубину комнаты, вошел и плотно притворил за собой дверь.

Ты не нашел, старик, тайну великого эликсира, подумал Ганелон с некоторым сожалением, внимательно всматриваясь в лицо Сифа. Твоя кожа высохла, как плохо выделанная овчина, вены на руках вздулись. Ты стал меньше ростом. Тайные книги не помогли тебе, старик, а нечистое золото явно повредило здоровью. Ты хромаешь, и зубы у тебя редкие, как выщербленная пила. Известно всем ученым людям, что обмен веществ изнашивает материю.

— Иди вперед, — негромко приказал Ганелон. — И иди тихо.

Они молча поднялись по такой узкой и крутой лестнице, что иногда Ганелон видел перед собой только голые черные пятки старика.

Такую лестницу, подумал он, легко может оборонять от целого отряда всего один воин с кинжалом в руке.

Но такого воина в доме, кажется, не было.

— Теперь остановись, — негромко приказал Ганелон, когда они оказались в неосвещенной комнате с приоткрытой дверью, ведущей еще в одну ком-

нату, из которой падала ровная полоска света.

Старик послушно остановился.

Он все еще не узнавал Ганелона.

Крепко ухватив старика за плечо, Ганелон прислушался.

— Построй, мой друг, храм из камня, схожего с алебастром...

Неясное бормотание доносилось из-за неприкрытой двери в освещенную комнату. Размеренный и бесстрастный голос никак не вязался с горящим Константинополем.

— Храм этот велик, он не имеет ни начала, ни конца... Помести внутри храма источник самой чистой воды... Помни, что проникнуть в храм можно только с мечом в руке, и вход в храм узок, и всегда охраняется тем драконом, которого следует убить...

“Которого следует убить...” — повторил про себя Ганелон и шепнул в ухо старика:

— Не вздумай кричать. Я проткну тебя кинжалом быстрее, чем ты выговоришь хотя бы слово.

Старик кивнул.

Этот кивок мог означать лишь одно: старик все понимает.

— Соедини мясо и кости дракона воедино и построй пьедестал... Найди в указанном храме то, что ищешь, и торопись, ибо жрец, этот медный человек, что сидит у источника, постоянно меняется в своей природе, постепенно превращаясь в серебряного человека... А со временем, если ты того пожелаешь, он может превратиться в золотого...

Кости и мясо дракона.

Медный человек, сидящий у источника.

Серебряный человек, превращающийся в золотого.

Волна внезапного гнева захлестнула Ганелона.

Боль и гнев, бурно смешиваясь, причинили ему ужасное, почти непереносимое страдание.

В бездне мирской греховной тону я, ужаснулся он. Придавлен грузом ужасных грехов я, тяжело мне. Так много нарушил заветов, что только победа может меня спасти. Странные рыбы летят надо мной, смущая дух, странные серебристые рыбы летят надо мной, оторванные зловонным дыханием прыгнувшего ихневмона. Сам воздух горчит, отравленный дьявольской литургией.

Ганелон чувствовал: в этом доме все греховно, все пропитано смертным грехом, страшным грехом, грехом непомерной гордыни.

Сердце Ганелона, как расплавленным свинцом, наливалось ненавистью, серые мухи все гуще и гуще роились перед глазами, мешали видеть, будто он попал в какой-то тягучий туман.

Ганелон втолкнул старика в освещенную светильниками комнату и сам шагнул вслед за ним.

Потолок комнаты оказался низким.

За просторным деревянным столом с разложенными на нем многочисленными развернутыми свитками сидел чернородый катар, тот самый, которого в Риме в подвале у Вороньей бойни старик Сиф называл Матезиусом. Матезиус водил правой рукой по строкам развернутого свитка, и Ганелон сразу увидел, что указательный палец на правой руке чер-

нобородого отсутствует.

В большом очаге у стены чуть теплился огонь.

Ганелон слишком хорошо помнил все случившееся с ним в подвале у Вороньей бойни, он не хотел, чтобы что-нибудь подобное случилось с ним сейчас. Выступив из-за спины старика, он сразу ударил чернородого катара Матезиуса милосердником.

Катар упал лицом на свиток.

— Ты убил его, — обреченно произнес Сиф.

— Святая римская церковь карает отступников.

— Но Святая римская церковь не должна проливать человеческую кровь. Так говорит сам папа.

— Я не уверен, что в жилах этого отступника текла человеческая кровь.

— Но ты вытираешь кинжал, а на нем явственные следы крови.

— Я не знаю, кровь ли это?

Старик побледнел.

Он понял смысл сказанного.

— Сделай так, чтобы я умирал недолго, — попросил он. — Ведь ты знаешь, как это сделать.

Ганелон знал, как это сделать, но он искал Амансульту.

Тело Амансульты отмечено знаком дьявола, помнил он. Амансульты не должна умереть, не рассказавшись. Он, Ганелон, проделал большой путь. Господь милостив, Ганелон поможет Амансульте.

— Я все сделаю так, как ты просишь, старик, — медленно произнес Ганелон. — Но прежде ты отведешь меня к своей госпоже. Ведь тайные книги

хранятся у нее, у твоей госпожи, это так?

Старик Сиф безнадежно кивнул.

Человек, который познал тайну философского камня, не может кивать так безнадежно.

Ганелон усмехнулся.

Он спросил:

— Это далеко?

— Это у Золотых врат.

— Ладно, — сказал Ганелон. — Идем.

Горбясь, прихрамывая, но ни разу не оступившись, старик медленно спускался по узкой лесенке, и на каждой ступеньке Ганелон испытывал острое желание ударить кинжалом под одну из выпирающих под плащом лопаток старика.

Но он сдержал себя.

— А ты, грифон, можешь идти, — сказал он на улице терпеливо ожидавшему его Алипию. — Теперь ты можешь идти... Ты сделал дело..."

ЭПИЛЕГЕМОНЫ. ДОПОЛНЕНИЯ

Когда душа моя сбросила тело, когда познала, что тело мертво, затрепетала она в сознании греховности своей и не знала, что делать.

Она страшилась, но чего страшилась, не ведала.

Хотела вернуться к своему телу, но не могла войти в него, хотела удалиться в другое место, но всюду робела. И так несчастнейшая колебалась душа, осознавая вину свою, ни на что не надеясь, разве только на божье милосердие.

После того, как долго она металась, плача, рыдая и дрожа, и не знала, что делать, узрела она вдруг такое большое множество приближающихся к ней нечистых духов, что не только заполнили они весь дом и палату, в которой лежало мертвое тело, но и во всем городе не оказалось улицы и площади, которая не оказалась бы полна ими. Окружив несчастную, они старались не утешать ее, но еще больше огорчать, повторяя: "Споем этой несчастной заслуженную песнь смерти, ибо она дочь смерти и пища огня неугасимого, возлюбившая тьму, ненавистница света.

И все обратились против нее, скрежетали на нее зубами и собственными черными ногтями терзали щеки: "Вот, нечестивая, тот народ, избранный тобою, с которым сойдешь ты для сожжения в самую глубину преисподней. Пи-

тательница раздоров, любительница распрей, зачем ты не чванишься? Почему не прелюбодействуешь резво? Почему не блудодействуешь? Где суета твоя и суетная веселость? Где смех твой неумеренный? Где смелость твоя, с которой нападала ты на многих? Что же теперь, как бывало, ты не мигаешь глазами, не топаешь ногой, не тычешь перстом, не замышляешь зла в развращенности своей?"

Испуганная этим и тому подобным, ничего не могла несчастная сделать, разве только плакать, ожидая окончательной смерти, грозившей ей от всех окруживших ее.

Но тот, кто никогда не хочет бессмысленной смерти грешника, тот, кто один только может дать исцеление после смерти, Господь всемогущий, жалостливый и милосердный, сокровенным решением своим все направляющий ко благу, по высокому желанию своему смягчил и эту напасть.

XX

"...миновали крошечную церковь. Через ее приоткрытую дверь нежно лился свет лампы.

Каменные пристройки.

Высокий забор.

Низкие службы.

Вилла, таинственно спрятавшаяся в густом саду за церковь, показалась Ганелону очень обширной.

Такой она и оказалась.

Над портиком длинного дома, одноэтажного, уто-

пающего дальним невидимым своим крылом во тьме густого ночного сада, высокими латинскими буквами было начертано:

LOCUS IN QUO...

МЕСТО, В КОТОРОМ...

Ганелон замер.

Невнятный гул, отсветы ужасных пожаров, почти неразличимые шепоты отдаленной битвы, как эхо гнева, почти не докатывались сюда, в место со столь странным названием.

LOCUS IN QUO...

МЕСТО, В КОТОРОМ...

Пытаясь унять холодок, больно сжимающий томящееся сердце, Ганелон сказал старику:

— Теперь ты знаешь, как упорно я делаю свое дело. Терпеливо жди меня здесь у входа. Если ты уйдешь, тебя убьют латиняне. Если ты уйдешь, ты уже никогда не увидишь свою госпожу.

— А я ее увижу? — спросил старик Сиф, будто он был не Триболо-Истязатель, а истинный праведный паладин, надеющийся на встречу с Прекрасной Дамой.

Ганелон усмехнулся.

— Почему ты смеешься? — спросил старик.

Ганелон не ответил.

Его одновременно душили смех и жгучая ненависть, великий гнев и печальная радость.

Ложная подруга.

Он подумал так об Амансульте.

Перивлепт.

Восхитительная.

Но и это, наверное, ложь, подумал он. Ложь, как все, что окружает в этом мире Амансульту.

Он скрипнул зубами.

Его бывшую госпожу могли воспевать труверы, за нее могли сражаться на турнирах благородные рыцари, она могла радушно принимать многочисленных гостей в своем родовом замке, жертвовать золото храмам, радеть нищим и убогим, но, как всякая ложная подруга, она избрала иной путь, путь, который ведет только вниз, — извилистый мерзкий путь, всегда пролегающий в ночи и тайно. Возможно, присутствие Амансульты и могло освещать, но ее присутствие лишало окружающих Бога.

Ложная подруга, повторил про себя Ганелон.

Серые мухи снова возникли перед его глазами.

А может, не мухи, а неясные блики и таинственные тени, неожиданно отражаемые глазурованными изразцами, которыми были покрыты стены. А может, не мухи, а отсветы отдаленных пожаров, бездушно и молчаливо играющие на гладком мраморном полу, действительно гладком, как поверхность самого гладкого, самого зеркального льда.

МЕСТО, В КОТОРОМ...

Ганелон сжал зубы.

“Я разыскал логово зла.

Брат Одо сказал: когда ты разыщешь логово зла, ты можешь поступать так, как тебе покажется правильным, брат Ганелон. Ты обязан вернуть Святой римской церкви старинные книги и золото, все это должно принадлежать церкви. Во всем остальном, брат Ганелон, ты можешь поступать так, как тебе покажется правильным. И да будет водить твоею рукой Господь!”

Ганелон знал: сейчас пройдет минута или две, и он увидит перед собой прекрасные глаза Аман-

сульты, как всегда, полные холода и презрения. Они опять будут смотреть на него, как на некую разновидность жабы или ящерицы. Они будут обдавать его ледяным холодом, но он знает, он знает, он знает — он нашел, наконец, логово зла, он настиг, наконец, носительницу зла, он нашел, наконец, то зло, что, отрицая милость божью, отняло у него, у Ганелона, все, чем он мог владеть, случись ему жить иначе, то зло, которое гнало его по свету, заставив отречься от всего, чем он мог владеть.

Грех!

Тяжкий грех!

Остановись, Ганелон, сказал он себе и, весь дрожа от нетерпения, застыл в узком каменном переходе.

Заспанный служка в белом коротком хитоне, заправленном в белые штаны, в легких сандалиях, крест-накрест перевязанных сыромятными ремешками, изумленно выступил из-за мраморной колонны. Служка поднял руку, будто желая остановить Ганелона. Может, он даже и не хотел его останавливать, но он невольно встал между Ганелоном и найденным им злом, и Ганелон, не думая, ударил служку кинжалом.

Вытерев окровавленный клинок о белый хитон упавшего на пол еретика, Ганелон медленно двинулся сквозь анфиладу огромных комнат — сквозь отсветы чудовищного далекого пожара, застилавшего небо города городов, сквозь неясные шорохи, сквозь странную тишину.

Все двери были настежь распахнуты, будто указывали Ганелону путь.

Самая последняя вывела его на террасу.

Сложный фонтан — много мраморных круглых

чаш, поставленных одна на другую, каждая все меньшего и меньшего размера, — негромко журчал в темной ночи. Журчал легко и печально.

Всю заднюю стену террасы украшала мозаичная, выполненная на белом мраморе, картина мира — бесконечного, во многом узнанного, но никем еще до конца не изученного.

Сжатый кулак Кипра, длинным перстом указывающий в сторону Антиохии.

Пелопоннес.

Фесалоникские мысы.

Земли фракийцев и оптиматов.

Понт Эвксинский, омывающий Пафлагонию и берега Халдии.

Наконец, прихотливый Рукав Святого Георгия, озаренный заревом горящего Константинополя...

Единственная дверь, ведущая с террасы еще в одну комнату, в ту самую, наверное, в которую хотел попасть Ганелон, оказалась запертой изнутри.

Но разве может даже самая крепкая дверь противостоять праведному гневу?"

XXI

"...и языческая картина, на которой изображалось, каким образом некогда божественный Юпитер пролил золотой дождь в греховное лоно Данаи, обманув несчастную.

Драпировка, нежная и золотистая, будто вечернее небо, когда его освещают последние солнечные лучи.

Алый густой ковер, мягко проминающийся под ногами.

Высокое стрельчатое, уходящее под самый потолок окно, за которым то гасло, то вновь разгоралось далекое зарево.

Камин, украшенный голубыми глазурованными изразцами.

В камине дымился широкий глиняный горшок, отдавая запахом загадочных благовоний.

Ложная подруга!

Ганелон в гневе ударил кинжалом по глиняному горшку. Он рассыпался, и из камина вырвалось, шипя, облако пара.

Ганелон отшатнулся.

Перивлепт.

Восхитительная.

Шелковая ночная рубашка на Амансульте была так тонка, так прозрачна, что казалась сотканной из бесчисленных невидимых паутинок.

Зарывав, Ганелон рванул рубашку, одновременно другой рукой повалив вскрикнувшую Амансульту на низкое, устланное белыми льняными покрывалами ложе.

Упала на пол и распахнулась старинная шкапулка, инкрустированная серебром и слоновой костью. Как капли ртути, покатались по алому ковру крупные, тревожно мерцающие жемчужины.

Амансульты не сопротивлялась.

Ее глаза не выражали отчаяния.

В ее глазах стояло безмерное изумление. Она глядела Ганелону в лицо, и он не понимал, почему она не кричит, не зовет на помощь, не сопротивляется:

“Где ты, Гай, там я, Гайя”.

С лихорадочным нетерпением он сдирал с Амансульты рубашку.

Знак!

Где знак?

Где ужасный ведьмин знак, отметка дьявола, темное странное пятно, похожее на отпечаток лягушечьей лапки?

Ганелон знал, он много раз слышал об этом от старой служанки Хильдегунды: дьявольское пятно должно прятаться под левой грудью Амансульты. Так говорила старая Хильдегунда, а ведь она, а не кто-то другой, купала маленькую Амансульту. Она не могла не увидеть и не запомнить знак столь явственный, знак столь очевидный.

Ганелон сорвал с Амансульты рубашку, и волшебная нагота Амансульты ослепила его.

Он видел круглые груди. Они тяжело вздымались от дыхания. Темные сосцы как бы запеклись.

Но серебристая кожа Амансульты светилась.

Так светится сам по себе осенний накат в море, когда в воде цветут мириады мелких, почти неразличимых обычным глазом морских существ, так светятся на корабельных реях таинственные огни, которые во всех частях света зовут огнями святого Эльма. Так светятся жемчужины, которые долго касались живого теплого тела.

Свет Амансульты был притягателен и страшен, как отсветы ужасного пожара над городом городов.

Ведьмин знак!

Ганелон застонал от разочарования.

Он увидел темное пятно, действительно похожее очертаниями на лягушечью лапку. Он знал об этом пятне, он много раз слышал о нем, но втайне, оказывается, он надеялся не найти его.

Но пятно было!

Левой рукой Ганелон заломил за спину Амансульты ее слабые, не оказывающие никакого сопротивления руки, а правой, узким кончиком милосердника, ткнул прямо в пятно.

Амансульты не вздрогнула.

Она лежала под Ганелоном, как ледяная статуя.

Ее глаза смотрели прямо на Ганелона и были как две звезды в морозную ночь.

Как две звезды, источающие презрение и брезгливость, с отчаянием подумал Ганелон. Так смотрят на насекомое, которое не может причинить тебе вред, но отвратительно тебе всей своей сущностью.

Двумя короткими движениями, не давая Амансульты опомниться и вырваться, Ганелон кончиком милосердника начертал святой крест на ее обнаженной левой груди.

Только теперь Амансульты застонала.

Он почти не видел ее.

Ее нагота ослепила Ганелона.

Уронив милосердник на алый ковер, на котором остались невидимыми упавшие на него капли крови, он всем своим тяжелым телом, вдруг ставшим горячим и потным, навалился на застонавшую Амансульту. Он не понимал, что он делает. Он был ослеплен сиянием ее тела. Пересохшими губами он упорно ловил ее сухие, ненавидящие, стремительно уклоняющиеся от него губы.

Ему пришлось дважды ударить Амансульту, только тогда ее губы оказались, наконец, под его губами.

Ужас переполнял Ганелона.

Он не нуждался ни в чем, он не нуждался ни в голосе, ни в едином движении Амансульты. Он про-

сто проваливался в мрачную мертвую бездну, сто-
нал и хрипел, и хотел проваливаться еще глубже —
в самую тьму, в крошечный мрак, в ужасное ледя-
ное молчание морозной ночи, не дающее никаких
откликов, никаких отсветов или бликов, на самое
дно тьмы и ужаса. Туда, откуда никто никогда не
всплывает.

Ганелон рычал и хрипел.

Слезы лились из его глаз, теперь окутанных пе-
леной так, будто на голову ему накинули платок.

— За что ты яришься на сломанный трост-
ник? — одними губами в отчаянии выдохнула
Амансульта, когда он, отхрипев, упал, наконец, ще-
кой на ее окровавленные груди.

Он не ответил.

Все еще вздрагивая, он, как животное, сполз с
низкого ложа на алый мягкий ковер.

Схватив милосердник, он с силой вогнал его в
крышку деревянного столика.

Кинжал встал перед Ганелоном, как крест.

Это и был святой крест, перед которым, не обра-
щая больше внимания на Амансульту, он упал на
колени.

Из бездны...

Из бездны взываю к тебе, о, Господи!

Ганелон знал, Господь его услышит. Он знал,
Господь поймет его боль, увидит его слезы, теку-
щие из невидящих глаз.

Он простит.

Ты же видишь, молил Ганелон. Ты же видишь,
как я страдаю. Ты же видишь самые сокровенные
движения моей души. Я ничего не таю от тебя.

Все это время Амансульта смотрела на Ганелона.
Распластанная на низком оскверненном ложе,

как серебряная рыба, выдернутая из родной стихии жадным рыбарем и брошенная на сковороду, она даже не изменила позы.

Она лежала так, как он ее оставил.

— Убей меня, — выдохнули ее губы.

Ганелон медленно встал.

Он плакал.

— Тебя и так скоро убьют, — сказал он плача. — Скоро сюда войдут воины Виллардуэна.

Он не знал, почему его губы произнесли имя маршала Шампанского, почему он назвал именно Виллардуэна, а не маршала Монферратского, или графа Фландрского или имя престарелого дожа Венеции.

Он ослеп.

Он забыл, зачем он здесь.

Плача, он брел по анфиладе пустых комнат, освещенных лишь заревом, все выше поднимающимся за окнами.

Плача, он шел, повторяя одни и те же слова:

— Скоро здесь будут воины Виллардуэна.

— Сиф! — во весь голос крикнул он, выйдя в сад. — Где ты, старый мерзкий колдун?

Никто не откликнулся.

Ганелон медленно обошел каменную колонну. Он даже заглянул под пустой портик.

Зло не хотело умирать.

Зло ушло, уведя с собой старика Сифа.

Плача, Ганелон поднял голову.

Латинские буквы на портике слабо отсвечивали.

Как серебристая кожа Амансульты.

LOCUS IN QUO...

часть пятая

ВВЕДИ ЖЕ НАС В РАЙ, ГОСПОДИ! 1208

II

«...**П**равителю мрака Сатане, обитающему в глубине преисподней и всегда окруженному легионом дьяволов, удалось сделать отступника черного барона Теодульфа голосом своим на земле, рукой своей на земле, жадным сыном бахвальства, стяжательства и их сестер — алчности и безмерной наглости.

Да ниспошлет Господь на него слепоту и безумие, да разверзнутся небеса и поразят его громом и молнией.

Да падет на него гнев Всемогущего и святых Петра и Павла. Пусть проклянет его всяк входящий и выходящий.

Да будет прокляты пища его и все его добро, и псы, охраняющие его, и петухи, для него поющие.

Да никто не посмеет подать ему воды и дать место у очага.

Пусть постигнет его судьба Датана и Аверросса.

Пусть ад поглотит его живым, как Анания и Сапфира, оболгавших Господа. И пусть будет наказан он, как Пилат и Иуда, предатели Господа.

Да падет на него проклятие Девы Марии и всех святых, да постигнут его страшнейшие пытки в аду, как отступника, богохульника и хулителя церкви.

Пусть вся Вселенная встанет на него войной.

Пусть разверзнется и поглотит его земля и даже имя его навсегда исчезнет с лица Вселенной. Пусть все и вся объявят ему войну. Пусть стихия и люди заодно восстанут против него и уничтожат. Пусть жилище его превратится в гибельную пустыню. Пусть святые еще при жизни помутят ему его слабый разум, и пусть ангелы сразу после смерти препроводят его черную душу во владения Сатаны, где дьяволы, несмотря на заключенное с ним соглашение, будут жестоко истязать его за содеянные им преступления.

Пусть Всемогущий и все святые шлют вечное проклятие наместнику Сатаны черному барону Теодульфу, подобное тому, каким был проклят Иуда Искариот и Юлиан Отступник.

Пусть погибнут все сторонники антихриста черного барона Теодульфа, как погибли язычники Диоклетиан и Нерон.

Да будут сочтены его дни и достойны всяческого сожаления. Пусть обрушатся на него все возможные невзгоды и голод, пусть поразит его чума, проказа и другие болезни.

Да будет проклят весь его отступнический род по седьмое колено. Да не поможет ему молитва, не снизойдет на него благословение. Пусть будет проклято любое место, где он живет, и то, куда он поедет.

Проклятие всем, кто не признает сию анафему!

Пусть преследует их это проклятие днем и ночью, всечасно, всеминутно, едят ли они или переваривают пищу, бодрствуют ли они или спят, разговаривают или молчат.

И проклятие плоти их от темени до ногтей на ногах.

Пусть оглохнут они и ослепнут, пусть поразит их вечная немота, пусть отнимутся у них руки и ноги, пусть преследует их проклятие, сидят они, стоят или лежат.

Проклятие отныне и во веки веков, до второго пришествия!

Пусть сдохнет, как скот, отступник черный барон Теодульф, владетель Проценты, клятвопреступник и богохульник, продавший душу дьяволу.

Пусть волки растерзают его смрадный труп.

Пусть вечно сопутствует ему только сам Сатана и его мерзкие черные ангелы.

Аминь!"

III—V

“...может, и не стоит полагаться на свидетельство доброй женщины, но в Дом бессребреников она пришла сама.

Ганелон дал доброй женщине монету, и она смиренно спрятала монету в широкий рукав, где заодно хранила немного пищи.

После этого Ганелон разрешил доброй женщине сказать правду.

Пол коридора перед кельей Ганелона был мелко посыпан золой. Зола рано утром не была отмечена ничьим следом, значит, дьявол в эту ночь не являлся. А вообще в последнее время дьявол сильно досаждал Ганелону. Он то лаял за окном, как лисица, то толкал под руку так, что вырывалась из рук и падала на пол, разбиваясь на множество осколков, глиняная чашка, то просто, смеясь над Ганелоном, гасил ночник, мешал вчитываться в выцветшие свитки, куда-то прятал молитвенник и даже распевал под крошечным окошечком кельи нелепые похабные песни, всегда оставляя в воздухе после себя дурной нехороший запах. Однажды, проявляя бдительность, Ганелон уловил появление дьявола даже в будке исповедальни, где дьявол, лукавя и хитря, попытался принять облик духовника. Он даже успел нашептать на ухо Ганелону некоторое количество богохульных слов, но Ганелон вовремя спохватился.

— Да будет с нами Господь и Матерь Божия, — сказал он.

Добрая женщина смиренно признала:

— Аминь.

В общем, Ганелон заранее знал, что ему расскажет добрая женщина. Только иногда случалось так, что она приносила новости, еще неизвестные Ганелону. Но ради этих редких удач Ганелон терпеливо выслушивал то, о чем уже хорошо знал от других добрых католиков, часто, как и добрая женщина, навещавших его в Доме бессребреников.

Страшную анафему отступнику черному барону Теодульфу провозглашают в каждой церкви. Так сказала добрая женщина, и Ганелон согласно кивнул. Имя отступника графа Раймонда IV Тулузского проклинает каждый житель Лангедока. Это было не совсем так, но Ганелон и в этот раз согласно кивнул. Блаженные святые отцы, благословленные римским апостоликом и только ему лично отчитывающиеся в своих деяниях, неустанно и яростно взывают к каждой доброй душе: “Опомнитесь! Дело Господа в опасности! Смрадные еретики затопили Лангедок ложью!” Это вполне соответствовало истине, но Ганелон знал о словах и деяниях святых отцов гораздо больше, чем любая добрая женщина, искренне желающая помочь делу Святой римской церкви.

Ганелон перекрестился.

Разве не правы в своей неукротимой ярости, направленной против еретиков, блаженные святые? Разве не сказал Иисус: “Тот же, кто не пребудет во Мне, уподобится ветви, которая отброшена и умирает. Мертвые же ветви подбирают, бросают в костер и сжигают”?

Неистовый гнев святых отцов праведен и угоден Господу.

В городке Барре на глазах Ганелона жестоко избили палкой клирика, тайком счищавшего святые тексты с церковных пергаментов. Нечестивый делал из них малые псалтыри на продажу.

Там же в Барре на глазах Ганелона некоего молодого богомаза, богохульно изобразившего Христа, сожгли на костре. Христос был изображен в мандорле — в вечном сиянии. Но само это сияние, написанное богохульным богомазом, было мелким и тусклым, а его формы неверны. Изображение смущало простых людей и даже священнослужителей приводило к неверным мыслям.

Там же в Барре на глазах Ганелона вершился суд над целой группой тряпичников-катаров, говоривших о близости царства Божия. Кому дано вслух сказать: “Смотрите, вот придет царствие Божие”? — в неистовом, но праведном гневе возопили блаженные святые. Даже дьяволу, при всей его силе, не дано знать будущего. Знай дьявол прошлое и настоящее, да знай он будущее! — чем бы тогда его знания отличались от знания Бога?

За ересь отлучают даже епископов, жестоко побивают клириков, судят отступников. Папу, наместника Бога на Земле, все должны называть по всей форме — апостоликом римским, великим понтификом, царем царей, владыкой владык, священником во веки веков по чину Мельхиседека.

“Как можно чаще употребляйте против еретиков духовный меч отлучения!” — так призывают святые отцы.

Но, Господи, как трудно разить отступников и врагов церкви только мечом духовным!

Темным еретикам и многочисленным отступникам, что отовсюду стекаются в Лангедок, покровительствует могущественный граф Раймонд Тулузский.

Безнравственные оргии в замках, забвение святых служб, вольные богохульные беседы с магами и колдунами, бежавшими в Лангедок, в новое пристанище еретиков, из сожженного Константинополя — черная душа графа Раймонда Тулузского давно изъязвлена неверием.

Рассказывая о черном графе, добрая женщина, посетившая брата Ганелона, плевалась, тряслась, поводила левым плечом, цокала языком и подмигивала, и время от времени вся, с головы до ног, ревностно передергивалась, мелко и часто крестясь:

— Граф Тулузский не прибегает к советам священнослужителей.. Он богохульник... Он бесчестных девиц называет сестрицами... Он привечает грязных бродяг, поющих богохульные катарские вирши... Он сам слушает всяческое безнравственное пение... Он пьет вино и в будни и в светлое воскресенье... Даже в скоромные дни он затевает танцы, и песнопения, и игру в кости... Граф Тулузский пьет за здоровье сатаны, все знают... Он заставляет называть себя блаженнейшим... Его нечестивые люди ловят на дорогах священнослужителей, насильно поят их крепким вином и насильно отдают в руки развратных служанок и экономок... — Глаза доброй женщины пронзительно вспыхивали. — Та-

кие, как граф Тулузский, в городе городов Константинополе облачались в плащи с пурпурной каймой... На головы лошадей они надевали головные уборы, крытые тонким полотном, подвязывали им челюсти богатыми лентами из белого льна... — Добрая женщина, мелко крестясь, понижала голос: — И много чего делали в городе городов такие, как граф Тулузский... — И подмигивала. — Они протягивали руки к имуществу церкви... Они разбивали ризницы, присваивали себе святыни... Они похитили из церкви, которую в городе городов называют Святой, два куска от креста Господня, каждый толщиной в человеческую ногу, и железный наконечник от копья, которым прободен был наш Господь в бок, и два гвоздя, которыми были прибиты его руки... Говорят, что богохульник граф Тулузский прячет в своем замке тунику, в которую был одет Иисус и которую сорвали с него, когда вели на Голгофу... И благословенный мученический венец, которым Иисус был коронован, где каждая колючка, как железное шило...

Добрая женщина заламывала руки, от благородного рвения в уголках ее бледного узкого рта выступила пена.

— А еще говорят, что в известном замке Процинта богохульник и отступник черный барон Теодульф похваляется частью одеяния Святой Девы, захваченной им в городе городов... Из земли сарацинов тот же черный барон привез богомерзких уродцев, он учит их вести церковные службы и при этом смеется... Весь род отступника черного баро-

на Теодульфа ныне проклят Святой римской церковью... Известно, что еще предки черного барона Теодульфа служили слуге Сатаны королю варваров Теодориху... Этот сатанинский король умел пускать изо рта огонь, а сразу после смерти провалился в ад, все знают... Проклятый Святой римской церковью богохульник и отступник черный барон Теодульф не унимается... Он грабит святые монастыри, он отбирает у смиренной братии старое вино и церковную посуду... А дочь черного барона Теодульфа тоже была ведьма, все знают... Ее прозвали Кастеллоза, Замковая... Под ее левой грудью у нее была дьявольская отметка — темное пятно в виде лягушечьей лапки... Ни одна корова в округе не доились, когда нагая ведьма Кастеллоза купалась в прудах под кривой башней Гонэ, давно всем известных как место игр дьявольских... Еще говорят, что ведьма Амансульта приносила в жертву некрещенных детей, варила и поедала человеческие члены... Все знают... — Добрая женщина задохнулась от ужаса: — Чур меня, чур!

— Аминь, — остановил ее Ганелон, косящим глазом разглядывая распятие. — Разве тебе неизвестно, что случилось с той, кого ты назвала Кастеллозой?

Добрая женщина охотно ответила:

— Говорят, эта ведьма бежала от наказания в край магов и сарацинов, все знают... Еще говорят, что ведьму Амансульту, дочь черного барона, зарезали в городе городов... И говорят, что это было нелегко сделать... — И вздохнула: — Все знают. — И доба-

вила, пряча пронзительные глаза под черный платок: — Я с правдой пришла. Буду ли я услышана?

Ганелон кивнул.

Ободренная женщина сказала:

— Совсем недавно богохульник черный барон Теодульф в неслыханном своем разврате приказал поймать меня, будто я зверь, будто во мне не божья душа... Трое суток пряталась я в лесу и боялась света... Я стала, как птица ночная, пока не пробралась тайными тропами к благославленному Дому бессребреников... Черный барон Теодульф грозитя поймать меня, вымазать медом и привязать к дереву на солнечной поляне совсем нагую, чтобы всякое жалящее и кусающее насекомое летело и ползло на меня... Разве можно так угрожать доброй христианке, чистой душой и ревливой в вере?..

Ганелон согласно кивнул.

На Аппской дороге он сам однажды оказался случайно среди полупьяных веселых всадников, сбивших с него шапку и столкнувших в канаву. На огромном жилистом жеребце грузно возвышался барон Теодульф. Его единственный левый глаз, явственно затронутый безумием, сверкал, как фонарь в ночи.

“Грязная собака, грязный монах! — крикнул он, хлестнув Ганелона плетью. — Презренный пес! Если ты, грязная собака, еще раз хоть одной ногой ступишь на мою землю, я велю сжечь тебя!”

И каждый, кто был при пьяном бароне, смеясь, ударил Ганелона плетью или хотя бы плюнул в него.

Господь милостив.

Ганелон знал, земля велика. Он знал, что земля, может, даже кругла, как о том иногда говорят, но грех — он везде грех.

Чистые душой блаженные святые отцы призывают беспощадно преследовать любой грех, беспощадно истреблять носителей греха.

Склонив голову, Ганелон печально слушал добрую женщину.

Она много ходит, слушал он. У нее сильные ноги. Ее глаза широко открыты. Они видят грех и при свете солнца и ночью. Она крепка и непоколебима в вере. Она лично исповедовалась строгому отцу Валезию, и тот отпустил ее невинные грехи, пожелав ей и впредь держать уши и глаза широко открытыми. Она останавливалась недавно при монастыре Барре. Это странное место, его наводнили демоны. Это опасное место. Говорят, там монах по имени Викентий переписывает книги, не одобряемые отцами церкви. Все знают. Туда часто приходят тряпичники и тиссераны. Говорят, там ученая женщина, недавно пришедшая в Барре из Германии, имя ее сестра Анезия, проповедует будущее. У нее коричневое, как у сарацина, лицо. С аналая в трапезной монастыря так называемая сестра Анезия тешит глупых монахов всяческими глупыми сказками о самых бесстыдных вещах и столь же бесстыдно утверждает, что якобы ей одной открыто и доступно то, что для других закрыто.

Добрая женщина задыхнулась:

— Я с правдой пришла, брат Ганелон. Все знают. Я ревностно служила и служу Делу.

Ганелон ободряюще кивнул.

Добрая женщина права: мир погряз в грехах.

— Я сама слышала слова некоторых еретиков, — продолжала добрая женщина, часто и мелко крестясь. — Их слова темны и мерзопакостны. Все знают. Строгий отец Валезий отпустил мне грех, потому говорю тебе, брат Ганелон, все, что слышала. Еретики говорят, что это Сатанаил, а не Бог Отец, создал Адама. Правда, смущаясь говорят они, ничтожная душа, которую Сатанаил вдохнул в Адама, прошла через правый его бок и вышла у его ног в виде жидкости через большой палец ноги, превратившись в смрадную лужу. Еретики говорят, — заплакала добрая женщина, — что Сатанаил тогда обратился за помощью к Богу Отцу и Бог Отец в милосердии своем даровал Адаму настоящую душу и создал для него жену. Но Сатанаил в вечной похоти своей совратил несчастную Еву, она родила от него сына Каина и дочь Каломену, а Авель, родившийся от Адама, был чист. И Каин, подстрекаемый Сатанаилом, убил Авеля. И так должны были погибнуть все люди, но Бог Отец послал в мир своего сына — Слово, которого люди нарекли Иисусом... Я боюсь говорить дальше... — пугливо прошептала добрая женщина. — Я боюсь, брат Ганелон... Но известно, многие люди, нетвердые в вере, прислушиваются к еретикам.

Ганелон перекрестился.

Грех.

Поистине грех.

Добрая женщина наблюдательна и говорлива, но

она напугана. Она очень сильно напугана. Нет на земле места, в котором бы ныне спокойно чувствовали себя верующие, чистые душой. Добрая женщина все время боится, что ее увидят в неполюженном месте. Она все время боится мести еретиков. Она, наверное, еще не знает о недавнем послании апостолика римского.

“Объявляем по сему свободными от любых обязательств всех, кто связан с графом Тулузским феодальной присягой, узами родства или какими другими, и разрешаем всякому католику, не нарушая прав сюзерена, преследовать указанного графа, занимать его земли и владеть ими.

Восстаньте, воины Христовы!

Истребляйте нечестие всеми средствами, которые даст вам Бог!

Далеко простирайте ваши руки и бейтесь бодро с распространителями ереси. Поступайте с ними хуже, чем даже с сарацинами, потому что они действительно хуже. Что же касается отступника и еретика графа Раймонда и богохульника и отступника черного барона Теодульфа, то выгоните их и сторонников их из замков, отнимите их земли для того, чтобы правоверные католики могли занять владения указанных еретиков”.

Так сказал апостолик римский.

Добрая женщина обрадуется, узнав о его словах.

Грех.

Грех повсюду.

Но уже в черных и в серых рясах, спрятав суро-

вые лица под низко опущенные капюшоны, неутомимые братья-монахи день и ночь идут и идут по пыльным дорогам Лангедока. Они питаются нищей милостыней, их единственным богатством являются потрепанные плащи и старые мулы. Они внимательно прислушиваются к разговорам мирян, ведь они хорошо помнят, что именно из этих мест поднимались когда-то самыми первыми на святой подвиг паладины, призванные папой Урбаном II. Они сами не раз видели в своих видениях самого Господа, велевшего им, смиренным монахам, направить стопы свои к сердцам верных, восстановить простоту и чистоту апостольских времен.

Добрая женщина искренне возрадуется, подумал Ганелон, когда узнает, что конные рыцари благородного графа Симона де Монфора, истинного исполина духа, уже вошли в Лангедок, а суровый легат папы Арнольд Амальрик объявил вооруженным паломникам:

“Вперед, храбрые воины Христовы!

Спешите навстречу предтечам антихриста, низвергните слуг ветхозаветного змея. Доселе вы, быть может, сражались из-за преходящей славы, так сражайтесь теперь за славу вечную. Прежде вы сражались за бренный мир, сражайтесь теперь за Бога. Мы не обещаем вам скорой награды здесь, на Земле, за вашу неутомимую службу Богу с оружием в руках, но зато, знайте, теперь вы уверенно войдете в царство небесное!”

Мессир Симон де Монфор чист сердцем.

В свое время благородный мессир Симон де

Монфор ушел из-под стен христианского города Зары, чтобы даже случайно не направить свой меч против христиан.

Но беспощадный меч благородного мессира Симона де Монфора всегда направлен против еретиков.

Господи, помоги всем чистым в вере!

Ганелон благословил добрую женщину.

Она устала, пожаловалась женщина Ганелону. Многие ее не понимают, но она полна рвения, ее слух по-прежнему чуток, ее зрение остро. Недавно она исповедалась строгому отцу Валезию, и отец Валезий сказал: добрая женщина, ты истинно права в своих поступках, ибо царствие небесное не извне, оно в нас, и главный наш враг находится совсем не вдали, а наоборот, он всегда в нас, он нас искушает.

Добрая женщина не выдержала. Ее пронзительные глаза вспыхнули:

— Доколе, брат Ганелон? Доколе? Услышаны ли будут молитвы? Наказана ли будет ересь?

— Когда глупые ослы травят урожай, им подрезают хвосты, — смиренно ответил Ганелон. — А ересь это потрава божьего урожая. Иди, добрая женщина, благословляю тебя. Делай дело и помни, что хвосты глупых ослов будут подрезаны. Этого не придется ждать долго. Твои дела никогда не будут забыты истинными верующими. — И повторил: — Не будут забыты...

Но, наверное, что-то странное отразилось в глазах Ганелона, потому что добрая женщина вдруг заторопилась...

VI—VII

“...о, Господи, смятен дух!

Еретики веселятся, святые скорбят.

Викентий из Барре, монах с мышинными мелкими всегда воспаленными глазками, пьет мутное вино из маленьких стаканчиков, но его тщедушное тело почему-то полно сил. Забывая подчас о еде и сне, Викентий из Барре вникает в старинные книги. В непомерной своей гордыне он проникает туда, где не должно быть места простому смертному. Хорошая женщина, посетившая Дом бессребреников, например, никогда не спросит — откуда брался свет в первые три дня творения? Хорошей женщине в голову не придет поинтересоваться, а зачем, собственно, Господь создал сарацинов? Но Викентий из Барре с одинаковым рвением пытается постичь и то, почему не беременеет женщина, если в ее белье вшита пятая кость, вынутая из ноги живой ласки, и то, зачем, собственно, созданы сарацины, и то, почему всякие птицы летят на юг даже в том случае, когда зима и на родине их обещает быть мягкой, и даже — грех, грех! — он интересуется тем, почему заповедей десять, а не восемь или не двенадцать?

Цветущая роза, красивый рассвет, нежное плотское обаяние, тихий закат над вечерней рекой — для хорошей женщины это только простые знаки. Она знает, что красота мира это всего лишь тень Творца, а обращать взор следует не на тень, которая всегда является только тенью, а на то истинное, горнее, что эту тень отбрасывает.

Конечно, Викентий из Барре прочел много книг.

Возможно, он прочел все старинные книги, извлеченные из тайников Торквата.

Никто не знает, что содержится в этих старинных, может, нечестивых книгах, но вполне вероятно, что большая часть их войдет в труд Викентия, который сам монах назвал “Великим зеркалом”. Наверное, именно в этом труде надо искать следы старинных тайных книг, которые никак не могут вернуться к истинному хозяину — к Святой римской церкви, которая одна только и может правильно распорядиться этими знаниями.

Морские волны, медленно подмывающие берег, капля, столь же медленно точащая твердый камень, течения больших рек, движения огромных народов — по замыслу монаха Викентия все малое и большое должно быть отражено в “Великом зеркале”. К большому сожалению, на что не обращает внимания сам Викентий, в его труде отражены не только мудрые мысли первосвященников, но и ложные мысли тех, чьи работы давно занесены в список книг, не рекомендованных церковью к чтению.

Но Викентий из Барре лукав.

Ганелон давно и тщательно вникал в суть гордыни, овладевшей слабым сердцем монаха.

Слуга Божий обязан быть прилежен.

Это так.

Викентий прилежен.

Слуга Божий обязан постоянно трудиться.

Это так.

Викентий постоянно в труде.

Но обнаружив сочинения, нигде не упомянутые отцами церкви, Викентий никогда не задумывается о том, возвышает ли данный труд истинного христианина, укрепляет ли он его веру в единое и божественное?

“Един и неделим прекрасный мир природы, и живет он едиными для природы законами. И центр этого мира есть человек. Голова его устремлена в небо. А на голове человека два глаза, подобно свету солнца и луны. Дыхание человека подобно главному элементу природы — воздуху, ибо, как дыхание порождает вдох и выдох, так и в воздухе происходит движение ветров. Живот человека — море, ибо в животе в конечном итоге собираются все жидкости, подобно тому, как все воды в конце концов собираются в море. Ступни человека — земля, поскольку снаружи они сухи, а внутри содержат жир. Истинный разум пребывает в голове человека, возвышающейся над телом, как Бог на небесах, который обзирает весь мир и управляет всем миром”.

Человек...

Но разве законы единого и неделимого прекрасного мира природы установлены не Богом? Разве в прекрасном мире природы есть место истинно божественным чувствам? Как можно, горбясь над пыльными мертвыми книгами и зная низкую суть грешного человека, сравнивать суть этого человека с сутью того, кто дал начало всему?

Разве не ужасна такая гордыня?

“Соль — это продукт сгорания, так пишет в “Великом зеркале” Викентий из Барре. Соль — это

тонкое пеплообразное вещество, которое сначала поднимается в воздух с поверхности Земли вместе с испарениями, а потом с ливнями падает обратно в море, особенно сильно с осенними ливнями”.

· Может, только подобное простое знание полезно и угодно Богу, ибо оно лишено нелепой гордыни, оно растворяет глаза и не отягощает душу. Может, только подобное простое знание угодно Святой римской церкви, хотя распоряжаться подобным знанием имеет право только она сама.

Ганелон перекрестился.

Три года корпит он над выписками из рукописных книг монаха Викентия из Барре.

Эти выписки Ганелону доставляют тайно. Надежные люди, которых еще много среди монахов монастыря и о которых Викентий не догадывается, тайно, но тщательно переписывают его тексты и доставляют брату Ганелону в Дом бессребреников.

Строка за строкой медленно и внимательно просматривает он извилистый путь мыслей монаха, отыскивая в “Великом зеркале” хотя бы намеки на те странные знания, что были почерпнуты им когда-то вместе с Амансульттой, прозванной Каstellоза, из темных книг, найденных в тайниках Торквата.

Так хочет Рим.

Так хочет Святая римская церковь.

“Великое зеркало”.

В описаниях зверей Викентий из Барре по привычке следует древним физиологам — многословным ученым трактатам, подробно толкующим нрав и повадки всяческих тварей.

В небесной механике — Птолемею.

В метеорологии — Аристотелю и Сенеке.

“Собрание достопамятных вещей” Солина, комментарий Макробия к “Сновидению Сципиона”, все двадцать книг “Этимологии” Исидора Севильского, “Перикл Эритрейского моря”, лукавый Марциан и едкий Лукиан, казненный Нероном, ясновидящая Хильдегарда Бингенская, ученый Рабан Мавр, даже сарацин Аль-Фаргани, знавший все о небесном своде, — десятки и десятки голосов звучат в текстах “Великого зеркала”. Не может быть так, чтобы рано или поздно не прозвучал среди них голос Торквата...”

VIII—IX

“...на полюсах земли и на ее экваторе жизнь невозможна, там вечные холод и жар — разве Викентий не знает этого?

Ведь на полюсах вечный ужасный холод, а между тропиками сплошной полосой бушует огонь.

Как Викентий может утверждать, что даже у промерзших насквозь полюсов, что в огне экваториального пояса могут существовать некие люди, имеющие душу живую?

Может ли такое допустить Господь?

Ведь если это так, то как можно проповедовать Евангелие людям, навсегда отрезанным от Святой римской церкви вечными льдами или огненным поясом?

Как узнают несчастные о том, что Иисус умер за их грехи?

Разве смог бы Господь бросить хотя бы часть душ живых на такие мучения?

“Огонь — тонкий, быстрый, подвижный... Воздух — подвижный, острый, плотный... Вода — плотная, тупая, подвижная... Земля — плотная, тупая, неподвижная...”

Монах Викентий из Барре, наверное, изучил не одну монастырскую библиотеку.

И все же что-то изучить это еще не значит истолковать изученное правильно.

Энергия Вселенной, огненный эфир — вот высший круг неба.

Высший круг неба отделен от всего остального особой границей. Иначе нельзя, иначе огненный эфир может сжечь все живое.

Господь мудр, он создал Солнце, оно питает теплом весь мир. Но Господь больше, чем мудр: чтобы не прожечь небосвод, он пустил вокруг Солнца особые воды. Это особые воды, утверждает Викентий из Барре. Они не стекают вниз, так как природа их неподвижна и тверда, как лед. При этом они выдерживают любой жар, а само Солнце прикреплено к небесной сфере не жестко, а обладает своим особенным движением. Возможно, это особенное движение и вызывает в мире засуху, болезни, саранчу, великие подъемы вод.

Грех!

Только еретик способен так явственно подчеркивать мнимое несовершенство созданного Госпо-

дом мира. Только еретик не может понять, что гибель и смерть, как бы они не выглядели и чем бы они ни вызывались, ниспосылаются на Землю в наказание.

Именно в наказание.

За сомнения.

За недостаток веры.

За смуту души.

Не в тайной ли, тщательно скрываемой боязни будущего наказания кроется причина многочисленных умолчаний монаха Викентия?

Тайны дьявольские.

Какие книги нашла Амансульта в тайнике Торквата? Где сейчас находится та книга, резной уголок с переплета которой Ганелон до сих пор хранит завязанным в пояс? Действительно ли эта книга, ушедшая из его рук в замке Процинта, в Риме, в Венеции, в Константинополе, дает еретикам возможность получать золото или великий эликсир?

Рукописи Викентия...

Уже три года Ганелон тщательно занимается рукописями монаха из Барре.

Так же тщательно брат Одо уже три года оберегает покой Ганелона в том же Доме бессребреников — в крошечном аббатстве, подчиняющемся только папе.

Брат Одо не устает повторять: ищи следы тайных книг Торквата, ищи следы книг, научающих создавать золото из глины, костей, даже из сточных вод.

Ищи следы книг, научающих видеть будущее.

“Для того, чтобы достичь глубин познания, не

всегда следует искать тайных проходов. Иногда достаточно поднять уровень вод”.

Дьвольские знания Торквата погубили Амансульту.

Она не смогла использовать эти знания для своего спасения.

Одна эпоха сменяет другую, человек совершенствуется, но ход времени ему неподвластен, и никакая новая эпоха не повторяет предыдущей. Каждая новая эпоха противоположна предыдущей по своему духу. Век золотой — век железный. Подъем Рима — упадок Рима. Дух возвышен — бездна в душе. Но разве знание всего этого помогло Амансульте?

Как правильно истолковать извечный круг, завораживающий слабые умы смертных?

Брат Одо предполагал: может быть, там, на краю событий...

Ганелон возражал: но время течет так медленно...

Брат Одо возражал: да, время течет так медленно, но грешные идеи сражают неподготовленную душу вдруг сразу, как кинжал.

А еще говорил брат Одо: созерцательный человек — это опасный человек. Созерцательный человек всегда гораздо опаснее человека дела. Последнего можно сокрушить словом или кинжалом, а первый точит и точит, как червь, в тиши монастырских библиотек. Такой человек, тихий и незаметный, ходит рядом. Так же тихо и незаметно он заражает нас ядом богопротивных мыслей, колеблет мир, на-

рушает равновесие. Он утверждает, гордыней объятый, что все якобы повторяется. Пусть уже на иных кругах, но повторяется. Он говорит: приходит момент, когда Солнце и планеты принимают такое положение, какое они уже имели когда-то, и тогда все повторяется. Новый великий понтифик предает анафеме нового еретика черного барона Теодульфа, новый граф Бодуэн Фландрский становится новым императором Константинополя, новый дож Венеции заново разделяет мир, навсегда присоединяя к новой Венеции Ионические острова, Крит и Эвбею, а новые паломники вновь упорно берут Зару и Константинополь, а новый маршал Шампанский вешает на воротах взятого штурмом города городов многочисленных мародеров, каждому нацепив на шею золотой эку, а некая новая, как бы и не исчезающая, Амансульта, прозванная Каstellозой, вновь и вновь тщится открыть тайники Торквата.

Не подсказана ли такая мысль самим дьяволом?
Ганелон обернулся к распятию.

Как укреплюсь в вере, если буду знать, что в мире ничто не вечно, что даже Святая римская церковь явилась из ничего и в ничто канет?

Грех!

Думать так — это значит допускать мысль, что там, на краю каких-то чудесных событий, там, где варвары опять завоюют Рим, там, где Рим опять и опять страшнет со своего каменного загривка варваров, он, тайный брат Ганелон, преданный Богу и братьям, вновь и вновь будет срывать тонкую, будто сплетенную из невидимых паутинок шелковую

ночную рубашку с обнаженных плеч Амансульта, прозванной Каstellоза, перивлепт, восхитительной, и вновь и вновь заносить над нею кинжал, прозванный милосердником.

Дева Мария, полная благодати, укрепи!

Монах Викентий из Барре много говорит о материи.

Может, это и есть тайная ссылка на знания Торквата?

О какой, собственно, материи говорит Викентий?

Не о ткани же, не о древесине, не о металле, из которого куются мечи и подковы. Что находится там, куда не дано заглянуть смертному? Можно ли вновь предугадать то, что нигде и никем пока не начертано?

“Бог для нас — Бог во спасение; во власти Господа Вседержителя врата смерти.

Но Бог сокрушит голову врагов Своих. Господь сказал: “От Васана возвращу, выведу из глубины морской, чтобы ты погрузил ногу твою, как и псы твои язык свой, в крови врагов”.

Видели шествие Твое, Боже, шествие Бога моего, царя моего во святыне.

Впереди шли поющие, позади игравшие на орудиях, в середине девы с тимпанами: “В собраниях благословите Бога Господа, вы — от семени Израилева!”

Там Вениамин младший, князь их; князя Иудины, владыки их; князя Завулоновы, князя Неффалимовы.

Бог твой предназначил тебе силу.

Утверди, Боже, то, что Ты сделал для нас!

Ради храма Твоего в Иерусалиме цари принесут тебе дары.

Укроти зверя в тростнике, стадо волов среди тельцов народов, хвалящихся слитками серебра; рассыпь народы, желающие браней.

Придут вельможи из Египта; Эфиопия прострет руки свои к Богу.

Царства земные! пойте Бога, воспевайте Господа, шествующего на небесах небес от века. Вот, он дает гласу Своему глас силы.

Воздайте славу Богу! Величие Его — над Израилем, и могущество Его — на облаках.

Страшен ты, Боже, во святилище Твоем. Бог Израилев — Он дает силу и крепость народу Своему.

Благословен Бог!"

Ганелон допел псалом и печально подумал: земля, вол, плуг, Бог над землей и водами — вот вечность, утвержденная свыше.

Неужто Господь в каком-то неведомом будущем допустит царство еретиков — тряпичников-катаров, ремесленников, блудниц?

Разве такое угодно Богу?

Куда идти, если мир действительно покроется зловонными городами, подобными Константинополю? Вот он, новый Вавилон, справедливо выжженный святыми паломниками.

Куда идти, если дальше опять море, и опять нет берегов, а в безднах — Левиафан?

И кипятит пучину, как котел.

Зачем дыхание убитой Амансульты до сих пор достигает его груди, зачем ее далекий стон утверждает: все повторится, все опять повторится? Мир поднимется и вновь рухнет. И так будет всегда. Почему ее дальний стон утверждает: все приходит и все уходит? Зачем этот стон, колеблющий устой?

Ганелон сжал голову руками.

Томительная тянущая боль теснила сердце. Он задохнулся, но постепенно дыхание вернулось.

Он услышал: внизу стучат...”

Х

“...кровь пропитала разорванную во многих местах грязную шерстяную рубашку. Рябое лицо брата Одо страшно побагровело, от этого шрам на шее казался белым.

— Отпусти их...

Наверное, брат Одо хотел поднять руку, но сил на это движение ему не хватило.

Ганелон поднял взгляд на испуганных крестьян.

— Коня оставьте во дворе, — приказал он. И спросил: — Где вы подобрали брата Одо?

Крестьяне переглянулись, все так же испуганно сжимая в руках смятые красные шапки.

— Он упал с коня. Мы нашли его лежащим на пыльной дороге. Наверное, он скакал со стороны Барре. Говорят, в Барре пришли солдаты. Говорят, там много солдат.

— Идите.

Крестьяне ушли.

Ганелон наклонился над братом Одо.

Почувствовав его взгляд, брат Одо открыл глаза.

Даже это потребовало от него немалых усилий.

Но странно, зеленые, круглые, близко посаженные к переносице глаза брата Одо были полны не только страдания, они были полны торжества.

Истинного торжества!

Еще никогда брат Одо не походил так сильно на Христа с барельефа, украшающего наружную заднюю стену Дома бессребреников. Даже брови, взметенные вверх страданием, округлились.

— Потерпи, брат Одо, — ласково сказал Ганелон, разрывая пропитанную кровью рубашку. — Ты сильно разбился. Молчи, молчи... Теперь я вижу сам... Ты вовсе не разбился... Я вижу, это обломок стрелы... Ты ранен... Кто стрелял в тебя?..

Он не решался притронуться к торчавшему под левым плечом брата Одо обломку стрелы.

— Это еретики... В меня стреляли еретики... Я сам обломал древко... — Брат Одо торжествующе улыбнулся. Его горячее дыхание обожгло Ганелона. — Еретики убили отца Валезия... Они подняли руку на папского легата...

— Убили отца Валезия?

— Отец Валезий всегда говорил, что дело Христа не преуспееет в стране, пока один из нас не пострадает за веру... — Брат Одо опять попытался улыбнуться, но на этот раз улыбка не получилась. — Те-

перь у праведников и подвижников развязаны руки... Великий понтифик отдаст земли еретиков всем отличившимся... Праведники и подвижники уже в деле... Гнезда проклятых еретиков горят по всему Лангедоку...

— Горят? — Ганелон близко наклонился, потому что голос брата Одо прямо на глазах слабел. — Конники мессира де Монфора уже в Барре?

— И конники, и серженты... — шепнул брат Одо. — И конники, и пешие воины... А с ними папский легат Амальрик... Он неистов в вере... Он просит никого не щадить, даже раскаявшихся... Если они лгут, сказал легат, повешение явится наказанием за обман, если говорят правду, казнь искупит их прежние грехи... Господь милостив... Замок Процинта тоже горит... Говорят, одноглазого еретика барона Теодульфа убило горящим бревном, сорвавшимся с крыши... Людей барона Теодульфа выводят из замка босыми, накинув каждому петлю на шею... Пусть этот замок станет в будущем оплотом веры...

— Аминь, — Ганелон перекрестился.

Брат Одо долго и странно смотрел на него. Рябое лицо брата Одо посерело. И все же это еще не был признак смерти, скорее это был признак ее приближения.

— Ты торопился увидеть меня, брат Одо?

— Да, брат Ганелон... Ты всегда беспокоился обо мне...

— Мы братья.

Брат Одо благодарно сомкнул веки.

— Ты торопился ко мне, в Дом бессребреников? — спросил Ганелон.

На мгновение в глазах брата Одо, уже затуманенных приближением смерти, вспыхнуло прежнее неистовство. Такое же, с каким он всегда упорно выискивал гнезда ереси, с каким он всегда неистово стравливал друг с другом врагов Святой римской церкви.

Но силы его кончались.

— Ты потерпишь? — спросил Ганелон. — Рана кровоточит, я попробую остановить кровь.

— Не надо... — одними губами выговорил брат Одо. — Ты должен спешить... Возьми мою лошадь... Тебе следует быть в Барре...

— Но ты сказал, там паломники.

— Это так...

— Тогда почему пусты дороги? Почему из окна не видно бегущих? Почему еретики не бегут из Барре?

— Вокруг Барре выставлены заставы... Ни один еретик не должен уйти от божьей кары... Папский легат Амальрик призвал: убейте всех!.. Никто не должен выйти за стены города... Папский легат Амальрик сказал: убейте всех, Господь узнает своих...

— Зачем мне следует быть в Барре?

— Забери монаха Викентия... Если потребуется, забери силой... Спрячь монаха в Доме бессребреников... У нас есть тайные подвалы, ты знаешь... Если потребуется, посади монаха в таком подвале на железную цепь, пусть он продолжит работу над

“Великим зеркалом”... Труд Викентия — это тоже часть Дела... Викентия не должны убить... — И шепнул: — Пусть сидит на цепи... Он должен смириться...

— А если он не захочет смириться?

Брат Одо с тайной угрозой взглянул на Ганелона:

— Ты знаешь много убедительных способов, брат Ганелон... Тебе помогут... Сделай так, чтобы, пусть и на цепи, но монах Викентий продолжил работу... Не забывай, он остался последним, кто держал в руках книги Торквата...

— Эти книги могли сгореть в огне, — возразил Ганелон. — Они могли уйти на дно моря. Они могли затеряться в дальних землях.

— Конечно... — Брат Одо устало прикрыл глаза. — Но их читали, их видели... Попавшее в память людей уже никогда не уходит... Пусть монах по памяти восстановит все, что он когда-то прочел... Ты ведь знаешь, как тщательно читали эти книги монах Викентий и Амансульта, дочь барона-еретика...

— Она убита, — глухо сказал Ганелон.

— Эти книги внимательно читал маг старик Сиф, прозванный Триболо...

— Старика нет, — Ганелон опустил глаза. — Я думаю, он умер в Константинополе.

— Эти книги читал некто Матезиус, ученик мага... Видишь, как много людей прикасалось к дьявольским книгам...

— Но их уже нет.

— А монах Викентий?.. Разве не он первый прикоснулся к старинным книгам?.. У монаха Викентия великая память, брат Ганелон... Я знаю... — Помолчав, без всякой видимой связи со сказанным, брат Одо еле слышно добавил: — Слава Господу, что у него есть такие слуги...

— О ком ты? — не понял Ганелон.

Брат Одо не ответил.

— Брат Одо, — мягко сказал Ганелон, беря в свои его холодеющие руки. — Приближается час, когда ты предстанешь перед Господом нашим. Скорбишь ли ты? Есть ли тебе в чем покаяться? Если это так, облегчи душу покаянием.

Брат Одо медленно всплыл из небытия:

— Слава Иисусу Христу... Я исповедался отцу Валезию, он отпустил мне... Но грешен, грешен... Конфитеор... Признаю... Нерадением своим оскорблял Господа... Сокрушаюсь...

— Все ли грехи ты вспомнил, брат Одо?

Брат Одо попытался что-то произнести, но не смог. Слова ему не давались. У него лишь получилось:

— Отец...

— Ты говоришь об отце Валезии?

Брат Одо отрицательно сжал узкие губы:

— Отец... Твой отец...

С изумлением Ганелон увидел, что по рябой щеке неукротимого брата Одо скользит слеза, оставляя за собой извилистую дорожку.

— Молись, брат Ганелон... За всех грешников...
Молись и за своего отца богохульника...

Он бредит, решил Ганелон.

И снова сжал холодеющие руки брата Одо.

— Если ты лгал, если упорствовал... Не уходи
нераскаившимся...

— И лгал... И упорствовал... — почти неслышно повторил брат Одо, но глаза его вновь на мгновение вспыхнули: — Но во славу божью!.. Но во утверждение божье!.. Молись, молись, брат Ганелон... Молись за несчастного грешника барона Теодульфа... Молись за своего отца...

Стирая испарину, Ганелон легко провел ладонью по лбу брата Одо.

— Ты что-то путаешь. Моего отца сжег в доме черный еретик барон Теодульф, — сказал он. — Это случилось очень давно, ты знаешь. В маленькой деревне Сент-Мени еретик барон Теодульф согнал в простой деревянный дом всех, кто ему оказал сопротивление. Там был и мой отец.

— Барон Теодульф...

— Обещаю тебе неустанно молиться о всех грешниках, брат Одо.

— Барон Теодульф... Он твой отец...

Ничто в Ганелоне не дрогнуло. Он и так был наполовину мертв. Он умирал вместе с братом Одо. Он ничего не хотел знать о каких-то там отцах, ни об истинных, ни о мнимых. Он не хотел, чтобы брат Одо умер.

— Ты бастард, Ганелон... Ты побочный сын ба-

рона Теодульфа... Черный барон Теодульф твой отец по крови... Знай это... В твоих жилах, брат Ганелон, течет кровь Торкватов... Тому есть многие подтверждения...

Ганелон, не веря, сжал руку умирающего:

— Барон Теодульф мой отец?

Он все еще не понимал.

Потом до него дошло:

— Богохульник и еретик барон Теодульф мой отец? Брат Одо, ты знал и молчал об этом?

— Веру колеблют сомнения, брат Ганелон... Тебе был сужден другой путь... Таково было условие... Я предупреждал...

Глаза брата Одо затуманились, он уже не узнавал Ганелона.

— Ты знал? Ты всегда знал об этом?

Опущенные веки брата Одо чуть заметно дрогнули.

— Ты знал об этом, когда посылаешь меня в Рим? И знал об этом, когда я поднимался на борт “Глории”? И знал об этом, но не остановил меня в Константинополе?

Веки брата Одо дрогнули.

— Но почему? — кричал Ганелон. — Почему ты молчал? Разве мы не братья?

Он думал сейчас только об Амансульте.

Он хотел крикнуть: “Разве она не сестра мне?”, — но у него вырвалось: “Разве мы не братья?”

И услышал невнятное:

— Так хотел Бог...”

XII—XIV

“...гнал лошадь, поднимая клубы пыли, сбивая колосья наклонившихся к дороге перезрелых колосьев. За седлом болталась какая-то матерчатая сумка, поводья оказались веревочными.

Бастард.

Я бастард!

Мой отец по крови — барон Теодульф, мерзкий еретик и гнусный богохульник! Замок моего отца по крови — гнездо мерзкого порока! Замок моего отца, гнусного богохульника, жгут сейчас святые паломники, они с позором выводят людей мерзкого еретика за стенки замка.

Мой отец?

Почему я говорю — мой отец?

Сердце Ганелона заныло от ненависти.

Барон Теодульф...

Гнусный еретик...

Наверное, он взял мою мать силой...

Наверное, он знал, кого именно сжигает в простом деревянном доме в деревне Сент-Мени, когда он сжигал там человека, которого я всю жизнь считал своим истинным отцом...

Теперь Ганелон понимал всегда удивлявшую его некую странную терпимость Гийома-мельника, у которого он рос, и непонятную суровую жалость старой Хильдегунды.

В Лангедоке есть барон прославленный.

Имя носит среди людей он первое.

Знают все, он славен виночерпием,

всех превыше лангедокских жителей.

— Эй! Эй! — подхватывал пьяный хор.

Багровый, плюющийся, рычащий от страсти, всегда распаленный, как жирный кабан, барон Теодульф, похотливый мерзкий еретик, распахнув камзол, пыхтя, неистово лез в гору.

С неистовством он везде преследовал кабанов, оленей и женщин.

Он лапал служанок и экономок, он сжигал чужие деревни, оскорблял священнослужителей, грабил святые монастыри.

Он покушался даже на папских легатов и самовольно сжигал живых людей.

Пить он любит, не смущаясь временем.
Дня и ночи ни одной не минется,
чтоб, упившись влагой, не качался он,
будто древо, ветрами колеблемо.

— Эй! Эй!

Барон Теодульф, мерзостный богохульник, жестоко наказан.

Его замок сожжен. Его челядь уведена. Он в аду сейчас. Под его грешными стопами сейчас адская долина, вся покрытая пылающими угольями и серным огнем — зловещим, зеленым, извилистым, а над его богомерзкой головой сейчас небо из раскаленного железа, толщиной в шесть локтей. Черти, визжа и радуясь, поджаривают богохульника барона Теодульфа на огромной добела раскаленной сковороде. От пышущей ужасным жаром сковороды разит чесноком и нечистым жиром. Единственный глаз барона Теодульфа выпучен от мук. Барон расстроен и удручен.

— Эй! Эй!

Мысли Ганелона пугались.

Человек, которого он всю жизнь считал своим отцом, был жестоко сожжен в деревне Сент-Мени человеком, которого он всю жизнь ненавидел как самого мерзкого, как самого закоренелого богохульника.

Но жизнь Ганелону дал именно богохульник.

Ганелон обернулся к горам.

Далеко, над зеленью горного склона, расплывалось плоское серое облако дыма, похожее на старую растоптанную шляпу.

Это горел замок Процинта.

Злобно палило солнце. Шлейфом расстилалась над дорогой пыль. Топот копыт отдавался в ушах вместе с каким-то странным звоном.

Господь испытывает меня.

Но зачем мои страдания так жестоки?

С вершины холма Ганелон еще раз обернулся.

Издали плоское серое, как старая растоптанная шляпа, облако дыма над замком Процинта казалось неподвижным.

Гнездо еретика.

Мерзкое гнилое гнездо.

Но там по краям зеленых полян стеной поднимаются старые дубы, вдруг вспомнил Ганелон, такие огромные, что тени от них распространяются даже в самое светлое время суток.

Там буки и каштаны под белыми известняковыми скалами, вспомнил Ганелон. Там пруды, темные и ровные, как венецианское стекло. Там гладкие

бесшумные водопады, питающие замок чистой проточной водой. Там ромашки, почему-то чаще желтые, чем белые.

И там старая Хильдегунда, которая была добра ко мне.

Впрочем, старая Хильдегунда была добра даже к сарацину Салаху, и она была единственной в замке, кто не боялся хотя бы тайком вспоминать о прекрасной и несчастной Соремонде, жестоко убиенной бароном Теодульфом.

И там был...

Да был...

Там действительно когда-то был проклятый монах Викентий, своими крошечными всегда воспаленными мышинными глазками впившийся в тайные книги.

Розги ученого клирика, мешки с зерном и с мукой, мирный скрип мельничного колеса, торжествующий кабаний рев барона Теодульфа, ужасный вопль тряпичника-катара из огня, вдруг непомерно возвысившегося — “Сын погибели!” Там, в нечестивом замке Процинта, дружинникам в пятнадцать лет выдавали оружие и вели воевать деревни соседей. Там святого епископа, невзирая на его сан и возраст, валяли в меду и в пухе и, нагого, заставляли плясать, как медведя, перед тем, как бросить в ров с грязной водой...

Ганелон задохнулся.

Остановись, сказал он себе.

Остановись.

Господь милостив.

Его испытания не беспредельны.

Ведь там, в замке и в окрестностях, пели и смеялись, переругивались и обнимались не только грешники, не только еретики, там все осиянно было не только ледяным презрением восхитительной Амансульты — еще там был брат Одо!

Рябое лицо.

На шее белый шрам от стилета.

Круглые, зеленые, близко поставленные к переносице глаза.

Брат Одо мог украсть гуся, но последнюю монетку отдавал нищим. Он спал в лесу, завернувшись в плащ, и укрывал тем же плащом Ганелона, случись им заночевать в лесу вдвоем. Он всегда был ровен и добр, и не было среди братии пса Господня более нетерпимого.

К врагам веры.

Брат Одо всегда служил святому Делу.

Святое Дело нуждается в тысячах глаз и ушей, очень верных глаз и ушей. Это должны быть очень чуткие, очень внимательные и неутомимые глаза и уши. И не было глаз и ушей более чутких, внимательных и неутомимых, чем глаза и уши неистового брата Одо.

Пес Господень.

Ганелон не хотел оставаться в этом мире один.

Разве тебе было легче, Господи? — взмолился он. Трижды подступал к тебе святой Петр, спрашивая, любишь ли ты его? И трижды ты отвечал святому Петру — позаботься об овцах моих.

Брат Одо неутомимо заботился об овцах.

Брат Одо, прошептал Ганелон, я выполню все обеты.

Я буду денно и ночью молиться за грешников.

Своими нескончаемыми страданиями я вымолю прощение всем, вплоть до первых колен рода Торквата, родившегося когда-то на берегах Гаронны, а казненного королем варваров Теодорихом за горным хребтом.

Амансульта.

Перивлепт.

Ганелон не хотел, он боялся думать об Амансульте.

В отчаянии на скаку Ганелон поднял голову и вдруг увидел в облаках Деву Марию. Ее развевающие одежды жадно рвали многочисленные ручонки каких-то некрасивых существ. Они жадно растаскивали, суетно радуясь добыче, вырванные клочки одежд, какие кто смог вырвать, и разбегались в разные стороны.

Они, наверное, считали, что они теперь спасены.

Но было это — обман.

Но было это всего лишь густой тенью темного дыма, клубящегося с одной стороны над горящим замком Процинта, а с другой — над горящим Барре.

Разве не то же самое когда-то видел он с виа Эгнасио, оборачиваясь в ночи на пылающий город городов Константинополь?

Ганелон вдохнул сухой воздух.

Дым.

Запах дыма.

Дым всегда был частью его жизни, дым всегда

присутствовал в его жизни, всегда влиял на ее вкус. И здесь, у стен горящего Барре, и в дьявольском подвале у Вороньей бойни, и на плоских берегах острова Лидо, и на площадях умирающего Константинополя.

О, Господи, избавь от огня адского!

Ганелон издали увидел всадников. Это были легкие конники мессира Симона де Монфора. Они отлавливали редких беглецов.

На наконечниках копий у каждого всадника весело развевались цветные ленты, сверкали запыленные нагрудники. На обочинах неширокой дороги тут и там валялись трупы катаров.

Перед воротами города Ганелон оглянулся.

Когда-то сюда, в Барре, неспешно въезжал на муле святой человек Петр Пустынный, прозванный Куку-Петр — Петр в клобуке. На нем было заносенное монашеское платье, он раздавал нищим то, что ему дарили, и неистово взывал к благородным рыцарям, поднимая их на стезю подвига. Сам Господь попросил Петра Пустынного отправиться к иерусалимскому патриарху и, подробно разузнав у него о бедствиях Святой Земли под игом нечестивых, вернуться на Запад, чтобы возбудить сердца истинных христиан к новому святому паломничеству. Ступай и расскажи истинным христианам правду, сказал Господь святому человеку. Посмотри, как сарацины притесняют христиан. Расскажи о том всем христианам.

Петр Пустынный.

Одетый в шерстяные лохмотья, накинутые пря-

мо на голое тело, он не ел хлеба и мяса, питаясь одной рыбой, был у него только мул. Многие люди выдергивали шерсть из его мула, чтобы хранить ее как реликвию.

Петр Пустынник.

Перивлепт...

Ганелон не мог, не хотел думать об Амансульте. Он гнал прочь мысли о ней.

Амансульта мертва.

Амансульты нет.

Ее давно убили в Константинополе. Как отступницу, как ведьму. Как еретичку, везде и всюду таскавшую за собой магов и колдунов.

Она ушла не раскаявшись.

Ее душа в аду.

Ганелон не хотел думать об Амансульте.

Перивлепт...

Сердце Ганелона плакало.

Я схвачу монаха Викентия и увезу его в Дом бессребреников, решил он. Я навсегда помещу его в темный сырой подвал и навешаю на него столько цепей, что он сразу вспомнит все тайны Торквата.

Распахнув пыльный плащ, Ганелон показал подбежавшему настороженному сердженту крест.

Его пропустили.

Въехав в Барре, он свернул на узкую боковую улочку, ведущую в сторону монастыря.

Иногда за деревянными оградами мелькали тени испуганных жителей Барре, видимо, легкие конники благородного мессира Симона де Монфора еще не добрались до этих дворов.

На крошечной площади перед такой же крошечной церковью Ганелон на минуту придержал коня.

Недели две назад он случайно услышал здесь слепого трувера, воспевавшего любовь.

Сеньоры, вряд ли кто поймет
то, что сейчас я петь начну.
Не сирвентес, не эстрибот,
не то, что пели в старину.
И мне неведом поворот,
в который под конец сверну...

— ...чтобы сочинить то, чего никто никогда не видел сочиненным ни мужчиной, ни женщиной! — возвышал голос слепой трувер, — ни в этом веке, ни в каком прошедшем!

Безумным всяк меня зовет,
но, петь начав, не примину
в своих желаньях дать отчет,
не ставьте это мне в вину.
Ценней всех песенных красот —
хоть мельком видеть ту одну...

— ...и могу сказать почему! — возвышал голос слепой трувер. — Потому что, начни я для вас это и не доведи дело до конца, вы решили бы, что я безумен, ибо я всегда предпочту один день в кулаке, чем тысячу солнц в небе!

Я не боюсь теперь невзгод,
мой друг, и рока не кляню,
и, если помощь не придет,
на друга косо не взгляну.
Тем никакой не страшен гнет,
кто проиграл, как я, войну...

— ...все это я говорю из-за Дамы, — возвышал голос слепой трувер, — из-за Дамы, которая прекрасными речами и долгими проволочками заставила меня тосковать, не знаю зачем! Может ли это быть хорошо, сеньоры?

Века минули, а не год,
с тех пор, как я пошел ко дну,
узнав, что то она дает,
за что я всю отдам казну.
Я жду обещанных щедрот,
вы ж сердце держите в плену.

— ...Господи, помилуй, — возвышал голос слепой трувер.

Ганелон бросил тогда труверу монету. Но разве можно славить любовь, когда сам воздух вокруг омрачен дыханием еретиков?

Я бастард, вспомнил он с отчаянием.

Я бастард.

Я, брат Ганелон, верный пес господень, всего лишь бастард, всего лишь побочный, случайный сын мерзкого богохульника!

В моих жилах течет проклятая кровь Торкватов!

Сердце Ганелона наливалось праведной яростью.

Папский легат Амальрик прав. Все еретики в Барре должны умереть. Они должны жестоко умереть в назидание всем остальным еретикам. Даже скот в Барре должен быть уничтожен.

Ересь, она как чума. Она поражает всех и по-

ражает в самое сердце. Ее не пугает страх воды и огня или какой-либо другой страх. Еретики нечисты. Может, единственное, на что они годятся — это седлать ослов для колдуний, приговоренных к очищающему огню.

Сердце Ганелона разрывалось от ненависти.

Я потерял брата Одо. Стрела, пущенная рукой гнусного еретика, лишила жизни истинно святого человека. Теперь уже никогда брат Одо неспешной походкой не пройдет по пыльным дорогам Лангедока, вдыхая густой, настоявшийся на душистом клевере воздух.

Папский легат Амальрик прав: убить надо всех!

Господь своих отличит.

Дым...

Запах дыма...

Однажды Ганелона уже пытались задушить нечистыми колдовскими испарениями. Это случилось в Риме, в подвале рядом с Вороньей бойней.

Перивлепт.

Восхитительная.

Связанный, лежа на полу, он тогда спросил Амансульту:

— Нас что-то связывает?

И она, взглянув на окровавленную руку еретика Матезиуса, ответила:

— Кровь..."

XVI

“...во дворе валялся монах в задранной на голову рясе. Человек пять серджентов, все крепкие, уса-тые, раскачивали бревно, пытаясь выбить тяжелые створки монастырских дверей, окованные железны-ми полосами.

Бросив у забора коня, Ганелон, никем незаме-ченный, задами скользнул в сад. Из крошечной ча-совни, знал он, прямо в библиотеку монастыря ве-дет узкий подземный ход.

Он дал слово брату Одо увезти из Барре мона-ха Викентия, и он хотел сдержать свое слово.

Затаившись за густым буком, он внимательно осмотрел сад.

Похоже, сердженты не подозревали о существо-вании тайного подземного хода, они, как быки, про-должали ломиться в ворота, а может, это они дали такой обет — войти в монастырь Барре только че-рез главные его двери.

Ганелон бесшумно скользнул в крошечную ча-совню.

Сумрак.

Густые тени.

Сладкий тихий запах ладана и кипарисового ма-сла.

Едва теплящаяся лампадка перед распятием.

Ганелон упал на колени.

Господи, я страдал!

Господи, брат Одо пал во имя твое!

Господи, что наши страдания перед твоими!

Сумрак. Густые тени. Коврик перед распятием.
Перивлепт.

Конечно, Амансульта и его, Ганелона, связывала кровь.

Но что имела в виду Амансульта, произнося это? Кровь раненого Ганелоном катара или общую кровь, текущую в их жилах? Знала ли Амансульта о их родстве?

Перивлепт.

Восхитительная.

Ганелон был полон черного отчаяния и такого же черного гнева.

Это отчаяние, этот гнев вели его по низкому темному подземному переходу.

Он шел, ничего не видя перед собой, выставив вперед руки.

Наконец, он почувствовал под ногами выщербленные ступени.

По узкой витой лестнице из железа Ганелон поднялся прямо в монастырскую библиотеку.

Запах пыли.

Свет сумеречный.

Высокие мозаичные окна библиотеки, украшенные библейскими сюжетами, доходили почти до потолка, но все равно пропускали мало света. На широком деревянном столе в беспорядке валялись книги и списки, ножи для подчистки пергамента и перья, свинцовые карандаши и стопы бумаг, наверное, приготовленных для просмотра.

Краем глаза Ганелон уловил легкое движение.

Он обернулся.

Женщина.

- Зачем в монастыре женщина?

Глухое, черное, до самого пола платье. Черный платок, низко опущенный на глаза. Выбившаяся из-под платка седая прядка.

Наверное, это и есть сестра Анезия, пришедшая в Барре из Германии, подумал Ганелон.

И решил: она, наверное, смертельно напугана. А раз так, она непременно поможет мне.

Он сказал негромко:

— Я ищу монаха Викентия.

Сестра Анезия не ответила.

Он повторил:

— Я ищу монаха Викентия.

Только тогда женщина глухо ответила:

— Подойди к окну.

Ганелон медленно подошел к окну.

Серджентов отсюда не было видно, но, судя по грохоту, усиленному сводами монастыря, они еще не оставили попыток войти в монастырь Барре через его главные двери.

Сердженты упорны, подумал он. Минут через десять тяжелая дверь рухнет и сердженты ворвутся в монастырь через главный вход.

Им овладело равнодушие.

Он молча смотрел в окно.

Тщедушное тело монаха Викентия, еще больше тщедушное от того, что он был полностью раздет, висело вниз головой на толстом суку старого грушевого дерева.

Судя по безвольно опущенным рукам, монах Викентий был давно мертв...”

XVII—XVIII

“...грохот доносился снизу. Сердженцы не отступали. Их жесткая настойчивость внушала страх.

— Ты орудие дьявола, Ганелон.

Он поднял руки и закричал:

— Я орудие Бога!

Он видел: бледное лицо Амансульты иссечено ранними морщинами, ее прежде темные волосы посветлели, а местами между некоторых еще темных прядей выбивалась откровенная седина. Он видел: Амансульту, как и вавилонский маг Сиф, не нашла великую панацею.

Сердце Ганелона гулко стучало.

Черное платье. Черный платок. Глаза, затемненные усталостью.

Но вот странно, впервые Ганелон не увидел во взгляде Амансульты привычного холода и презрения.

Только усталость.

Страдание и усталость.

Амансульту не нашла великую панацею. Значит, дьявол ей не помог.

Ганелон задохнулся.

Я убил ее в Константинополе. Я бросил ее полуживую в ночи, в которой ее должны были добить святые паломники. Потом я слышал от многих, что это так и случилось, что ее уже давно нет среди живых. О ней много лет никто не приносил никаких известий. И, тем не менее, она вот — живая. Она стоит у окна, она смотрит на него, на Ганелона, и в глазах ее усталость.

Сестра?..

Ганелон не верил.

Амансульта медленно усмехнулась его неверию. Ей вовсе не хотелось утверждать его в его неверии. Очень медленно она расстегнула черное платье на груди. Странно светлая в сумеречном свете библиотеки, будто светящаяся изнутри, выкатилась круглая грудь, перечеркнутая двумя темными шрамами.

— Видишь крест на моей груди? Он начертан тобой.

— Но так хотел Господь! Я только пес господень! — закричал он. — Зачем ты избрала путь, неудобный Богу, сестра?

Ганелон упал на колени.

— Оставайся на месте, не надо приближаться ко мне, — ровно и глухо предостерегла Амансульта и показала Ганелону узкий испанский стилет. — Тебе уже никогда не удастся повторить то, что тебе удалось сделать со мною в Константинополе.

— Но тебя убьют, сестра! — закричал Ганелон, не вставая с колен и протягивая к ней руки. — Слышишь этот грохот? Внизу сердженты, через несколько минут они сорвут дверь и ворвутся в монастырь. Они убьют тебя. Идем со мной. Я знаю, как выйти из монастыря.

— Я тоже знаю, как выйти из монастыря, — все так же глухо и ровно ответила Амансульта. — Но теперь мне все равно. Я дождусь серджентов. Мне не для чего больше жить. Викентий убит. Я устала.

— Ты дьявол, — повторил Ганелон беспомощно. Амансульта не ответила.

Она даже не возразила.

Левой рукой, не выпуская из правой стилета, она по-женски ловко подоткнула под платок выбившуюся седую прядь.

— Зачем ты избрала такой путь, сестра? Я шел за тобой всю жизнь. Забери списки Викентия, и я прямо сейчас уведу тебя в безопасное место. Тебе никогда больше не придется странствовать по чужим краям и бояться всего живого. Я знаю такое место, где ты окажешься в безопасности.

— Разве существуют такие места, до которых не дотянулись бы жадные руки злобных псов?

Он не выдержал ее взгляда:

— Ты прощаешь меня, сестра?

Амансульта не ответила.

Он закричал:

— Ты прощаешь меня, сестра?

Амансульта прислушалась к грохоту ударов, вдруг участвовавших внизу, и устало наклонила голову.

— Везде смерть. — И пояснила ровно и глухо: — У каждого свои демоны, Ганелон. У каждого свои тени. Моим демоном и моей тенью оказался ты. Ты преследовал меня неустанно. И везде, куда бы ты ни приходил, ты проливал кровь. Но моею тенью, Ганелон, был еще и Викентий. Он был слаб, он никого не убивал, и везде, куда бы он ни приходил, даже в самом темном месте, от его присутствия всем становилось светлей. Он спасал, Ганелон, потому что свет всегда сильнее тьмы. Как бы ни была темна самая темная ночь, ее мглу рассеивает даже слабый огонь.

— Но я был не один, я не мог ошибаться! — закричал Ганелон. — Со мной были строгий отец Валезий, и мудрый брат Одо, и много других смиренных и чистых братьев, и сам великий понтифик апостолик римский! А вы одиноки.

Никогда так сильно не хватало Ганелону зеленых круглых глаз брата Одо, умеющего понимать каждое его движение.

— Возьми списки Викентия, сестра. Мы еще успеем уйти.

Амансульта вздрогнула.

Внизу тяжело рухнула дверь, послышались грубая ругань, крики и топот избегающих по лестнице серджентов.

— Ты прощаешь меня, сестра?

Амансульта улыбнулась.

В ее глазах был легкий холодок, смешанный с усталостью, но в них не было, как прежде, презрения. Только этот легкий, почти неуловимый, почти растаявший холодок, и великая, уже непостижимая никакому уму усталость.

С искренним состраданием, дивясь ужасной слепоте Ганелона, Амансульта произнесла:

— Как я могу простить тебя, брат, если ты вовсе не хочешь этого?..”

часть шестая

ТАЙНЫЙ БРАТ 1210

II—IV

«...**И** пред папским легатом отцом Амальриком, пред главным инквизитором отцом Велларио, в присутствии отца Гираута, главного vicaria, замещающего судью, в присутствии брата Ганелона и двух свидетелей по имени Йезер и Жаню предстала отступница девица Амансульта, прозванная Кастеллоза и прозванная сестра Анезия, и когда она предстала перед судом, ей сказали: ввиду полного единогласия и ясности в ее деле она должна тут же сознаться и покаяться для облегчения совести.

И девица Амансульта, прозванная Кастеллоза и прозванная сестра Анезия, тут же сказала, что совершенно соглас-

на, и попросила их милостей поскорее закончить дело.

Тогда ей объявили, что по ее собственным признаниям относительно всех святых, и обедни, и насмешек над смиренными монахами, и книг, не рекомендованных Святой римской церковью, и связи с нечистым, как подтвердили также свидетели по имени Йезер и Жаню, есть основания считать ее еретичкой и отступницей, своей волею и желанием разделяющей многие заблуждения так называемых катаров, в невероятной своей гордыне считающих себя единственно чистыми, и что из любви к Богу и к его Святой матери ей советуют сказать и объявить правду относительно того, что она сделала и сказала против святой католической веры, а также назвать лиц, внушивших ей это.

Но девица Амансульта не смогла сказать больше того, что уже сказала на исповеди, причем она добавила, что хотя и сказала многое, но не верит всему сказанному.

Тогда ей объявили, что ее дело рассмотрено вышеназванным судом, и судьи, и советники — все они вынесли впечатление, что она говорит неправду, вследствие чего пришли к убеждению, что необходимо пытаться ее. Однако предупредили, что из любви к Богу ей предлагают еще раз до начала пытки сказать всю правду, ибо сие необходимо для облегчения ее совести.

Она ответила, что сказала уже всю правду.

Ввиду сего, по рассмотрению документов и всех данных процесса, суд вынужден присудить и прису-

ждает отступницу девицу Амансульту, прозванную Каstellоза и прозванную сестра Анезия, к пытке веревками по установленному способу, чтобы подвергалась пытке, пока на то воля наша. И суд предупреждает, что в случае, если она умрет во время пытки или у нее сломается какой-либо член, это случится по ее вине, а не по нашей.

Мы так провозглашаем, приказываем и повелеваем в сей грамоте, заседа в суде.

Затем приказали отвести отступницу в камеру пыток и отвели.

И судья спросил, не хочет ли она сказать правду до раздевания?

Она ничего не ответила и стала раздеваться.

И когда была раздета, сию отступницу стали увещевать сказать правду еще до начала пыток.

И она ответила: “Я не знаю, что угодно вашим милостям”.

Тогда ее посадили на специальную скамью и стали вязать руки веревками. Но прежде, чем прикрутить их, еще раз увещевали сказать правду.

Она ответила, что ей нечего сказать.

Тогда было приказано прикрутить винт и дать один поворот веревке. И так было сделано. И девица Амансульты ахнула и произнесла: “О, Господи!”

Тогда приказали дать второй поворот винта, и дали, и предложили ей сказать правду. Она ахнула и ответила: “Скажите, чего вы хотите от меня, и я готова служить вашим милостям”.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и

прикрутили, и увещевали ее сказать правду из любви к Богу.

Она ничего не ответила.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и она громко застонала.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и сказали, чтобы она сказала всю истинную правду из уважения к Богу. И она ответила: “Я сказала всю правду”. И заплакала.

Приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и она ничего не ответила, только застонала.

Тогда еще раз прикрутили веревку и сказали, чтобы сказала правду.

И она промолчала.

Тогда приказали еще туже прикрутить веревку, и прикрутили, и сказали, чтобы сказала всю правду.

И она застонала и ответила, что не знает, чего от нее хотят.

Ей сказали, что желают узнать от нее правду.

Она ничего не ответила.

Приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и увещевали ее сказать правду.

Она ничего не ответила. Но, вдруг заплакав, сказала: “Я была сумасшедшая”. Ее спросили: “Где и когда?” Она опять заплакала и ответила: “Я не знаю, где и когда”.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и сказали ей, чтобы сказала правду перед Богом.

Она простонала.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и сказали, чтобы она сказала всю правду.

Она ничего не ответила.

Еще раз прикрутили веревку, и она ничего не сказала.

Еще раз прикрутили веревку, и она сказала: “Ох!”

Приказали еще раз прикрутить, и прикрутили.

И она заплакала и сказала: “Я могу повторить то, что уже говорила. Некий старик Сиф, старый маг из Абдорры, родившийся в Вавилонии и прозванный Триболо-Истязатель, и некий катар-еретик Матезиус помогли мне. Я нашла тайные книги Торквата в подземелье замка Процинта. По этим книгам старик Сиф по моему приказу искал секрет золотоделия и великой панацеи. Секрета он не нашел, и я не знаю, где сейчас находится маг старик Сиф. Последний раз я видела его в городе городов. Все мои книги пропали там же в горящем Константинополе, когда я подверглась ужасному нападению на себя. Только малая часть книг осталась у монаха Викентия в монастыре Барре. Но монах Викентий тоже умер. Моя вина”.

Ее спросили, в чем заключается эта ее вина.

Она ответила: “Я погубила многих”.

Ее спросили, где теперь находятся упомянутые ею тайные книги и в чем истинная ее вина, заставляющая ее терпеть такую боль.

Она застонала и ответила, что не знает.

Тогда приказали привязать к станку веревки, оттягивающие ноги, и привязали. И сказали ей, что-

бы из любви к Богу она сказала правду прежде, чем прикрутят винты.

Она ответила, что некий старик Сиф, старый маг, родившийся в Вавилонии, и некий катар Матезиус, чистый, научили ее тому, что оставило в ее душе чувство вины перед Богом. А монах Викентий из Барре изучал старые книги по своей воле, она даже доверила ему часть тех книг, что были извлечены ею из тайников замка Процинта.

Потом она сказала, что не знает больше, что говорить.

Приказали привязать ее к станку за каждое бедро отдельной веревкой, по веревке сверху, и над коленями, и еще за ступни, по веревке на каждой. Затем в каждую веревку вставили палку — к рукам, к бедрам, к ступням, и привязали ей голову, и сказали, что просят из уважения к Богу чистосердечно сказать им правду еще до поворота винта.

Она ответила: “Я готова служить Богу”.

И заплакала.

И за нежелание сказать правду приказали прикрутить веревку у ее правой руки, и прикрутили.

Она заплакала и ничего не сказала.

Тогда прикрутили палку левой руки и сказали, чтобы сказала правду. Она закричала, плача: “Прощай, пресвятая Дева Мария!”

Тогда приказали прикрутить другую палку от левой ноги и попросили сказать правду.

Она закричала и заплакала. Но потом сказала, что имела связь с разными людьми в Константинополе и среди них многие были отступниками, ерети-

ками и магами. А крест на ее левой груди начертан там же в городе городов Константинополе святым человеком. Об этом брат Ганелон знает. Брата Ганелона спросите.

Тогда сказали, чтобы она указала, где спрятаны тайные нечистые книги, раскрывающие тайну получения золота и великой панацеи. Ей сказали, что такие книги опасны для веры, что они совращают и затемняют умы. Она сама служит тому примером.

И она сказала, что не знает.

Тогда приказали прикрутить палку от правой ноги и сказали, чтобы говорила правду.

Она крикнула: “Иисус! Мария!”

Тогда было приказано прикрутить палку с правого бедра.

Она крикнула несколько раз: “Иисус! Мария!”

Тогда ее еще раз попросили сказать правду из любви к Богу.

Она ответила: “О, Господи! О, пресвятая Дева! Разве я знаю, что говорить?” И застонала и ничего не сказала более.

Тогда приказали прикрутить палку у левого ее бедра, и прикрутили.

Она застонала.

Тогда было приказано прикрутить палку от нижней части ее ноги, и прикрутили.

Она ничего не сказала.

Тогда было приказано прикрутить палку от правой ноги, и прикрутили.

Она ничего не ответила, но впала в забытие.

Тогда приказали принести чашку с холодной во-

дой и поднесли эту чашку к ее лицу. А когда она открыла глаза и увидела мир, еще раз сказали ей, чтобы она сказала правду.

Она ничего не сказала, но снова впала в забытье.

Тогда приказали облить ее холодной водой, и облили. И она сказала: “О, Господи, чего они хотят от меня?”

Тогда ее облили из второй чашки с водой.

Она открыла глаза, и ей сказали, чтобы она сказала всю правду прежде, чем ее снова подвергнут пытке. И, заплакав, она сказала: “Я не знаю, чего хотят ваши милости”.

Ей ответили, что хотят, чтобы сказала правду.

Снова заплакав, она сказала, что отрекается от своего отца.

Ее спросили, почему она отрекается от своего отца?

Она несколько раз прочла молитву и сказала, что ее отец богохульник и еретик.

Тогда приказали облить ее холодной водой всю, когда она открыла глаза, спросили, не хочет ли она сказать, верует ли она в Бога Отца, в Бога Сына и в Бога Духа Святого?

Она сказала: “Верую”.

Тогда еще раз облили ее водой и спросили, верует ли она в Иисуса Христа, родившегося от пресвятой Девы Марии, страдавшего, воскресшего и восшедшего на небеса?

Она сказала: “Верую”.

Тогда спросили, верует ли она в то, что за каж-

дой обедней, совершаемой святой братией, хлеб и вино божественной силой превращаются в кровь и в тело Христово?

Она сказала: “Верую. Разве я не должна верить в это?”

И еще сказала: “Верую во все, во что верует Святая мать римская церковь и чему она публично нас поучает”.

Тогда сказали ей: если так, то почему она не хочет сказать всей правды, которую знает?

Заплакав, она ответила: “Отпустите меня. Я уйду в монастырь молиться Богу за ваши милости”.

Потом она вновь заплакала.

А потом застонала и добавила, что если останется живой, то утопится в колодце замка Процинта...”

ЭПИЛЕГЕМОНЫ. ДОПОЛНЕНИЯ

Дама и друг ее скрыты листвою благоуханной
беседки живой. “Вижу рассвет!” — прокри-
чал часовой.

Боже, как быстро приходит рассвет!

Не зажигай на востоке огня. Пусть не ухо-
дит мой друг от меня. Пусть часовой до-
жидается дня.

Боже, как быстро приходит рассвет!

Нежный, в объятиях стан мой сдави. Сви-
щут над нами в ветвях соловьи. Сплетням
назло предадимся любви.

Боже, как быстро приходит рассвет!

Нежный, еще раз затеем игру. Птицы рас-
пелись в саду поутру. Но часовой уже дует
в трубу.

Боже, как быстро приходит рассвет!

Дышит возлюбленный рядом со мной. В
этом дыханье, в прохладе ночной словно бы
нежный я выпила зной.

Боже, как быстро приходит рассвет!

Дама прельстительна и весела и красотой
многим людям мила. Сердце она лишь люб-
ви отдала.

Боже, как быстро приходит рассвет!

V—VIII

“...сделал шаг, и еще шаг.

Он никак не мог понять, действительно ли где-то вдалеке, может, в деревне, поют альбу, песнь утреннюю, или только так кажется?

Боже, как быстро приходит рассвет...

Внезапная острая боль отдавала под ключицу, томила сердце, выламывала суставы, но Ганелон чувствовал — сегодня болезнь не сможет победить. Сегодня болезнь не отнимет у него разума, не затмит глаза серыми мухами, не бросит в корчах на землю. Он научился чувствовать такое, почти год проведя в тесной келье Дома бессребреников под неустанным наблюдением и попечением святого отца Фомы, опытного лекаря, весьма сведущего в болезнях.

Не зажигай на востоке огня.

Пусть не уходит мой друг от меня...

Брат Одо!

Молюсь неустанно за тебя, брат Одо. В рай ты введен, верую.

Ганелон остановился.

Клуатр, внутренний дворик, в Доме бессребреников был мал и тесен. Со всех сторон нависала над ним деревянная простая галерея. На узких клумбах неярко цвели кусты чайных роз.

Ганелон уже трижды обошел клуатр.

Он уже трижды повторил про себя святой Розарий — и крестное знаменье, и “Отче наш”, и “Радуйся, Мария”, и “Слава Отцу”, и “О, Мария, без

первородного греха зачатая”, и “О, Иисусе”, и еще трижды повторил “Отче наш”, а потом “Верую”.

Боже, как быстро приходит рассвет...

В очередной раз обойдя клуатр, Ганелон остановился.

За настежь раскрытыми воротами Дома бессребреников лежало голое поле, за ним угадывалась невидимая река.

Поет кто-то альбу или дальний голос на самом деле звучит только в нем, внутри, как звучали, теснились в нем во время долгой его болезни самые разные голоса? Верить собственному слуху или молиться?

В душе Ганелон торжествовал. Его давний обет был выполнен. Его сестра по крови Амансульты ушла, раскаявшись. Душа несчастной Амансульты спасена. И это он, Ганелон, спас ее душу.

Пусть цепи тяжкие, железные, пусть одеяния позорящие, пусть столб деревянный, пропитанный смолой, но обернутый сырой соломой, пусть вопящая чернь, запрудившая площадь, — зато душа Амансульты спасена, она вырвана из рук дьявола.

А огонь костра...

Неужели из опасения кратковременного пламени, в котором погибают столь немногие, предоставить всех грешников вечному огню геенны огненной?

Отцы церкви правы: страдания очищают.

Пытка водой.

Пытка веревками.

Очищающая пытка.

Твои близкие, сестра, сожжены, сказал себе Га-

нелон. Он привык разговаривать сам с собой. Твои близкие, сестра, сожжены, а те, которые спаслись, рассеяны по миру и лишены всех прав и имущества. Их водили по площадям в одеждах бесчестия, расписанных черными крестами, их заставляли много раз каяться в своей вине, зато твоя душа спасена, сестра.

Сырой каменный мешок.

Тяжелая плеть с узлами, пыточные машины. Серая пыль, серая паутина, писк мышей.

Сладкий запах горелого мяса. Добела раскаленные щипцы. Острые шипы и крапивные веревки. Наконец, зевающий писец, скучно окунающий перо в чернильницу.

Боже, как быстро приходит рассвет...

Железная чашка на трех ногах, похожая на мертвого паука. Сыромятные ошейники, кожаные ремни. Ржавые цепи, кольца в стене. Рожок для вливания в горло кипящего масла.

И — раскаянье.

Абсолютное раскаянье и признание. Абсолютное признание всех возможных своих вин. Только так можно вырвать из рук дьявола несчастную заблудшую человеческую душу, рабу дьявольскую превратить в божью.

Душу твою я спас.

Я помогал тебе, Амансульта, перивлепт, уговорами, смягчал ужасную пытку добрыми увещеваниями, смиренно укорял за молчание, от всей души утешал в близком очищающем страдании, готовил тебя вместе с другими святыми братьями к сожжению и даже сам подкидывал в костер хворост — спасал!

Ганелон перевел дыхание.

Год.

Прошел год.

С того дня, как на костре сожгли Амансульту, прошел год.

Но, наверное, даже десять лет, если бы они уже прошли, не погасили воспоминаний.

Выжженный Барре, сладко пахнувший дымом и трупами... Убитые в полях, на дорогах, в переулках, в собственных дворах... Нагой мертвый монах Викентий, повешеный конниками благородного мессира Симона де Монфора в монастырском саду на толстом суку старой груши...

Торжество святой веры.

Дело святой веры восторжествовало, сестра. Дело святой веры не могло не восторжествовать, ибо угодно Богу.

Граф Раймонд Тулузский, грязный отступник, мерзкий покровитель еретиков, убоясь гнева божия, сам в смирении и раскаянье явился на место убийства святого отца Вalezия.

В окружении святых епископов и при большом стечении народа папский легат накинул на шею кающегося графа епитрахиль и ввел его, как бы на поводу, в собор, тогда как присутствующие, все, кто как мог, хлестали прутьями по обнаженной спине раскаявшегося еретика.

Празднуй торжество, Ганелон!

Вот, страдая, спрашиваем: “Господи, за что?” Не лучше ли о том спросить радуясь?

Замки многих богохульников и еретиков напроць сыты с лица земли или сожжены, земли богохульников и еретиков розданы истинным христианам, отличившимся в деле веры.

Брат Одо...

Прихрамывая, сильно кося левым глазом, подбирая рукой полы волочащейся по земле рясы, Гане-

лон медленно еще раз обошел пристройку и молча остановился перед задней наружной стеной Дома бессребреников, украшенной каменным барельефом с поучительными сюжетами.

Страшный суд.

Жизнь предшествовавшая.

С волнением, все более сильным, Ганелон как никогда внимательно всматривался в изображенных на барельефе каменных львов, в искусно выполненную каменную лозу, в купы крошечных каменных яблонь, увешанных еще более крошечными каменными плодами.

С волнением, все более сильным, прислонясь к каменной колонне, странно, как карта, разрисованной налетом сухой плесени, Ганелон как никогда внимательно всматривался в искусные изображения крылатых зверей, неразумных дев, скромно долу опускающих взоры, дам, играющих на цитрах, наконец, в дьявольские, стремительно вытянутые фигурки бесов и в самого дьявола, со знающим и хитрым видом взвешивающего на больших весах души несчастных грешников и явно плутующего, явно пальцем кривым оттягивающего незаметно вниз чашку весов, нагруженную грехами.

“Отче наш, сущий на небеси... Да будет воля Твоя на небе и на земле...”

Страдающий Христос с каменного барельефа смотрел на Ганелона круглыми, близко поставленными к переносице глазами брата Одо.

Бренен мир.

Что удержишь в руках? Что нам принадлежит? Зачем привязываемся к внешним благам?

Красивые одежды блестят, сладостный курится дым над очагом, в поле трудится робкий раб, смеет-

ся дерзкая женщина — естественное зло, красиво раскрашенное. Взор такой женщины глубок, примагнивает, как бездна, робкий раб требует похвалы, красивые одежды привлекают внимание. Но разве это все приносит душе покой?

Самый робкий раб опасен для дома. Одежды, даже самые красивые, изнашиваются. Дерзкая женщина все равно обманет, все внешние блага, как крепко их не держи, выскользнут из рук.

Что причислить к собственности? О чем сказать — это мое, это мне принадлежит?

Круглые взметенные брови страдающего Христа, искусно выполненные из камня, смотрели на Ганелона.

Господи, ты страдал!

Ганелон вздрогнул.

Откуда-то со стороны выжженного, все еще не отстроившегося Барре, донесло негромкий удар колокола.

Господи, я умирал. Шел сквозь грех. Видел, как на моих глазах сжигали живых людей. В ужасных снах вождедел к сестре. Но ты же знаешь, что все это было по неведению, по слабости, по наваждению дьявольскому. В темной башне силы терял, умирал от голода и унижений, слушал злобный писк крыс, томился в тесной и зловонной деревянной клетке грифонов, был отравлен в римском подвале магом из Вавилонии, зрил рухнувший под напором рыцарей величественный город городов.

Грешен. Каюсь.

Мир все время в движении. Мир рождается и рушится. Ход времени подтачивает его берега. Вручную мы лепим защитные дамбы, но их размывает гораздо быстрее, чем мы успеваем строить. А

не строить нельзя. Ведь ход времени уносит из размываемой дамбы вовсе не песок, а человеческие души. Если не строить, дьявол обретет, не Господь.

Ганелон перекрестил грешные уста.

Стучащее сердце понемногу успокаивалось, начинало улавливать нужный ритм. Смятение уже не заливало голову жаркими волнами, не подергивало нервным тиком щеку.

Ганелон смиренно торжествовал. Сестра, я спас твою душу!

С раскаявшейся, с тебя, торжествовал он, сорвали одежды и отняли все украшения — вдруг это амулеты дьявола? На раскаявшуюся, на тебя надели грубую рубашку из самого простого полотна, распустили твои побелевшие от пыток волосы и под редкие зловещие удары колокола медленно повели сквозь неширокий проход, специально оставленный между грудями сухого хвороста.

Всякая чернь, простолюдины, вилланы, монахи, серженты, конники из отрядов сурового мессира Симона де Монфора — все орали восторженно, однако одинаково боясь встретиться с твоим взглядом.

Ганелон задохнулся.

Он это видел.

Он видел много костров.

Каждый костер выжег в его душе незримый след.

Все время, пока он жил, кто-нибудь кричал невдалеке, пытаясь спастись от огня. Кричали крестьяне, заживо сжигаемые в деревянном доме. Кричал тряпичник: “Сын погибели!” Вставало зарево над горячей христианской Зарой. Дымное пламя поднималось над величественными стенами города городов.

Но любой костер прогорал, даже самый высокий.

От тряпичника оставалась горстка пепла. От крестьян, заживо сгоревших в деревянном доме, нелепые обугленные кости. От сожженной ромейской империи, дышавшей на все стороны света, некое новое государство, впрочем, со столицей в том же Константинополе. Теперь уже не ромейское, а латинское государство, которое включало в себя Фракию, Македонию, Фессалию, Аттику, Беотию, Пелопоннес, острова Эгейи. И все равно брат Одо оказался прав: все это время истинная, самая страшная ересь плодилась и разрасталась не на Востоке, а здесь, на своей земле, чуть ли не под ногами апостолика римского. И не столько сарацинов коварного Саладина, сколько еретиков и богохульников, плодящихся и торжествующих, следует выжигать каленым железом и рубить на позорной плахе мечом. Только так, сжигая и убивая, можно убедить слабые души. Поэтому не имеет значения, что там горит — гигантская империя или какой-то жалкий катар, вопящий из огня: “Сын Сатанаила!”

Ганелон поднял голову и дрогнувшими ноздрями потянул воздух.

Дым.

Откуда-то вновь несло дымом.

Он повернул голову и понял, что дым несет со стороны реки.

Наверное, подумал он, ход времени неостановим и над миром всегда будет тянуть дымом.

Ход времени.

Неужели Амансульта права?

Неужели все опять повторится?

Неужели время придет и время уйдет, и вновь явится Петр Пустынный, подталкиваемый Господом, и вновь святые паломники двинутся на Восток,

карая огнем и мечом неверных, а новый монах Викентий в новом монастыре Барре усядется за новое “Великое зеркало”, тщетно пытаюсь соединить все когда-то найденное, но в ходе времени опять утраченное людьми? Неужели сама Святая мать римская церковь, как нерушимая скала восстающая над бурями, вновь поднимется совсем высоко, но рухнет, рухнет? И все будет снова расти, а потом рушиться? А потом снова и снова расти и рушиться, летя в некое неведомое будущее по божественной спирали, каждый круг которой всегда по духу своему противоположен предшествовавшему?

Как допустит такое Бог?

Зачем ему спираль вечности?

Кончится ли когда-нибудь ход времени? Или никогда нельзя этого постичь, стоя на земле, вглядываясь в печальную даль осени, вдыхая резкий, настоящий на запахе дыма, томящий и печалющий холодок осени?..”

VII

“...дым.

Дым сладкий.

Дым, несомый с реки.

Смешался с размеренными ударами отдаленного колокола.

Ганелон задохнулся.

Сестра, я спас твою душу.

Я спас твою душу, я спас твою душу, я спас твою душу, я спас твою душу, но все с той поры пахнет для меня дымом”.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ И ДРУГИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ В РОМАНЕ

Алар Макеро, фламандский рыцарь-крестоносец. Представитель Бодуэна Фландрского на переговорах с Венецией.

Алексей IV Ангел (1182/83—1204), византийский император с 1203 года. Сын Исаака II Ангела. Был свергнут Мурцуфлом и убит.

Альенора (Алиенора, Элеонора) Аквитанская (ок. 1122—1.4.1204), герцогиня Аквитанская, супруга (1137—1152) короля Франции Людовика VII, супруга английского короля Генриха II (1152—1189), мать королей Англии Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного. Дочь аквитанского герцога Вильгельма X. Вместе с Людовиком VII участвовала во Втором крестовом походе. Покровительница трубадуров, орга-

низатор литературного кружка при своем дворе в Пуатье. Талантливый политик.

Альом де Клари (?—1256), амьенский клирик, участвовавший в Четвертом крестовом походе, брат Робера де Клари, участника того же похода и автора книги “Завоевание Константинополя”.

Альфонс VIII Кастильский (1155—1214), король Кастилии с 1158 по 1214 год. Сын Санчо III. Долгие годы боролся за независимость своего королевства от Лео-на и Наварры. В 1185 году потерпел поражение в битве с Альмохадами, но в 1212 году взял реванш в сражении при Лас Навас де Толоса.

Андрэ де Дюрбуаз (Дюбуаз, ?—1206), французский рыцарь-крестоносец. Принадлежал к семье или окружению епископа Нивелона де Кьерси. Активный участник штурма Константинополя. Позднее командовал одним из отрядов во Фракии. Погиб в битве при Руссе 31 января 1206 года.

Аристотель (384—322), великий древнегреческий философ и энциклопедист, основатель перипатетической школы. Учился в Академии Платона; был наставником Александра Македонского. В 335 году до н.э. основал учебное заведение в Ликее. Написал труды по истории государственного устройства, истории Афин, занимался этикой, поэтикой, риторикой, физикой, математикой и т.д. В средние века его философские трактаты пользовались большим авторитетом как в Европе, так и на арабском Востоке.

Арнольд Амальрик, папский легат в Лангедоке. Идейный руководитель крестового похода против катар.

Бертольд фон Каценеленбоген (Катценеленбо-

ген, во французской традиции — Бертран де Шасснель ан Буш), немецкий граф гибеллин, участник Четвертого крестового похода.

Бертран де Борн (?—1210), знаменитый трубадур, пик его творчества пришелся на 1181—1194 годы. Автор стихов и романов.

Бодуэн (Балдуин) IX Фландрский (1171—1206), граф Фландрии (1194—1205) и Эно (1195—1205), один из вождей Четвертого крестового похода, основатель и первый император (под именем Бодуэна I, 1204—1205) Латинской империи, созданной на территории бывшего Византийского государства. Принял крестоносный обет в Брюгге 23 февраля 1200 года. 14 апреля 1205 года разбит болгарским царем Калояном в битве при Адрианополе. Умер в болгарском плену.

Бонифаций Монферратский (ок. 1150—1207), знатный ломбардский сеньор, один из предводителей Четвертого крестового похода, король Фессалоникийский (1204—1207).

Василий I (?—29.8.866), византийский император с 867 года, основатель Македонской династии. По происхождению македонский крестьянин. В 866 году стал соправителем Михаила III. Убив его, захватил престол.

Георгий Победоносец (? — ок. 303), святой, великомученик. Занимал высокий воинский пост в эпоху гонений Диоклетиана. Происходил из знатного каппадокийского рода. Погиб в Никомидии.

Ги (Гюи) де Монфор, брат (сын?) Симона де Монфора, рыцарь-крестоносец.

Ги де Плесси (Плэсси), французский рыцарь-крестоносец из Шампани.

Гийом Шартрский (**Гийом де Феррьер**, ?—1204), видам Шартрский, участник Третьего и Четвертого крестовых походов. Вместе с Рено де Монмирай в марте 1203 года уехал в Сирию. Член ордена тамплиеров с 1190 года. Известен и как поэт, автор ряда канцон.

Гомер (вероятно, VIII век до н.э.), великий древнегреческий поэт, по традиции считается автором “Илиады” и “Одиссеи”. За право быть его родиной в древности между собой спорили многие полисы Греции, но наиболее обоснованы притязания Смирны в Малой Азии и острова Хиос.

Готье де Годонвиль, вассал Луи Блуаского. Входил в состав посольства, направленного в Венецию для переговоров о найме флота.

Гуго де Сен-Поль, пикардийский граф, кузен Пьера Амьенского, участник Третьего и один из предводителей Четвертого крестового похода. Участвовал в церемонии коронации Бодуэна I, неся его меч. Правитель Дидимотики, коннетабль. Умер от подагры. Останки перевезены во Францию и захоронены в аббатстве Серкам.

Диоклетиан, Гай Аврелий Валерий (245—3.12.316), римский император с 17 ноября 284 года по 1 мая 305 года. Родом из Далмации, по национальности грек, настоящее имя Диокл. Избран императором за выдающиеся полководческие качества. Был основателем новой системы управления Римской империи — тетрархии и провел новое административное деление государства на диоцезы. Добровольно отказался от власти и умер на родине.

Дионисий (?—260), святой. Епископ александрийский в 247—264 годы. Во время гонений Деция в 250—

251 годы был вынужден скрываться, в годы гонения Валериана (257—258) был сослан. Церковный писатель и богослов.

Дрюэ де Кресонсак, французский рыцарь-крестоносец. В марте 1203 года вместе с Симоном де Монфором отбыл на службу к венгерскому королю.

Евклид (III век до н.э.), древнегреческий математик, автор первого дошедшего до нас теоретического трактата по математике. Жил и работал в Александрии. Главная работа “Начала” (в латинской традиции “Элементы”) содержит в себе описание планиметрии, стереометрии и т.д. Другой его трактат, “О делении фигур”, сохранился только в арабском переводе. Кроме того, написал сочинение “Конические сечения”. Известен также как автор работ по музыке, астрономии, оптике и т.д.

Жан де Фриз (Фризский, ?—14.4.1205), французский сеньор, участник Третьего и Четвертого крестовых походов. Входил в состав посольства, ведшего переговоры с Венецией о перевозе войска. После взятия Задара (Зары) был одним из членов посольства, направленного к Иннокентию III за “прощением” за это “деяние”. Погиб в битве при Адрианополе 14 апреля 1205 года.

Жан де Фрувиль, рыцарь-крестоносец, брат Пьера де Фрувиля. Вместе с ним в марте 1203 года отправился в Сирию.

Жоффруа де Виллардуэн (ок. 1150—1213/1218), французский рыцарь, маршал Шампани. Участник Третьего и Четвертого крестовых походов. Принял крест 28 ноября 1199 года вместе со своим сюзереном Тибо III. Участник всех дипломатических переговоров и боевых ак-

ций времен Четвертого похода. Автор книги “Завоевание Константинополя”, одного из основных источников по истории этого похода.

Занги (Зенги, 1084—1146) Имад ад-Дин, основатель тюркской династии, контролировавшей Сирию и северный Иран с 1127 по 1222 год. В 1127 году стал атабеком (правителем) Мосула благодаря поддержке, оказанной им сельджукскому султану Мехмеду II. В 1144 году захватил г. Эдессу, чем подтолкнул крестоносцев ко Второму походу. Убит в 1146 году.

Имре, венгерский король (1196—1204), преемник Бэлы III (1172—1196).

Иннокентий III (1160/61—16.7.1216, в миру Лотарио ди Сеньи), римский папа с 1198 года. Происходил из графского рода. Самый молодой папа из выбиравшихся в средние века на этот пост. Боролся за могущество папского Рима, активно вмешивался в дела европейских государств — Англии, Франции, Германии и т.д. С 1198 года — опекун Сицилийского королевства. Короли Англии, Арагона, Португалии и царь Болгарии признали себя вассалами папского престола. Иннокентий ликвидировал автономию г. Рима, восстановив таким образом власть папы на всей территории папского государства. Инициатор и духовный вождь Четвертого крестового похода. В 1202 году санкционировал создание Ордена меченосцев, в 1209 году призвал к европейскому крестовому походу против альбигойцев. При нем были образованы нищенствующие ордена францисканцев и доминиканцев, ставшие важным орудием в проведении папской политики на территории Европы.

Исидор Севильский (ок. 560—4.4.636), испанский

церковный деятель и писатель, ученый. С 600 года архиепископ Севильский. Прославился как автор сводного компилятивного труда “Этимологии” в 20 книгах, в котором были сведены все основные знания об окружающем мире. Написал также исторический труд “История королей готов, вандалов и севов”, ряд богословских произведений.

Калигула, Гай Цезарь Германик (31.8.12—24.1.41), римский император с 18 марта 37 года н.э. Сын Германика и Агриппины. Воспитывался и вырос в военном лагере среди солдат в Германии. Свое прозвище (Калигула, “сапожок”) получил тогда же, поскольку ему была сшита специальная военная форма, в том числе и военные сапоги, которые назывались калиги. Его правление отличалось деспотизмом и произволом, поскольку его мать и два старших брата были убиты по приказу его предшественника и дяди Тиберия. Страдал манией преследования. Убит в результате заговора.

Кассиодор, Флавий Магн Аврелий (ок. 480—ок. 575), ученый, писатель, политический деятель. При остготских царях занимал посты консула, магистра официальных посланий и документов “Варии”, знаменитого дидактического трактата “Наставления в науках божественных и светских”. Оформил канон школьной образовательной программы, включавшей в себя так называемые “семь свободных искусств”.

Конон де Бетюн (1150—1219/20), видам Шартра и шателен де Кюси, французский рыцарь-трувер, участ-

ник Третьего и Четвертого крестовых походов. Принимал участие в переговорах с Венецией. Был назначен вместе с тремя другими рыцарями содействовать распределению денег между нуждающимися участниками похода. В Латинской империи носил титул протовестиария (сенешаля). После смерти императора Анри бароны избрали его правителем империи.

Конрад Монферратский (1146—28.4.1192), маркиз Монферратский и король Иерусалимский (1192). Один из предводителей Третьего крестового похода. Успешно защищал от сарацинов в 1187 году Тир, правителем которого в результате и стал. Убит ассасинами. Смерть Конрада приписывалась проискам Ричарда I и Саладина, которые восприняли ее с большой радостью.

Леонард (ум. ок. 559), святой, пустынный лиможский. Родом из знатной семьи, основатель монастыря близ Лиможа. Проповедовал христианство язычникам Аквитании и Иберии. Во Франции считается покровителем рожениц.

Лукиан (ок. 120—после 180), греческий писатель. Родился в семье мелкого ремесленника. Свои основные произведения — сатирические диалоги — создал в 165—180 годы в Афинах. В творчестве Лукиана заметно влияние стоической и кинической философии.

Людовик (Луи) Шартрский (1171—15.4.1205), граф Блуа и Шартра, один из предводителей Четвертого крестового похода. Участвовал в битве 14 апреля 1205 года с болгарским царем Калояном и от полученных ран скончался.

Людовик VII (1119/1121—18.9.1180), французский король с 1137 года из династии Капетингов. Пред-

водительствовал во Втором крестовом походе. В 1152 году развелся с Альenorой (Элеонорой) Аквитанской, что привело к утрате Францией Аквитании.

Магомет (Мухаммед), Ахмад бен Абд Аллах (ок. 570—632), основатель религии ислам и первой общины мусульман. По представлениям мусульман, пророк Аллаха и его посланник, через которого был передан людям текст Корана. 22/24 сентября 622 года переселился из Мекки в Медину (Ясриб), и с этой даты мусульмане ведут отсчет лет новой эры по хиджре (переселению).

Макробий, Амвросий Феодосий (ок. 400—?), эрудированный латинский писатель и чиновник, находившийся в оппозиции к христианской религии. Член кружка Симмаха. Сохранился неполный текст его сочинений “Сатурналии”, написанных в форме застольной беседы, в ходе которой разбираются проблемы грамматики, философии, риторики и т.д. Написал также комментарии к сочинению Цицерона “Сон Сципиона”, а также трактат, посвященный греческим и римским глаголам.

Мануил I Комнин (ок. 1122—1180), византийский император с 1143 года. Успешно пытался восстановить прошлое величие Византии, в результате чего добился признания супрематии по отношению к крестоносным государствам в Антиохии и Иерусалиме (1159), в 1167 году захватил Далмацию, Хорватию и Боснию. В результате неверной политики по отношению к европейским государствам потерпел поражение от турок-сельджуков в Малой Азии при Мриокефалоне в 1176 году.

Мария Шампанская (?—9.8.1204), супруга Бодуэна IX, графа Фландрии и Эно, сестра Тибо III, графа

Шампани и Бри. Приняв вместе с мужем 23 февраля 1200 года крестоносный обет, осталась из-за беременности дома. В начале 1204 года отправилась в Марсель, чтобы отплыть к мужу в Сирию, но по дороге скончалась.

Милон де Брабант (ум. ок. 1224 г.), сеньор Шампани, участник Четвертого крестового похода. Принял крест в 1199 году вместе с Тибо III. Был одним из посланцев на переговорах с Венецией. Занимал пост советника при Бодуэне I и Анри II, участник многих сражений против греков и болгар в 1206—1208 годы. Носил титул “бутелье” (кравчего).

Мурцуфл (Морчуфль, Мурзуфл), византийский император Алексей V Дука. Византийский вельможа, спровоцировавший Алексея III на заговор против Исаака II. 5 февраля 1204 года сверг Алексея IV, убил его и провозгласил себя императором. Отличался открытой враждебностью по отношению к крестоносцам.

Нерон, Клавдий Цезарь (37—68), римский император (с 54 года) из династии Клавдиев. В первые годы правления занимал позицию, близкую сенату, находясь под влиянием префекта претория Бурра и философа Сенеки. Затем перешел к политике конфискаций и репрессий. В числе жертв — мать Нерона, Сенека, Лукан, Петроний. В 68 году против него восстали наместники провинций Виндекс и Гальба. Покончил жизнь самоубийством. Источники рисуют Нерона распутным и развратным человеком, отдавшим дело управления империей в руки своего окружения.

Николай (первая половина IV века), святой, покровитель путников и моряков. Прославился своими чудотворными способностями.

Никомах из Герасы (ок. 100), греческий математик и философ. Автор “Введения в арифметику”, в которой содержатся начала теории чисел (деление их на простые, составные, взаимно простые и т.д., учение о пропорциях). Писал и о музыке.

Орри Ильский (де л’Иль), французский рыцарь-крестоносец, погиб 31 января 1206 года в битве при Руссе.

Петр Пустынный (или **Петр Амьенский**, ок. 1050—1115), аскет, идеолог Первого крестового похода. Был военным, потом удалился от света. После взятия Иерусалима возвратился на родину и основал в Гюи (Пикардия) в 1099 году августинский монастырь, настоятелем которого он и был до смерти.

Пифагор Самосский (ок. 570—ок. 500 до н.э.), древнегреческий мыслитель, религиозный и политический деятель, основатель пифагореизма. Согласно легенде, Пифагор являлся полубогом, наследником всех древних знаний и посвященным в мистерии древности. В возрасте сорока лет поселился в южноиталийском г. Кротона, где основал закрытое общество, члены которого почитали его. В области математики ему приписывают введение системы доказательств в геометрии, создание учения о подобии, доказательство известной теоремы.

Понтий Пилат, с 26 года н.э. наместник Иудеи. Отстранен от должности в 36—37 годы. Покончил с собой в 39 году. По христианской традиции, приговорил к распятию Иисуса Христа.

Птолемей, Клавдий (после 83—после 161), выдающийся астроном, астролог, математик, географ. Уроже-

нец Египта, работал в Александрии. Считается наряду с Аристотелем одним из основателей мировой науки.

Пьер Амьенский, один из предводителей рыцарства области Амьенуа, принадлежал к семейству шателенов Амьена. Старший сын Дрэ Амьенского, участника Третьего крестового похода. Входил в состав отряда Гуго де Сен-Поля.

Пьер де Брешоль (Пьер де Брасье или Браше, 1170—1209), рыцарь-крестоносец из Бовези, вассал Луи, графа Блуаского, брат Гюго де Брасье. К крестоносцам присоединился после захвата Задара (Зары). Прославился храбростью и благородством. В 1209 году ненадолго вернулся в Бовези, но вскоре уехал назад. Попал в плен к грекам, предводитель которых Федор Ласкарь приказал содрать с него кожу.

Пьер де Фрувиль, французский рыцарь-крестоносец. В марте 1203 года покинул вместе с Рено де Монмирай и другими войско, стоявшее в Задаре, и уехал в Сирию. После коронования Бодуэна, вероятно, прибыл в Константинополь. Бежал из города 17 апреля 1205 года.

Пьетро Капуанский, кардинал (1192—1214), уроженец Амальфи. Кардинал-дьякон церкви Св. Марии в Виа-Альта, позднее кардинал-пресвитер церкви Св. Марсилия. Папский легат, на которого была возложена миссия примирения Филиппа II и Ричарда I. Во Францию Иннокентий III направил его 14 августа 1198 года. Ему удалось добиться перемирия (январь 1199 года), что облегчило сборы французского ополчения в Четвертый поход.

Рабан (Храбан) Мавр (766/788—856), франкский теолог и писатель. Родился в Майнце. Около девяти лет вступил в бенедиктинский монастырь в Фульде.

В 801 году — дьякон. С 806 года находился на обучении в Турском монастыре у известного педагога и церковного писателя Алкуина. По возвращении в Фульдский монастырь возглавил церковную школу. Прославился как комментатор библейских текстов, историк, педагог, автор учебных пособий. С 825 по 847 год аббат Фульдского монастыря, а с 847 года и до смерти — архиепископ Майнцский.

Раймонд VI Тулузский (1156—1222), граф с 1184 года. Опираясь на города Лангедока и своих вассалов-альбигойцев, Раймонд, не разделяя их религиозных взглядов, пытался расширить свои владения. Выступил в альбигойских войнах против крестоносцев. В 1213 году его войска были разгромлены, а в 1215 году после падения Тулузы бежал в Англию, но впоследствии вернул большую часть своих владений.

Рено де Монмирай (?—18.4.1205), барон-крестоносец, брат графа Эрве Неверского, вассал французской короны, сын Эрве II де Донзи, правнук Тибо II Шампанского. Родственник Луи Блуаского. Участник битвы при Адрианополе.

Ричард I Львиное Сердце (8.9.1157—6.4.1199), английский король с 1189 года из династии Плантагенетов. Младший сын Альеноры Аквитанской и Генриха II Плантагенета. Участник Третьего крестового похода. На обратном пути домой попал в плен к австрийскому герцогу Леопольду V, который передал его германскому императору Генриху V. Был выпущен из плена только в 1194 году за большой выкуп. Талантливый воин, он отличался грубостью и жестокостью, за что и получил свое прозвище.

Робер де Бов (?—1224), пикардийский рыцарь-крестоносец, старший брат Ангеррана де Бов. Во время осады Задара, выступая от имени рыцарей — противников войны, пытался уговорить жителей города не сдаваться на милость Венеции. В войско не вернулся, а уехал в Сирию. Во Францию возвратился в 1209 году.

Робер де Клари (ок. 1180?—после 1216), французский рыцарь-крестоносец из Пикардии, участник Четвертого крестового похода, автор хроники “Завоевание Константинополя”.

Робер Монвуазен (Мовуазен), французский рыцарь-крестоносец, в 1203 году вместе с Симоном де Монфором уехал в Венгрию.

Саладин (Салах-ад-Дин) Юсуф ибн Айюб (1138—4.3.1193), правитель Египта с 1171 года, основатель династии Айюбидов. Курд по происхождению. Сын одного из военачальников сирийского султана Нур-ад-Дина. В 1164—1169 годы участвовал в походах в Египет. С 1174 года султан. 3—4 июля 1187 года разгромил крестоносное войско под Иерусалимом, а 2 октября 1187 года взял город, изгнав впоследствии крестоносцев из большей части Сирии и Палестины.

Сенека (4 до н.э.—65 н.э.), римский политический деятель, писатель, философ. Идеолог сенатской аристократии, в 41—49 годы находился в ссылке. В 49—54 годы был воспитателем будущего императора Нерона. После неудачи заговора Пизона по приказу Нерона покончил жизнь самоубийством. Автор 15 трактатов, 9 трагедий, сборника “Письма к Луцилию”. В своей философии сочетал стоицизм с элементами других учений, утвер-

ждавших образ идеального мудреца, отрешенного от мирской суеты.

Сильвестр II (Герберт, 940/945—1003), римский папа в 999—1003 годы. Происходил из бедной семьи. Учился в Реймсе и Флери, монах бенедиктинского монастыря. В 970 году попал в Рим, откуда император Отто I пригласил его к своему двору в Равенну и поручил обучение своего сына. В 997 году уехал из Франции, с 998 года архиепископ Равеннский. Известный ученый — математик, астроном, философ.

Симон IV Монфор, сеньор Монфора и Эпернона с 1181 года, вассал французской короны. Видный участник Четвертого крестового похода. В 1202 году отделился от войска и уехал в Венгрию, затем в Сирию. Шесть лет спустя встал во главе крестового похода северофранцузского рыцарства против альбигойцев южной Франции.

Симон де Нофль, рыцарь, участник Четвертого крестового похода. В 1203 году вместе с Симоном де Монфором отправился в Венгрию.

Солин, Гай Юлий (III век н.э.), латинский писатель. Издал “Собрание вещей достопамятных”, тип антологии с описанием географических, природных и иных достопримечательностей. Основывался на трудах Плиния Старшего.

Теодорих Великий (454—526), остготский король с 471 года. После взятия Равенны и убийства Одоакра основал в 493 году относительно независимое от Византии государство. Проводил политику сближения остготов с другими варварами и римлянами.

Тибо III Шампанский (13.5.1179—24/25.5.1201), граф Шампанский и Бри (1197—1201), второй сын гра-

фа Анри I Щедрого и Марии, дочери Людовика VII от брака с Альенорой Аквитанской, племянник Ричарда I и Филиппа II Августа. С апреля 1198 года вассал французской короны. Умер во время приготовлений к Четвертому крестовому походу.

Тьерри де Лоос (Лооский), немецкий рыцарь-крестоносец, сенешаль Латинской империи.

Урбан II (1042—29.7.1099), римский папа с 1088 года. В миру Одон де Лажри или Эд де Шатийон. Во внешней и внутренней политике папства продолжал политику папы Григория VII. В Италии вел успешную борьбу с императором Генрихом IV и его ставленником антипапой Климентом III. Вернулся в Рим и окончательно восстановился на престоле в 1094 году. На Клермонском соборе 1095 года провозгласил начало Первого крестового похода.

Аль-Фергани Ахмед ибн Мухаммед ибн Кассир (латин. форма — **Альфраганус**), среднеазиатский астроном IX века. Написал трактат “Книга о небесных движениях и свод наук о звездах”, представлявший собой краткую энциклопедию по астрономии, которая в XII веке была переведена с арабского на латинский язык, а в XIII веке и на другие европейские языки. Впервые этот труд напечатан в Ферраре в 1493 году.

Филипп II Август (21.8.1165—14.7.1223), французский король с 1180 года из династии Капетингов. Сын Людовика VII и Адели Шампанской, ярый враг Ричарда I. Участник Третьего крестового похода.

Филипп Швабский (26.7.1178—21.6.1208), германский король с 1198 года. Из династии Гогенштауффе-

нов, четвертый сын Фридриха Барбароссы. Был женат на дочери Исаака II Ангела Ирине.

Фока (?—610), император Византии с 602 года. Будучи центурионом византийского войска на Дунае, возглавил военный мятеж против императора Маврикия. В 607 году, получив политическую поддержку папства, признал папу главой всей христианской церкви. В результате неудачной войны с персидским шахом Хосровом II в 608 году против Фоки вспыхнуло восстание, поднятое экзархом Карфагена. Его сын Ираклий низложил Фоку, казнил и стал новым императором Византии.

Фридрих I Барбаросса (ок. 1125—10.6.1190), германский король с 1152 года, император Священной Римской империи с 1155 года. Из династии Штауфенов. Племянник императора Конрада III. Погиб во время Третьего крестового похода, утонув в реке Салеф в Малой Азии.

Хильдегарда Бингенская (1098—1179), святая, аббатисса построенного ею монастыря Рупертсберг близ Бингена. Славилась как пророчица. Ее пророческий дар был признан в 1147 году папой Евгением III. Происходила из рыцарской семьи. Сохранился труд “Путеведение, или Три книги видений и откровений”, первая книга немецкого мистицизма. Известна и как автор духовных песнопений.

Эд III Бургундский, граф Бургундский (1193—1218), кузен Тибо III.

Энрико Дандоло (1107—1205), венецианский дож с 21 июня 1192 года. Принадлежал к патрицианскому роду, упоминавшемуся еще в X веке. По праву считается

основателем Венецианской колониальной державы. Ко времени Четвертого крестового похода ему было 92 года.

Эрве де Шатель, французский сеньор-крестоносец из области Шартра. 30 марта 1203 года вместе с Рено де Монмирай и другими крестоносцами уехал как бы на переговоры в Сирию, откуда вопреки обещаниям назад в войско не вернулся.

Этьен Першский (дю Перш), брат графа Жоффруа III Першского, покровитель Гаусельма Файдита.

Юлиан Отступник, Флавий Клавдий (331—363), римский император (361—363). Племянник Константина Великого. На его духовное становление большое влияние оказал евнух Мардоний, поэтому с малых лет Юлиан был тайным приверженцем язычества. В 355 году провозглашен цезарем и наместником Галлии. В 360 году восставшие легионы провозгласили Юлиана августом, но единолично он стал править империей после смерти Константина в 361 году. Юлиан расширил права муниципальных курий, уменьшил дворцовый штат. Объявив себя сторонником языческой религии, он провел реформу в духе неоплатонизма. Восстановил языческие храмы, издал два эдикта против христиан. Автор ряда речей, писем, трактатов. Погиб во время персидского похода у р. Тигр. Христианские историки рассматривали сам факт его смерти как наказание за безбожие и антихристианскую политику.

Юстиниан I (482—14.11.565), император Византии с 527 года. Происходил из крестьянской семьи; на престол взошел благодаря своему дяде, императору Юстину I (518—527). В своей внешней и внутренней политике стремился вернуть империи могущество времен ве-

ликого Рима. Всемерно укреплял императорскую власть, ограничивая влияние сенаторской аристократии. Большую роль в определении его политических устремлений играла его супруга Феодора, бывшая цирковая артистка. При Юстиниане была проведена кодификация римского права (создан “Свод гражданского права”), административная реформа (535—536). По всей империи велось масштабное гражданское, военное и церковное строительство (в том числе построен знаменитый собор Св. Софии в Константинополе). Император вел успешные войны с вандалами (533—534), остготами (535—555), иранцами (527—532, 540—561).

ХРОНИКА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

1095, ноябрь — на Клермонском соборе во Франции папа Урбан II выступает с призывом к началу движения за освобождение Святой Земли из рук мусульман.

1096, апрель — начало так называемого “похода бедноты” под предводительством Петра Пустынника и Вальтера Голяка.

1096, октябрь — гибель участников этого похода в сражении с сельджуками под Никеей (Малая Азия).

1096, июль — начало Первого (рыцарского) крестового похода объединенных войск из Северной и Южной Франции, Лотарингии, южной Италии.

1098, январь — взятие крестоносцами Эдессы и образование первого крестоносного государства на Ближнем Востоке.

1099, лето — осада и взятие Иерусалима. Окончание Первого крестового похода. Оформление Иерусалимского королевства, графства Триполи и княжества Антиохийского.

Ок. 1118 — создание ордена Тамплиеров.

1144 — взятие Эдессы эмиров Мосула.

1144—1147 — Второй крестовый поход под предводительством германского короля Конрада III и француз-

ского короля Людовика VIII. Разгром германской армии при Дорилее. Безуспешная осада Дамаска французами.

1187, октябрь — взятие Иерусалима правителем Египта Саладином.

1189 — начало Третьего крестового похода под предводительством Ричарда I, Филиппа II Августа и Фридриха I Барбароссы.

1190 — смерть Фридриха I и уход немецких крестоносцев.

1191, июль — взятие крестоносцами Акры после двух лет осады.

1192 — подписание договора с Саладином, по которому крестоносцам оставлялась прибрежная полоса от Тира до Яффы и право европейским паломникам беспрепятственно посещать Иерусалим. Окончание Третьего крестового похода.

1202 — начало Четвертого крестового похода. Подписание договора между крестоносцами и Венецией о переправе войска. Захват крестоносцами г. Задар (Зара) для Венеции.

1203, июнь — прибытие крестоносного войска в Константинополь.

1204, апрель — захват крестоносцами Константинополя и разграбление города. Образование Латинской империи и других крестоносных государств на территории бывшей Византии.

1212 — так называемый “Детский крестовый поход”.

1215 — призыв папы Иннокентия III к началу нового похода.

1218—1221 — Пятый крестовый поход. Осада и взятие Дамиетты в устье Нила.

1228—1229 — Шестой крестовый поход под руководством германского императора Фридриха II. Заключение договора с египетским султаном Малек аль-Камилем, по которому крестоносцам отдавались Иерусалим, Вифлеем и Назарет.

1229, февраль — коронация Фридриха II на иерусалимском престоле.

1248 — начало Седьмого крестового похода под предводительством французского короля Людовика IX.

1249, июнь — взятие крестоносцами Дамиетты.

1250, апрель—май — Людовик IX в плену.

1254 — окончание Седьмого крестового похода после неудачных переговоров французов с монголами о помощи.

1270 — Восьмой крестовый поход под предводительством Людовика IX. Высадка войск в Тунисе. Смерть французского короля и его сына в результате эпидемии. Возвращение крестоносной армии домой.

1271—1291 — Девятый крестовый поход. Попытки крестоносцев в Сирии и Палестине удержать свои владения. В 1291 году они теряют последний оплот — Акру, после чего окончательно уходят с территории Ближнего Востока. Окончание эпохи крестовых походов.

Крестовые походы в мемуарах и документах

I. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

1. РЕЧЬ ПАПЫ УРБАНА II НА КЛЕРМОНСКОМ СОБОРЕ*

*(Из «Деяний франков»
Фульхерия Шартрского)*

Фульхерий Шартрский (род. в 1059 г.) — участник Первого крестового похода, в который он отправился с войском Роберта Нормандского и Стефана Блуасского. По дороге из Никеи в Антиохию Фульхерий оставил крестоносные войска и вместе с Балдуином отправился в Эдессу. По смерти Годфрида Бульонского он прибыл в Иерусалим в свите Балдуина как его капеллан и сохранил свое звание капеллана как при этом короле, так и при следующем — Балдуине II. Фульхерий — писатель самостоятельный, очевидец того, о чем повествует. Его “Деяния франков” обнимают период времени с 1095 по 1127 год. Это в сущности дневник, в который автор заносил свои непосредственные наблюдения и впечатления и который является важнейшим источником по истории Первого крестового похода.

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина, т. I. М., 1939. С.238—239.

...Услыхав, что турки отняли у христиан внутренние части Романьи..., [папа] спустился через горы в Галлию, и в Оверни, в городе Клермоне... созвал собор... И держал длинную речь... о многих потрясениях колеблющегося мира. Затем... увещал... мужественно встать на борьбу с дьявольскими кознями и за возвращение святой церкви, жестоко ослабленной нечестивыми людьми, прежнего ее почетного положения.

...Эта речь Урбана II была встречена благожелательно и с сочувствием всеми присутствовавшими, как клиром, так и народом, которые искренне обещали соблюдать в точности все, что поставит собор на основе только что выслушанных слов папы. Тогда папа добавил, что христианству сейчас грозит беда, не меньшая, чем вышеупомянутая, а большая и даже величайшая, идущая из другой части света.

Он сказал:

“Поскольку вы обещали Богу, как сыны его, энергичнее обычного поддерживать в вашей среде надлежащий мир и еще добросовестнее соблюдать права церкви, вам следует потрудиться над тем, чтобы обратить силу вашей ревности

еще на какое-либо другое божье и ваше дело. Здесь необходимо, чтобы вы ускоренным порядком поспешили на помощь вашим братьям, обитающим на востоке и нуждающимся в вашей неоднократно обещанной им помощи. На них обрушились, как об этом большинству из вас уже сообщено, турки и арабы, которые добрались вплоть до Средиземного моря¹, до того места, которое зовется "рукой Св.Георгия"², у самых границ Романии³. Продолжая производить дальнейшие захваты земель этих самых христиан, они одержали верх над ними, неоднократно разбили их в бою, многих убили или же взяли в плен, церкви разгромили, а империю⁴ опустошили. И если вы спокойно опустите еще в течение некоторого времени все эти насилия, они одолеют много большее количество преданных Богу людей.

Поэтому и обращаюсь со смиренной просьбой, и не я, а Господь, чтобы вы, глашатаи христовы, почаще убеждали всех, к какому бы кто ни принадлежал сословию, как пеших, так и конных, как бедных, так и богатых, чтобы они своевременно посодествовали восточным христианам в изгнании из пределов христианского мира той негодной породы людей. Говорю это присутствующим, поручаю передать это отсутствующим. Ведь Христос повелевает это.

Всем идущим туда, в случае их кончины на сухом пути, или на море, или в бою с погаными, отныне да будет отпущение грехов. Это обещание идущим я даю как уполномоченный Бога. Какой позор, если бы столь презренная, испорченная и служащая демонам порода людей так-таки и одолела бы проникнутый верою в Бога и блещущий именем Христовым человеческий род! Каким срамом покроет нас сам Господь, если вы не можете тем, которые признаются такими же христианами, как и мы! Пусть выступят против неверных в бой, которому надлежит начаться, в бой, который должен дать в изобилии трофеи, те люди, кои с давних пор привыкли злоупотреблять правом частной войны против своих единоверцев-христиан.

Да станут ныне воинами те, кто раньше являлся грабителем. Пусть ныне ведут справедливый бой с варварами те, кто в

прежние времена сражался против братьев и соплеменников. Да получат ныне вечную награду те, кто прежде за малую мзду были наемниками. Пусть двойная честь увенчает труды тех, кто не щадил себя во вред и телу, и душе. Кто здесь горестен и беден, там будет богат; кто здесь недруг Богу, там станет другом ему. Пусть идущие во Святую землю не медлят, но сдав в надежные руки свое имущество и собрав средства на путевые издержки, по прошествии зимы, в ближайшую весну с Богом бодро выступят в путь”.

2. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ ПОСЛЕ КЛЕРМОНСКОГО СОБОРА*

*(Из “Деяний Божиих через франков”
Гвиберта Ножанского)*

Гвиберт Ножанский родился в 1035 году в г. Бовэ (Франция), получил очень хорошее для своего времени образование, был аббатом монастыря св. Марии в Ножане. Умер в 1124 году. Свою хронику Гвиберт написал между 1108 и 1110 годами. В ней он переделывает простой рассказ о событиях похода Анонима, давая ему литературную обработку и особенно подчеркивая чудесный характер похода. Впрочем, Гвиберт не ограничивается компиляцией Анонима. Обстоятельства, предшествовавшие походу, он изображает на основании своих собственных наблюдений (он, между прочим, был на Клермонском соборе), и в данном случае “Деяния” Гвиберта Ножанского являются чрезвычайно важным и незаменимым источником.

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 242—243.

По закрытии Клермонского собора, происходившего в ноябре [1095 г.].., по всем провинциям Франции разнеслась о нем большая слава; и каждый, кому быстрая молва приносила папское предписание, побуждал своих соседей и родственников вступить на "стезю Господню" [так называли тогда ожидаемый поход]. Уже возгорелось усердие придворных графов, и среднее рыцарство уже начало замышлять [поход], когда отвага бедняков воспламенилась столь великим рвением, что никто из них не обращал внимания на скудость доходов, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников и полей; но каждый выставлял на продажу лучшую часть имущества по значительно уменьшенной цене, как будто он был заключен в темницу жесточайшего плена, вызывавшего необходимость быстрого выкупа.

В это время была большая нужда, даже у богатых, вследствие повсеместного недостатка хлеба... Толпы нищих пытались кормиться корнями дикорастущих растений, чтобы, поедая более доступное, пока хлеб был очень редок, возместить недостаток повсюду разыскиваемой пищи. Самые важные люди подвергались угрозе бедности, на которую все жаловались, и каждый, видя, как терзается голодом бедный народ, обрекал себя на крайнюю бережливость из страха расточить свои богатства. Жадные души скупцов радовались, что времена благоприятны для беспощадного приращения процентов, и, бросая взгляды на старые запасы накопленного хлеба, делали каждый день новые расчеты той суммы, которую они, продав его, прибавят к накопленным горам золота. Хотя, как я сказал выше, это неурожайное время уменьшило у всех средства к существованию, едва Христос внушил этим бесчисленным массам людей намерение пойти в добровольное изгнание, обнаружили богатства многих из них; и то, что казалось дорого, пока не началось движение, продавалось по самой дешевой цене, когда все двинулись в путь.

Так как многие торопились окончить свои дела, то произошло удивительное явление, которое послужило примером внезапного и неожиданного падения цен: за пять денариев можно было купить восемь овец; упомянутый недостаток хлеба превратился в изобилие; и каждый, стараясь всеми средствами

собрать сколько-нибудь денег, продавал все, что имел, не по стоимости, а по цене, назначенной покупателем, чтобы не позже других выступить на “стею Господню”. Таким образом, произошло тогда удивительное явление: все дорого покупали и дешево продавали; а именно, дорого покупали то, что нужно было для пользования в пути, а дешево продавали то, чем следовало покрыть издержки. Немногим раньше ни темницы, ни пытки не могли бы исторгнуть у них того, что [теперь] сполна отдавалось за безделицу. И не менее смешно то, что многие, не имевшие еще сегодня никакого желания идти в путь, громко смеявшиеся над продававшими свои вещи и утверждавшие, что им предстоит жалкий путь и еще более жалкое возвращение, — на следующий день по внезапному побуждению, отдав за несколько грошей все свое имущество, отправлялись с тем, кого высмеивали.

Кто расскажет о детях, о старцах, двинувшихся на войну?

Кто может перечислить толпы дев?..

Некоторые бедняки, подковав быков, как это делают с лошадьми, и запрягнув их в двухколесные тележки, сносили в них пожитки и маленьких детей; когда этим детям попадался на пути какой-нибудь замок или город, они спрашивали, не Иерусалим ли это, к которому они стремятся.

3. ПЕТР ПУСТЫННИК*

*(Из «Деяний Божиих через франков»
Гвиберта Ножанского)*

Пока князья, которым нужны были большие средства и многочисленные свиты, тщательно и заботливо приготавливали свой поход, простой народ, хотя и бедный средствами, но [зато] очень многочисленный, собрался вокруг некоего Петра Пус-

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 243.

тынника и подчинился ему как вождю... Происходя, если не ошибаюсь, из города Амьена, он, как мы слышали, вел жизнь отшельника под монашеским одеянием, не знаю, в какой области верхней Галлии; уйдя оттуда, не знаю, с каким намерением, он обходил города и села под предлогом проповеди, и, как мы видели, его окружали такие громадные толпы народа, его одаряли такими подарками, такой хвалой прославляли за святость, что я не помню никого, кому были бы оказаны подобные почести. Он был очень щедр к бедным, раздавая много из того, что ему дарили... Чудесной властью восстанавливал он мир и согласие среди ссорившихся.

Все, что он ни делал или говорил, казалось как бы чем-то божественным, особенно когда даже шерсть его мула вырывали как реликвию: это мы передаем не правды ради, а для толпы, любящей необыкновенное. Он носил на голом теле шерстяной плащ, на голове капюшон и сверх всего грубую мантию до пят; он питался вином и рыбою, а хлеба ел очень мало или совсем не ел. Этот-то человек, собрав многочисленное войско, увлеченное отчасти общим потоком, а отчасти его проповедями, решился направить свой путь через страну венгров.

4. О ПОХОДЕ И ГИБЕЛИ ОПОЛЧЕНИЯ ПЕТРА ПУСТЫННИКА*

*(Из "Деяний франков и других
иерусалимцев" Анонима)*

Вскоре опустели дома в Галлии, и галлы разделились на три части. Одна часть франков⁵ вступила в Венгрию, а именно, Петр Пустынник, герцог Годфрид⁶ и его брат Балдуин и [дру-

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 244—245.

гой] Балдуин, граф Геннегау. Эти могущественнейшие рыцари и многие другие... отправились по пути, который уже раньше велел проложить до Константинополя Карл Великий, чудесный король Франции⁷. Петр же первым прибыл в Константинополь 1 августа⁸ и с ним великое племя аламанов⁹. Здесь нашел он ломбардов и лангобардов¹⁰ и многих других собравшихся. Император дал им право свободно покупать... и сказал им: "Не переплывайте через море¹¹, пока не придет главное христианское войско, так как вы недостаточно многочисленны, чтобы воевать с турками".

А сами христиане вели себя худо, ибо разрушали и поджигали дворцы в предместьях, растаскивали свинец, которым были покрыты церкви, и продавали его грекам. Вследствие этого император разгневался и велел перевезти их через пролив¹². После переправы они не переставали совершать всевозможные дурные дела, поджигая и опустошая церкви.

Наконец, они достигли Никомедии, где ломбарды, лангобарды и аламаны отделились от франков, ибо франки преисполнились гордости. Ломбарды и лангобарды выбрали над собой старшего, по имени Райнальда; аламаны сделали то же; и выступили они в Романию¹³, и через четыре дня... встретили крепость, называвшуюся Эксерогорго, в которой не было войска, и захватили ее. Здесь нашли они достаточно зерна и вина, и мяса, и изобилие всяких благ.

И вот, турки, услышав, что в крепости находятся христиане, отправились осаждать ее. Перед воротами крепости находился водоем, а у подножия горы, на которой она стояла, был источник. Райнальд вышел [из крепости], чтобы около него ожидать турок. Действительно, турки, пришедшие в день святого Михаила¹⁴, обнаружили Райнальда и тех, кто с ним был. И убили турки многих из них, а другие, оставшиеся в живых, бежали в крепость, которую турки немедленно осадили и лишили их воды. И до того мучились наши от жажды, что вскрывали жилы у своих лошадей и ослов и пили их кровь; другие опускали пояса и платки в ямы с грязью и выжимали из них воду себе в рот... Некоторые раскапывали сырую землю, ложились на спину и насыпали себе землю на грудь, вследствие чрезмерных мук жажды. Епископы и священники ободряли и увещевали наших не отступать. Это бедствие длилось восемь дней.

Наконец, начальник аламанов заключил с турками соглашение о том, что он предаст им товарищей, и прикинувшись, что он выходит для битвы, бежал к ним, с ним бежали многие. Те же, которые не захотели отказаться от Господа, были убиты; других, которых взяли живыми, отделили друг от друга, как овец; некоторых выставили, как мишени, и расстреливали¹⁵ их; иных продавали и раздаривали, как животных... Потом турки, услышав, что Петр Пустынный и Вальтер Голяк находились в Цивитоде..., с великой радостью отправились туда, чтобы убить их и тех, кто был с ними. И когда они пришли, встретились они с Вальтером и его людьми, и турки их быстро перебили. А Петр Пустынный незадолго до этого отправился в Константинополь, так как он не мог сдерживать это разношерстное войско, которое не хотело слушать ни его самого, ни его слова.

5. ВОЖДИ РЫЦАРСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА*

*(Из "Деяний франков" Фульхерия
Шартрского)*

В этом году [1096] все страны земли наслаждались прочным миром и изобиловали хлебом и вином по расположению Божию, дабы не ослабли в пути по недостатку хлеба те, кто решили следовать за ним со своими крестами согласно его предписаниям. И так как подобает удерживать в памяти отправившихся туда¹⁶ князей, то назову Гуга Великого, брата Филиппа, короля франков¹⁷, который, первый из героев, переправился через море¹⁸ и пристал около болгарского Дураццо. Неблагодарно высадившись с немногочисленным войском, он был взят в плен жителями и доставлен к константинопольскому императору¹⁹. Здесь он оставался некоторое время, будучи не совсем свободен²⁰.

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 245—246.

А после него тою же дорогой²¹ прошел апулиец Боэмунд²², сын Роберта Гискара²³, по национальности нормандец. Далее Годфрид, герцог Лотарингии²⁴, с большим войском шел через Венгрию. Граф Раймунд Провансальский²⁵ с готами²⁶ и епископ Адемар из Пюи²⁷ прошли через Далмацию.

Некий Петр Пустынный с большим числом присоединившихся к нему²⁸ пехотинцев, но с немногими рыцарями, первым прошел через Венгрию. Впоследствии главою его ополчения был Вальтер, прозванный "Без денег"²⁹, превосходнейший рыцарь. Впоследствии он был убит турками, вместе со своими спутниками, между городами Никомидией и Никеей.

В октябре начал путь Роберт, граф Нормандии, сын Вильгельма³⁰, короля Англии. Он набрал себе большое войско из нормандцев, англичан и бретонцев. С ним шли также Стефан, благородный граф Блуа, его деверь, и Роберт, граф Фландрский. Их сопровождали многие другие знатные лица.

6. ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ КРЕСТОНОСЦЕВ*

(Из "Иерусалимской хроники" Альберта
Ахенского)

Альберт Ахенский (годы рождения и смерти его неизвестны) занимает особое место среди историков — современников Первого крестового похода. На Востоке он не был и, по его собственным словам, писал на основании устных рассказов современников. Везде в повествовании Альберта Ахенского выступают нечеловеческая жестокость, неслыханные страдания, реки пролитой крови и т.п. Отсюда является очень вероятным предположение (высказанное Зибелем), что Альберт

* (Recueil des Historiens des Croisades, Historiens occidentaux, III, p. 292—293 et. 295.)

Ахенский пользовался народным эпосом, пересказав в прозе те песни и поэмы, которые составлены были или во время самого похода, или же тотчас по его окончании. “Иерусалимская хроника” является вследствие этого источником совершенно своеобразным: она знакомит не столько с фактами Первого крестового похода, сколько с тем, как преломлялись эти факты в воображении участников похода и его современников. Характерные особенности “Иерусалимской хроники”, конечно, не могли не сказаться и на том, что в ней повествуется о событиях, предшествовавших походу: повествование это, надо полагать, сильно преувеличивает факты действительности.

Не знаю почему: по воле Божией или по умственному заблуждению, они³¹ восстали против иудейского народа, рассеянного по всем городам, и жестокосердно умертвили евреев, особенно в Лотарингии. Они утверждали, что это начало их экспедиции и борьбы против врагов веры христианской. Первыми такое избиение совершили горожане в Кельне. Они внезапно напали на небольшую общину евреев, многих изрубили тяжелым оружием; разрушили их дома и синагоги, разделили между собой их деньги. Увидев такую жестокость, около двухсот евреев бежало в тишине ночи за реку в Нейсс. Паломники и крестоносцы узнали их и ни одного не оставили в живых, но, подвергнув их такому же избиению, ограбили все их имущество.

И без задержки, продолжая после этого, согласно данному обету, путь, они прибыли в город Майнц, где граф Эмихо, муж благороднейший и могущественнейший в этой стране, с большим отрядом немцев ждал прибытия паломников, стекавших туда из разных мест по королевской дороге³². Майнцские евреи, зная о гибели своих собратьев и понимая, что они не могут избежать рук столь многочисленных [насилльников], в надежде на спасение прибегли к защите епископа Руотгарда. Они поместили под его охрану и защиту бесчисленные сокровища, сильно надеясь на его покровительство, потому что он был епископом этого города. Майнцкий первосвященник заботливо сохранил полученные от них деньги. [Самих] иудеев он укрыл от графа Эмихо и его спутников в обширной пристройке своего дома, чтобы они там оставались в самом безопасном

и надежном жилище здоровые и невредимые. Однако Эмихо и его шайка, посоветовавшись, на следующее утро атаковали иудеев стрелами и копьями в их жилище. Сломав засовы и двери, они убили до семисот захваченных [ими иудеев], тщетно сопротивлявшихся против превосходных сил; равным образом убивали женщин, маленьких детей, не различая возраста и пола, поражали ударами мечей в лицо.

Иудеи, видя, что христиане как враги поднялись против них и их детей и не щадят ни старых, ни малых, обратились против самих себя в своих единоверцев, сыновей, жен, матерей и сестер и перебили друг друга взаимным убийством. Матери — ужасно сказать — перерезывали горло грудным младенцам, других закалывали, предпочитая губить их собственными руками, чем отдать в жертву мечу иноверцев...

Они уничтожили [иудеев] жестокой резней более из жадности к деньгам, чем по Божьему правосудию.

7. О ГУСЕ И КОЗЕ*

(Из «Иерусалимской хроники»
Альберта Ахенского)

Было и другое преступление в этом сборище пешего люда, глупого и сумасбродного... Они объявили какого-то гуся вдохновенным божественным духом и козу — исполненной им же не в меньшей степени; и их поставили они над собой вождями этого святого пути в Иерусалим... Да и не будет у верующих мысли, что Господь Иисус хотел, чтобы гробница Его святейшего тела посещалась неразумными животными и чтобы их делали вождями душ христиан, коих Он удостоил искупить своею драгоценною кровью, отвлекши от грязи идолов.

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 247—248.

8. КРЕСТОНОСЦЫ В ВИЗАНТИИ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ*

(Из “Алексиады” византийской царицы
Анны Комниной)

А н н а К о м н и н а — дочь императора Алексея Комнина — современница Первого крестового похода. В своей “Алексиаде” рассказывает о событиях византийской истории с 1069 по 1118 год, причем особенно восхваляет деятельность отца, которого называет “светочем вселенной”, “тринадцатым апостолом”. Писала по личным наблюдениям, рассказам очевидцев и официальным источникам. Видела действия крестоносцев в Византии и судила о них со своей византийской точки зрения. В этом отношении данные “Алексиады” являются важнейшим дополнением и коррективом к западноевропейским известиям о крестовых походах.

Когда император Алексей³³ отдыхал от своих великих трудов, до него дошла молва, переходившая из уст в уста, о том, что идет бесчисленное войско франков. Это известие не было приятно Алексею, который с справедливой боязнью смотрел на этот подозрительный народ. Приобретя достаточную опытность в борьбе с Робертом³⁴, он знал крайнюю запальчивость франков, легкость, с которою они решаются на что-нибудь и снова изменяют свои намерения, и их чрезвычайную вкрадчивость; подобные и другие качества, как дар природы, этот народ несет с собою безотлучно, в какую бы страну он ни являлся; а потому Алексей основательно страшился оскорблений с его стороны для своего государства. Предусмотрительность императора и его страх оправдывались и общественною молвою, всегда заключающею в себе долю истины; сверх того, что он сам знал по опыту, о франках говорили повсюду, что они умеют сплести козни, а если и заключат договор, то нарушат его

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 248—251.

под самыми ничтожными предложениями. По всем этим причинам император не только не дремал ввиду подобных обстоятельств, но повелел тщательно вооружить войска и обучать его, чтобы иметь в готовности армию на всякий случай. Впоследствии дело показало, что весь этот страх был не лишен основания. Действительно, в то время двинулся весь Запад, т.е. все варварские народы, живущие от Адриатического моря до Геркулесовых Столпов; целая Европа, неожиданно воспрянув со своего седалища, обрушилась на Азию.

Император, видя многочисленность крестоносцев, начал заботиться о том, чтобы и прочие герцоги и графы дали ему присягу, подобную той, которая была незадолго пред тем дана ему Годфридом³⁵. В надежде на это, он призвал их к себе поодиночке и, беседуя с ними, употреблял различные средства; одни оказались сговорчивыми, но другие упорствовали, и все его старания были напрасны; князья поджидали Боэмунда³⁶ и весьма рассчитывали на него. Но они скрывали такую причину своей медлительности и не высказывали ее. Между тем латиняне придумывали различные новые требования и предъявляли их императору, в надежде выиграть время, пока будут идти споры. Но император, которого трудно было обмануть, понял и разгадал все: различными мерами, действуя на каждого поодиночке, он успел, наконец, склонить в свою пользу всех франкских князей, чему много содействовал пример Годфрида. Для Годфрида было важно то, чтобы их упорство не обратилось в осуждение его собственного поступка, и потому он, хотя уже отплыл вперед до Пеликана, возвратился назад, чтобы присутствовать при присяге латинских князей. Когда все собрались для этой церемонии во дворце и дали присягу, какой-то латинский граф, вероятно, благородного происхождения, взойдя на императорский трон, сел на него. К нему подошел Балдуин, граф Фландрский, и, взяв за руку оскорбителя царского трона, с бранью сказал: "Как ты смеешь, поступив на службу и дав присягу императору и, следовательно, признав его своим господином, сесть теперь с ним рядом? Разве ты не знаешь, что римские императоры не имеют обычая разделять трона с людьми, которые служат им и считают себя их подданными? Если и не это, то вообще следует держаться правил той страны, в кото-

рой живешь”. Выслушав это, тот не ответил ничего Балдуину; но, взглянув сердито на императора, проворчал на своем языке, что в переводе на наш язык значит: “Вот мужик-то, сидит себе один, в то время когда такие знаменитые герцоги стоят пред ним!” Движение губ его не скрылось от императора; подозвав к себе переводчика и услышав сказанное тем графом, он ничего не заметил ему; но когда, по окончании присяги, графы начали уходить и прощаться с императором, Алексей подозвал к себе этого дерзкого и бесстыдного латинянина и спросил его, кто он, откуда и где родился.

На это латинянин отвечал: “Я родом истый франк, происхождения благородного, и знаю только одно: в моем отечестве, на распутье, стоит церковь, построенная еще в древности; кто желает отыскать себе противника для поединка, идет туда, молится и ждет, пока явится кто-нибудь, чтобы померяться с ним. Я долго стоял на этом распутье, и не нашлось никого, кто осмелился бы принять мой вызов”. Выслушав это, император отвечал: “Тогда ты, отыскивая неприятеля, не нашел никого, но теперь тебе предстоит боевое время, и ты будешь иметь вволю противников. Но если ты хочешь меня послушать, то не становись ни в задних, ни в передних рядах войска, которые действуют копьем; я знаю по опыту военные приемы турок. И то и другое место опасно; ты же укройся в середине, где, окруженный своими, будешь спасен от неприятельских ударов”. Алексей дал такой полезный совет не только ему одному, который того не стоил, но и другим рассказывал, что их ожидает в походе, и особенно убеждал не преследовать турок в случае победы, ибо они весьма искусны в устройении засад.

Между тем Боэмунд вместе с прочими графами пристал к Аиру³⁷, сознавая, что он не может равняться с прочими князьями франкскими своим происхождением и не имеет довольно денег, чтобы содержать большую армию, он для восполнения таких недостатков решил сблизиться с императором и прибыл в Константинополь, сопровождаемый только десятью франками; прочих же графов оставил позади себя. Император, зная хорошо нравы этого человека и его ум, скрытый и преисполненный козней, также желал переговорить с ним отдельно от прочих, прежде нежели придут другие графы, чтобы выведать в

разговоре его скрытые намерения и затаенные помыслы; вместе с тем он хотел требовать от Боэмунда переправы его войск до прибытия прочих, опасаясь, что, по известной своей злобе, он может в соединении с другими причинить вред императору. При появлении Боэмунда Алексей ласково принял его и расспрашивал о совершенном им пути и о том, где он оставил своих сподвижников. Получив от него на все желанный ответ, император старался дружескою речью уничтожить воспоминания о делах под Диррахием и Лариссою, об их войнах и прежней вражде. При этом тот коварный хитрец говорил: “Признаюсь, тогда я был твоим врагом и действовал неприязненно; но теперь я являюсь к вам как верный друг вашего величества и, что всего важнее, таким и останусь на будущее время”. Император продолжал его испытывать на разных предметах и, переговорив о многом, выразил свое удовольствие. Условившись достаточно о присяге, император сказал ему наконец: “Впрочем, не желаю тебя удерживать дальнейшею беседою: ты с дороги устал; потому иди и позаботься об отдыхе; нам будет еще время поговорить”. Отправившись в часть города св. Космы, где ему приготовили пристанище, он нашел стол, богато убранный и уставленный всякого рода яствами. После того к Боэмунду явились повара и кондитеры, по приказанию императора, и представили ему огромное количество сырого мяса и птицы домашней и лесной, говоря при этом: “Мы изготовили все, что ты видишь на столе, сообразно своему искусству и обычаю своей страны; но если ты привык есть иначе, то тебе не понравятся наши приправы; поэтому вот тебе сырая пища и пусть ее изготовят по твоему вкусу, кому ты прикажешь”.

Так распорядился император, отличавшийся необыкновенным умением обращаться с людьми. Постигая замыслы людей по одному выражению их лица и по телодвижению, он тотчас понял всю хитрость и подозрительность характера Боэмунда и предвидел, что если ему будет предложена пища людьми императора, бывшего его врага, то он из опасения яда не дотронется до нее. Император не обманулся в своей догадке: Боэмунд не только не попробовал, но и не коснулся пищи концом пальца, скрыл подозрение под предлогом любезности и роздал все приготовленное тем, кто его окружали. Поистине он оказал неболь-

шую услугу своим, угостив их пищею, по его мнению, отравленную. Впрочем, он не долго скрывал свое коварство, как человек самоуверенный и презирающий все: когда он наелся мяса, изготовленного его поварами по отечественному обычаю, то на следующий день спросил у своих, каково их здоровье после вчерашнего угощения? Они отвечали, что чувствуют себя превосходно и совершенно здоровы. “А я, — говорил он, сознаваясь в своем коварстве, — припомнил прежние войны с императором, когда я обратил его в бегство, и потому не хотел есть изготовленного по его же приказанию, опасаясь найти в пище яд”.

Император, призвав к себе Боэмунда, потребовал от него такой же присяги, как и от прочих латинян. Боэмунд несколько не колебался и не медлил; не знаю почему: потому ли, что, считая свое происхождение менее знатным и не имея ни богатств, ни большой дружины, он не видел причины уклониться от того, на что согласились более важные князья франков; или он, как человек, воспитанный в презрении к религии и от частых повторений сделавшийся вероломным по природе, считал смешным долго отказываться от присяги. Но император, видя такую готовность с его стороны дать присягу, дал ему новые доказательства своего расположения. А именно, он повелел наполнить одну комнату во дворце богатствами до того, что весь пол был покрыт монетами, ожерельями и редкими пурпуровыми тканями; стены же завесить до потолка драгоценными одеждами, золотом, серебром и всякого рода блестящим металлом; приказано было наносить такое множество вещей, чтобы нельзя было ступить из боязни затоптать ногами ту или другую драгоценность. Отдав приказ сопровождать Боэмунда как гостя при осмотре дворца, император повелел ввести его, между прочим, и в ту комнату и сделать все это так, чтобы вызвать сначала его изумление; он хотел ослепить его неожиданностью и не ошибся в расчете.

Пораженный нечаянным зрелищем, Боэмунд мог только произнести следующее: “Если бы я был господин всех этих богатств, то уже давно покорил бы своей власти многие города и страны”. На это ему отвечал проводник: “Это все твое, Боэмунд; император дарит тебе это сегодня от своих щедрот”.

Боэмунд принял подарок с радостью и много благодарил. Но после, когда он пришел к себе, возвратясь домой, и увидел перед собою носильщиков, доставивших ему дары, этот хитрец почувствовал стыд от своего корыстолюбия и, как бы сожалея о выраженном им изумлении, воскликнул: “Я никогда не думал, что император может так оскорбить меня. Отнесите все это тому, кто вас прислал”. Император, зная непостоянство латинян, с улыбкою повторил народную поговорку: “Зло обращается на своего виновника”, и приказал отнести все снова к Боэмунду, который на этот раз был спокойнее и благосклонно принял от носильщиков дары, которыми он только что пренебрегал. Но это не было с его стороны легкомыслие или непостоянство, а скорее обдуманная хитрость не решаться вдруг ни на что. Я заметила в этом человеке два отличительных качества, хитрость и отвагу, которыми он превышал всех проходивших через Константинополь латинских князей на столько же, на сколько он уступал им богатством и численностью своих войск...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Точнее, Эгейского моря.

² Так назывались в эпоху крестовых походов Дарданеллы по случаю находившегося здесь храма св. Георгия.

³ Так называлась оставшаяся под властью византийских греков часть Малой Азии, в противоположность остальной ее части, называвшейся Турцией.

⁴ То есть Византийскую империю.

⁵ Ф р а н к и — здесь французы. Автор безразлично называет их и галлами, и франками.

⁶ Годфрид Бульонский.

⁷ Отголосок ни на чем не основанной, но широко распространенной в средние века, легенды о путешествии Карла Великого на Восток.

⁸ 1096 г.

- ⁹ Под аламанами автор подразумевает немцев.
- ¹⁰ Лангобардами (в отличие от ломбардов) автор называет жителей не северной только, а всей Италии.
- ¹¹ Мраморное море.
- ¹² Босфор.
- ¹³ Турецкое государство в Малой Азии (Румский султанат).
- ¹⁴ 25 сентября (1096 г.).
- ¹⁵ Разумеется, из луков.
- ¹⁶ В Иерусалим.
- ¹⁷ Французский король Филипп I.
- ¹⁸ Гуг шел на юг через Италию и переплыл Адриатическое море.
- ¹⁹ Византийский император Алексей Комнин.
- ²⁰ Император держал его в почетном плену.
- ²¹ Через Балканский полуостров к Византии.
- ²² Боэмунд, герцог Тарентский (в Апулии, Южная Италия).
- ²³ Роберт Гискар (Хитрец) — нормандский герцог Сицилии.
- ²⁴ Более известен (по одному из своих феодов) как Годфрид Бульонский.
- ²⁵ Раймунд Тулузский.
- ²⁶ Г о т ы — жители южной Франции, некогда заселенной вестготами.
- ²⁷ Епископ Адемар был папским представителем (легатом) в войске крестоносцев.
- ²⁸ Пехотинцы здесь противопоставляются рыцарям как простой народ.
- ²⁹ Вальтер называется другими историками, участвовавшими в Первом крестовом походе, голяком (у Фульхерия в подлиннике *sine rescipia*, у Анонима — *sine habere*).
- ³⁰ Вильгельма Завоевателя.
- ³¹ Граф Эмихо и отряды, присоединившиеся к его войску.
- ³² Королевская дорога (*via regia*) — путь по Рейну и Дунаю в Византию, которым, по легенде, не имеющей никакого исторического основания, шел на Восток Карл Великий.
- ³³ Алексей I Комнин (1081—1118).
- ³⁴ Роберт Гискар — см. примечание 23.
- ³⁵ Годфридом Бульонским, раньше других пришедшим в Константинополь.
- ³⁶ Боэмунда Тарентского.
- ³⁷ А и р — греческий город.

II. ЛАТИНО-ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

1. ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ КРЕСТОНОСЦЕВ НА РОДИНУ В НАЧАЛЕ XII В. *

(Из “Истории священной войны”
Вильгельма Тирского)

“История священной войны” Вильгельма, архиепископа Тирского, уроженца Палестины, написана в 80-х годах XII в. И обнимает историю Первого крестового похода и Иерусалимского королевства до 1184 года. Первые 15 книг “Истории” представляют собой своеобразную компиляцию других авторов (главным образом Альберта Ахенского) и не имеют значения как исторический источник. Зато вторая часть “Истории священной войны” (книги 16—23, содержащие историю Иерусалимского королевства после Первого крестового похода) — источник чрезвычайно ценный. Здесь автор или пишет по собственным наблюдениям, или черпает свои сведения от заслуживающих доверия лиц и из официальных документов. Нередко Вильгельм привлекает и арабские источники, что придает еще большую ценность его повествованиям.

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 256—257.

В это же время, когда уже почти все князья, участвовавшие в походе, вернулись на родину, так что оставался лишь герцог, которому было поручено¹ королевство, и господин Танкред, которого господин герцог удержал.., как мужа мудрого, деятельного и удачливого. Средства наши и число воинов были так малы,

что, когда созвали всех и все быстро собрались, едва оказалось налицо триста рыцарей и две тысячи пехотинцев. Города, перешедшие под нашу власть, были еще немногочисленны и перемещались местностями, подчиненными врагам, так что с большой опасностью переезжали из города в город, когда того требовала необходимость. Все сельские местности в нашей стране были населены неверными и сарацинами; злее их не было врагов у нашего народа, и они были тем хуже, что находились в нашей стране, а нет более вредоносной чумы, чем враг, находящийся в доме. Они не только убивали наших, когда неосторожно ходили по дорогам, и продавали их в рабство врагам, но также и отказывались от сельских работ, чтобы низвергнуть наших с помощью голода. Они лучше готовы были сами голодать, чем оказать какую-нибудь услугу нашим, которых они считали врагами.

И не только вне городов были небезопасны дороги; также и в домах, расположенных за городскими укреплениями, едва можно было найти безопасное и спокойное место вследствие того, что население было малочисленно, а пробойны городских стен были открыты для врагов, по ночам воры врываются в пустые и запущенные малолюдные города, убивая многих в их собственных жилищах; и вот, некоторые тайно, а многие — открыто стали обращать в собственность владения, которые они приобрели как покинутые [владельцами].

2. ПРИВИЛЕГИИ КОРОЛЯ БАЛДУИНА II ИЕРУСАЛИМСКИМ ГОРОЖАНАМ*

(Из «Истории священной войны»
Вильгельма Тирского)

В это же время² король³, находясь в Иерусалиме, с благочестивой княжеской щедростью пожаловал иерусалимским го-

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 257.

рожанам свободу от пошлин, обыкновенно взимавшихся с ввозивших или вывозивших товары граждан, и велел изготовить для них грамоту, скрепленную королевскою печатью; так что впредь никто из латинян при приезде или проезде, или при ввозе или вывозе товаров не должен был принуждаться к какому-либо платежу под предлогом взимания пошлины, но мог совершенно свободно продавать и покупать; он предоставил также сирийцам, грекам, армянам и людям любой национальности, даже сарацинам, беспошлинно ввозить в святой город пшеницу, ячмень и всякого рода овощи. Он отменил обычную плату за пользование мерами и весами; этим он приобрел преданность упомянутого народа и заслужил общую признательность.

3. ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИЕРУСАЛИМСКАГО КОРОЛЕВСТВА*

*(Из "Иерусалимской истории" Якова
Витрийского (начало XII в.)*

Яков Витрийский (от городка Витри близ Парижа, откуда он был родом) родился около 1180 году, умер в 1224 году. В 1210 году проповедовал крестовый поход против альбигойцев. Переселившись в Палестину, он занимал видное место в церковной иерархии. Он написал "Иерусалимскую историю" в трех книгах. Первая из них представляет любопытнейший памятник средневековой географической науки и содержит описание восточных стран, в котором самый причудливый вымысел сочетается с некоторыми интересными и реальными фактами. Во второй книге Яков Витрийский дал

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 257—258.

характеристику общества в Латино-Иерусалимском королевстве. В ней очень сгущены краски, так как многое продиктовано предубеждением аскетически настроенного моралиста против пышной жизни европейцев на Востоке, но в то же время сообщается много интересных фактов, например, о взаимоотношениях между сирийскими феодалами и закрепощенным коренным населением, о распрях между рыцарскими орденами и духовенством и т.д. Третья книга, принадлежность которой Якову Витрийскому оспаривалась, посвящена Пятому крестовому походу.

По границам своей земли они построили укрепленные и совершенно неприступные замки... Именно Монреаль и, за Иорданом, Скалу пустыни, которая теперь называется Краком; Сафет и Бельвуар и многие другие укрепления по эту сторону Иордана. Салеф, укрепленный замок, находится между Акконом и Генисаретским озером. А Бельвуар находится неподалеку от горы Табор..., между Цитополем и Тивериадой, и расположен на возвышенном месте.

Но для обеспечения большей безопасности королевство Иерусалимское разделено между разными князьями и баронами, которые, под предводительством короля, должны защищать и охранять страну. Сам король удерживает за собой лучшую и более достойную часть, а именно города Иерусалим, Неполь, Аккон и Тир с некоторыми укрепленными пунктами и поместьями. Вассалы королевства обязаны нести с определенным числом рыцарей королевскую службу: граф Триполитанский, владетель Бейрута, владетель Сидона, владетель Кайфы и Порфирии, владетель Цезареи, князь Галилеи, являющийся также владетелем Тивериады; граф Яффы и Аскалона; владетель Монреалья и всей земли Заиорданской; владетель Ассура, владетель Ибелина и некоторые другие. Но поименованные считались среди прочих старшими, пользуясь превосходством и почетом.

4. ОСНОВАНИЕ ОРДЕНА ТАМПЛИЕРОВ*

(Из *“Истории священной войны”*
Вильгельма Турского)

В том же [1118] году несколько благородных мужей из рыцарского сословия, преданные Богу, набожные и богобоязненные, посвящая себя на службу Христу, дали владыке патриарху... обет жить всегда в целомудрии, послушании и не иметь собственности. Между ними первыми и наиболее выдающимися были почтенные мужи Гуго де Паэн и Годфрид де Сан-Альдемар. Так как у них не было ни церкви, ни определенного помещения, то король устроил им на время жилище в той части своего дворца, которая на юге примыкает к храму⁴ Господню. Каноники же храма Господня на определенных условиях уступили им площадь, которую они имели около этого дворца для хозяйственных построек. Государь король со своими знатнейшими вельможами и патриарх с прелатами пожаловали им из собственных доменов определенные бенефиции, одни временно, другие навсегда. Главное же их занятие, которое было наложено на них патриархом и другими епископами за отпущение грехов, [состояло в том], “чтобы они, по мере сил, охраняли пути и дороги, в особенности на пользу паломникам, от коварства разбойников и от нападений”. Первые девять лет после основания ордена они носили светское платье, пользуясь теми одеждами, которые им жертвовал ради спасения души народ. Наконец, на девятом году, на соборе, происходившем в Труа во Франции..., по поручению папы Гонория⁵ и господина Стефана, Иерусалимского патриарха, были установлены для них правила и утверждена одежда, именно белая. В эти первые девять лет их было не более девяти. Но потом, во времена господина папы Евгения⁶, как говорят, они стали пришивать к своим плащам кресты из красной материи, чтобы быть более заметными среди других — как рыцари, так и их низшие братья, которые назы-

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 258—259.

ваются слугами. Их орден до того безмерно вырос, что ныне их конвент состоит почти из трехсот рыцарей, одетых в белые плащи, не считая [простых] братьев, число которых почти бесконечно. Говорят, что владения их как по эту, так и по ту сторону моря до того велики, что нет уже в христианском мире области, которая не отдавала бы части своих владений упомянутым братьям⁷. И говорят, что они по богатствам теперь равны королям.

Б. КУТЛЕР

“ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ”

Немецкий историк Бернгард Куглер (1837—1898). Сын известного литературного деятеля и историка Пруссии. Прославился как автор ряда исследований, посвященных истории крестовых походов. В настоящем издании мы воспроизводим фрагмент из книги Б.Куглера, освещающий начальные этапы истории ордена тамплиеров и госпитальеров. Текст печатается по изданию: Куглер Б. История крестовых походов, СПб, 1895.

Около 1118 года рыцари Гуго Пайенский и Готфрид Сень-Омерский напали на мысль основать религиозное военное товарищество для защиты пилигримов от грабителей и разбойников; они думали, что этим способом их оружие будет всего полезнее употреблено на служении Господу. В союзе с семью другими французскими рыцарями, между прочим, с Андреем, дядей святого Бернарда Клервоского, они основали новый орден, дав при этом патриарху Иерусалимскому, кроме обета целомудрия, бедности и послушания, также и обет борьбы за пилигримов и за Святые места. Своим первым начальником они избрали Гуго Пайенского. Вначале король покрывал большую часть их издержек и дал им даже жилье в своем дворце, вблизи

того места, где некогда стоял храм Соломона. По его имени их тотчас называли храмовниками или тамплиерами, *milites Templi*; *Templari*. Вскоре некоторые другие вельможи и в Сирии и в Европе также оказали им свою благосклонность и сделали им подарки, но ни их число, ни их имущество не увеличивалось значительно до тех пор, пока около 1127 года сначала два тамплиера, Андри и Гундермар, а за ними Гуго Пайенский и некоторые другие сочлены товарищества не поехали во Францию. Целью их было как действовать там в интересах ордена, так и вообще вызвать новые вооружения для Востока. Поэтому король Балдуин дал им также убедительное рекомендательное письмо к Бернарду Клервоскому, который тогда пользовался уже великим уважением в самых широких кругах.

На соборе в Труа в январе 1128 года Гуго представил свой орден собравшимся там отцам и просил об определении для него устава. Слово его пало на плодоносную почву, так как его создание, соединявшее военную службу с религиозными делами, как нельзя лучше отвечало духу времени. Святой Бернард с радостью обещал ордену свое сильное покровительство, участвовал сам в составлении устава, примыкавшего к монастырским правилам святого Бенедикта, и позднее, по повторенному желанию Гуго, взялся за перо, чтобы в небольшом сочинении возвеличить заслуги этого нового духовного рыцарства перед светским. Папа и патриарх Иерусалимский утвердили устав ордена, Гуго проехал Францию, Англию и Италию и повсюду нашел самую теплую встречу. Где только он появлялся, люди самых благородных домов спешили вступать в орден или передавали ему богатые владения. Император Лотарь подарил ему часть своего родового владения в графстве Супилинбург; подобным образом поступили Король I Английский, граф Дитрих Фландрский, граф Раймунд-Беренгар Барселонский и многие другие князья и владетели. Бедный орден в короткое время сделался одним из богатейших и уже в 1129 году, вернувшись с великолепной свитой рыцарей и воинов в Сирию, Гуго Пайенский увидел свое дело в самом лучшем состоянии.

С тех пор орден состоял по преимуществу прежде всего из испытанных рыцарей, как необходимо должно было быть по его происхождению. Только они одни носили белую орденскую

мантию с красным крестом, который, впрочем, дали им из Рима немного позднее. Священники и капелланы ордена имели подчиненное положение, а прямо служащим классом были оруженосцы и прислуга. Но глава ордена, его магистр (*magister Templariogum*), скоро занял весьма высокое положение среди высшего класса Иерусалимского государства.

Удивительный успех, которого достиг Гуго Пайенский, повел за собой полное преобразование в одном более старом религиозном братстве в Святом городе. Уже около 1070 года один богатый амальфиец, по имени Маурус, основал в христианском квартале Иерусалима духовное поселение, из которого выделились мало-помалу мужской монастырь, женский монастырь и, наконец, госпиталь и больница для приема и попечения о бедных и больных западных пилигримах. Но вскоре госпиталь оставил совсем в тени те монастыри, из которых он возник. У него был дом, служивший только его целям, и часовня, посвященная святому Иоанну Милостивому, патриарху Александрийскому. В 1099 году во главе этого учреждения стоял провансалец Герхард, который своей самоотверженной деятельностью для бедных и несчастных приобрел величайшее уважение и через это достиг также благодарнейшего признания Готфрида, короля Балдуина I и папы Пасхалиса. Вскоре в этот госпиталь Иоанна потекли богатые подарки деньгами и именьями; в его владениях в различных землях Европы возникли филиальные дома, и многие благочестивые люди, между прочим знатные люди, под управлением Герхарда посвящали себя смиренному уходу за больными.

После смерти Герхарда в 1118 году госпитальные братья выбрали своим начальником Раймунда Дюпюи, храброго рыцаря, который некогда пришел с Готфридом в Святой город, но там снял с себя панцирь и присоединился к этим "госпиталитам" или "иоаннитам". Он, собственно, первый соединил братьев в одну замкнутую монашескую общину, обязав их очень строго тремя обыкновенными обетами духовного сословия, но вскоре он сделал еще шаг вперед. По примеру тамплиеров он ввел в обязанности ордена и борьбу с магометанами, и вскоре в этой общине также образовалось три класса: сражающихся, духовных и служащих братьев. Попечитель госпиталя обратился в

“магистра” иоаннитов, а белый крест, отличительный знак этого ордена, сделался, подобно красному кресту тамплиеров, страхом для врагов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герцог Годфрид Бульонский, которому было поручено управление Иерусалимским королевством. По религиозным соображениям он не захотел принять титул короля.

² 1123 г.

³ Балдуин II (1118—1131).

⁴ Король Балдуин II (1118—1131) отвел тамплиерам часть дворца, примыкавшую к важнейшему в Иерусалиме храму (по-французски temple, по-латыни templum), в котором стоит гроб, где, по церковной легенде, лежало тело Христа. От этого храма орден получил название тамплиеров, т.е. храмовников.

⁵ Гонорий II (1124—1130).

⁶ Евгений III (1145—1153).

⁷ Тамплиеры повсюду делали крупные приобретения, главным образом благодаря своей ростовщической деятельности.

III. ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Б. КУТЛЕР

“ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ”

ЗАПАД ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ИЕРУСАЛИМА

Возраставшая опасность, в которой Иерусалимское государство находилось в последние десятилетия своего существования, как мы видели выше, побудила уже короля Амальрика послать великолепное посольство просить помощи у могущественнейших государей Запада. С той же целью Балдуин IV тогда же послал в Европу высших духовных лиц страны, и они везде изображали в самых трогательных словах бедствие своей родины. Прием, который им был оказан в Риме и в резиденциях королей, представил многочисленные доказательства того, что везде еще существовало самоотверженное настроение поддержать Святую Землю: парижане приветствовали послов как “ангелов небесных”; произносились крестоносные проповеди, делались пожертвования на большие вооружения для борьбы против Саладина. Но все-таки несколько значительных военных отрядов для похода на Восток не нашлось, потому что силы западных наций были слишком заняты все еще продолжавшейся враждой импе-

ратора и папы, королей Франции и Англии. Так медлила Европа помочь крестовым походам угнетенным единоверцам в Азии, как ей самой ни хотелось этого, пока, наконец, не пришли печальные известия о битве при Гаттине и о падении христианского господства в Палестине; везде эти известия принесли глубочайшее горе и возбуждали яростную ненависть к победоносному исламу.

Первую печальную весть получил 18 октября 1187 года папа Урбан III, когда он намеревался объявить отлучение от церкви императора Фридриха I. Тяжкая печаль сломила и без того больного человека; уже 20 октября его не было в живых.

Его преемником стал Григорий VIII, благородный старик, который тотчас оставил в стороне все политические соображения, которые до сих пор разъединяли империю и папство, для того, чтобы посвятить себя исключительно делу Иерусалима. “Я надеюсь, — говорил он, — снисходительностью церкви склонить защитников ее, императора и его сына, на доброе дело” (крестовый поход). Уже в конце октября из Рима были разосланы воодушевляющие окружные послания к германским государям и всем христианам, в которых они призывались к единодушной помощи. Всем им предписывались посты и общественные молитвы, и крестоносцам обещалось устройство их долговых обязательств и полное отпущение грехов. Духовенство также получило приказание показывать пример христианам отказом от всякого блеска и строгой дисциплиной, так что кардиналы в первом пылу дали обет жить одной милостыней и до нового завоевания Святого города проходить пешком страны с крестоносной проповедью; по их ходатайству на семь лет объявлен был всеобщий мир. Правда, 17 декабря 1187 года неожиданно быстро умер достойный Григорий, но его преемник Климент III действовал с таким же рвением за борьбу против Саладина, так что таким образом произошло единодушное восстание почти всего римского христианства, по объему и значению вполне равнявшееся великим предприятиям 1097 и 1147 годов, а отчасти даже их превосходившее.

Государя и города Италии, которые были в различных ссорах друг с другом или с соседями, везде примирились и старательно снаряжались к походу в Сирию. Первый флот, который отсюда появился на Востоке, был норманнский флот под предводительством адмирала Маргарита; вскоре несколько эскадр с ломбардцами, тосканцами и генуэзцами вышли из гаваней северной Италии: в числе их предводителей был в качестве крестоносного легата римской курии архиепископ Убальд Пизанский. В скандинавских странах известие о падении Иерусалима вызвало страстные жалобы, и если крестоносная проповедь не нашла большого отклика в Норвегии, где свирепствовала тогда кровавая междоусобная война, то в Дании и Швеции тысячи людей воодушевились на священный поход. Тем временем главные вооружения сделаны были тремя могущественнейшими

государями христианства, императором германским и королями Франции и Англии и их народами, и первым из них вмешалось в ход событий немецкое ополчение.

ВООРУЖЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА I

Император Фридрих I, основатель всемирной славы Штауфенов, был тогда уже в преклонных летах, но по-прежнему был окружен блеском своих деяний и успехов. Когда до него дошла весть о победах Саладина, для него не было сомнений в том, какая великая и трудная задача стала перед ним на закате его жизни. Тем не менее он не мог тотчас решиться на крестовый поход, так как ему грозили серьезные опасности внутри его империи. Как некогда Генрих Лев, так теперь против него стоял с оружием в руках архиепископ Филипп Кельнский. Филипп уже сам по себе владел значительной силой, а кроме того он опирался еще на преданных друзей, главным образом среди государей северной Германии, так что император не мог думать покинуть империю прежде, чем эти бунтовщики не будут приведены к строгому повиновению. 1 декабря 1187 года в Страсбурге был созван рейхстаг, куда архиепископ несмотря на особенные приглашения не явился. Тем временем римская курия послала кардинала Генриха Альбанского в Германию с поручением проповедовать крестовый поход, и хотя кардинал еще не появился сам в Страсбурге, но там были уже два его спутника, которые призывали собравшуюся многочисленную толпу принести обет крестового похода. Правда, они говорили напрасно, пока к ним не примкнул епископ Генрих Страсбургский и не стал с увлекательным красноречием призывать к священной войне. Тогда прежде всего один эльзасский рыцарь по имени Зигфрид пожелал украсить себя знаком креста. Затем этому примеру последовали в быстро проявившемся одушевлении полторы тысячи рыцарей и множество народа. Но император, хотя и был тронут до слез, уклонился пока от обязательства крестового похода.

Следующими зимними месяцами Фридрих и кардинал хорошо воспользовались для того, чтобы произвести сильное политическое и церковное давление на архиепископа Филиппа, так что весной можно было предвидеть его окончательное подчинение. К 27 марта, к воскресенью, которое носило знаменательное название "Laetare Ierusalem", объявлено было новое имперское собрание в Майнце и в высокопарном окружном послании призывалось всеобщее участие в этом "Христовом съезде". Сюда явился как Филипп, так и другие крамольные государи, и, наконец, они склонились на призывы к миру императора и кардинала Альбано. Затем было прочитано папское послание, в котором верующие призывались к освобождению Иерусалима. Немецкие прелаты, особенно епископ Готфрид Вюрцбургский, возвысили свои голоса, чтобы воспламенить к войне огромное множество людей, которое стеклось в Майнц. Император Фридрих отказался председательствовать в собрании, так как там предполагалось присутствие самого Христа: "Он" сидел среди своих людей и прислушивался к одушевленным воинственным кликам этих герольдов. Слезы текли по его щекам, но ввиду великих трудностей похода он все еще медлил принять крест, пока его верные не окружили его и не стали горячо просить его более не медлить. Тогда и он не мог больше сопротивляться влиянию духа и принял знак поборников Бога из рук епископа Готфрида; его примеру последовали князья, духовные лица, тысячи рыцарей и нечисленное множество народа".

Таким образом, немецкая нация была в сущности привлечена к великому делу. Только старый Генрих Лев, правда, сильно стесненный, но еще крайне недоброжелательный к Штауфенам, мог быть помехой для дела. Поэтому Фридрих старался склонить его к участию в крестовом походе и даже обещал взять на себя издержки похода. Но герцог отвергнул всякое общение со своими победителями, так что, наконец, императору не оставалось ничего более, как изгнать Вельфов из страны на то время, какого мог потребовать крестовый поход, именно на три года. Генрих подчинился приказанию и тотчас же отправился к своим родственникам в Англию.

Между тем уже было решено, что выступление крестоносного войска должно произойти только весной 1189 года, а именно 23 апреля, в день святого Георгия, покровителя пилигримов, чтобы в этот долгий промежуток могли быть совершенно закончены все необходимые приготовления. На этот раз немецкое войско должно было состоять только из достаточных и поэтому более годных для войны людей: у кого не было по крайней мере трех марок серебра, тот должен был под страхом опалы устраниваться от похода, потому что прежде уже много раз, в частности, в 1147 году, было самым горьким образом доказано, что даже большие массы бедных пилигримов оказывались совершенно негодными для борьбы с магометанами. Относительно пути, каким должно было идти войско, были сначала сомнения. Можно было идти в Южную Италию и оттуда плыть в Сирию на флоте короля Вильгельма Сицилийского, с которым Фридрих был в дружбе. Но при этом являлось сомнение, не завоюет ли Саладин до прибытия немецкого войска последние христианские гавани, Тир, Триполи и Антиохию, и не придется ли крестоносцам, приставая к сирийскому берегу, бороться с серьезными трудностями. Напротив, путь через Венгрию, Грецию и Малую Азию казался удобным тем более, что самые опасные противники, которых прежде встречали там пилигримы, сельджуки из Иконии, на этот раз не казались опасными. В Иконии все еще правил тот Кылыч-Арслан II, который, главным образом из вражды к своим великим соседям на Востоке, Нураддину и Саладину, был уже довольно давно расположен к франкам и был даже в самых дружеских сношениях с императором Фридрихом. Поэтому опять был выбран старый путь Готфрида Бульонского, на котором, правда, самым горьким образом должны были разрушиться надежды, с какими крестоносцы на него вступили.

Затем был отправлен посол в Венгрию, чтобы уговориться о походе с королем Белой III: он сошелся на цене одной марки за корм за каждую сотню лошадей и за четырех сильных коров. Отправлены были также посольства в Сербию, к греческому императору, к султану Кылыч-Арслану и даже к Саладину. От Саладина требовали, чтобы он тотчас очистил область Иеруса-

лимского королевства, выдал святой крест, который попал в его руки при Гаттине, и чтобы он дал удовлетворение за христиан, которые погибли во время последней войны; если он не согласится на эти условия, то против него пойдет войной вся римская империя, и даже весь мир.

В декабре 1188 года Фридрих собрал рейхстаг в Нюрнберге и принимал там послов, которые доставили ответы государей Сербии, Греции и Малой Азии. Величайшее впечатление произвело при этом посольство Кылыч-Арслана, потому что оно было чрезвычайно многочисленно, явилось с роскошной пышностью и принесло драгоценные подарки. Во главе греческих послов стоял канцлер Иоанн Дука, который хотя и обратился к императору с пышными приветствиями, но тем не менее требовал ручательств в том, что император не имеет в виду никаких враждебных замыслов против Византийской империи. Фридрих велел трем немецким князьям подтвердить под присягой, что подобные замыслы ему совершенно чужды, после чего канцлер от имени своего императора принес присягу на Евангелии в том, что войску пилигримов будет оказана дружба и доставлен надежный конвой, дешевое продовольствие и корабли для переправы, а упомянутые три князя поклялись от имени Фридриха не позволять себе никаких враждебных действий в Греческой империи, если эти обещания будут выполнены. Но чтобы следить за исполнением этих обещаний, сделанных византийским канцлером, император Фридрих отправил вперед в Константинополь еще второе посольство, состоявшее из одного епископа, многих графов и ста рыцарей.

Вскоре после этого, по-видимому, пришел также письменный ответ от Саладина. Султан, конечно, не соглашался на требования Фридриха, но сам требовал, чтобы христиане сдали ему все сирийские города, которые были еще в их руках. Только после этого он отдаст святой крест, освободит христианских пленников, предоставит христианам те монастыри, которые существовали еще до крестовых походов, допустит христианского священника при Святом Гробе и позволит странствия в Иерусалим. Это заявление Саладина сделало крестовый поход окончательно неизбежным, и тогда, в рождественские праздни-

ки 1188 года, Фридрих издал приказ, чтобы все пилигримы собрались непременно 23 апреля в Регенсбурге.

В первые месяцы 1189 года “неисчислимые толпы пеших и конных крестоносцев наполняли все дороги и местности вверх по Рейну, как морской песок и как звезды на небе”. Выступление главной массы войска из Регенсбурга затянулось еще до начала мая. Тогда император спустился вниз по Дунаю, в то время как войска шли рядом по берегу; к концу мая они вступили на венгерскую землю. Здесь Фридрих передал регалии своему старшему сыну Генриху, который оставался на родине правителем; второй сын, Фридрих, герцог Швабский, сопровождал его в походе. Численность войска, несмотря на напыщенные выражения, в которых изображают его источники, была, по-видимому, не очень велика, отчасти потому, что многие, особенно западнонемецкие пилигримы, как было уже в 1147 году, предпочли морской путь вокруг берегов Европы, но главным образом потому, что император строго устранил из своего ополчения массы бедного люда. Надо предположить, что Фридрих соединил под своим предводительством около 100 000 человек или немногим более. Но чего недоставало войску в численности, то возмещалось его качествами: оно сплошь состояло из князей, рыцарей и хорошо вооруженных и привычных к оружию людей; а дисциплина пилигримов строго поддерживалась наказаниями, которыми престарелый император неумолимо преследовал каждый беспорядок. Путь через Венгрию не представлял никаких затруднений. Король Бела позаботился о достаточных припасах и при многократных встречах относился к Фридриху самым дружелюбным образом. Войско двинулось по старой привычной дороге пилигримов на юг от Дуная, переправилось через Драву и Саву и через Белград достигло долины Моравы в начале июля. Отсюда поход должен был идти через провинции Византийской империи. Но чтобы указать тогдашнее ее положение, надо обратиться к тем разнообразным и в большинстве случаев печальным судьбам, которые она пережила в последнее десятилетие.

ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ С 1180 г.

Император Мануил, как мы видели выше, умер 24 сентября 1180 года после долгого правления, но все-таки слишком рано для блага своего государства. Его сыну и преемнику, Алексею II, было всего тринадцать лет. Вместо него номинально правила вдова Мануила, прекрасная Мария Антиохийская, а в действительности ее доверенный, протосеваст Алексей Комнин, двоюродный брат молодого императора. Против него восстали из зависти и ревности другие вельможи империи, и во главе их шестидесятисемилетний Андроник Комнин, двоюродный брат покойного Мануила. Раздор в императорской семье скоро передался всему народу, потому что “латинянка” Мария естественно старалась опереться на франкских колонистов в Константинополе, а Андроник тотчас выступил как предводитель политическо-церковной реакции против вторжения западноевропейцев в область византийской государственной и церковной жизни. Весной 1182 года Андроник двинулся с войском к Константинополю, “чтобы освободить юного императора от дурных советников”. Правда, Мария и протосеваст также собрали войско и притом приняли на службу много латинян. Но в тылу их поднялись греки столицы. Латиняне, оказавшись между двумя врагами, должны были уступить превосходству силы. Протосеваст был низвергнут и ослеплен; тогда победители-греки бросились на жилища латинян, т.е. на упомянутые богатые кварталы итальянских торговых городов в Константинополе, и там с бесчеловечной дикостью грабили, жгли и убивали. Жены франков, их дети, духовные лица, старики и больные были все перебиты или проданы в рабство, напротив того, большое число вооруженных мужчин спаслось на кораблях в открытом море и отомстило грекам за презренную резню столь же ужасными опустошениями византийских берегов и громкими жалобами, которые призывали к мести коварному Константинополю.

После завоевания Константинополя Андроник сначала выступил как опекун, а с октября 1183 года как соправитель молодого императора. Но этого было ему недостаточно, и после того, как он уже раньше велел задушить несчастную Марию, в

сентябре 1174 года он велел умертвить и Алексея, и тогда вступил на престол единодержавным императором. Это был очень дурной, но замечательный человек, это был Алкивиад рода Комнинов. В молодости он был обворожительно красив, обладал геркулесовой силой, всегда занятый любовными похождениями и непреодолимый для женских сердец. Вместе со многими более простыми особами, в числе жертв его обольщений был целый ряд греческих и сирийско-франкских принцесс. При этом он несколько раз ссорился со своим двоюродным братом Мануилом и был то в тюрьме, то в бегстве у русских и турок. Теперь, на склоне лет, ему удалось так же полно удовлетворить другую страсть, которой он был проникнут наряду с чувственностью, а именно — свое честолюбие. И в одном отношении он оказался достойным носить на своей голове корону, которой он добился, потому что у него был трезвый взгляд на глубокие недостатки в управлении империей, на финансовое истощение подданных и ужасную испорченность чиновничества, которая развилась на этой почве: он принял разные меры к тому, чтобы облегчить положение народа, улучшить суды и в особенности сдерживать насилие важных сановников. Тем не менее его правление в сущности действовало бедственно, потому что то добро, которое он себе ставил целью, он старался достигнуть дурными средствами. Так, он дозволил резню итальянских колонистов в столице и умертвил Марию с сыном; так же кровожадно и свирепо он поступал с принцами императорского дома и с каждым, кто своим рождением или положением возбуждал его ревность. Тогда в различных местах империи вспыхнули восстания, из которых по крайней мере удалось одно, когда Исаак Комнин, двоюродный брат императора, хитростью и насилием захватил в 1184 году Кипр и независимо утвердился на прекрасном острове как “император”. Затем подняли против Византийской империи свое привычное к победам оружие сицилийские норманны, возбужденные жалобами итальянских купцов, а также знатных греков, которые бежали из Константинополя от меча тирана. Казалось, что повторяются времена Роберта Гискара, когда эти страшные враги весной 1185 года без труда завоевали Диррахий и оттуда частью сухим путем, частью морем проникли до Фессалоник. Большой и богатый город был тесно обложен. Гарнизон и горо-

жане по большей части защищались очень хорошо, но комендант был труслив и неумен, а латинская колония, которая еще удерживалась в городе, склонялась в сторону нападающих. Уже через несколько недель после начала осады, в августе 1185 года, норманнам посчастливилось пробить в стене брешь. Они взяли штурмом Фессалоники и ужасными убийствами и грабежами насытили свою жажду мести и добычи. После того они двинулись на восток с флотом и сухопутным войском, чтобы напасть наконец на самый Константинополь.

Андроник сначала не обратил достаточно серьезного внимания на громадную опасность, которая грозила его престолу от этих врагов. Когда же он принялся за более действенные приготовления к обороне, было уже слишком поздно. Злобная ненависть, которую давно питали к нему вельможи империи, теперь, под влиянием страха приближавшихся норманнов, охватила наконец и народные массы. 11 сентября 1185 года клеветы тирана должны были схватить Исаака Ангела, по отцу потомка малоазиатского знатного рода Ангелов, а по матери правнука императора Алексея I. Вообще Исаак был трус, но в отчаянии он взялся за оружие. Знать, народ и войска примкнули к нему и объявили его императором. Старый Андроник пытался бежать, но был схвачен и 12 сентября жестоким образом умерщвлен. С ним кончилась династия Комнинов, которая, несмотря на всякие ее ошибки, все-таки на целое столетие доставила блестящее положение Византийской империи.

На долю злополучного Исаака выпала трудная задача — отразить норманнов. Это удалось ему благодаря последним приготовлениям, которые сделал его предшественник, и с помощью способного полководца Алексея Враны. В большой битве при Деметрице, недалеко от Амфиполя, 7 ноября 1185 года Врана разбил норманнов наголову. Они должны были отступить, сдать Фессалоники, вернуться в Диррахий и наконец совсем оставить греческий материк. После этого из всего ими завоеванного в их руках осталась только часть Ионических островов. Но победа над этими врагами была единственным успехом, которым мог похвалиться Исаак: в остальном положение империи ухудшилось во всех отношениях. Тяжесть налогов и произвол чиновников были пагубны для провинций, в

столице двор и народ погрузились в праздники и художественные наслаждения, войско и флот пришли в самый жалкий упадок. Правда, к франкам Исаак опять обратился дружески, чтобы в их свежей силе найти поддержку против враждебных нападений, но этим, как и всем своим жалким правлением, вызвал опасное восстание, при котором храбрый Алексей Вранва надеялся добиться престола. Исаак погиб бы, если бы не получил помощи от маркграфа Конрада Монферратского, который был впоследствии геройским защитником Тира. Он незадолго перед тем прибыл в Константинополь, получил вместе с рукой Феодоры, сестры Исаака, титул цезаря и смело выступил против возмутителей во главе своей небольшой рыцарской свиты и отряда искателей приключений, по большей части франкских наемников, которых он наскоро собрал. В открытом бою они были побеждены, причем Алексей Врана пал от руки самого маркграфа (1187). Тем не менее вскоре после этого обнаружилось новые враждебные отношения между латинянами и греками, вследствие которых даже спаситель империи разошелся с императором и наконец — во время битвы при Гаттине — покинул Константинополь, чтобы попытать счастья на сирийском берегу.

Исаак остался в самом тяжелом положении, хотя его самый опасный противник, Врана, был уничтожен. Со всех сторон его теснили заговоры, возмущение и измена, и хотя он удержался на престоле, но все-таки область его владычества становилась все беднее. Самые большие потери империя понесла в это время на севере Балканской области. Здесь от византийской верховной власти окончательно отделились сербы, которые при случае уже восставали против Мануила и Андроника. Болгары и валахи, в отчаянии от неслыханных притеснений в сборе податей от императорских чиновников, также взяли за оружие (в первый раз в 1186 г.). После долгих переменчивых битв они стали мало-помалу независимы и положили этим основание новому болгарскому царству. Во главе болгар стояли два брата, Петр и Иоанн Асени, которые вели свой род от старых болгарских царей. К концу восьмидесятых годов почти вся область между Дунаем и Балканами была потеряна для греков.

Когда наконец народы Запада были готовы к Третьему

великому крестовому походу, Византийская империя попала в еще худшее положение. Император Исаак и жители Константинополя, вследствие событий последних лет, следили за действиями франков с ненавистью и подозрением и питали к главному врагу христиан, к самому Саладину, скорее дружеские, чем враждебные чувства. Последнее нельзя им поставить в вину, хотя это и не спасло их. Действительно, в последнее время могущество Саладина угрожало не только сирийским христианам, но почти всем магометанским государям передней Азии: именно потому Кылыч-Арслан, злейший противник греков, стал врагом Саладина и другом франков. Поэтому теперь можно было легко ожидать и соединения Исаака с Саладином для борьбы против сельджуков и крестоносцев. Уже в 1188 году начались переговоры между обоими властителями. С обеих сторон были отправлены послы, и формальный союз был заключен, по-видимому, ранним летом 1189 года, когда немцы под предводительством императора Фридриха приближались к греческой границе. Исаак предоставил магометанам одну мечеть в Константинополе, обещал сколько возможно помешать походу крестоносного войска и, как говорят, обещал даже султану вспомогательный флот из 100 судов. За это Саладин предоставил свободу греческого исповедания в церквях Палестины и несомненно, хотя об этом до нас ничего не дошло, обязывался и к практическому действию, например к поддержке Исаака в войне против Кылыч-Арслана.

После всего этого политические отношения самым страным образом вмешались в борьбу религий. Каждый из двух христианских императоров находился в союзе с одним из двух султанов Передней Азии. Хороших последствий нельзя было ожидать от этих союзов, столь неестественных в виду крестового похода; в особенности греки меняли только далекие и неверные выгоды на близкие и страшно грозившие опасности. Таким образом, ложная политика Комнинов привела к тому, что через сто лет после того, как император Алексей I призвал римское христианство к борьбе против ислама, преемнику его, по-видимому, не оставалось ничего больше, как заключить очень сомнительный союз с самым могущественным врагом его веры.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА I

С середины июля 1189 года император Фридрих, к которому мы теперь возвращаемся, отправился вверх по долине Моравы в Ниссу и Софию. В местностях между Дунаем и Балканами в то время господствовал ужаснейший беспорядок. Там и сям находились еще византийские чиновники, немцев встречали также послы Исаака и поддерживали пока вид дружественных отношений. Между тем послы государей сербского и болгарского также являлись к войску крестоносцев и настоятельно просили, чтобы император соединился с их властителями для общей войны против греков. Великий жупан сербский, Стефан Неманя, даже прибыл сам в лагерь и старался поддержать ту же просьбу богатыми подарками из жизненных припасов.

Фридрих отвечал, конечно, что его цель — Святой Гроб и что он возьмется за оружие только в том случае, если греки принудят его к неприязненным действиям. Но самым важным и самым неприятным для немцев в этом походе через лесистые и горные страны между Венгрией и Фракией было то, что на их длинном протяжении ни греческие чиновники, ни славянские князья не могли держать в узде население, одичавшее от долгой междоусобной войны. Многочисленные разбойники наполняли дороги и тропинки, прятались за каждым кустом и скалой, чтобы захватить отдельных пилигримов или отнимать обозных лошадей и повозки, и войско могло добиться кое-какого спокойствия только несколькими тяжелыми боями и жесточайшим наказанием пленных.

Когда крестоносцы спустились во Фракию, они по некоторым признакам поняли, что византийское правительство поступает с ними нечестно. Кроме того, на последнем переходе перед Филиппополем Исаак велел передать императору письмо, в котором заявлял, что имеет правдоподобные сведения, что немцы имеют против него враждебные намерения, поэтому император запрещал им дальнейшее движение вперед, если они не дадут ему достаточно заложников и не захотят уступить вперед половину всех будущих завоеваний в Сирии. Наконец, даже стало слышно, что греческий император взял в плен и оскорби-

тельно обходился с большим посольством, посланным к нему из Нюрнберга, — очевидно, чтобы обеспечить себе этим еще несколько заложников. Таким образом, крестоносное войско очутилось во враждебной земле, но серьезной опасности ему не представилось, потому что Исаак, колеблясь между заносчивостью и трусостью, принял слишком недостаточные меры обороны, и потому среди жителей Фракии находились также друзья немцев, в особенности армяне, соотечественники которых уже издавна были расположены к крестоносцам. Ближайший пункт, который мог задержать движение войска, был обширный и богатый Филиппополь. Но город был оставлен греческими войсками, жители его бежали, и крестоносцы без боя завладели 26 августа домами и имуществом бежавших. Правда, вскоре после того подошло неприятельское войско и отборная часть его приготовлялась напасть на немцев врасплох. Но последние, уведомленные армянскими шпионами, предупредили греков, нанесли им кровавое поражение и этим очень далеко отогнали все их войско. Затем немцы бросились на соседние укрепления и города, взяли их большей частью без труда, завладели в них богатыми припасами и распространили постепенно свою власть на всю северо-западную часть Фракии.

Этот неожиданный оборот крестового похода побудил императора Фридриха позаботиться скорее о том, чтобы удержать свое войско в строгом повиновении. Малая война, разбившаяся в набеги в разных направлениях, естественно, нарушала дисциплину войска. Поэтому старый государь поступал со всей строгостью везде, где только встречал насилия и распутство. Он разделил также всех людей на отряды в 500 человек. Во главе каждого из них он поставил начальника, которому принадлежало предводительство в бою и высшая судебная власть. Кроме того, он учредил военный суд из 60 уважаемых и умных людей, из которых, однако, привлекалось только 16 для самых важных тайных совещаний. Но не менее заботило его окончание борьбы с византийцами, чтобы не быть слишком долго задержанным в своем странствии ко Святым местам. При этом самым важным для него было то, чтобы освободить своих, захваченных в Константинополе. Благодаря ужасу, который возбудило его оружие, а также представлениям нового посольства,

отправленного им к Исааку, он добился того, что измученные и ограбленные, “полунагие” пленники были наконец выпущены из тюрьмы. Когда последние приблизились к императорскому лагерю в Филиппополе, навстречу им выехало 3000 всадников, которые приветствовали их. Народ кричал: “Hinte ist Herge Din tach!” Император с радостными слезами бросался на шею освобожденным и целовал их.

Но за всем этим прошло очень много времени. И упомянутое сейчас радостное торжество было отпраздновано лишь 28 октября. Зима стояла у порога, и уже потому продолжение похода через Малую Азию оказывалось неисполнимым. К этому присоединилось то, что и теперь еще было далеко от мира с греками. Правда, Исаак предложил поставлять крестоносцам по дешевой цене жизненные припасы и корабли для переезда в Азию, но в то же время он оскорбил Фридриха, называя себя римским императором, а Фридриха только германским королем. Кроме того, распространились слухи, что греки хотели со всеми силами напасть на немецкое войско, когда во время переправы в Азию оно будет неспособно к бою, а освобожденные послы горько жаловались на ядовитую вражду ко всем крестоносцам как константинопольского народа, так и императора Исаака и на явный теперь союз последнего с султаном Саладином.

Среди этих обстоятельств борьба с греками должна была продолжаться еще некоторое время. Фридрих угрожал своему противнику гордыми словами, в которых он защищал свое собственное достоинство и в то же время требовал, чтобы ему было дано полное удовлетворение за все предыдущие насилия и была обеспечена на будущее время безопасность представлением многочисленных заложников. Затем он двинулся к Адрианополю, разбил там свой лагерь и разослал во все стороны своих военачальников с сильными отрядами, чтобы добыть жизненные припасы и все серьезнее стеснить неприятеля. Успех этих мер был полный. В руки немцев попал длинный ряд фракийских местностей, на север до Балкан, на юг до Эгейского моря и на запад до самых Родопских гор. Греки понесли при этом очень тяжелые потери, между тем как крестоносцам почти все время благоприятствовало счастье. Рыцари имели все, чего

они жаждали, славные приключения и богатую добычу; адрианопольский лагерь был постоянно наилучшим образом снабжен пищей и питьем, в особенности благодаря неутомимой заботливости герцога Фридриха Швабского, которого пилигримы в шутку называли своим провиантмейстером. Но чем дальше тянулись эти распри, тем больше приближалась опасность, что из них произойдет ужасная война за существование самой Византийской империи. Император Фридрих поручал уже своему сыну позаботиться о том, чтобы Пиза, Генуя, Венеция и Анкона выслали на следующую весну флот для поддержки крестоносцев, и уговаривал его побудить папу к крестоносной проповеди против коварных греков, так как их патриарх открыто объявил в соборе, что каждый грек, убивший сто пилигримов или даже убивший десять, получит полное отпущение грехов. Кроме того, велись переговоры с государями сербов и валахо-болгар, и от них ожидалось большое подкрепление для борьбы против Константинополя.

Между тем в глубине души немецкий император был мирно расположен к Исааку и потому неоднократно вступал с ним в переговоры. Наконец, было сломлено упорство византийцев, и 14 февраля 1190 года Фридрих получил желанное известие, что его послам удалось привести к концу мирный договор на выгодных условиях. По этому договору, все пленные немцы должны быть освобождены, оскорбленные в предыдущем году послы получить полное удовлетворение, а для переправы войска в Азию должно быть выставлено 235 больших военных и транспортных судов. Пилигримы, пока их путь шел по византийским областям, должны были получать по дешевой цене жизненные припасы, но могли присваивать себе их силой, если бы греческие провинциалы отказали в продаже своих припасов. Император Исаак должен был выдать немцам, в обеспечение пунктуального исполнения договора, восемнадцать заложников из своего ближайшего родства и из лучших сословий, и наконец переправа крестоносного войска не должна была произойти, как до сих пор во всех больших крестовых походах, из Константинополя через Босфор, а из Галлиполи через Геллеспонт — это условие могло быть достаточно объяс-

нено только что окончившейся войной между пилигримами и византийцами.

Император Фридрих согласился на все это и выступил в начале марта 1190 года, получив греческих заложников, из Аданополя на юг. Переправа войска через Геллеспонт, вследствие бурной погоды, продолжалась с 22 по 28 марта. Наконец, император переплыл в Азию, окруженный пятью военными кораблями и другими судами, а также любовавшимися под шум военной музыки на берегу и на море греками. Немецкая армия, которая теперь впервые шла навстречу более серьезной опасности, была приблизительно в такой же численности, как при выступлении с родины. Несчастный Исаак своими глупыми неприязненными военными действиями добился разве только того, что значительно ослабил свою собственную силу и еще больше распространил убеждение о неизбежности великой войны между франками и греками. Напротив, немцы в этих затруднениях и битвах понесли до сих пор лишь небольшие потери; значительнейшие потери войску были нанесены тем, что некоторые венгерские отряды, присоединившиеся вначале к ним, по большей части вернулись по желанию короля Белы, но зато число пилигримов снова увеличилось и в том же объеме благодаря присоединению запоздавших.

Путь войска шел от Геллеспонта на юго-восток через внутренние области самой западной Малой Азии. Лесистые горы и реки представляли некоторые препятствия походу; греческие провинциалы старались бегством избавиться от обещанной доставки жизненных припасов, нападали на пилигримов как разбойники, собравшись в шайки. Но несмотря на то, что войско двигалось очень быстро, достигло оно не более как через три недели, 21 апреля, Филадельфии, самого значительного греческого города во внутренних местностях западной Малой Азии. Здесь враждебное настроение жителей привело к злым ссорам, которые с трудом были усмирены вмешательством сначала начальника города, а потом самого императора Фридриха. Чтобы уничтожить всякий повод к новым столкновениям, был тотчас предпринят дальнейший поход, который продолжался несколько дней, на юго-восток, через пус-

тынные местности, претерпевшие ужасное разорение во время войны между византийцами и сельджуками. В красиво расположенной Лаодикее войско достигло последнего греческого пункта, откуда двинулось прямо к востоку во внутренность Малой Азии. Туркоманские или сельджукские шайки беспокоили войско уже между Филадельфией и Лаодикеей. Теперь эти нападения повторялись каждый день и становились все опаснее, когда пилигримы подходили к Мириокефалонскому ущелью, где четырнадцать лет тому назад император Мануил так решительно был разбит наголову. Казалось невозможным отбить дорогу сквозь ущелье, поэтому войско отклонилось на север и удачно обошло узкое место очень тяжелым переходом через высокий горный хребет. В сражениях, которые при этом все-таки произошли, превосходно выказались дисциплина и храбрость крестоносцев: неприятель потерпел, насколько мы знаем, гораздо большие потери, чем немцы; но тем не менее положение последних сделалось постепенно очень опасным, так как рабочие и рыцарские лошади, на которых в большой мере основывалась сила войска, были чрезмерно истощены уже за долгую войну во Фракии, а еще более — в затруднительных походах со времени оставления Гелеспонта. Но на восток от Лаодикеи почти невозможно было больше достать корма из-за рыскавшего вокруг неприятеля, и силы животных чрезвычайно быстро падали. Крестоносцы утешались надеждой, что эта беда скоро окончится, так как они находились уже в области султана иконийского, который был дружен с императором. Между тем, однако, там произошла перемена правления, потому что старый Кылыч-Арслан II отказался от престола и разделил свое государство между своими сыновьями: господство в Иконии досталось принцу Кутбеддину. Правда, Кылыч-Арслан отправил незадолго до того посла к Фридриху, и тотчас после того сделал то же и Кутбеддин, и оба посла постоянно клялись императору, что сельджукские князья, исполненные дружбы к немцам, были совершенно невинны в тех нападениях, которые были сделаны до сих пор на войско пилигримов, так они исходили из от необузданных и не имевших господина кочующих племен.

Но в действительности дело обстояло совсем иначе. Кутбеддин не только вообще обратился снова к делу ислама, но тесно соединился с Саладином против крестоносцев, женившись на его дочери. Мусульманские послы, конечно, знавшие об этом, объявили, наконец, 5 мая, на другой день после описанного перехода через горы к северу от Мириокефалона, что они желали бы поговорить с одним из враждебных эмиров. Им удалось, под этим предлогом, уйти из войска и даже взять с собой в качестве пленника рыцаря Готфрида Визенбахского, который был в 1189 году немецким послом у Кылыч-Арслана. Теперь пилигримы узнали, к чему они пришли, а именно, что их ждала ужаснейшая беда и опасность.

Они достигли 7 мая Филомилиума, сожгли этот город и двинулись оттуда прямой дорогой к Иконии. Но они были непрерывно окружены уже не отдельными шайками, а сильнейшими массами лучших сельджукских войск. Одно нападение сменялось другим. Христиане должны были сражаться, когда они почти падали от жары, жажды и голода. Через несколько дней у них оставалось только несколько сотен голодных рыцарских лошадей. Остальные лошади и вьючный скот пали, и их мясо служило крестоносцам пищей, а их кровь для утоления мучительной жажды. Кроме того, они ели или сосали отвратительнейшие вещи, чтобы как-то подкрепиться и освежиться. Но несчастных поддерживало прежнее вдохновение крестоносцев, соединенное в этом войске с духом военного порядка. Один в мечтательном восторге видел, как святой Георгий на белом коне бросался впереди войска на неприятеля; другому чудились удивительные птицы, которые окружали войско, возвещая счастье. Старый император, его сын герцог Фридрих, князья и государи — все показывали в сражении героический пример войскам. Мечи и копья немцев наносили страшные опустошения в рядах сельджуков, и после тяжелых потерь последние должны были со дня на день уступать войску дальнейший путь.

Наконец, 17 мая немцы подошли к Иконии, но им представилась тут еще более трудная задача, чем те, которые приходилось разрешать до сих пор: войско не могло мино-

вать этого города, потому что, несмотря на все самопожертвование, ему предстояла верная гибель, если бы вскоре не представился случай к полному отдыху. Но возможно ли было взять большой, богатый и хорошо укрепленный город со своими сильно ослабленными силами, имея в виду массы сельджукского войска?

Здесь пилигримы получили награду за свою выдержку и мужество. Неприятель был тоже сильно расстроен безуспешностью своих прежних усилий и ударами, которые он получил, и предложил теперь мир, правда, на невыгодных условиях, и даже освободил рыцаря Готфрида Визенбахского. Ранним утром 18 мая он встретил своих соотечественников словами: "Идите спокойно вперед, вы, благословенные Господом; Бог отдал в ваши руки этот город и эту землю!" Император уже разделил войско на две части. С одной из них герцог Фридрих должен был попробовать взять город приступом; с другой — он хотел сам отбить войско сельджуков. Герцог тотчас двинулся к ближайшим воротам, разбил их и при ужасной резне захватил разом весь город за исключением цитадели. Старый император был в гораздо более тяжелом положении вне города. Превосходная сила, с которой он должен был бороться, испугала его самого так, что он покорно обещал потерпеть ущерб своему императорскому сану и личности, если войско счастливо вынесет эту опасность и достигнет Антиохии. Но затем он воскликнул войску: "Христос управляет, Христос побеждает, Христос господствует!" и увлек своих людей в непреодолимое нападение, так что неприятель, как мякина, разлетелся в стороны и 3000 из них покрыли место битвы. Затем победители двинулись в город и вся масса пилигримов вволю насладилась пищей и питьем и радовалась очень богатой добыче, которая попала в их руки, хотя жители укрыли свое лучшее имущество в цитадели.

Конечно, сельджуки снова попробовали вступить в переговоры, а так как император не требовал ничего более, как дешевого рынка и заложников для обеспечения будущего, то мир вскоре был заключен. Немцы получили заложниками двадцать знатных людей, затем расположились лагерем вне города, в изо-

били запаслись, хотя и по высокой цене, съестными припасами, лошадьми, мулами и ослами, и уже 26 мая, поднявшись и подкрепившись немного, отправились дальше к юго-востоку. По дороге до Ларанды, по мере надобности, они находили воду для питья и возможность пополнить запасы. Правда, отдельные сельджукские отряды пробовали опять делать нападения, но были вынуждены к миру угрозой, что заложники заплатят за это жизнью. За Ларандой войско вступило в область киликийских армян, с умилением увидало первые христианские кресты на полях и вообразало себя уже в конце всех бедствий. Но переход через Тавр принес войску еще раз едва переносимые трудности. Пилигримы карабкались по крутым тропинкам, томимые голодом и жаждой, пока, наконец, не перевалили 9 июня вечером через последнюю гору и расположились лагерем на богатой ниве на берегу Салефа. Невдалеке от Селевкии. Император опередил войско и уже раньше спустился в долину Салефа по крутой тропинке. На берегу реки он пообедал и хотел перейти ее. Против воли своих людей старый государь вступил в горный поток, но волны унесли его; он был вытасчен бездыханным.

“На этом месте и при этом печальном рассказе, — жалуется летописец, — перо отказывается служить и речь немеет, потому что ее недостаточно, чтобы изобразить страх и скорбь пилигримов в этом величайшем бедствии. Мы предоставляем не прочитав, а почувствовать это каждому, чтобы он взвесил жалобы и горе и отчаяние людского множества, оставленного в чужой стране, беспомощного, без утешения, без главы”.

Эти потрясающие вопли, это отчаяние во всяком дальнейшем счастье вполне оправдались. Войско действительно перенесло уже самые страшные опасности и находилось теперь в дружественной стране; оно могло похвалиться довершением того, что не удалось ни одному франкскому войску со времен крестового похода 1097 года, а именно пробиться с оружием в руках сквозь всю Малую Азию. Но еще можно было сомневаться, не был ли этот успех больше нравственным, чем материальным. Лишения и усилия были слишком ужасны, чтобы силы людей не должны были жалким образом сломиться в тот самый

момент, когда кончалось самое крайнее напряжение. Только сильная воля могла вести дальше это крепко сплоченную, но истощенную армию и вдохновить ее к новым подвигам. Герой император обладал этой волей. Среди богатых даров, благодаря которым он достиг своего мирового положения, выше всего стояло искусство вливать в сердца своих подданных высокий полет своей души: они любили его, слушались его и доверчиво следовали за ним туда, куда он их вел. Теперь его не стало, и с ним не только отлетела душа войска, но оно тотчас же распалось, как истлевший труп.

Между тем Саладин высшим образом оценил императора и его непобедимых воинов: он с боязливым вниманием прислушивался к известиям о приближении немцев, а при вести, что последние, без сомнения, доберутся до самой Сирии, тотчас велел разрушить стены многих сирийских городов, чтобы эти страшные враги не воспользовались ими, как опорой для своих предприятий. А один арабский летописец писал впоследствии: “Если бы, по милосердной воле Божией, немецкий император не скончался в тот момент, когда он хотел вторгнуться в Сирию, то в последующие времена можно было бы сказать про Сирию и Египет: здесь некогда правили мусульмане!”

Совсем неслыханный злой рок преследовал немецкий народ во время крестовых походов. В 1096 году на войну за Святой Гроб поднялось много немецких крестьян, но сравнительно мало рыцарей. Крестьяне жалким образом погибли: рыцари почти исчезли среди массы романцев, которые довели военный поход до Иерусалима. В 1101 году значительные немецкие войска бесполезно пролили кровь в центре Малой Азии. Вследствие того государства крестоносцев очень быстро стали романскими колониями и постоянно получали подкрепления из романских областей Европы, между тем как Германия удалялась от общего дела христианства. Вдруг в 1147 году Германия предпринимает большой поход, который отчасти по собственной вине ведет в Малой Азии к самому несчастному поражению, а в Сирии к насмешкам христианских единоверцев. Наконец, в 1189 году Германия хочет вознаградить упущения и ошибки прежнего времени энергичным вооружением и забот-

ливо приготовленным и осторожно веденным походом. Уже самое трудное было преодолено, высшая награда победы виделась войску, когда вдруг оно рассекается в смертельном изнеможении. Пораженное внезапным роком.

Известие о смерти Фридриха развязало узы, соединявшие до сих пор эти толпы. Один под предлогом болезни и бедности стремился на родину, другой с недоверием смотрел на продолжение предприятия после такой утраты, многие уже в ближайшие дни отплывали с киликийского берега в Европу. Значительна масса все еще оставалась под предводительством герцога Фридриха Швабского. Князь Лев II армянский принял их дружелюбно. Но когда эта масса, разделившись на несколько отрядов, вступила в Антиохийскую область, некоторые из них, не зная о том, как далеко подвинулись войска Саладина, неожиданно наткнулись на неприятеля и потерпели сильные потери: на рынке в Халебе пленных немцев продавали целыми толпами, как рабов. С остальными герцог Фридрих достиг 21 июня Антиохии и в тамошней церкви св. Петра похоронил "тело императора Фридриха I, после того, как он уже похоронил внутренности своего отца в Тарсе"¹. Но несчастная судьба войска не кончилась и здесь, потому что среди наслаждений большого города, как ужасный результат только что перенесенных бедствий, на тяжело испытанных бойцов напал ангел смерти — моровая язва. Тысячи людей погибали от нее, между ними длинный ряд епископов, князей и графов. С жалкой толпой оставшихся в живых герцог Фридрих отправился осенью 1190 года в лагерь христиан под Акрой, но только для того, чтобы наконец и самому лечь в преждевременную могилу.

Главная масса немецких крестоносцев отправилась с императором Фридрихом через Венгрию и Грецию, но пошли другими путями. Уже в пост 1189 года сильный отряд пилигримов отправился из Кельна вниз по Рейну, чтобы достигнуть Сирии морем. На морском берегу к кораблям кельнцев присоединились датские, фризские и фландрские эскадры и составили флот более чем в пятьдесят судов. Общее путешествие шло сначала вокруг Франции и Испании до Лиссабона. Здесь царствовал король Санчо I, который хотел вос-

пользоваться силой этих крестоносцев таким же образом, какой уже удался однажды его предку, королю Альфонсу, с пилигримами 1147 года. Поэтому он убедительно просил их оказать ему помощь при завоевании крепости Альвора у Сильвеса (на южном берегу нынешней Португалии), пилигримы согласились на это, помогли завоевать крепость и при этом убили несколько тысяч мусульман. В начале июня они поплыли дальше и попали в Сирию как раз к осаде Акры. Вскоре после их отъезда с родины новые эскадры кораблей выступили из Кельна, фландрских и английских гаваней и в июле соединились у Лиссабона в большой флот. Король Санчо и этих попросил о помощи и предложил осаду важного города Сильвеса. Его желание было исполнено, и неприятельская крепость еще в июле была обложена пилигримами и португальцами. Но завоевание очень укрепленного города представляло чрезвычайные трудности. Напрасно христиане неделю за неделей нападали то с высоких башен, то из подземных ходов. Их силы уже ослабевали, и без упорства, в особенности немецких пилигримов, которые не хотели оставить начатого дела, Сильвес едва ли был бы взят. Наконец, однако, осажденные остались без пищи и питья, и потому 3 сентября они на капитулировали, что позволяло магометанам свободное отступление, оставив только свое имущество. Затем победители, правда, посрамили свою победу завистью и раздором, а также отвратительными насилиями над побежденными, в чем особенно провинились дико возбужденные немцы, но несмотря на то, дела христиан шли здесь успешно, потому что король Санчо вскоре покорил еще целый ряд больших городов на юго-западе Пиренейского полуострова, и пилигримы, не испытав особенных бед, обогнули магометанскую Испанию и счастливо пристали еще осенью 1189 года к сирийскому берегу.

В Сирию отправился отдельно от главного войска своего императора и еще один немецкий князь ландграф Людвиг Тюрингенский. С значительным отрядом дворян и слуг он оставил в июне 1189 года родину, прошел сухим путем до Бриндизи, сел там на корабль и также осенью этого года достиг области единоверцев на Востоке.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД КОРОЛЕЙ РИЧАРДА I И ФИЛИППА II

В то время, когда Германия снаряжалась на священную войну, Англия и Франция были также в бурном возбуждении. Но крестonosное движение развивалось в этих странах совсем иначе, чем в Немецкой империи. Уже несколько десятилетий Иерусалимское государство впадало во все более затруднительное положение, и французы и англичане задумывали новый большой поход против ислама, но он никогда не осуществлялся, так как силы этих народов почти беспрестанно уходили на домашние раздоры, по большей части очень дикие.

Так случилось и теперь. Несчастье Святой Земли тотчас вызвало страстное крестonosное одушевление, но началу похода еще долго мешали гнусные раздоры.

Только что — в декабре 1187-го — стало известно поражение христиан при Гаттине, как старший сын английского короля Генриха II Ричард, герцог аквитанский и граф Пуату, дал обет крестового похода, а через несколько недель, когда пришла еще весть о падении Иерусалима, то и у короля Генриха и у его французского противника, короля Филиппа II Августа, явилось желание также принять на себя крест. До этого момента короли были между собою во вражде, но теперь они сошлись для мирных переговоров — 21 января 1188 года — между Жизором и Три под тем могучим вязом на границе Франции и Нормандии, где с незапамятных времен князья этих стран имели обычай вести переговоры. Короли протянули друг другу руки, обнялись, поцеловались и приняли крест. Их пример увлекательно подействовал на баронов, рыцарей и весь народ Франции, Англии и Уэльса. Скоро уже перестали спрашивать, кто примет крест, а спрашивали, кто его еще не принял. Жены принуждали своих мужей, матери — своих сыновей, последнюю опору своей старости, пристегнуть священный знак к своим плечам, старики, которые уже не могли совершить далекого путешествия, отдавали в руки проповедников последние свои сбережения. По поручению папы было возвещено, что каждому пилигриму, который искренне покается, будут разрешены

его грехи, а если у него есть долги, то он получит льготы при их уплате. Но кто помешает вооружениям крестового похода тем, что в ближайшие семь месяцев начнет войну, тот подвергнется великому отлучению от церкви; никто не должен также “чрезмерно клясться и играть в кости, или допускать роскошь в одежде, или брать с собой в крестовый поход женщину, исключая прачки”. Наконец, чтобы покрыть большие издержки похода, все, кто в нем не участвовал, должны платить “Саладинову десятину”, т.е. отдавать десятую часть своих доходов и движимого имущества, из которого исключались только лошади, одежда и оружие, книги и драгоценные камни. Так с пылким рвением делались самые широкие приготовления и уже мечтали о том, что отныне, когда примирились так долго враждовавшие между собой короли, вообще будет невозможна больше кровопролитная война между христианами; люди уже утешались гордым пророчеством, что в течение двух лет господство мусульман будет совершенно уничтожено.

Первый диссонанс в радостном настроении тех дней принесен был взысканием Саладиновской десятины, которое во многих местах производилось с большой суровостью, и к этому присоединились еще ужасные мучительства над евреями, от которых выжимали несметные суммы. Но еще хуже было то, что старинная вражда государей этих стран вспыхнула снова. Сначала — весной 1188 года — поссорился герцог Ричард с южно-французскими вельможами; затем в эту ссору вмешались оба короля, и в скором времени половина Франции снова покрылась убийством и пожаром. Напрасно многие французские бароны требовали мира, чтобы можно было, наконец, начать поход против Саладина; напрасно папские легаты угрожали воевавшим суровыми церковными наказаниями; правда, начались переговоры, но они прерывались одни за другими, и раздор государей принял мало-помалу самые отвратительные формы. Король Филипп в яром бешенстве велел срубить на границе Жизора тот древний вяз, который так часто охранял своими ветвями дружественный разговор, и когда кардинал Иоанн из Ананьи хотел утешить его отлучением от церкви, король обвинил его, что тот подкуплен золотом его противников. Короля Генриха подозревали, что он находится в запрещенных сно-

шениях с невестой Ричарда, принцессой Алисой, сестрой Филиппа, и что он хочет обидеть своего сына относительно наследства в Англии. Ричард из-за этого дал себя увлечь в союз с Филиппом против своего собственного отца, и Генрих был наконец поставлен в такое стесненное положение, что должен был 4 июля 1189 года согласиться на мир на позорных условиях. Это разбило сердце стареющему королю: он умер с проклятием непокорному сыну.

Для крестового похода эта смерть была счастьем, так как Ричард, вступивший теперь на английский престол, вследствие этих событий был в хороших отношениях с Филиппом. Оба короля ревностно снаряжались теперь к священной войне, причем Ричард, по своему страстному нраву, чтобы как можно скорее собрать значительные суммы денег, продавал за бесценок замки и деревни, епископские престолы и места прелатов. Но христианам на Востоке сначала это мало послужило на пользу. Дело в том, что в поход отправлялись мало-помалу, и плыли в Сирию для участия в осаде Акры сначала только отдельные французские и английские отряды, а сами короли, и с ними главная масса крестоносцев обеих наций еще долго мешкали частью на родине, частью на пути, пока наконец не взглянули серьезно на цель своего предприятия.

Весной 1190 года собрались отряды английских пилигримов, которые хотели отправиться с Ричардом на Восток. Свое выступление с родины они посрамили ужасным преследованием евреев, “врагом Христа, сокровища которых должны были служить для освобождения Святой Земли”, и правительство восстановило в стране порядок только с трудом и после того, как было пролито много крови. Одна часть пилигримов отправилась во Францию, чтобы примкнуть там к французским войскам своего короля, другая часть отплыла тотчас же на сильном флоте, в котором, кроме других судов, насчитывалось 108 больших транспортных кораблей и который должен был потом перевезти все крестоносное войско в Сирию. Ричард ввел во флоте очень строгую морскую дисциплину, по которой даже за мелкие проступки назначались страшно суровые наказания, но было еще очень сомнительно, удастся ли этим способом удержать в порядке дико возбужденные мас-

сы пилигримов. Флот получил затем приказание обогнуть Францию и Испанию, между тем как сухопутное войско английского короля шло прямо через Францию к Везеле в Бургундии, где оно должно было соединиться с отрядами Филиппа-Августа. Здесь в первых днях июля сошлись оба войска. Король и войска сердечно приветствовали друг друга и продолжали вместе поход к югу при радостных песнях. Но так как число этих крестоносцев превышало 100 тысяч и содержание такой большой массы на одном и том же пути вызывало затруднения, то было решено, дойдя до Лиона, снова разделиться, идти в некотором расстоянии друг от друга в Мессину, а оттуда в верном союзе отплыть в Сирию. Таким образом, эти пилигримы не воспользовались больше традиционным путем великих крестовых войск через Грецию и Малую Азию; они предпочли отправиться морским путем, вероятно потому, что и французы и англичане узнали о союзе византийцев с Саладином.

Король Филипп первый покинул Лион, отправился в Геную, сел на наемные суда и достиг 16 сентября Мессины. Ричард пошел в Марсель, а оттуда шел без всякого определенного плана то на корабле, то проезжал верхом, ради удовольствия, прекрасные местности вдоль всего западного итальянского берега; 23 сентября он с большой пышностью въехал в Мессину. Незадолго перед тем туда уже прибыл его флот, довольно счастливо выдержавший разные опасности. При высадках на португальском берегу он отчасти совершал грубые насилия против тамошних христиан, отчасти с самопожертвованием помогал им в борьбе с мусульманами.

Вновь соединившиеся пилигримы из Сицилии могли достигнуть своей последней цели еще осенью 1190 года, хотя время года было уже очень позднее. Но скоро оказалось, что об этом нечего было и думать. Короли Филипп и Ричард, хотя были молоды, сильны и исполнены честного рвения к делу Святой Земли, в остальном в своем предприятии как нельзя менее подходили друг к другу. Филипп, умный и честлюбивый, никогда не терял из виду интересов своего государства; Ричард, сильный, как немец, воинственный, как норманн и фантаст, как провансалец, кумир странствующего рыцарства, жаждал прежде

всего чудесных подвигов, величайшей собственной славы. К тому же борьба, которая давно уже разъединяла правителей Франции и Англии, должна была вскоре ожить и между этими государями. В самом деле, англичане были тогда господами западной Франции от Нормандии до Аквитании, и это положение их делало невозможным прочный мир между обоими народами до тех пор, пока или не будет уничтожен трон Капетингов, или вся французская земля не соединится снова в одно государство. Но все это должно было уже в Сицилии повести к ссорам, потому что последний законный король этой страны из норманнского рода Вильгельм II умер 17 ноября 1189 года, и сицилийский престол был после этого захвачен графом Танкредом Лечче, и им же была взята в плен вдова Вильгельма, Иоанна, сестра Ричарда.

Ричард потребовал тут прежде всего, чтобы его сестра была освобождена, и достиг этого очень скоро. Но, несмотря на то, дошло до враждебных столкновений, в которых, кажется, виноваты были обе стороны. Потому что Ричард принимал вид завоевателя, насильственно утвердившись, кроме своего лагеря в Мессине, также на противоположном итальянском берегу и на маленьком островке в проливе: сицилийцы мстили за это англичанам не только насмешками и бранью, но кроме того убивали, где было можно, безоружных пилигримов. 3 октября из ничтожной причины произошло даже сильное столкновение. Один англичанин поссорился с торговкой из-за цены хлеба и за это подвергся грубому оскорблению от нескольких граждан Мессины. При известии об этом сначала поднялось все население города, заперло его ворота и поспешило, вооружившись, на башни и стены. Но вслед за тем и английское войско было также охвачено диким военным пылом и, не долго думая, начало штурмовать Мессину. Ричард тотчас попробовал разъединить сражающихся, но это удалось только тогда, когда посредниками явились важнейшие граждане города; а на другой день, когда сицилийские, французские и английские вельможи совещались о восстановлении прочного мира, смятение поднялось еще более ужасное. На этот раз горожане сделали смелую вылазку из города и встретили поспешившего на поле битвы Ричарда насмешками. Теперь

король стал во главе своего войска, загнал неприятелей обратно в город, захватил вход в него и произвел ужасный суд над побежденными. Убийство, грабеж и бесчестие женщин свирепствовали целыми часами, пока наконец Ричард не приказал своим остановиться. С тех пор сицилийцы уже не осмеливались противиться англичанам, тем более что последние для полного обеспечения своего положения укрепили окопами возвышенность, господствующую над Мессиной. Поэтому Танкред в самом уступчивом духе повел переговоры с Ричардом об окончательном мире и согласился при этом дать очень большие суммы, в особенности королеве-вдове Иоанне, за те требования, которые она могла предъявить по завещанию ее умершего мужа. Но горожане Мессины, напуганные непобедимой храбростью их прежних противников, вошли с ними в дружественные сношения и, как говорят, дали тогда смелому Ричарду прозвище "Лев" или "Львиное сердце".

Эти дела с сицилианцами подействовали, как иначе почти и не могло быть, очень дурно на отношения между англичанами и французами. Король Филипп держался в них сначала нейтрально, но, по крайней мере по английским рассказам, он стал относиться все более враждебно к своим спутникам по странствию к Святым местам и после падения Мессины требовал часть города и захваченной там добычи для себя и своих людей. Грозивший раздор между обоими государями с трудом был устранен новым договором, в котором они обещали, во-первых, верно и добросовестно поддерживать друг друга во все время крестового похода, а во-вторых, старались привести снова в порядок отношения всех пилигримов под угрозой строгих наказаний за каждое отступление. Но довольно скоро явился повод к новому раздору. Однажды, во время импровизированного турнира, Ричард сильно столкнулся с одним французским рыцарем и в ярости, что не был в силах его одолеть, объявил ему вечную вражду. Вскоре после того произошла дружественная встреча Ричарда и Танкреда, причем последний представил письмо, которое, по-видимому, шло от Филиппа и предлагало сицилийцам помощь против англичан. Хотя Филипп отвергал, когда это ему стало известно, подлинность письма, но все-таки должен был допустить, что Ричард отказался от слова, данного им

принцессе Алисе, сестре Филиппа. И как только это случилось, в Мессину приехали мать Ричарда, старая королева Элеонора, и принцесса Беренгария Наваррская, дочь короля Санчо V, на которой некоторое время английский король уже намеревался жениться.

Среди всего этого прошла вся зима с 1190 на 1191 год. Крестоносцы обеих наций извели все деньги и начали роптать на бесконечное мешканье. Короли старались поправить настроение своих людей, раздаривая значительные суммы, причем Ричард поступал так расточительно, что про него говорили, что он в один месяц выдал больше денег, чем каждый из его предшественников на английском престоле в целый год. Но наконец Филипп решил не откладывать дольше путешествия в Сирию, а так как Ричард все еще не хотел его сопровождать, то 30 марта 1191 года он один покинул Мессину, исполненный глубокого раздражения против союзника, и поплыл прямым путем к Акре.

Однако через несколько дней после его отъезда англичане также начали думать о продолжении крестового похода. 10 апреля их флот был готов к отплытию и выступил в море в сильном клинообразном боевом порядке. На одном из кораблей, составлявших начало клина, находились королева Иоанна и принцесса Беренгария (королева Элеонора вернулась из Мессины в Англию); в самом конце ехал король Ричард. Некоторое время флот плыл с попутным ветром, но 12 апреля поднялась сильная буря, которая далеко разбросала корабли друг от друга и многие из них повредила. Несколько судов разбилось у кипрского берега, перед гаванью Лимассола; и тот корабль, на борту которого были королева и принцесса, был также отнесен именно туда, но наконец ему удалось благополучно бросить якорь перед Лимассолом. На Кипре господствовал тогда, как мы знаем, в качестве императора этого острова, комнинский принц Исаак, которого в последние годы многие ненавидели за его жестокость к своим подданным, за его союз с Саладином и за притеснение франкских пилигримов. Он велел ограбить крестоносцев, которые спаслись на кипрский берег с потерпевших крушение кораблей, и старался лицемерными приглашениями захватить в свою власть невесту и сестру короля Ричарда.

Уже они готовы были сменить свое безопасное пребывание на корабле переселением на землю, когда, к счастью, 6 мая флот Ричарда бросил якорь на рейде в Лимассоле. Король между тем уже много слышал о жестокости и коварстве Исаака и потому, когда Комнин отказал во всяком удовлетворении, тотчас напал на греческие войска, которые в большом числе заняли берег. Высадка удалась. Сам Ричард, во главе своих рыцарей, напал на киприотов, которые "рычали как собаки". Сражение продолжалось недолго; потом неприятель отступил и оставил город и местность Лимассола победителям-англичанам. На следующий день побежденные были преследуемы и окончательно рассеяны. При этом король, безумно смелый как всегда, был впереди всех в самом жарком бою: он захватил знамя Исаака и даже сбил с лошади ударом копья самого императора; и последнему удалось с трудом спастись, на другой лошади, в Никозию, во внутрь Кипра.

После этого блестящего успеха англичане отдыхали несколько дней в завоеванной области, и Ричард приготавливался в то же время к свадьбе с принцессой Беренгарией. 11 мая в Лимассольскую гавань вошли три корабля, на которых находились король Гвидо Иерусалимский и многие знатные его друзья, которые уже здесь хотели расположить короля Ричарда к своим особенным целям. Ричард принял их с большим отличием и затем, 12 мая, самым пышным образом отпраздновал свою свадьбу с Беренгарией.

Между тем Исаак так хорошо понял свои ошибки, что пожелал начать мирные переговоры. Произошло свидание между императором и Ричардом и заключен был мир, по которому первый должен был заплатить порядочный выкуп, открыть все крепости острова и выставить вспомогательные кипрские войска для борьбы с Саладином. Но только что это дело казалось улаженным, как Исаак бежал с места свидания в Фамагусту, потому что, как говорят, один из его спутников возбудил в нем подозрение, что Ричард покушается на его жизнь.

Ричард в сильном гневе объявил императора клятвопреступным нарушителем мира, поручил своему флоту сторожить берега, чтобы тот не убежал морем, а сам пошел в Фамагусту, а оттуда — внутрь страны в Никозию. На пути между этими

двумя городами, у Тремифуссии, еще раз произошло сражение. Исаак старался приблизиться к своему противнику королю, чтобы убить его отравленными стрелами, но когда король бросился на него с копьем в руках, испуганный Исаак помчался в поспешном бегстве к замку на мысе св. Андрея, на самом северо-востоке острова. Затем Ричард вступил победителем в Никозию, а его войска, пока он некоторое время лежал больным, взяли, большей частью под предводительством короля Гвидо, самые крепкие замки на севере Кипра: Церинес, св. Илариона и Буффавент.

Исаак, устрешенный этими успехами и отчаявшись найти какой-нибудь другой исход, сдался наконец, 31 мая, победителям. Рассказывают, что Ричард велел надеть на него серебряные оковы, потому что Исаак просил только о том, чтобы его не отягощали железными цепями, и сдал его королю Гвидо, который продержал его до смерти в заточении в одном сирийском замке. Таким образом, остров Кипр, в то время еще чрезвычайно богатый и цветущий, попал совсем случайным стечением обстоятельств и благодаря только двадцатипятидневному походу в руки франков — и это завоевание должно было получить высокое значение для христианских колоний на Востоке. Ричард установил отношения на острове так, что оставил прежним жителям половину их имущества, а другую половину употребил для образования ленов тому рыцарству, которое должно было взять на себя защиту страны. Во всех городах и замках он оставил гарнизоны, а во главе управления — способных людей, которым поручил прислать ему по возможности больше съестных припасов, как только он достигнет Акры.

Наконец, 5 июня, король отплыл в Сирию, 7 июня между Бейрутом и Сидоном он уничтожил необыкновенно большой, тяжело нагруженный военным материалом и войсками магометанский корабль, который был назначен для подкрепления гарнизона Акры, а 8 июня он пристал к стану христиан, стоявших под этим городом. “Его приняли там с такой радостью, как будто он был Спасителем, пришедшим в мир, чтобы восстановить царство”.

ОСАДА АКРЫ

Взгляд в ту часть Третьего крестового похода, которую мы до сих пор рассказывали, производит, несмотря на последние успехи Ричарда, глубоко удручающее впечатление. С 1187 года Европа еще многостороннее и еще усерднее, чем когда-нибудь прежде, поднялась на священную войну, но уже не возобновился тот дух, который бы мог направить развернувшиеся богатырские силы единодушно и цельно к уничтожающему удару против завоевателя Иерусалима. Только единственный из великих монархов Европы, император Фридрих, показал, по крайней мере со своей стороны, чистую преданность делу и никогда не омрачавшееся рвение к достижению высокой цели, но именно он вместе со своими людьми, без собственной вины, подвергся печальнейшей участи. Одновременно с ним или вскоре после него из всех государств выступили на Восток бесчисленные толпы войск под предводительством князей, графов или епископов, но они совершали свой путь врозь и приходили в Сирию по капле, один за другим, более способные проливать свою кровь, чем нанести чувствительный удар противнику. Наконец, короли Франции и Англии мешкали и ссорились, теряли незаменимое время и в конце концов принесли в лагерь своих единоверцев в Акре вместе со своей военной силой и свои раздоры.

Поэтому едва ли было возможно ждать чего-нибудь для конца крестового похода. Но ко всему неблагоприятно присоединилось еще то, что и сирийские христиане находились в страшном раздоре между собой, и потому неудивительно, что успехи этого похода далеко не отвечали самым скромным ожиданиям, хотя тысячи и тысячи людей все еще приносили в жертву свою жизнь так же героически, как во времена Готфрида Бульонского.

Как мы знаем, король Гвидо Иерусалимский двинулся летом 1189 года с небольшим войском в Акру, между тем как враждебный королю маркграф Конрад Монферратский остался в Тире. 27 августа Гвидо прибыл в Акру, располо-

жился лагерем на холме к востоку от города, а уже 29 августа попробовал посредством внезапного штурма захватить большую крепость. Храбрость христиан, может быть, имела бы успех, если бы среди жаркого боя они не были напуганы известием, что Саладин угрожает им с тыла. Действительно, как только султан узнал об опасности, грозившей Акре, он поспешил на выручку; но в этот день к христианам подошли только передовые части его авангарда, сам же он был еще далеко позади, в гористой стране, которая поднимается против Тивериадского озера. Но в следующие дни он со всем своим войском подошел близко к христианскому лагерю, и небольшая кучка крестоносцев, без сомнения, погибла бы, если бы в это самое время не пристали один за другим к берегу около Акры значительные франкские флотилии и не привезли королю Гвидо тысячи храбрых датчан и фризоров, фламандцев и англичан, французов и итальянцев. Из этих предводителей особенно выделились Иаков Авенский, епископ Филипп Бове и графы Дре, Бриени и Бар.

Но вследствие всего этого сражение при Акре оказалось главным военным событием этого крестового похода, стало развязкой дела, самой неблагоприятной для христиан, какая только была возможна. Владая в Сирии еще Антиохией, Триполи и Тиром, они не нуждались, по крайней мере на первое время, для войны с Саладином в опорных пунктах на берегу: для них было важно прежде всего истребить военную силу султана в открытом поле; затем крепости постепенно достались бы им сами собой. Но когда они начали осаждать большой город, они предприняли самое трудное дело, какое известно военному искусству, а именно — разрушение неприятельских стен в то время, когда сильное и привыкшее к победам вспомогательное войско готово каждую минуту напасть с тыла на осаждающих. Но христиане были приведены к безумной борьбе за Акру не по обдуманному соображению. Повод к этому заключался гораздо больше в том, что Тир, единственный значительный остаток Иерусалимского государства, был в руках Конрада Монферратского и что король Гвидо, как дерзкий искатель приключений, предпринял взятие ближайшего большого приморского го-

рода, чтобы получить подобное Тиру место. К этому присоединилось тогда невольное и неминуемое все дальнейшее.

Акра, издавна многолюдный и хорошо укрепленный город, был превращен Саладином в главную крепость ислама благодаря постройке новых рвов и валов, башен и бастионов. На северо-восточном углу стен особенно выделялась “проклятая башня”, а среди укреплений, замыкавших гавань, сильная “башня мух”. Гарнизон был силен и мужествен; во главе его стоял храбрый эмир Багауддин Каракуш.

Город представлял в то время большой треугольник, западная и южная стороны которого омывались морем, и только северо-восточная сторона была обращена на материк. Почва на ней в общем ровная, лишь вблизи города поднимаются незначительные холмы, и только очень далеко начинается настоящая горная страна Галилея. В равнине недалеко от Акры вливается в море небольшая река Бел. При этой реке и в низменностях вокруг города идет страшный бой: Саладин возвращается под защиту возвышенностей на востоке, когда хочет дать временный отдых своим истомленным войскам.

Когда возраставшее число христиан грозило в первой половине сентября совсем обложить крепость на суше, султан пытался разорвать кольцо осаждающих, пока оно не сделается слишком крепким. 12 сентября он и гарнизон напали в одно время. “Но франки стояли как стены; когда падал передний человек в ряду, его место тотчас занимал задний”; и только после четырехдневной борьбы Саладину удалось 15 сентября завоевать доступ к городу. Но плод тяжело добытой победы был все-таки невелик. Акра была больше снабжена провиантом, но не было нанесено никакого дальнейшего вреда христианам, ужасное сопротивление которых внушило врагам большое почтение.

24 сентября прибыли новые толпы пилигримов под предводительством итальянских и немецких господ. Самым важным из последних был ландграф Людвиг Тюрингенский, который во время путешествия из Бриндизи в Акру заезжал в Тир и просил там маркграфа Конрада оставить свою злобу против короля и принять участие в борьбе всего христианства с врагами

креста. После этого Конрад решился сделать по крайней мере последнее, и потому прибыл вместе с ландграфом в лагерь при Акре.

Вскоре после того христиане приготовили сильное нападение на Саладина. Четыре военных отряда под предводительством Гвидо, Конрада, Людвига и тамплиеров выступили 4 октября из лагеря: остался только брат Гвидо, Готфрид Лузиньянский, для защиты шатров и обоза от городского гарнизона. Султан при приближении неприятельских масс старался вдохновить своих возгласом: “Вперед, за ислам, войска единого Бога!” Но они не могли вынести первого натиска франкских латников. Уже правое крыло и центр мусульман поколебались, отдельные беглецы с дикой поспешностью неслись к Тивериаде, как вдруг обстоятельства переменялись. Ряды победителей в слишком быстром преследовании смешались. Левое крыло неприятеля устояло и вскоре смело двинулось вперед. Доносился устрашающий слух, что лагерь христиан был уже взят гарнизоном Акры. Среди пилигримов распространился ужас: они в беспорядке двинулись назад и только после тяжелых потерь достигли лагеря, оставленного незадолго перед тем с такой гордой уверенностью. Мусульмане торжествовали и безмерно хвастались этим успехом, а Саладин велел собрать на поле битвы трупы и бросил их в реку Бел, чтобы они там гнили и портили воду и воздух для христиан.

Между тем, несмотря на все это, положение оставалось вообще то же, как было раньше. Сила и мужество крестоносцев были вскоре опять освежены приходом нового отряда. Они вторично окружили Акру от одного залива до другого, укрепили свой лагерь валами и рвами, так что он как крепость обращен был и к городу и к Саладину, и усиленными работами устроили гавань для своих кораблей, которая еще долгое время называлась по имени его настоящего строителя “гаванью Маркграфа”. Но и мусульмане также получили многочисленные подкрепления; они особенно были кстати для гарнизона Акры, которому египетские эскадры доставили свежие войска, военные снаряды и провиант. Таким образом, война должна была еще надолго затянуться, тем более, что началась зима и ветер и

дожди сделали невозможными большие военные предприятия. Поэтому Саладин отпустил часть своего войска на зимние квартиры, а с остальными тоже несколько отодвинулся от христиан назад. Последние целые недели сильно терпели от сырости, которая превратила их лагерь почти в болото, от тяжелой нужды и от страшной моровой язвы, которая унесла многие тысячи сильных бойцов. Но они все-таки держались вместе в живом воинственном одушевлении, потому что крепко надеялись на то, что весна приведет им новых бойцов, деньги и съестные припасы в большом количестве. Ведь они знали прежде всего, что император Фридрих уже давно выступил на Восток с сильной немецкой армией!

Совершенно противоположно радостным надеждам христиан, Саладин смотрел в будущее с боязнью и заботой, и у него было к этому тем более серьезное основание, что его положение самым тягостным образом отличалось от положения его противников по крайней мере в одном отношении. А именно: хотя у крестоносцев с начала и до конца этой войны, — так как император Фридрих не дошел до Сирии, — не было полководца, который способен был мудро и энергично управлять смешанными толпами, но зато к Сирийскому берегу в неиссякаемом множестве стекались лучшие силы всех народов Запада, и самый настоящий пилигрим был так же готов голодать и жаждать, как сражаться и умереть. Напротив, на магометанской стороне возможность счастливой защиты лежала почти только на плечах одного предводителя, султана Саладина. Его собственные войска, хотя испытанные в бою и храбрые, были раздражены бесконечными тяготами войны и при случае роптали и бунтовали, как раньше при осаде Тира, так и теперь перед лагерем пилигримов при Акре. Остальных государей в области ислама, халифа Багдадского, владетелей Ирана, Аравии и даже Марокко, Саладин неоднократно и настоятельно просил о помощи, но, кроме льстивых похвал его геройским подвигам, султан получил действительную помощь только от тех государей и племен, которые жили по соседству с его сирийско-месопотамскими владениями. Он горько жаловался на пренебрежение общим делом: “Есть ли

хоть один мусульманин, — писал он халифам, — который следует призыву, который приходит, когда его зовут? Между тем взгляни на христиан, какими массами они стекаются, как они спешат наперерыв, как они поддерживают друг друга, как они жертвуют своими богатствами, как дружно они держатся вместе, как они переносят величайшие лишения. У них нет короля, государя, острова или города, нет человека, как бы незначителен он ни был, который бы не послал на эту войну своих крестьян, своих подданных, который бы не дал им явиться на поприще храбрости; у них нет сильного человека, который бы не принял участия в этом походе, все хотят быть полезными нечестивой цели своего рвения... Напротив того, мусульмане вялы, лишены мужества, равнодушны, утомлены, бесчувственны, не ревностны к вере... Ты, который приходишь от крови нашего пророка Магомета, ты обязан поэтому стать на его место и сделать в это время то, что сделал бы он сам, если бы был среди своего народа, — сохранить в мире воспоминание о нем и дать восторжествовать истине; потому что он поручил нас и всех мусульман твоему покровительству!" Напрасно! Его призыв о помощи остался неуслышанным. Обширный мир ислама, только оборонявшийся против крестоносцев, не был поэтому исполнен такого же воодушевления, как они, и не поднялся выше обычных требований сопротивления, и на этот раз тем менее, что в разных местах этому, вероятно, мешала зависть к великому могуществу Саладина. Поэтому султан остался предоставлен своему гению. Несмотря на свои все еще значительные военные силы, он, сравнительно с бесчисленными массами пилигримов, походил как бы на полководца без войска, сражающегося с войском без полководца.

Покуда затягивалась война, особенности воюющих сторон выразились весьма характерно. Христиане и мусульмане старались превзойти друг друга в ужасной жестокости к пленным; но, несмотря на то, дух солдатской жизни вверху и внизу так настойчиво заявил свои права, что форпосты обеих войск в перерывах битвы считали возможным дружелюбно сходить для веселой шутки и игры. В христианском лагере строгий аскетизм

перемешивался с любовью к роскошной жизни: не было недостатка в торговцах, которые дешево продавали всякие сокровища Востока, и в маркитантах, палатки которых были местопребыванием безумного обжорства и разгула. Но рядом с распутными, были в лагере и другие женщины, которые скрывали свой пол и, исполненные высокого одушевления, выходили в панцирях против неприятеля, соревнуясь в геройстве с мужчинами. Мусульмане отличались хитростью и ловкостью. Отважные бедуины подкрадывались ночью к отдельным пилигримам с обнаженным кинжалом и принуждали их молча идти в плен или закалывали их при первом крике. Война на море давала повод ко множеству отважных подвигов. То Акра была блокирована христианами, то блокада разрушалась египетскими эскадрами. Некоторые мусульманские корабли старались обмануть христиан тем, что водружали кресты и брали на борт свиней, по исламу — нечистых животных. Когда блокада крепости долго не прерывалась и когда не доставало почтовых голубей, через которых Саладин часто переписывался с осажденными, то смелые люди бросались в море и старались достигнуть города, плывя и ныряя между христианских судов.

Весной 1190 года пилигримы после долгих и трудных приготовлений построили три большие осадные машины, лес для которых должны были привозить из Италии: эти машины были вышиной в 60 арабских локтей, выше неприятельских стен. Эти пятиэтажные башни заключали достаточно места как для мелких метательных машин и таранов, так и для значительных военных отрядов: по выровненной площадке они были подвезены к самой крепости. В последних числах апреля поднялся ужасный бой. Саладин, который в конце зимы снова собрал все свои силы, принялся без перерыва штурмовать христианский лагерь, чтобы христиане не успели воспользоваться своими башнями. Между тем крестоносцы не только с непоколебимой твердостью противостояли султану, но мало-помалу так стеснили и самый город, что можно было уже предвидеть его падение. Наконец, 5 мая осажденным удалось поджечь все три башни, и гарнизону их только с большим трудом удалось спастись отсюда. Надежды пилигримов были этим опять унич-

тожены на долгое время, но когда Саладин со своей стороны попробовал после этого добиться решительного успеха, прорвав христианские укрепления, ему в конце концов пришлось отступить, не выиграв сражения, хотя он упорствовал в нем от 8 до 19 мая.

После этого обе стороны чувствовали себя истощенными и некоторое время не начинали крупных предприятий. Но в пестрой толпе христианского лагеря некоторые отряды вовсе не были довольны этим военным отдыхом: начались мятежи, а 25 июля воинственная и жаждущая добычи толпа численностью до 10 000 человек напала на позиции Саладина. Несчастливая толпа, хотя при первой стычке имела некоторый успех, большей частью погибла, однако, от меча неприятеля.

Вскоре после того к Акре подступили новые толпы войск из Франции и Англии. Во главе их стоял длинный ряд знатных баронов; важнейшим из них был граф Генрих Шампанский. Осаждающее войско получило самое желанное подкрепление, но в то же время раздор, волновавший сердца пилигримов, принимал все более злобные формы. Отчасти он присоединялся к старинной вражде между королем Гвидо и маркграфом Конрадом, хотя они в лагере под Акрой до сих пор, по-видимому, относились друг к другу дружелюбно и мирно; отчасти он был связан с особенным положением немцев в войске пилигримов. Дело в том, что крайнее недружелюбие, какое немцы уже несколько десятилетий встречали в романской Сирии, дало себя почувствовать и теперь; может быть, немецкие пилигримы сами заслужили то нерасположение, которое они встретили, своей гордостью и высокомерием. Одно время крестоносным войском поочередно командовали Иаков Авенский и Людвиг Тюрингенский; затем раздор между немцами и французами повел к назначению нескольких начальников, а теперь, когда особенно возросло число французов, предводителем всего войска был сделан граф Генрих Шампанский. Вскоре после того ланграф Людвиг заболел, поехал домой и умер в пути (16 октября 1190 г.). В лагере под Акрой о нем носилась позорная молва, что он оставил общее дело только из-за того, что у него отняли главное начальство, или даже потому, что

Саладин подкупил его большой суммой денег. Между тем под Акрой стало известно о смерти императора Фридриха и ужасной гибели главной немецкой армии. Маркграф Конрад поспешил навстречу ее слабым остаткам, вступил в дружеские отношения с герцогом Фридрихом Швабским и среди разных опасностей привел его в лагерь пилигримов (7 октября). Однако с этого времени положение немцев еще ухудшилось. Они явились к товарищам после испытанного ими несчастья только как побежденные и должны были выносить презрительное и высокомерное отношение к себе от преобладающих масс романцев и приверженцев короля Гвидо.

Между всем этим крестоносное войско все же обладало достаточной силой, чтобы снова очень стеснить осажденную крепость. В сентябре флот сделал сильное нападение на главный пункт гавани — “Башню мух”. На одном из христианских судов находились огромные штурмовые лестницы, а на вершине мачты настоящий небольшой замок, который был выше платформы башни. Но неприятельский огонь зажег именно это судно, и собственно брандеры христиан повредили им самим так, что нападение после героического начала потерпело жалкую неудачу. Точно то же было в течение октября, когда Генрих Шампанский, Фридрих Швабский и другие важные князья соорудили на суше новые осадные машины. Гарнизону удалось, при энергичных вылазках, подойти к этим машинам и сжечь их. Вследствие этого зима с 1190 на 1191 год застигла христиан почти на том же месте, как и за год до того.

Для христиан эта зима принесла еще больше бед, чем предыдущая. Нужда в их лагере достигла такой страшной степени, что съестные припасы почти буквально ценились на вес золота. Трупы мертвых животных составляли завидное кушанье, а кости, брошенные собаками, еще раз обглаживались. Снова распространилась опустошительная болезнь “арнальдия”, от которой “распухали члены и выпадали зубы”. Многие пилигримы с непреклонным героизмом переносили всякие неудобства, но, конечно, многие впадали также в тупое отчаяние или старались забыть свои горькие страдания в безумном распутстве. При этом дисциплина войска так расшаталась, что переход голодаю-

щих к врагам веры и отречение от христианства из-за куска хлеба стали совсем обыкновенными явлениями.

В это страшное время некоторые благочестивые пилигримы из Любека и Бремена особенно отличались деятельным рвением к общему благу. Под управлением некоего Зигенбранда они устроили — в одном вытасченном на берег корабле — госпиталь и неутомимо старались, ухаживая за больными, смягчать страдания своих больных сотоварищей. Герцог Фридрих Швабский радовался на их предприятие, принял его под свое покровительство и старался придать ему характер постоянного учреждения посредством удостоверяющей и охраняющей папской буллы. Так возникло здесь, в Акрском лагере, учреждение, которое, подобно Иоанитскому госпиталю в Иерусалиме, было зародышем более крупного учреждения, рыцарского ордена немецкой нации. Но герцогу Фридриху не суждено было дожить до возникновения этого ордена. Наконец и он заразился все сильнее свирепствовавшей в лагере болезнью и умер 20 января 1191 года. После его смерти небольшой немецкий отряд все более и более распадался, как “стадо без пастуха”, и совершенно потерялся среди массы других пилигримов.

Ко всем этим несчастьям присоединилась еще возмужавшая вражда среди крестоносцев. Осенью 1190 года умерла жена Гвидо, королева Сибилла, и потому маркграф Конрад заявил прямо притязание на иерусалимский престол, который Гвидо давно забросил по своей неспособности и вялости. Чтобы укрепить свое притязание каким-нибудь юридическим основанием, Конрад потребовал и добился того, чтобы Елизавета, младшая сестра и единственная наследница Сибиллы, выданная замуж за Гонфреда Туронского, вельможу иерусалимского государства в 1180 году, 8 лет от роду, т.е. во всяком случае без любви и понимания, была бы разведена с мужем и отдана ему. Но когда он достиг этой цели, то он и Гвидо и их приверженцы находились в такой вражде друг к другу, что только общее утеснение их Саладином могло помешать вспышке открытой войны.

Между тем мусульмане переживали более благополучные дни. Они не терпели нужды и без большого труда противостоя-

яли в небольших стычках истощенным силам пилигримов. Но несмотря на это, положение Саладина было далеко не благоприятно, так как его войско, все более негодовавшее на бесконечную продолжительность войны, много раз бунтовало, и именно защитники Акры требовали смены. С большим трудом султан сдерживал свое войско. Наконец он позволил прежнему гарнизону очистить крепость, но этим принес себе большой вред, потому что люди, занявшие после этого укрепления Акры, были крайне распущены и нерасположены к делу, и храброму эмиру Багауддину Каракушу, единственному продержавшемуся в Акре от начала до конца, трудно было с этими людьми долго удерживать город.

Дело в том, что весна 1191 года принесла пилигримам самое значительное подкрепление. Теперь наконец прибыли, как мы знаем, один за другим, король Филипп и король Ричард. Явилось даже небольшое немецкое войско, потому что в лагерь под Акрой прибыл в это время и герцог Леопольд Австрийский со своими людьми, который некогда желал сопровождать императора Фридриха, но был задержан домашними делами. Но чем сильнее вновь чувствовали себя крестоносцы, тем озлобленнее они враждовали между собой. Филипп и, вероятно, также Леопольд стояли на стороне маркграфа. Ричард, как мы уже видели, вошел в союз с Гвидо уже в Кипре, а тем более теперь под Акрой. Брат Гвидо, Готфрид Лузиньянский, вызвал маркграфа, как изменника, на Божий суд. Ричард рассердил короля Филиппа тем, что велел давать всем нуждавшимся рыцарям, желавшим вступить к нему на службу, по четыре червонца, между тем как Филипп назначил для этой же цели только по три. Последний отомстил тем, что потребовал для себя половину Кипра, так как короли обещались делить между собой свои завоевания. Ричард думал, что это относится только к мусульманским областям, но он хитро прибавлял, что готов уступить половину Кипра, если Филипп предоставит ему за то половину имущества только что умершего графа Филиппа Фландрского. Так ссорились люди, стоящие во главе, и их раздор проник до глубины крестоносного войска, и, наконец, Ричард возбудил недовольство всех пилиг-

римов тем, что по своему капризному нраву и из уважения к рыцарскому характеру Саладина вздумал среди войны завязать с ним дружественные отношения.

Конечно, все эти обстоятельства сильно вредили успеху осады. Большие партии, на которые распалось крестоносное войско, очень плохо поддерживали друг друга, так что время и силы напрасно терялись, благородная кровь напрасно проливалась. Но у пилигримов было еще столько высокого одушевления и готовности к труду, что, несмотря на все это, поистине удивительным образом они сделали значительные успехи и мало-помалу обеспечили себе победу. Были построены громадные осадные механизмы, башни, тараны и метательные машины: под защитными крышами и в подкопных галереях христиане подвигались к самым укреплениям неприятеля. Вскоре около пробитых брешей повсюду загорелся бой. Саладин делал все возможное, чтобы отворотить падение города, беспрестанно нападая с тыла на христианский лагерь и убедительно призывая защитников Акры держаться. И теперь он снова изображал халифу свое трудное положение, потому что имел дело с врагом, какого никогда не видывали, который одновременно был и осажденным и сам осаждал, замыкал и сам был замкнут. Поражения и плен ослабляли христиан, война поглощала их, победа их покинула, но море было за них. Невозможно было бы даже указать число народов, составлявших христианское войско; даже воображения не хватало бы для этого.

С конца июня 1191 года неоднократно начинались переговоры о капитуляции крепости. Говорят, что Саладин обещал при этом однажды выдачу почти всего королевства Иерусалимского, если бы христиане помогли ему сильным войском против могущественных магометанских врагов. Но все эти переговоры разбивались один за другим, пока наконец отчаяние гарнизона не ускорило развязку. 11 июля начальники крепости и христианские короли вошли в соглашение. Город со всеми находящимися в нем запасами должен был сдаться, святой крест должен быть возвращен и значительное число христианских и племенных рыцарей и народа получить свободу. Гарнизон имел право возвратиться к Саладину, но по крайней мере часть его, в

особенности сто знатных людей, должны были остаться заложниками, пока султан не заплатит христианам 200 000 червонцев.

Саладин с глубоким огорчением принял известие об этих условиях и пытался не дать на них своего согласия. Все было напрасно. Уже 12 июля защитники Акры открыли ворота. Христиане в восторге вошли в Акру и водрузили свои знамена на стенах и башнях. Тогда Саладин подписал договор. Снял свой лагерь и двинулся назад в глубь страны. Чтобы вооружиться там для новых битв, в особенности для защиты Иерусалима.

Так после двухлетней, стоившей ужасных жертв, войны была снова взята Акра. Все незаслуженные несчастья христиан, так же как все безумия и низости, ими совершенные, перетягивались на чаше весов геройским мужеством и упорной выдержкой пилигримов. Гений Саладин был в конце концов побежден крестоносным воодушевлением Запада. После этого великого триумфа еще можно было надеяться на полное возвращение прежних христианских областей и окончательное подавление могущественного противника. Правда, и сами крестоносцы были сильно истощены, но все еще достаточно сильны, чтобы достигнуть желанной высокой цели, если бы только они наконец бросили свои отвратительные раздоры и с чистым чувством отдались исполнению своей великой задачи.

К сожалению, после падения Акры в этом отношении дело пошло еще хуже. Англичане и французы под предводительством своих королей разными способами вредили пилигримам других наций. Когда предводители последних возмущались против этого, им давали дружественные обещания, но, несмотря на то, не кто иной, как король Ричард, позволил себе бессовестное оскорбление австрийского герцогского знамени, велел при своем вступлении в крепость бросить его в грязь, так что многие крестоносцы, увидев такое "королевское слово и поступки", повернули домой, потеряв всякую охоту в дальнейшей войне против мусульман.

Прежние христианские жители Акры также имели сначала законную причину для жалоб, потому что им не возвратили их собственности, которую они владели до завоевания города

Саладином. Между тем здесь дело шло именно о гражданах итальянских коммун, которые во время войны за Акру постоянно оказывали важные услуги и с которыми нужно было сохранить и в будущем дружеские отношения. Поэтому венецианцы, а в особенности пизанцы и генуэзцы, мало-помалу получили обратно не только свои старые городские округа, лавки и склады, но вскоре получили возможность еще расширить эти кварталы и вполне восстановить и даже возвысить блеск Акры как важнейшего сирийского торгового города.

Но снова вспыхнула также и вражда между Конрадом и Гвидо. Приверженцы маркграфа указывали на его неоспоримые заслуги, которые он приобрел в деле христиан; друзья Гвидо заявляли, что поражение короля при Гаттине произошло не от его нерадения, а по неотвратимому несчастью. Наконец, крестоносные государи сошлись на том, что король Гвидо до конца жизни останется королем Иерусалима, Конрад ему наследует, а пока маркграф должен получить Тир, Бейрут и Сидон, а брат Гвидо, Готфрид Лузиньянский — графство Яффское. Эта несчастная сделка, которая делила христиан в Сирии между претендентами, вместо того, чтобы крепко утвердить ее в одних руках, была, конечно, только плодовитым зерном к новым раздорам.

И только что эта сделка была заключена, как Ричард и Филипп обменялись колкими словами, потому что последний вдруг объявил, что хочет вернуться домой. Говорят, что французский король был принужден к этому болезнью; рядом с этим носились темные слухи о его опасениях вследствие заговора против него, составленного Ричардом и Саладином: но на самом деле королем руководило, вероятно, желание предъявить как можно скорее и настойчивее свои права на значительное наследство незадолго перед тем умершего графа Филиппа Фландрского. Ричард был возмущен намерением своего союзника отчасти потому, что главная борьба с Саладином только теперь и должна была начаться, отчасти же он боялся, что по своем возвращении на родину король Филипп без церемонии воспользуется удобным случаем напасть на английские владения. Но он был слишком горд, чтобы препятствовать отъезду коро-

ля, и удовольствовался клятвенным обещанием, что Филипп не тронет владений английского престола в отсутствие Ричарда и еще сорок дней по его возвращении. Вслед за этим французское войско разделилось. Значительный отряд остался в Сирии для продолжения крестового похода под начальством герцога Гуго Бургундского, Генриха Шампанского и других знатных людей, а остальное войско отплыло с королем 31 июля. Их обратная поездка счастливо шла вдоль берегов Сирии, Малой Азии и Греции в Италию, а оттуда до Франции.

КОНЕЦ КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Возобновлению войны между Ричардом и Саладином предшествовала печальная и отвратительная сцена. Султан не мог так скоро, как его обязали, исполнить условий, которые на него налагала капитуляция Акры, освобождения большого числа пленных христиан и уплаты 200 000 червонцев. Ричард пришел из-за этого в безмерный гнев и тотчас после того, как прошел выговоренный Саладином срок — 20 августа, — он велел заколоть перед воротами Акры более 2000 мусульманских заложников. Конечно, после этого деньги были не уплачены, ни один пленный христианин не отпущен, а также не выдан и Святой крест. Кроме того, хотя Саладин, несмотря на свою глубокую горечь, не увлекся тотчас к соответственному возмездию за позорное убийство стольких единоверцев, зато в последующих сражениях много раненых или пленных христиан пали жертвами воспламененного мщением противника.

Через три дня после этой резни Ричард выступил с главной массой пилигримов из Акры. Войско было большей частью еще исполнено прежним военным одушевлением, но рядом с этим было все-таки много зависти и вражды, распущенной любви к приключениям и дикой жажды наслаждений. Но самое худое было в том, что не было человека менее способного, чем именно король Ричард, чтобы усилить более благородные побуждения крестоносцев и привести к счастливому концу великое пред-

приятие. Он был и, конечно, остался непобедимо храбрым и воинственным рыцарем, высоко чтившим у врага добродетели, которыми обладал сам, но он был совершенно неспособен управлять большим войском, придумать и успешно провести разумный план похода. Задача, которую он должен был теперь выполнить, была ясна: необходимо было сломить, наконец, военную силу Саладина и завоевать Иерусалим. Но ни то, ни другое не было прямо предпринято, а вместо того была вторично сделана та же ошибка, которая повела к столь бедственной осаде Акры, а именно: ближайшей целью похода поставлено было завоевание одного приморского города — Аскалона, “Сирийской невесты”, богатейшего и самого укрепленного города на юге Палестины. Может быть, Ричарда побудили к походу в Аскалон лужиньянцы, так как в последних переговорах с маркграфом Конрадом графу Готфриду был обещан соседний город Яффа; может быть также, что в этом деле решали вопрос другие группы крестоносцев, для которых завоевание Иерусалима не было главной целью, а именно те вельможи и рыцари, которые прежде имели владения на берегах королевства, и особенно граждане итальянских коммун, торговые интересы которых гораздо больше зависели от скорого возвращения приморских городов, чем от завоевания Иерусалима. Как бы то ни было, поход к Аскалону был во всяком случае отклонением от пути, который указывало политическо-военное положение вещей, и это отклонение было горько отомщено.

Христианское войско прежде всего направилось среди разных трудностей вдоль берега к югу. Походу мешала почва и климат; города и местечки, которые они проходили, были разрушены Саладином, чтобы отнять у пилигримов всякую опору; неприятель пользовался всяким представляющимся случаем к неожиданным атакам и нападениям. Крестоносцы двигались медленно и только через две недели достигли окрестностей Арзуфа, где султан решил сделать попытку серьезного сопротивления. 7 сентября здесь завязалась кровавая битва, которая после тяжелой борьбы окончилась блестящей победой христиан. Ричард находился всегда в самом пылу боя и своим копьем и мечом много содействовал прекрасному успеху. Но насколько можно видеть, он пренебрегал своими обязанностями полко-

водца, потому что, не преследуя глубоко потрясенных неприятельских отрядов, давал им возможность снова собраться и прийти в порядок. Через несколько дней пилигримы прибыли в Яффу. И этот город лежал в развалинах; но окрестности были красивы, а гавань была удобна для сношений с Акрой. Поэтому крестоносцы на некоторое время устроились здесь, вместо того, чтобы идти дальше к Аскалону. Между тем Саладин обдумывал судьбу "Сирийской невесты". До сих пор он не разрушал этого важного города, служившего как бы соединительным звеном между Египтом и Сирией, и теперь еще он страстно желал сохранить его. Но не были ли крестоносцы, несмотря на громадные потери, испытанные ими за три года, все еще достаточно сильны, чтобы добиться такой же победы, как при Акре? Битва при Арзуфе только что дала веское доказательство несокрушимой силы, а среди офицеров Саладина царила величайшая неохота выдерживать осаду в Аскалоне. Тогда султан решился, хотя и с тяжелым сердцем, воспользоваться временем, которое ему оставляло вялое ведение войны христианами, для разрушения этой крепости. 16 сентября началось это печальное дело. Крепкие стены крепости были подкопаны и разрушены, внутренние постройки города истреблены огнем.

Когда Ричард услышал об этом, он вызвал военачальников, желая скорее двинуться дальше, чтобы если еще возможно, спасти Аскалон от полной гибели. Но он со многих сторон получил ответ, что гораздо лучше было бы восстановить Яффу и начать войну с Иерусалимом с этого превосходного опорного пункта. В этом была доля правды, но король не был человеком, способным с твердой выдержкой довести до конца какое бы то ни было большое предприятие. Как раньше он намеревался взять Аскалон, а потом из-за медленности похода сам был виноват в истреблении прекрасного города, так и теперь, хотя сделал для Яффы и Иерусалима некоторые усилия, но они были недостаточны. Крестоносцы тотчас начали вновь отстраивать Яффу, но постройка двигалась без достаточной энергии и потому очень медленно. Часть войска двинулась, наконец, после долгого промедления на восток в глубь страны, восстановила несколько разрушенных замков, но затем расположилась в развалинах скрытых Саладином городов Рамле и Лидды вместо того,

чтобы попробовать серьезно напасть на Иерусалим. Между тем Ричард проводил время в том, что выискивал самых необычайных опасностей в форпостных стычках, как рыцарь, ищущий приключений. Его необузданная отвага и сила его руки стали таким ужасом для врагов, что еще многие годы потом магометанские женщины пугали своих непослушных детей словами “король Ричард идет”, а магометанские всадники говорили своим пугающимся лошадям: “Разве ты видишь короля Ричарда!” Но как мало послужили эти геройские подвиги самому делу крестового похода!

Неудивительно, что при таком жалком ведении войны в войске снова сказались его худшие элементы. В Яффе началось распутство, как некогда в лагере под Акрой. Пилигримы целыми толпами стремились даже в самую Акру, чтобы там, вдали от трудов и опасностей, вести роскошную жизнь, и только с большим трудом удалось королям Гвидо и Ричарду вернуть этих беглецов к их обязанностям. Но гораздо опаснее было то, что маркграф Конрад Тирский, подстрекаемый честолюбием и отчаявшись в том, что эти короли могли приобрести какой-нибудь прочный успех над Саладином, вошел в переговоры с султаном, причем требовал себе Сидон и Бейрут, а магометанам обещал за это помощь против своих единоверцев. Но и Ричард в то же время начал переговоры с неприятелем, потому что получил дурные вести с родины, по которым его господству угрожали его брат, граф Иоанн, и король Филипп, так что ему хотелось как можно скорее отправиться в обратный путь. Поэтому Саладин был относительно христианских партий в самом благоприятном положении и желал только воспользоваться их раздорами и продолжить их. Но так как среди его войск все возрастала неохота к войне, то он должен был быть серьезнее, чем он сделал бы это в другое время: войти в мирные переговоры с сильнейшим из своих противников, королем Ричардом. При этом произошли неоднократные и торжественные свидания между Ричардом и братом Саладина, Альмаликом Аладилем. Королю очень понравился магометанский принц, и, как говорят, он сделал принцу фантастическое предложение, чтобы тот женился на его сестре Иоанне, королеве-вдове Сицилийской, и чтобы затем им обоим было отдано Иерусалимское коро-

левство. Понятно, что из этого ничего не вышло. Между тем часто прерываемые и все снова начинаемые переговоры так подвинулись, что мир казался уже близким, если бы христиане удовлетворились умеренным расширением области, которой они владели в ту минуту, с придачей Иерусалима (включая мечеть Омара и крепость Святого города, которые должны были остаться за мусульманами). Но и теперь не пришли, однако, к решению. Потому что, по словам одного арабского летописца, “английский король так же часто заключал условия, как брал их обратно: он постоянно менял уже принятые решения или предъявлял новые затруднения; только что он давал слово, как брал его назад, и когда он требовал сохранения тайны, то сам ее нарушал”.

Итак, Ричард показал себя таким же несостоятельным в переговорах, как и в бою. Но самое некрасивое доказательство своего характера он дал в 1192 году, когда вдруг велел приступить к давно забытому походу в Иерусалим. Время года было выбрано для этого как нельзя хуже: зима обливала пилигримов непрерывными холодными ливнями. Несмотря на то, приказ короля вызвал восторженную радость, все войско с воодушевлением выступило из Рамлы на восток, к Святому городу. Но уже на середине пути, при маленьком местечке Бейтнуба, Ричард сделал остановку и созвал военный совет, чтобы обсудить, возможно ли вообще предпринять осаду Иерусалима. Говорят, что именно пизанцы и духовные рыцарские ордена указали при этом на то, что Святой город страшно укреплен, прикрыт сильным войском Саладина и потому его едва ли можно взять, а кроме того, до нападения на Иерусалим нужно бы завоевать еще другие места, так как после падения Святого города большинство пилигримов вернется на родину, как бы после полного исполнения своего обета. Последнего, правда, вполне можно было опасаться, потому что уже сотоварищей Готфрида Бульонского можно было удержать в Палестине только очень короткое время после взятия Иерусалима; справедливо было также и то, что укрепления Святого города были чрезвычайно усилены Саладином в то долгое время, которое ему доставили бесконечно медлившие крестоносцы. Но было ли это достаточным основанием для того, чтобы боязливо отступить от высшей

цели, ради которой совершилось могущественное восстание всего Запада? По самому горячему требованию всего христианства нужно было все-таки напасть на Иерусалим, и разве при борьбе за этот город не могла быть потрясена военная сила Саладина настолько, чтобы сирийским франкам было легко после этого снова широко распространить свое господство в Палестине, даже если бы большинство пилигримов уже не помогало им? Таким образом, нерасположение пизанцев и их сотоварищей осаде Иерусалима основывалось, главным образом, на желании, чтобы ради их личных интересов прежде всего были сделаны приобретения на берегу. Но их слов было вполне достаточно, чтобы склонить к их намерениям изменчивого Ричарда. Он тотчас остановил поход к Иерусалиму и приказал соответственно с прежним планом теперь же двинуться к Аскалону.

В бурю и дождь с проклятиями и слезами войско пилигримов двинулось назад к берегу. Аскалон предстал перед их глазами в виде пустынной кучи камней, только с трудом можно было пробраться внутрь города по грудам развалин. Но, несмотря на то, крестоносцы ревностно приступили к восстановлению города. Король, щедрый как всегда, поощрял рабочих денежными подарками и, чтобы показать всем хороший пример, сам таскал камни. Из страшного мусора с необычайной быстротой воздвигались валы, башни и дома. Но вскоре новая беда прервала это полезное дело. Пизанцы и генуэзцы вступили в Акре в кровавую распрю. Первые держались англичан и короля Гвидо, другие пристали к французам и маркграфу Конраду. Все сирийские христиане были вовлечены в раздор партий. Конрад с войском и флотом явился под Акру, чтобы вместе со своими сообщниками завладеть городом. Потом, правда, он отступил от крепости, когда Ричард пришел на выручку, но разговор, который он имел затем с королем, скорее обострил раздор вместо того, чтобы его утишить. В этот момент, тотчас после пасхи 1192 года, пришло, однако, новое известие из Англии, по которому враги Ричарда еще серьезнее угрожали его престолу. Тогда король объявил начальникам войска, что он не может дольше оставаться в Сирии и должен без дальнейшего промедления вернуться на родину. Если это так, ответили прелаты и бароны, то пусть он позаботится хоть только о том, что-

бы окончательно устранить все еще разраставшийся спор за Иерусалимский престол. Ричард спросил их тогда, кого он должен ввести во владение королевством — Гвидо или Конрада? Он, конечно, думал, что его вельможи нелегко согласятся выбрать маркграфа, но весьма ошибся в этом, потому что все указали на Конрада, как на единственного человека, достаточно храброго, умного и способного восстановить достоинство Иерусалимского престола, если это вообще еще возможно. Между тем Ричард, несмотря на все свое разочарование, согласился с единодушным желанием вельмож, потому что мысли влекли его на родину, и он велел сообщить Конраду, что признает его королем. В Тире, вследствие этого, поднялось бурное ликование, которое было тем законнее, что маркграф, который незадолго перед тем снова начал переговоры с Саладином, именно тогда получил благоприятные известия об их успехе. Правда, султан требовал, чтобы Конрад соединился с ним для нападения на крестоносцев, о чем теперь, конечно, нечего было и думать, но в то же время он сделал маркграфу больше уступок, чем когда-нибудь прежде, заявив о готовности оставить ему все, что в это время было в руках христиан, за исключением Аскалона, и, кроме того, отдать те части Палестины и Святого города, которые он уже раньше предлагал Ричарду.

Но едва это посольство прибыло ко двору нового короля, как он был убит 28 апреля 1192 года в Тире двумя ассасинами. Это убийство, которое произвело повсюду чрезвычайное впечатление, приписывалось то Саладину, то Ричарду, но, без сомнения, несправедливо, потому что Конрад вызвал против себя месть фанатической секты, ограбив один ассасианский корабль². Его смерть была чрезвычайно тяжелым ударом для христианского дела. Благодаря своему безрассудному честолюбию, он отяготил свою совесть разными злыми делами, но в то же время убедил весь мир, что никто подобно ему не мог бы удержать успехи ислама, и если бы ему было суждено пожить дольше, то сирийские франки, конечно, увидели бы лучшие дни.

Теперь дела сложились иначе. Как внутреннему, так и внешнему миру Иерусалима снова грозила опасность. Счастье было на этот раз хоть в том, что король Гвидо почти уже не вмешивался в дела. Один из французских вельмож, граф Генрих

Шампанский, очень скоро приобрел благосклонность жителей Тира, а вскоре и всех крестоносцев, включая даже короля Ричарда, который был его дядей. Дикое время нисколько не затруднилось тем, что через несколько дней по смерти Конрада граф женился на его вдове, притом беременной, и, конечно, наследовал умершему — как в браке, так и на Иерусалимском престоле. Вскоре после того старый покровитель короля Гвидо вознаградил его за потерянный на суше престол назначением в правители острова Кипра.

Но война с Саладином все-таки продолжалась. Ричард заблуждался, что только что объявил свое возвращение на родину безотлагательным, пошел к Даруму, сильной крепости к югу от Аскалона, взял ее приступом в мае 1192 года и снаряжался к новой борьбе, когда из Англии внезапно пришли новые печальные известия. Непостоянный государь, хотя и заявил тотчас, что теперь уже ничто не может задержать его в Сирии, однако возбудил этим сильнейшее недовольство всего войска. Всеобщий голос был тот, что он может идти или оставаться, что и без него отважатся на борьбу за Иерусалим. Гордый король сильно испугался, услышав эти слова, и проводил целые дни в мучительном сомнении, должен ли он постыдно бросить пилигримов или окончательно повредить дальнейшим промедлением своему престолу дома. Наконец, он принял решение остаться в Сирии, по крайней мере еще одно лето и зиму, какие бы известия не пришли к нему из Европы. Естественно, что тотчас после этого был решен поход в Иерусалим и к нему с большой радостью приступили как знатные, так и простые люди. Виды на успех предприятия были на этот раз немаловажны. Время года, июнь 1192-го, было благоприятно, военная сила врагов сравнительно незначительна, потому что Саладин не собрал еще тех значительных войск, которые он отпустил в прошлую зиму, и даже меньше чем когда-нибудь мог рассчитывать на храбрую выдержку своих войск. Только некоторые из его офицеров решили во что бы то ни стало удержать Иерусалим, тогда как другие думали, что нужно только постараться отбить христиан в открытом поле. Если это удастся, то Святой город будет вне опасности, а если не удастся, то, конечно, он будет потерян, но ислам может существовать и без него. Султан с великой горестью

понял из этих слов, какой в его войске распространен страх — выдержать во второй раз осаду, как в Акре. В безмолвные часы по его щекам текли слезы; главное дело в его жизни казалось бесповоротно потерянным.

Между тем в действительности ему нечего было особенно бояться короля Ричарда. Поход христианского войска шел опять весьма медленно только до Бейтнуба. Там была сделана остановка на несколько недель. Во время этой остановки Ричард забавлялся отважными стычками с неприятельскими партизанскими отрядами и нападениями на богатые караваны, которые тянулись из Египта, но при этом, как всегда, потерял совершенно из виду главную цель своего предприятия. Мало-помалу он начал даже жаловаться, что Иерусалим неодолим по крепости его стен, по превосходству сил Саладина и вследствие той нужды, которую пилигримы непременно должны претерпеть при этой осаде. Разумнее казался, пожалуй, поход на Дамаск или Египет. Часть рыцарства соглашалась с его словами, но остальные, особенно французы, с гневом и издевательством восстали против такого непостоянства. В короткое время весь лагерь преисполнился ядовитым раздором, движение к Иерусалиму стало невозможным, но не было речи и о каком-нибудь другом предприятии, а 4 июля Саладин был обрадован радостным известием, что христиане собираются просто вернуться к берегу.

Через несколько дней после этого Ричард снова попробовал окончить крестовый поход посредством мирных переговоров. Но султан находился теперь в слишком благоприятном положении, чтобы просто исполнить желание противника. Он показал себя чрезвычайно сдержанным, отказывался от всякой уступки мусульманской области и требовал прежде всего срытия Аскалона. Вдруг он, державшийся до сих пор большей частью в оборонительном положении, перешел даже к нападению. В конце июля он явился с большими силами под Яффу, напал на только что восстановленную крепость, захватил вход в город и был уже близок к тому, чтобы взять последнюю его защиту — цитадель. Положение христиан, напротив, было очень сомнительно. Значительная часть войска пилигримов в глубоком унынии из-за жалкого предводительства Ричарда разошлась. Между англичанами и французами господствовало страс-

тное ожесточение: даже в этот момент предводитель последних, герцог Гуго Бургундский, отказался от всяких дальнейших сношений с английским королем и вошел в Тир, где вскоре умер. Но тут еще раз помогла дикая отвага “Львиного сердца”. Он был в Акре, когда к нему дошло несчастное известие из Яффы. С быстротой молнии он собрал оставшиеся еще под руками военные силы, поплыл в Яффу и в гавани, опережая своих людей, прыгнул с корабля прямо в воду, чтобы без замедления достигнуть берега (1 августа 1192 г.). Этим была спасена цитадель, но и город был вновь отбит у неприятеля, когда Ричард пронесся по улицам с громким воинственным криком. 5 августа Саладин попробовал еще раз с превосходными силами захватить и смять небольшой отряд короля. Как в поле под Яффой, так и в самом городе произошел бой, долго колебавшийся то в ту, то в другую сторону, Ричард показал себя таким богатырским, сильным, смелым и стойким, и на это раз таким разумным полководцем, что он не только удержал свои позиции, но и нанес врагам большие потери и наполнил их сердца еще большим ужасом к страшным ударам его меча.

Эти сражения привели, наконец, к миру. Саладин заболел вследствие чрезмерных напряжений, которые он должен был выносить целые годы, и тем не менее он мог надеяться вдохновить свои недовольные войска к уничтожающей борьбе с последней героической силой христиан. Ричард с беспокойной поспешностью стремился домой, и поэтому одну за другой делал уступки в начавшихся вновь переговорах и, наконец, заявил согласие на весьма позорное их окончание. По договору, город Иерусалим оставался вполне во власти мусульман, Святой крест не был выдан; пленные христиане были предоставлены своей горькой участи, оставаясь в руках Саладина, Аскалон должен был быть скрыт рабочими обеих сторон.

За христианами остался, следовательно, только берег от Яффы до Тира вместе с остатками их северо-сирийских владений. Кроме того, им было позволено, в качестве мирных пилигримов, свободно и безопасно посещать Иерусалим и молиться на Святых местах, но и это небольшое было им даровано не под защитой продолжительного мира, но только на время трехлетнего перемирия. Таково содержание жалкого договора, кото-

рый был заключен 1 сентября 1192 года между королем Ричардом и Саладином.

Сердца христиан наполнились горем и яростью, когда они узнали об этом результате всех их жертв и трудов, а вслед за тем и об разорении навеки “Сирийской невесты”. Горе и ярость наполняли сердца пилигримов — особенно некоторых скандинавских отрядов, которые теперь только что прибыли со своей дальней родины на сирийский берег, когда они, безоружные, приходя в Иерусалим, увидели там гордое господство врагов и видели своих пленных единоверцев, работавших в цепях. Но и Саладин не вполне радовался на свое славное сопротивление. Дело его жизни удалось только наполовину. Крестовое знамя еще развевалось на многочисленных крепостях и городах Сирии и дух Готфрида Бульонского еще жил во всех народах Запада. Хотя и говорилось об ослаблении крестоносного духа между христианами, но в век Третьего крестового похода это еще мало было заметно. Правда, политические отношения различным образом мешали и видоизменяли странствия к Святым местам, но это и не могло быть иначе во все более развивавшихся отношениях всех государств между собой. Кроме того, пилигримы слишком часто посрамляли свое святое предприятие необузданными злодеяниями; и наряду с этим они так ревностно восторгались врагом, которого преследовали по религиозной ненависти, что, исполненные рыцарского почтения к нему, они искали его дружбы. Но главной чертой настроения, соединявшего огромные войска пилигримов и помогавшего им терпеливо выдерживать несказанные нужды и опасности, все-таки было старое стремление к освобождению Святого гроба и к распространению господства христианства над миром Востока. Существенными причинами печального исхода громадной борьбы было сопротивление гениального государя на магометанской стороне и недостаток способных предводителей на стороне христиан. И при этом не кто иной не был так виноват, как король Ричард, который, можно сказать, почти способствовал сколько мог тому, чтобы Иерусалим не был снова завоеван.

Но король-рыцарь был тяжело наказан за глупости, которые совершил. После договора с Саладином он задержался еще на несколько недель в Акре. В конце сентября он отослал

вперед на родину свою жену Беренгарию и сестру Иоанну. 9 октября он сам оставил Сирию и несколько времени плавал почти как искатель приключений взад и вперед по Средиземному морю, раздумывая о том, каким путем ему поехать в Англию. Кроме морского пути вокруг Европы, которого он, очевидно, хотел избежать, почти все другие дороги были ему закрыты. Когда он выступал в крестовый поход, он оставил в Англии своим наместником государственного канцлера, епископа Вильгельма Эли, человека низкого происхождения, но тем более надменного, который за это время нажил себе много врагов. Во главе их выступил собственный брат короля, граф Иоанн, впоследствии король Иоанн Безземельный. Канцлер был низвержен, и с тех пор Иоанн стремился, удалив Ричарда, сам завладеть тронном. Но между тем король Филипп также вернулся во Францию и, вместо того чтобы сдержать свою клятву дружбы к правлению Ричарда, наполнил пол-Европы жалобами на его коварство. Вскоре он вступил в союз с графом Иоанном, чтобы соединенными силами воспротивиться возвращению Ричарда на английский престол. Кроме того, государи и народы Германии были большей частью враждебно возбуждены против Ричарда, потому что он был сильно виноват в тех оскорблениях, каким подвергались в Сирии немецкие пилигримы. Герцог Лепольд, который оставил Святую Землю вскоре после упомянутого оскорбления, нанесенного ему английским королем в Акре, в особенности искал благоприятного случая отомстить за этот позор. Даже немецкий император Генрих VI, сын и наследник Фридриха I, принадлежал к противникам Ричарда, потому что последний находился в близких отношениях с вельфами и норманнами, главными врагами рода Штауфенов: английский король был в свойстве с Генрихом Львом и с весны 1191 года — в дружбе с Танкредом Сицилийским.

Поэтому почти все пространство континента от Венгрии до Атлантического океана было для Ричарда неприятельской областью. Несмотря на то, он наконец решился плыть вверх по Адриатическому морю, с целью отправиться через южную Германию в Саксонию, а оттуда направиться дальше, находясь под защитой вельфов. Около берега между Аквилеей и Венецией его корабль сел на мель. Он ушел с моря с немногими прово-

жатыми и, переодетый, проехал Фриуль и Каринтию. Но его присутствие стало, однако, известно: его сотоварищи были захвачены, и только с одним слугой он добрался до деревни Эрдберг под Веной. Когда он отдыхал здесь несколько дней, то изящный вид его слуги и иностранные деньги, на которые последний пробовал делать покупки, возбудили внимание в Вене. Слугу арестовали и пытками заставили объявить местопребывание, имя и звание своего господина. Затем, 21 декабря 1192 года, Ричард был схвачен и отослан герцогом Леопольдом в замок Дюренштейн на Дунае, где он содержался в почетном, но строгом заключении.

Для императора Генриха известие о случившемся было “дороже золота и драгоценных камней”. Счастливого возвращение Ричарда в Англию самым худшим образом увеличило бы те опасности, которыми грозили ему вельфы и норманны. Напротив того, плен короля наполовину уже обезоруживал этих врагов. С этих точек зрения и надо поэтому судить поведение Генриха, а не по романтической саге, которая превозносит короля-рыцаря и его верного певца Блонделя и несправедливо поносят “тирана” Генриха.

Император потребовал у Леопольда выдачи Ричарда, потому что “король не должен быть под арестом у герцога”. Леопольд выдал пленника после того, как, кроме других выгод, ему была обеспечена уплата 50 000 марок серебра, и Генрих захотел ни более ни менее как того, чтобы Ричард уплатил за свое освобождение большую сумму денег, дал военную помощь против врагов дома Штауфенов и сделался вассалом императорского величества. Он требовал тут слишком много и больше, чем его власть могла бы в действительности достигнуть. Правда, король Филипп и граф Иоанн хотели от него еще большего, потому что они желали, чтобы “черт” вообще не был снова освобожден, но зато весь английский народ поднялся, крепко верный королю, когда услышал о неожиданной его беде, и папа Целестин III, несмотря на свою нелюбовь к надменному Ричарду, все-таки вынужден был заступиться за него, потому что за всякий вред, нанесенный крестоносцу, уже издавна угрожалось церковным наказанием. Точно так же Генрих Лев и его друзья среди немецких вельмож были сначала глубоко пораже-

ны и унижены пленом короля — в этом и была важнейшая выгода, которую император получил этим пленом, — но мало-помалу они снова приняли более угрожающее положение, и Генрих VI должен был поэтому удовольствоваться, наконец, ленной присягой Ричарда и обещанием необыкновенно большой для того времени суммы в 150 000 марок серебра. После этого король был освобожден 1 февраля 1194 года.

В Англии, благодаря славе, которую приобрели его чудесные геройские подвиги, Ричард был принят с радостным восторгом. Но каким он себя показал, будучи крестоносцем, так он действовал и будучи королем. Он мечтал и добивался только того, чтобы ломать копья и брать замки. Он покорил своего неверного брата, графа Иоанна, и почти беспрестанно сражался с рыцарством короля Филиппа, но его государству было от этого мало пользы. Его конец был достоин подобной жизни: в незначительной расправе с виконтом Лиможским он был ранен под его замком Шалю и умер 6 апреля 1199 года на сорок втором году жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Говорят, что после того как “тело” было отделено от костей и похоронено в Антиохии, “кости” императора герцог Фридрих взял с собой в мешке, чтобы дать им когда-нибудь наиболее достойное место упокоения в Иерусалиме. Кости были, кажется, временно положены в Тире, а после смерти герцога Фридриха в лагере при Акре они были мало-помалу забыты и, наконец, подпали уничтожению.

² Мнения о зачинщиках убийства Конрада до новейшего времени колебались. Главой ассасинов, который, как считается, совершил убийство нового иерусалимского короля, был “Старец горы” Синан, который с 1169 года до сентября 1192 года стоял во главе сирийских ассасинов. Он превосходно организовал страшные толпы своих подданных строгой дисциплиной и вполне подчинил их своей воле.

IV. ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

1. ОПИСАНИЕ БОГАТСТВА И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ КОНСТАНТИНОПОЛЯ*

(Из “Завоевания Константинополя”
Робера де Клари)

Робер де Клари (ум. после 1216 г.) — пикардийский рыцарь, вместе с братом участвовал в Четвертом крестовом походе. Оставил увлекательное описание основных событий этого похода.

LXXXI

А потом приказали, чтобы все захваченное добро было снесено в некое аббатство, которое было в городе. Туда и было снесено все добро, и они выбрали 10 знатных рыцарей из пилигримов, и 10 венецианцев, которых считали честными, и поставили их охранять это добро. Когда добро было туда принесено, а оно было очень богатым, и столько там было богатой утвари из золота и из серебра, и столько златотканых материй,

* Фрагменты из сочинения Р. де Клари печатаются по изданию: Р. де Клари. Завоевание Константинополя.

и столько богатых сокровищ, что это было настоящим чудом, все это громадное добро, которое туда было снесено; и никогда с самого сотворения мира не было видано и завоевано столь громадное количество добра, столь благородного или столь богатого — ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до, ни после; сам же я думаю, что и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе. Да и греки говорят, что две трети земных богатств собраны в Константинополе, а треть разбросана по свету¹. И те самые люди, которые должны были охранять добро, растаскивали драгоценности из золота и все, что хотели, и так разворовывали добро; и каждый из могущественных людей брал себе либо золотую утварь, либо златотканые шелка, либо то, что ему больше нравилось, и потом уносил. Таким-то вот образом начали они расхищать добро, так что ничто не было разделено к общему благу войска или ко благу бедных рыцарей или оруженосцев, которые помогли завоевать это добро, кроме разве крупного серебра вроде серебряных тазов, которыми знатные горожанки пользовались в своих банях. Остальное же добро, которое оставалось для дележа, было расхищено таким вот худым путем, как я уже

вам об этом сказал, но венецианцы так или иначе получили свою половину; а драгоценные камни и великие сокровища, которые оставались, чтобы их разделить, все это ушло бесцельными путями, как мы вам потом еще расскажем.

LXXXII

Когда город был взят и пилигримы разместились, как я вам об этом рассказал, и когда были взяты дворцы, то во дворцах они нашли несметные богатства. И дворец Львиная Пасть был так богат и построен так, как я вам сейчас расскажу. Внутри этого дворца, который взял себе маркиз, имелось с пять сотен покоев, которые все примыкали друг к другу и были все выложены золотой мозаикой ²; в нем имелось с добрых 30 церквей, как больших, так и малых; и была там в нем одна, которую называли Святой церковью и которая была столь богатой и благородной, что не было там ни одной дверной петли, ни одной задвижки, словом, никакой части, которые обычно делаются из железа и которые не были бы целиком из серебра, и там не было ни одного столпа, который не был бы либо из яшмы, либо из порфира, либо из других богатых драгоценных камней. А настил часовни был из белого мрамора, такого гладкого и прозрачного, что казалось, будто он из хрусталя; и была эта церковь столь богатой и столь благородной, что невозможно было бы вам и поведать о великой красоте и великолепии этой церкви. Внутри этой церкви нашли много богатых святынь; там нашли два куска креста Господня ³ толщиной с человеческую ногу, а длиной около полтуазы, а потом там нашли железный наконечник от копья, которым прободен был наш Господь в бок ⁴, и два гвоздя, которыми были прибиты Его руки и ноги; а потом в одном хрустальном сосуде нашли большую часть пролитой Им крови; и там нашли также тунику, в которую Он был одет и которую с Него сняли, когда его вели на гору Голгофу; и потом там нашли благословенный венец, которым Он был коронован и который имел такие острые колючки из морского тростника, как кончик железного шила. А потом нашли там часть одеяния пресвятой девы, и голову монсеньора св. Иоанна

Крестителя, и столько других богатых реликвий, что я просто не смог бы вам их перечислить или поведать вам все по истине.

LXXXIII

Были и другие святыни в этой церкви, о которых мы забыли вам сказать, потому что там были два богатых сосуда из золота, которые висели посреди церкви на двух толстых серебряных цепях; в одном из этих сосудов была черепица, а в другом — кусок полотна, и мы вам сейчас расскажем, откуда взялись там эти святыни. Был когда-то в Константинополе некий святой человек; и случилось так, что этот святой человек из любви к Богу покрывал черепицей дом некоей женщины, вдовы. И когда он покрывал его черепицей, ему явился наш Господь и заговорил с ним: “Ну-ка, — сказал наш Господь, — дай это полотно”, — и добрый человек дал его, и наш Господь обернул им свое лицо, так что Его черты запечатлелись на полотне, и потом отдал обратно; а потом Он ему сказал унести полотно и прикладывать к больным и сказал, что всякий, кто возымеет веру, исцелится от своей болезни. И добрый человек взял полотно и унес; но перед тем, как унести, после того как Господь вернул ему полотно, добрый человек взял его и спрятал до вечера под черепицу. Вечером, когда он уходил, он взял полотно; а когда он поднял черепицу, то увидел на черепице образ, запечатленный так же, как на полотне, и тогда он унес черепицу и полотно, и после этого немало больных исцелились ими, и эти реликвии висели посреди церкви так, как я вам сказал.

Ну, а еще была в этой Святой церкви некая другая реликвия: там находился образ св. Димитрия, который был нарисован на доске ⁵. С этого изображения стекало масло, да так, что его едва успевали вытирать, как оно начинало снова течь. (И в городе был другой дворец, который называли Влахернским.) А потом там имелось с добрых 20 церквушек, и потом там было с добрых две или три сотни покоев, которые все примыкали одни к другому и все были выложены золотой мозаикой. И был этот дворец столь богат и столь благороден, что невозможно было бы вам ни описать великолепие и великое

богатство этого дворца, ни рассказать о них. В этом Влахернском дворце нашли поистине превеликие и весьма богатые сокровища, там нашли богатые короны, которые принадлежали прежним императорам, и всяческую утварь из золота, и богатые златотканые шелковые материи, и богатые императорские одеяния, и богатые драгоценные камни, и столько других богатств, что было бы невозможно перечислить великие сокровища золота и серебра, которые нашли во дворце и во многих других местах в городе.

LXXXIV

А потом пилигримы разглядывали громадность города, и дворцы, и богатые аббатства, и богатые монастыри, и великие чудеса, которые были в городе; и они долго дивились этому и особенно сильно дивились монастырю св. Софии и богатству, которое там было.

LXXXV

А теперь я вам поведаю о монастыре св. Софии, как он был сделан; Святая София по-гречески — это все равно что по-французски Святая Троица. Монастырь св. Софии был совершенно круглым. Внутри монастыря были своды, которые тянулись вокруг и поддерживались толстыми и великолепными столпами, так что там не было ни одного столпа, который не был бы либо из яшмы, либо из порфира, либо из богатых драгоценных камней. И потом не было ни одного столпа, который не приносил бы исцеления: тот исцелял от боли в пояснице, когда об него терлись, тот исцелял от боли в боку, а другие помогали от других болезней; и не было в этом монастыре ни врат, ни засовов, ни задвижек, ни какой части, которые обычно являются железными и которые не были бы целиком из серебра.

Главный престол монастыря был столь богат, что нельзя было бы его и оценить, потому что доска, которая была на престоле, была из золота и драгоценных камней, расколотых и сплавленных вместе; так приказал сделать один богатый им-

ператор; а доска эта была длиною в 14 стоп; вокруг престола были серебряные столпы, которые поддерживали терем над престолом, сделанный как колокольня и весь из литого серебра; и был он таким богатым, что нельзя и подсчитать, сколько он стоил. Место, где читали Евангелие ⁶, было столь богато и столь прекрасно, что мы не смогли бы и описать вам, как оно было сделано. Потом по всему монастырю сверху донизу спускалась добрая сотня люстр, и не было ни одной, которая не висела бы на толстой серебряной цепи толщиною в человеческую руку; и в каждой было 25 или более лампад, и не было ни одной, которая не стоила бы добрых 200 марок серебра.

У кольца великих врат монастыря, которые все были из серебра, висела трубка, сделанная из какого-то неизвестного сплава; а величиной она была с рожок, в который трубят пастухи. И я вам сейчас скажу, что за силу имела эта трубка. Когда больной человек, у которого был внутри тела какой-либо недуг вроде пучения живота, вставлял в рот эту трубку, то едва лишь он ее, бывало, вставит, как трубка эта присасывалась к нему и высасывала из него всю эту немочь, так что вся она вытекала вон через глотку, и потом трубка эта держала его так крепко, что заставляла его изнемогать от натуги, закатывать глаза, и он не мог уйти до тех пор, пока трубка не высасывала из него всю немочь; а кто был больше болен, того трубка держала дольше; если же ее брал в рот человек, который не был болен, то трубка и не держала его ни мало ни много.

LXXXVI

Засим перед этим монастырем св. Софии был толстый столп, толщиною в три обхвата и с добрых 50 туаз в высоту; и сделан он был из мрамора, а потом поверх мрамора покрыт медью, и он был опоясан крепкими железными обручами ⁷. Наверху, на конце этого столпа, лежала плоская каменная глыба, которая имела добрых 50 стоп в длину и столько же в ширину. На этом камне на большом медном коне восседал император, отлитый из меди, который протягивал свою руку к языческим странам ⁸, и на статуе были начертаны письмена, которые гласили, что он клянется, что никогда сарацины не получат у него мира, а в

другой руке он держал золотой шар, и на шаре был крест. И греки говорили, что это был император Ираклий⁹, а на крупе коня и на его голове и вокруг нее было 10 гнезд, где каждый год гнездились цапли.

LXXXVII

Потом, в другом месте города, был другой монастырь, который назывался монастырем Семи Апостолов. Сказывали, что он был еще более богат и более красив, чем монастырь св. Софии, и в нем было столько богатств и всяческой красоты, что невозможно и поведать вам о богатстве и великолепии этого монастыря. И в этом монастыре были захоронены тела семи апостолов¹⁰, а потом там нашли мраморный столп, к которому был привязан наш Господь перед тем, как Его повели на распятие; а еще сказывали, что здесь были похоронены император Константин и Елена¹¹ и немало других императоров.

LXXXVIII

В другом месте города имелись ворота, которые назывались Золотой покров. На этих воротах был шар из золота, который был сделан с таким волшебством, что, как говорили греки, с тех пор как там был этот шар, никогда ни один удар грома не попал в город; на шаре этом была отлитая из меди статуя, с накинутой на ней мантией из золота, которую статуя держала на своих руках; и на статуе были начертаны письма, гласившие, что “все те, — так гласили письма на статуе, — кто живут в Константинополе один год, смогут иметь золотые одеяния, как у меня”.

XXXIX

В другой части города были другие ворота, которые называют Златыми вратами. На этих воротах было два слона, от-

литых из меди, столь огромных, что это было настоящее чудо. Эти ворота никогда не открывались, за исключением только тех случаев, когда император возвращался с войны и когда он завоевывал какую-нибудь землю. И когда он возвращался с войны, завоевав какую-нибудь землю, то духовенство города выходило процессией навстречу императору, а потом отворяли эти ворота и привозили ему колесницу из золота, которая была сделана как повозка на четырех колесах; так что ее и называли колесницей; посредине этой колесницы было высокое сидение, а на этом сидении был трон, вокруг же трона были четыре столпа, которые поддерживали полог, который бросал тень на трон, и казалось, что он весь был сделан из золота. Тогда император, увенчанный короной, садился на этот трон и въезжал через эти ворота, а потом его провозили на этой колеснице с великой радостью и великим торжеством до самого его дворца.

ХС

А в другом месте города было другое чудо: близ дворца Львиная Пасть находилась площадь, которую называли Игращищем императора¹². И эта площадь была вытянута в длину на полтора выстрела из арбалета, а в ширину — почти на один выстрел; и вокруг этой площади было 30 или 40 ступеней, куда греки забирались, чтобы глядеть на ристалище; а над этими ступенями имелась весьма просторная и весьма красивая ложа, где, когда шли состязания, восседали император с императрицей и другие знатные мужи и дамы. И когда устраивались состязания, то их бывало сразу два, и император и императрица бились об заклад, кто в каком из двух выиграет, и все, кто глядел на ристалище, также бились об заклад. Вдоль этой площади была стена, которая имела с добрых 15 стоп в высоту и 10 — в ширину; и сверху на этой стене были фигуры и мужчин, и женщин, и коней, и быков, и верблюдов, и медведей, и львов, и множества других животных, отлитых из меди. И все они были так хорошо сделаны и так натурально изваяны, что ни в языческих странах, ни в христианском мире не сыскать столь искусного мастера, который смог бы так представить и так хорошо отлить фигуры, как были отлиты эти. Некогда они

обычно двигались силою волшебства, как бы играючи, но теперь уже больше они не играют; и французы глядели на это императорское Игралище как на чудо, когда они его видели.

ХСІ

В городе было еще и другое чудо. Там были две женские фигуры, отлитые из меди и сделанные так искусно, и натурально, и прекрасно, что и сказать нельзя; притом каждая из двух имела в высоту не менее чем добрых 20 стоп. Одна из этих фигур указывала на Запад, и на ней были начертаны письмена, которые гласили: “С Запада придут те, которые завоюют Константинополь”; а другая фигура указывала рукой на свалку, и надпись гласила: “Туда, — гласила надпись на фигуре, — их выкинут”¹³. Эти две фигуры обращены были лицом к рынку, где меняли деньги, который обыкновенно был там очень богат; и перед тем, как город был взят, там обычно располагались богатые менялы, перед которыми лежали целые груды безантов и большие груды драгоценных камней; но с тех пор как город был взят, менял уже было гораздо меньше.

ХСІІ

А еще в другом месте в городе было величайшее чудо: ибо там были два столпа, и каждый в толщину, наверно, с три обхвата и в высоту каждый имел с добрых 50 туаз; и на каждом из этих столпов, наверху, в маленьком укрытии пребывал какой-нибудь отшельник; а внутри столпов была лестница, по которой они туда взбирались. Снаружи этих столпов были нарисованы и вещим образом записаны все происшествия и все завоевания, которые случились в Константинополе или которым суждено было случиться в будущем. А ведь никому не дано было знать о происшествии до того, как оно произошло; когда же оно происходило, то народ шел туда из ротозейства, и потом они разглядывали, словно в зеркальце, и подмечали первые признаки происшествия; даже это завоевание, которое произвели фран-

цузы, было там записано и изображено, и корабли, с которых вели приступ, благодаря чему город и был взят; а греки ведь не могли знать заранее, что это произойдет. И когда это случилось, они отправились поглазеть на столпы и там обнаружили, что письма, которые были начертаны на нарисованных кораблях, гласили, что с Запада придет народ с коротко остриженными головами, в железных кольчугах, который завоюет Константинополь. Все эти чудеса, о которых я вам здесь поведал, и еще многие другие, о которых мы уже не можем вам рассказать, все это французы нашли в Константинополе, когда они его завоевали; и я не думаю, чтобы кто-нибудь на земле смог бы перечислить вам все аббатства, города, столько их там было, с их монахами и монашенками, не считая других монастырей за пределами города; и потом считалось, что в городе было с добрых 30 тысяч священников, как монахов, так и других. О прочих же греках, знатных и низкородных, о бедных и богатых, об огромности города, о его дворцах, о других чудесах, которые там есть, мы отказываемся вам говорить, ибо ни один человек на земле, сколько бы он ни пробыл в городе, не сумел бы вам ни назвать их, ни рассказать о них, ибо если бы кто-нибудь поведал хоть о сотой доле богатств, обо всей красоте и великолепии, имевшихся в монастырях, и в аббатствах, и во дворцах, и в городе, то его сочли бы лжецом и вы бы ему не поверили.

И среди этих прочих чудес был там еще один монастырь, который назывался именем святой девы Марии Влахернской; в этом монастыре был саван, которым был обернут наш Господь; этот саван приоткрывали каждую пятницу, так что можно было хорошо видеть лик нашего Господа, и никто — ни грек, ни француз — никогда не узнал, что случилось с этим саваном, когда город был взят¹⁴. И было там другое аббатство, где был погребен добрый император Мануил, и никогда не было кого-либо родившегося на этой земле, будь то даже святой или святая, чье тело было бы помещено в столь богатую и знатную гробницу, как у этого императора. И еще в этом аббатстве была мраморная плита, на которую положили нашего Господа, когда Его сняли с креста, и там еще видны были слезы, которые из-за этого выплакала пресвятая дева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примерно в тех же выражениях сообщает о захваченной в Константинополе добыче и Виллардуэн: после раздела добычи крестоносцы, получив свою долю, “уплатили венецианцам 50 тыс. марок серебром”, между собой же поделили 100 тыс. марок; “не считая украденного и доли венецианцев, там было принесено наверняка на 400 тыс. марок серебром” и т.д. В рассказах крестоносцев, вернувшихся в Европу, эти и подобные им числа вырастали до сказочных размеров. Английский хронист XIII в. Радульф Коггесхэйльский писал: “Император Бодуэн получил и разделил между предводителями и войском латинян третью часть императорской сокровищницы, и эта третья часть содержала 1 млн. 800 тыс. марок серебром”. Разграбление сокровищ византийской столицы, часть которых вывезли на Запад, было, по выражению современного английского историка М. Маклегэна, “настолько эффективным”, что сегодня эти предметы “легче оценить в Венеции, Лувре или Вашингтоне, чем в Стамбуле”.

² По-видимому, Робер де Клари пытается описать здесь комплекс архитектурных сооружений к югу от храма св. Софии, между ипподромом (восточнее него) и “морскими стенами” — Большой, или Великий (Священный) дворец. В этот комплекс входил и Вукoleon. Хотя Комнины перенесли свою главную резиденцию во Влахернский дворец (северо-западная часть города), тем не менее Большой дворец еще занимали Андроник I и Алексей III, а позднее государи Латинской империи.

³ *Vraie croix* (буквально “истинный крест”) — считающийся в христианстве одной из самых драгоценных реликвий деревянный крест, на котором якобы был распят Иисус Христос. Реликвии приписывали всякого рода сверхъестественные свойства, поэтому часто крест этот именуется в средневековых повествованиях “чудотворным”. Новгородец Добрыня Ядрейкович лицезрел его в храме св. Софии.

⁴ Святое копьё — христианская реликвия, получившая большую известность на Западе со времени Первого крестового похода. По евангельской легенде, римский воин, находившийся в толпе тех, кто присутствовал при казни Иисуса Христа, пронзил своим копьём ребро распятого, “и тотчас истекла кровь и вода” (Иоанн, гл. 19, ст. 34). Это копьё и сделалось в дальнейшем религиозной

святыней. Согласно византийской традиции, в 614 г., после захвата Иерусалима персами, реликвия была доставлена в Константинополь и положена в храм св. Софии; впоследствии копье будто бы возвратили в Иерусалим, но во второй половине XIII в. снова перевезли в Константинополь и поместили в Фаросской (Маячной) церкви Богородицы, где оно с тех пор якобы и хранилось. Латинские хронисты Первого крестового похода, со своей стороны, повествуют о том, как во время осады Антиохии войсками сельджуцкого атабека Кербоги копье, найденное крестоносцами, по указанию “свыше”, в храме св. Петра (14 июня 1098 г.), принесло им избавление от ужасов осады и обеспечило победу над “неверными” (28 июня 1098 г.). Уже участники событий заподозрили в антиохийском святом копье фальшивку. В XVIII в. подложность находки официально подтвердил римский кардинал Просперо Ламбертини, впоследствии папа Бенедикт XIV.

⁵ В таких словах выражает Робер де Клари понятие “икона”, в данном случае — христианского “великомученика” Димитрия, чьим именем была названа церковь, заложенная при Василии I (867—886). Она находилась севернее церкви Богородицы (“Святой часовни” Робера де Клари) и была связана с ней галереей. Рассказ об иконе св. Димитрия, которая якобы источала масло, содержится, кроме того, в ряде других латинских, а также византийских памятников. Византийские авторы сообщают о целебном масле, истекавшем из гробницы св. Димитрия в Солуни (Фессалонике), где была построенная в V в. и известная своими мозаиками церковь этого христианского “героя”, считавшегося покровителем города. Во время археологических раскопок храма в 1917 г., когда он сгорел, в стене была найдена свинцовая трубка, из которой истекало благовонное масло. Возможно, что с помощью подобных приспособлений церковники устраивали и истечение масла с иконы св. Димитрия, о которой повествует Робер де Клари. Относительно самой иконы известно лишь, что император Мануил Комнин в 1149 г. увез ее из Фессалоники и поместил в храме Христа Пантократора в Константинополе.

⁶ То есть амвон; видимо, Робер де Клари не знал этого слова. Из других источников известно, что амвон был сделан из редких пород мрамора; его окружали серебряные столпы с золотыми капителями, осыпанными драгоценными камнями. Здесь не только читались богослужебные тексты, но и совершались особо торжественные обряды, а также ритуал коронации.

⁷ Хронист рассказывает здесь о столпе (колонне) императора Юстиниана I.

⁸ Иными словами, статуя Юстиниана была обращена на Восток в знак “вызова”; поднятая правая рука также была протянута к Востоку, как бы предупреждая персов; в левой император держал шар с крестом на нем — один из атрибутов власти василевсов, символ могущества Византии.

⁹ Ираклий — византийский император, в 627—628 гг. разбивший персов и вернувший захваченные ими провинции в Азии и Египте. В действительности речь идет о конной бронзовой статуе Юстиниана I (воздвигнута в 543—544 гг.), находившейся на форуме Августеон, между храмом св. Софии и воротами Большого дворца. Император представлен был в костюме Ахиллеса. Сохранились рисунок XIV в., изображавший статую, и ее описания, которые в значительной мере подтверждают образ, запечатленный Робером де Клари.

¹⁰ В действительности тут были гробницы ряда византийских императоров и императриц, а также видных церковных деятелей (Иоанна Златоуста, Григория Назианзина и др.). По свидетельству Никиты Хониата, крестоносцы вскрыли императорские гробницы (включая Юстинианову) и унесли все ценности.

¹¹ Мать императора Константина I Великого (324—337), причисленная церковью к лику святых, — Елена (умерла в 327 г.).

¹² “Игралище императора” (*jus l’empereeur*) — ипподром. Его длина составляла 400 м, ширина — около 120 м, он вмещал по 120 тыс. зрителей.

¹³ Вероятно, Робер де Клари описывает здесь бронзовую статую богини Афины, упоминаемую Никитой Хониатом. Ее левая рука была прикрыта накидкой, правая поддерживала голову, слегка наклоненную к югу. Те, кто не знал подлинного направления, могли думать, что богиня как бы взирает на Запад и рука ее словно призывает западное войско к завоеванию города. Сообщение о пророческих надписях свидетельствует, насколько широко были распространены среди крестоносцев подобного рода “предсказания”, создававшиеся *post eventum* (после совершившегося события) и представлявшие собой форму пропаганды. Вторая из двух статуй, называемых Робером де Клари, возможно, была золотой статуей Ромула.

¹⁴ Li sydoines — одна из религиозных реликвий, так называемая святая плащаница — кусок полотна, которым, согласно рассказам евангелистов, ученик Иисуса Христа, Иосиф Аримафейский, обвил снятое с креста тело “Учителя”, отданное ему по распоряжению Понтия Пилата. В этой плащанице Иосиф положил его в гробницу, высеченную в скале (Матф., гл. 27, ст. 59—60; Марк, гл. 15, ст. 46; Лука, гл. 23, ст. 53). “Святыню” видел (правда, в храме св. Софии) и Добрыня Ядрейкович, упоминающий “пелены Христовы”.

2. РАЗГРАБЛЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ*

(Из “Истории” Никиты Акомината)

Н и к и т а А к о м и н а т — один из виднейших византийских историков, родился в середине XII в. Он происходил из богатой семьи, образование получил в Константинополе и, посвятив себя государственной службе, достиг высших государственных должностей. Он был свидетелем разгрома крестоносцами Константинополя и с трудом спасся от гибели, бежав в Никею. Здесь он занимал видное положение при дворе никейских императоров. Умер между 1210 и 1220 годами.

Главное произведение Никиты Акомината — большой исторический труд, охватывающий важный в византийской истории период с 1180 до 1206 год. Высокое положение Никиты Акомината способствовало хорошему знакомству его с политическими событиями того времени. Собственные наблюдения и сообщения современников были главным его источником. Данные Никиты Акомината, несмотря на отдельные ошибки, отличаются достоверностью. Слог Никиты страдает напыщенностью и высокопарностью.

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков..., С. 271—274.

Видя сверх ожидания, что никто не выходит на битву, никто не противится им и никто не поднимает против них оружия, но везде открыта свободная дорога без всяких признаков сопротивления, — улицы не защищены, перекрестки оставлены, война кончена и бывшие противники беспрекословно покорились, что между тем какая-то счастливая звезда вызвала и собрала всех жителей покоренного города им навстречу с крестными знаменами и досточтимыми иконами Христа Спасителя, как обыкновенно устраиваются подобные церемонии в праздничных и торжественных случаях, — видя, говорю, все это, неприятели не изменили своего душевного настроения, не вызвали на свои уста улыбки, не озарились при таком неожиданном зрелище светлою радостью в лице и взорах, но с тем же мрачным и свирепым видом, в полном вооружении, а некоторые даже на своих закованных в плотные панцири и движущихся по звуку трубы конях бесстыдно бросились грабить, начав с возов, как частные, так равно и посвященные Богу имущества.

Что же во-первых, что потом и что, наконец, рассказать мне об ужасах, совершенных тогда этими мужами крови? Увы, вот бесчестно повержены достопоклоняемые иконы! Вот разметаны по нечистым местам останки мучеников, пострадавших за Христа! О чем и слышать страшно, — можно было видеть тогда, как божественное тело и кровь Христовы повергались и проливались на землю. Расхищая драгоценные вместилища, латиняне одни из них разбивали, пряча за пазуху бывшие на них украшения, а другие обращали в обыкновенное употребление за своим столом вместо корзинок для хлеба и кубков для вина, как истинные предтечи антихриста или предшественники и провозвестники его нечестивых деяний! Что претерпел в древности некогда от этого народа Христос, был обнажен и поруган, то же самое претерпел от него и теперь: так же точно одежды Его снова делились теперь латинскими воинами на части, по жребиям, и только недоставало того, чтобы Он, быв прободен в ребро, опять источил на землю токи божественной крови.

О нечестиях, совершенных тогда в великой церкви, тяжело даже рассказывать. Жертвенная трапеза, составленная из разных драгоценных веществ, сплавленных посредством огня и размешанных между собой так, что все они искусным подбором

своих самородных цветов представляли верх совершеннейшей красоты, неоценимой ничем и достойной по своей художественности удивления всех народов, была разбита на части и разделена грабителями наравне со всем другим церковным имуществом, огромным по количеству и беспримерным по изящности. Вместо того, чтобы выносить из церкви на руках как своего рода военную добычу священные сосуды и церковную утварь, несравненную по отделке и редкую по материи, равно как чистейшее серебро, которым обложены были решетка алтаря, поразительной красоты амвон и двери, и которое употреблено было в разных многочисленных орнаментах, везде под позолоту, — они вводили в церковь лошаков и вообще выючных животных до самого неприкосновеннейшего места храма, и так как некоторые из них поскользнулись и не могли затем подняться на ноги по гладкости полировки каменного пола, то здесь же и закалывали их кинжалами, таким образом оскверняя их помостом и разливавшеюся кровью священный церковный помост...

Вот какая-то бабенка, преисполненная грехами, жрица нечестия, дьявольская слуга, гудок неприличных, соблазнительных и срамных напевов, хулительница Христа, уселась на сопрестолии, распевая свою визгливую мелодию, а потом бросилась в пляску, быстро кружась и потрясая ногою! И не эти только беззакония совершались именно, а другие нет, или эти — более, а другие — менее, но всякого рода преступления с одинаковым рвением совершались всеми. Предаваясь до такой степени неистовству против всего священного, латиняне, конечно, уже не щадили честных женщин и девиц, ожидавших брака или посвятивших себя Богу и избравших девство.

Притом же трудно и невозможно было смягчить мольбами или преклонить какими-либо жалобами и умиловить этот варварский народ, до того раздражительный, до того вспльчивый решительно при каждом противном слове, что все разжигало его гнев и казалось ему нелепым и смешным. Как попадал в беду тот, кто не удерживал пред ним своего языка, так равным образом часто они извлекали меч и против того, кто говорил мало или уклонялся от того, что им доставляло удовольствие. Поэтому всякий должен был опасаться за свою жизнь: на улицах плач, вопли и сетования; на перекрестках рыдания; во храмах жалобные стоны; мужья изнывают от горя; жены кричат, — их тащат, порабащают, отрывают от тех, с кем они

прежде были соединены телесно, и насилуют! Знатные родом бродили опозоренными, почтенные старцы плачущими, богатые — нищими. Так — на площадях; так — в закоулках; так — в открытых общественных местах; так и в тайных убежищах!

Не было места, которого бы не отыскиали или которое могло бы доставить защиту старавшимся как-нибудь спастись; но везде и все было исполнено всякого рода зол. Христе царю, что за скорбь, что за теснота была тогда людям! Гласы морские, затмение и помрачение солнца, превращение луны в кровь, звезды, подвигшиеся с своих мест, как и почему не предзнаменовали вы, признаки представления света, этих бедствий, свойственных кончине мира? По крайней мере, мы уже видели мерзость запустения, стоявшую на месте святе [Матф., 24, 15] и изрыгавшую блудные речи, — видели и много другого в этом роде, что, хотя не вполне выражало царствование антихриста, однако, совершенно противоположно было тому, что у именующихся христианами называется благочестивым и сообразным со словом веры!

Таким-то образом, говорю, из многого малое передавая на память истории, беззаконничали западные войска против наследия Христова, не оказывая решительно никому ни малейшего снисхождения, но всех лишая денег и имущества, жилищ и одежд, и совершенно ничего не оставляя тем, кто имел что-нибудь! Вот он, этот народ с медной шеей, надменным выражением лица, поднятыми вверх бровями, всегда бритыми и как бы юношескими ланитами, кровожадной рукой, раздутыми ноздрями, гордым взглядом, ненасытной пастью, бесчувственной душой, обрубленной и быстрой речью, как будто пляшущей в губах, — или лучше, вот эти люди, которых они величают разумными и мудрыми, верными клятве, любящими справедливость и ненавидящими лукавство, гораздо более благочестивыми и правдивыми, гораздо более точными блюстителями христовых заповедей, чем мы, греки, — еще более, вот эти ревнители, подъявшие на рамена крест и многократно клявшиеся им и словом Божиим проходить христианские страны без кровопролития, не сбиваясь и не уклоняясь ни направо, ни налево, вооружить свои руки против сарацинов и обагрить мечи кровью опустошителей Иерусалима, не соединяться с женщинами, даже не входить с ними в беседу во все время, пока будут нести на плечах крест, как чистая жертва Богу, как шествующие путем Божиим!

Все они оказались полнейшими лицемерами: вместо отмщения за Гроб Господень явно неистовствовали против Христа; с крестом на раменах незаконно посягали на разрушение креста, нося его на спине, не страшились попирать его ногами за небольшое количество золота или серебра. Забирая жемчуга, они отвергли единственную многоценную жемчужину — Христа, повергая пречистого самым нечистым животным!

Не так в подобном случае поступили потомки Измаила¹: овладев Сионом², они оказали их соплеменникам самую человеколюбивую снисходительность и благосклонность. Они не разжигали своих взоров на женщин латинянок, не обращали гробницы Христовой в кладбище падали, входа к живоносному гробу — в путь к аду, жизнь — в смерть, воскресения — в падение; но, предоставив всем без исключения свободный выход, назначили определенный выкуп по несколько золотых с человека, оставляя владельцам все прочее имущество их, хотя бы оно было бесчисленно, как песок. И так поступило войско христороборцев с латинянами, в которых видело враждебных себе иноверцев, великодушно не простирая на них ни меча, ни огня, ни голода, ни преследования, ни обнажения, ни сокрушения, ни угнетения; а христолюбивое и единоеверное нам воинство поступило с нами так, как мы рассказали в немногих словах, не имея намерения порицать за обиду!

3. КРЕСТОНОСЦЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И ОСНОВАНИЕ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИИ*

(Из "Истории" Никиты Акомината)

... Неприятели проводили время в непотребствах, забавах, притом в забавах преимущественно бесчестных, и в посмеяниях над римскими обычаями. Так, они расхаживали по улицам,

* Печатается по изданию: Хрестоматия по истории средних веков... С. 274—276.

окутавшись в дорогие с широкими обшивками плащи — не ради нужды, но ради смеха, или разъезжая туда и сюда по городу, обернув среброткаными из тонкого полотна головными покрывалами макушки своих возниц и обвязав лошадиные морды спускаемыми по спине белольняными перевязями. Другие носили писчие тростники и чернильницы, держа притом в руке книги и осмеивая нас таким образом как грамотеев. Многие возили на лошадях изнасилованных ими женщин, окутав некоторых из них в широкие пеплумы³ и связав перепутанные их локоны и растрепанные волосы в один пучок назад, женскими же тимпаниками⁴ и наушными привесками из скрученных белых волос украсив лошадей. Каждый день они пьянствовали и объедались — другие, употребляя пищу отцов своих, которую составляли развариваемые в котлах хребты бычачьего мяса; окорока ветчины, приправленные мучнистыми бобами, также — соус из чеснока и состав из других, раздражающих вкус жидкостей. Разделив добычу, они не наблюдали никакого различия между утварью и сосудами обыкновенными и священными; но как те, так и другие одинаково употребляли для своих телесных потреб, без всякого внимания к Богу и закону. Равным образом божественные изображения Христа Спасителя и святых его они обращали в сидения и подножные скамейки.

Стоило посмотреть и надобно было в высшей степени удивляться непомерному слепоумию, или, точнее сказать, безумию этих отуманенных гордостью людей, когда они начали бросать между собой жребий, кому владеть какими городами и странами. Как будто уже сделавшись царями царей и имея в своих руках всю земную поверхность, они, что касается раздела собственно Римской империи, по крайней мере, назначили прежде во все ее пределы чиновников для описи, чтобы сначала узнать годовые доходы разных областей и уже потом разделить их по жребиям, но государства и владения всех других народов и царей разделили между собой немедленно. Таким образом, подпали их дележу: счастливейший в мире, лежащий на реке Ниле, город Александрия, за ним — Ливия, области, простирающиеся от Ливии до Нумидии и Гадира, Парфия, Персия, далее — восточная Иверия, Ассирия, Гиркания и все страны, которые окружены водами больших восточных рек. Мало этого, они не упу-

стили из виду даже стран, склоняющихся к северу; но разделили и их по жребиям. Потом один выхвалил доставшиеся ему по разделу владения, находя, что они очень изобильны конями и доставляют большие подати, и превознося свое счастье; другой... рассказывал о необыкновенном богатстве своих владений разными благами. Те спорили из-за раздела каких-нибудь городов; другие менялись своими уделами и брали вместо них другие города и пределы. Особенно домогались некоторые получить в удел привлекательную своею славою Иконию.

Ворота города Константинополя и часть цепи, которая была протянута через залив для ограждения гавани от неприятельских нападений, они отослали вместе с большею частью судов к своим соплеменникам в Сирию и вместе с тем разослали повсюду вестников с объявлением о взятии города.

Когда надобно было им избрать себе императора, они собрались в большой храм споспешников христовых, — обыкновенное место своих собраний для общего рассуждения о делах, — и сначала решили сообразно с одним из своих отечественных обычаев поставить рядом четыре чаши, из которых одна должна была содержать в себе бескровную жертву, и потом предоставить священнослужителям при поименовании каждого из избираемых на престол брать по одной чаше и подносить ему; так, чтобы тот, кто получит сосуд, вмещавший божественное тело и кровь Христову, предпочтительно пред другими был избран на престол. Но венецианский дож Дандоло положил разрешить вопрос подачею голосов. Поэтому выбрано было со стороны французов и лангобардов⁵ пять человек избирателей, из числа знатнейших между ними людей и со стороны венецианцев, равным образом, других пять человек.

После этого по большинству голосов жребий на престол выпал Балдуину, графу Фландрскому, благодаря, как все говорили, коварству и ловкости венецианского дожа Дандоло. Будучи слеп глазами и поэтому отказавшись включить себя в число избираемых по жребию на престол, он решил облечь царской властью человека с характером кротким и незаносчивым, наблюдая прежде всего то условие, чтобы собственные владения избранного сколько возможно далее отстояли от границ Венеции, так, чтобы в случае, если когда-нибудь между импера-

тором и венецианцами возникнут взаимные несогласия, императору нелегко было послать в значительном количестве свои войска в пределы Венеции, — другими словами, неудобно было вторгаться в них, опустошать их и грабить, что все, как само собою разумеется, было весьма удобно делать маркизу Бонифацию, которого родина находилась в Лангобардии, так как Лангобардия лежит при море, переезд оттуда в римские владения легок, Венеция ей погранична, и по соседству из нее можно наносить венецианцам множество неприятностей и бедствий. По всем таким, весьма не безосновательным соображениям, Даноло, этот слепец телесными глазами, ясно понимающий очами своего ума то, что оставалось темно и для большей части зрячих, обошел маркиза Бонифация и решил дело так, что венецианцы, согласившись с мнением французов, дали перевес Балдуину, — имея в виду, что Балдуин происходил из отдаленных пределов Галлии, а пределы Галлии на столько же отстоят от Венеции, на сколько Венеция отстоит от римских пределов, что вместе с тем Балдуин расположен к нему всею душою, с искреннею почтительностью, как к отцу, и что он еще не искусился в делах от долговременного опыта подобно маркизу, так как Балдуину не было еще и тридцати двух лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сарацины. Автор говорит здесь о взятии Иерусалима Саладином в 1187 году.

² Иерусалим.

³ П е п л у м — широкое верхнее платье, вроде мантии, составлявшее принадлежность богатого женского наряда.

⁴ Т и м п а н и к — женский головной убор, имевший круглую форму, вроде ручного тимпана, бубна.

⁵ То есть северных итальянцев, кроме венецианцев.

Библиография

- Усама ибн Мункыз. Книга назидания. М., 1958.
- Виллардуэн Ж. Завоевание Константинополя. М., 1993.
- Клари Р. Д. Завоевание Константинополя. М., 1986.
- Заборов М. А. Крестовые походы. М., 1956.
- Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
- Егоров Д. Н. Крестовые походы. Т. 1—2. М., 1914—1915.
- Куглер Б. История крестовых походов. СПб., 1901.
- Лависс Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. Ч. 1—2. М., 1914.

Содержание

Эпоха крестовых походов. Вместо предисловия. <i>М. Тимофеев</i>	5
<i>Геннадий Прашкевич. Пёс Господень</i> (Роман)	37
Список основных действующих лиц и других исторических персонажей, упоминаемых в романе	423
Хроника крестовых походов	442
Крестовые походы в мемуарах и документах	445
Библиография	558

К 80 Крестовые походы: Прашкевич Г. Пёс Господень. Крестовые походы в мемуарах и документах. — М.: Вече, 1998. — 560 с. («Великие войны»)

ISBN 5-7838-0314-6

Очередной том новой серии «Великие войны», адресованной любителям истории, посвящен одной из самых интригующих эпох в мировой истории — эпохе крестовых походов. В него включены впервые публикуемый увлекательный исторический роман писателя Геннадия Прашкевича «Пёс Господень» и обширная подборка мемуаров и документов о походах крестоносцев.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Генеральный директор *Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В. Еленский*

Главный редактор *С. Дмитриев*

Составитель *М. Тимофеев*

Корректор *Б. Тумян*

Верстка *О. Фирсова*

Разработка и подготовка к печати художественного оформления — «Вече-графика»

В. Крючков, К. Астахов, А. Косарев

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

ЛР № 064614 от 03.06.96

Издательство «Вече», 129348, Москва,

ул. Красной сосны, 24.

Подписано в печать 31.03.98. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Бодони». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 17,5. Тираж 10 000 экз. Заказ № 336.

Отпечатано с оригинал-макета в Тульской типографии.

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ВЕЛИКИЕ ВОЙНЫ
в романах, мемуарах и документах

Геннадий Прашкевич
Пёс Господень

Крестовые походы
в мемуарах и документах

XI-XIII
ВЕКА

